

Лев ВЕРШИНИН

«Бежали храбрые грузины»

Предисловие Анатолия Вассермана
Неприукрашенная история Грузии

Annotation

НОВАЯ книга от автора бестселлеров «Русские идут!» и «Украина – вечная руина». Вся правда об истории Грузии и ее непростых отношениях с Россией. Честный ответ на один из самых острых и болезненных вопросов: почему братский народ, некогда спасенный русскими от геноцида, «отблагодарил» нас ненавистью и кровью?

Есть ли хотя бы крупица правды в обвинениях грузинских русофобов? Была ли Грузия «колонией» России и разве могут «угнетенные» пользоваться равными правами с «угнетателями»? Правда ли, что ироничная переделка лермонтовской строки после войны 2008 года «Бежали храбрые грузины» служит рефреном всей грузинской истории? Почему отважный и талантливый народ потерпел столько поражений и лишился государственности? И есть ли будущее у «независимой Грузии»?

- [Лев Вершинин](#)
 -
 - [Предисловие. Тысячелетние империи](#)
 - [Глава I. Давным-давно](#)
 - [Откуда есть пошло](#)
 - [Основание](#)
 - [Шекспириана](#)
 - [Слева молот, справа серп](#)
 - [Брат за брата в черный день](#)
 - [Вопрос полномочий](#)
 - [Глава II. Миром двух между](#)
 - [Три корочки хлеба](#)
 - [А ну-ка, отними!](#)
 - [На севере дальнем](#)
 - [Эти сложные хайастанцы](#)
 - [Мелодрама с препятствиями](#)
 - [Обрести в бою](#)
 - [Глава III. Зеленая книга](#)
 - [Арабески](#)

- [Глухарина охота](#)
- [Сепаратисты](#)
- [Плоть и кровь](#)
- [Глава IV. Понемногу](#)
 - [Я вижу солнце!](#)
 - [Солнечная ночь](#)
 - [Белые флаги](#)
- [Глава V. Не мальчик, но муж](#)
 - [Jackpot](#)
 - [Money, money, money](#)
 - [In nomine...](#)
 - [Dogs of war](#)
 - [Virtuti militari](#)
 - [God Save the King](#)
- [Глава VI. История нелюбви](#)
 - [Не брат ты мне](#)
 - [Педагогическая поэма](#)
 - [Ликвидация](#)
 - [Проклятые короли](#)
 - [Суженый-ряженный](#)
 - [Лишился вдруг доверия](#)
 - [Реабилитировать посмертно](#)
- [Глава VII. С глубоким прискорбием](#)
 - [По ком звонит гонг...](#)
 - [Нокдаун](#)
 - [Клинч](#)
 - [Нокаут](#)
- [Глава VIII. По тонкому льду](#)
 - [Почти как Коба](#)
 - [Сын за отца](#)
 - [Триумф](#)
- [Глава IX. Замкнутый круг](#)
 - [Шанс](#)
 - [Капитуляция](#)
 - [Патриоты](#)
 - [Агония](#)
- [Глава X. Развод и девичья фамилия](#)

- [С чистого листа](#)
- [Квартирный вопрос](#)
- [С видом на море](#)
- [Глава X. Буйный терек](#)
 - [Перезагрузка](#)
 - [Христа ради...](#)
 - [Жди меня](#)
 - [Спаси и сохрани!](#)
 - [Не бойся, я с тобой!](#)
 - [Горько! Горько!](#)
- [Глава XII. Патриотическая рапсодия](#)
 - [Дидмоуравиани](#)
 - [Старые кони](#)
 - [Résistance](#)
 - [Прагматики](#)
- [Глава XIII. Симбионты](#)
 - [Ученик чародея](#)
 - [А все остальное – Судьба](#)
 - [Фавориты](#)
 - [Акулка районного масштаба](#)
- [Глава XIV. Вестсайдская история](#)
 - [На живую нитку](#)
 - [Просто такая сильная любовь](#)
 - [Позитивный вариант](#)
 - [Волки севера](#)
 - [Жестяной венец](#)
 - [Человек ниоткуда](#)
- [Глава XV. «Порабощение востока»](#)
 - [Окончательная бумага](#)
 - [Союз равных?](#)
 - [Нарушение обязательств?](#)
 - [Отказ в помощи?](#)
 - [Лишение независимости?](#)
 - [Уничтожение династии?](#)
 - [Угнетение?](#)
 - [Унижение Церкви?](#)
 - [Итого](#)

- Глава XVI. «Порабощение запада»
 - Руно с проплешинами
 - Заигравшиеся
 - Раскольники
 - Всем князьям князь
 - Братва
 - Не горюй
- Глава XVII. Бунтари и сатрапы
 - За нашу и вашу свободу!
 - Под игом
 - Шантаж с последствиями
 - Хотим как в Имерети!
 - Странное восстание
- Глава XVIII. Изобретение нации
 - Вишневый сад
 - Под небом голубым есть город золотой...
 - Как закалялась сталь
 - Сколько раз ты встретишь его...
 - Враг твой – друг твой
- Глава XIX. Сделай сам
 - Холодные лета
 - Мовне питания
 - Геть московского попа!
 - Ганьба!!!
- Глава XX. Минное поле
 - Осень патриарха
 - Тайфуны с ласковыми именами
 - За что?
 - За все хорошее
 - Вершки и корешки
- Глава XXI. Splendeurs et misères des courtisanes
 - Которые тут временные...
 - Битва в пути
 - Одни, совсем одни
 - Даешь Стамбул!
 - Кое-что задаром
 - Дружба – Freundschaft

- [Глава XXII. Das ist fantastisch!](#)
 - [Под сенью дружеских штыков](#)
 - [Канатоходцы](#)
 - [Хата с краю](#)
 - [Под шашлычок](#)
 - [Комбат-батяня, батяня-комбат](#)
 - [Лишние люди](#)
- [Глава XXIII. Великий поход на север](#)
 - [Быть может, за хребтом Кавказа...](#)
 - [Тени забытых предков](#)
 - [Drang nach Norden](#)
 - [Варвары](#)
 - [Укрощение строптивой](#)
 - [Пришла беда](#)
- [Глава XXIV. Rule, Britannia!](#)
 - [Мир наизнанку](#)
 - [Шероховатости](#)
 - [Идеалы и интересы](#)
 - [Горе пополам](#)
 - [На бобах](#)
 - [Книга джунглей](#)
 - [Кто виноват](#)
- [Глава XXV. Хочу всё!](#)
 - [Открытое общество](#)
 - [Плоды демократии](#)
 - [Мировая закулиса](#)
 - [Вопрос вопросов](#)
 - [Ва-банк](#)
 - [Блеф](#)
 - [Смена вех](#)
- [Глава XXVI. По всей строгости](#)
 - [Девушка с приданым](#)
 - [Искусство спора](#)
 - [Пацаны](#)
 - [Страстная неделя](#)
 - [В кольце врагов](#)
 - [Восстание ликанов](#)

- [Дары волков](#)
- [Глава XXVII. Всадники апокалипсиса](#)
 - [Диссида](#)
 - [Близнецы](#)
 - [Шайка-лейка](#)
 - [Тоска по Родине](#)
 - [Пробить стенку](#)
- [Глава XXVIII. Быстро, быстро, быстро](#)
 - [День простоять да ночь продержаться](#)
 - [Мальчиши](#)
 - [Расклады и подставы](#)
 - [Спринтеры](#)
 - [Пьеса «Батум»](#)
 - [Две равно уважаемых семьи](#)
- [Глава XXIX. Великий мыльный пузырь](#)
 - [Отзвуки и шорохи](#)
 - [Барин из Парижа](#)
 - [По коням!](#)
 - [Неуловимые мстители](#)
 - [Набат](#)
 - [Народная воля](#)
 - [Ах, как славно мы умрем!](#)
 - [Большой террор](#)
 - [Удивительное – рядом](#)
 - [Герои и мученики](#)
- [Глава XXX. Блудные сыновья](#)
 - [Скучное](#)
 - [Еще скучнее](#)
 - [Ай-ай-ай, товарищи!](#)
 - [На таран!](#)
- [Глава XXXI. Только погибший ответит](#)
 - [Со многими неизвестными](#)
 - [Идея и жизнь](#)
- [Глава XXXII. Последний аккорд](#)
 - [Коса на камень](#)
 - [Он злой, он дерется!](#)

- [Суд Божий](#)
 - [Лекарство от бешенства](#)
-

Лев Вершинин
«Бежали храбрые грузины».
Неприукрашенная история Грузии

На переплете рисунок *Е. Ефремовой*

Предисловие. Тысячелетние империи

Начиная писать любую книгу, а тем более – книгу историческую, автор с самого начала должен ответить себе на простой вопрос: «Зачем?»

Зачем я пишу эту книгу?

Зачем я собираюсь снова и снова представлять взору моего читателя вереницу царей и цариц, племен и народов, год за годом и век за веком творящих свою живую историю на отведенном им богами клочке суши? Что я хочу сказать своим читателям и к чему я хочу их сподвигнуть?

И кто они будут – те самые читатели, которых должно заинтересовать такое тридесатое изложение широко известных событий? Тем более если события эти – история гордого, но все-таки маленького государства и создавшего его столь же гордого, но маленького народа, расположенного между отрогами Кавказа, Черным и Каспийским морем?

Читатели исторических книг – народ ушлый и подкованный. Им нужна всегда не просто история, а История с Большой Буквы. Так, чтобы брало за душу и чтобы гремело, лязгало и кричало на каждой странице. Иначе – можно просто снять с полки томик Большой Советской энциклопедии, а то и зайти в Интернет и просто почитать в Википедии статью с названием «Грузия».

Сухих фактов в истории полно – но нам, читателям, интересны интерпретации, живые истории и яркие рассказы о прошлом. Мы хотим понимать людей, хотим чувствовать их мотивации и осознавать их поступки. И всегда невольно задаем вопрос: «А как бы я это сделал? Как бы я поступил на месте царицы Тамары или же Давида-Строителя?»

Мы постоянно примеряем историю разных стран и биографии многих исторических деятелей именно на себя, пропуская через свой чувственный опыт и свою логику все события, происшедшие вдали от нас и в далеком, ушедшем давным давно в Лету, прошлом.

И вот тут, в рассказе об истории Грузии, нас ждет неожиданный сюрприз. Раз за разом, страница за страницей в этой книге, читая об

историческом пути Грузии, мы будем вспоминать историю... России.

История громадной континентальной империи Евразии сюжетно очень похожа на историю небольшой «империи Кавказа», которую снова и снова будут стараться выстроить грузины на своих цивилизационных «шести сотках кавказской земли».

Да, в истории России гораздо больше побед и гораздо больше завоеваний. Так получилось в истории: русские исторически зародились на продуваемой всеми ветрами и открытой со всех сторон врагам Восточно-Европейской (Русской) равнине. Желание выжить любой ценой довело историю России до отрогов Кавказа и до Камчатки, до Сахалина и до Новой Земли, до Алтая и до «трофейного» Калининграда.

Историческая судьба Грузии сложилась иначе. Уютные и защищенные горные долины Закавказья были идеальными «яслями» для грузинского этноса, носившего на своем историческом пути несколько имен. Ребенок вырос – и ясли стали для него малы. Имперская сила – та же, что сподвигла Россию на многовековой поход к Тихому океану, привела ее в Среднюю Азию и в Закавказье – двигала и Грузию. Но Грузия так и не смогла в итоге выйти из своих закавказских ясель, так и осталась в статусе лишь «первого парня на деревне», а не «римлянина, правящего Кавказом».

Ведь что греха таить: римская идея – «править, а не царствовать» – всегда была столь же близка Грузии, сколь она пронизывает все и вся в исторической мифологии России.

Однако для Грузии история припасла жестокую ловушку: будучи такими же носителями имперской идеи, грузины – в силу своего характера и особенно в силу своих исторических условий – так и не смогли реализовать эту римскую имперскую идею на своем историческом пути.

Да, не хватило ресурсов. Да, враги оказались сильнее и коварнее. Да, география, поддержав грузин на начальном этапе их пути, потом сыграла с ними злую шутку. Да, не хватило холодного ума и трезвого расчета – и горячая кавказская кровь раз за разом обрушивала вроде бы уже начавшее выстраиваться здание империи.

Да, это история. Да, это кривое зеркало того, что могло произойти с Россией – и что в итоге сегодня, после тысячелетней истории, произошло с Грузией.

Зачем пишут книги по истории?

Потому что их интересно читать. Потому что это – книги про нас с вами. Кем мы могли стать, кем мы стали и возможно – кем нам предстоит стать, если мы повторим ошибки и заблуждения прошлых лет.

Ну а как же Грузия?

Сможет ли она стать тем, чем хотела стать всю свою историю?

«Идущий впереди – мост для идущего позади» – говорят грузины.

Я верю – настоящая история никогда не заканчивается. И история Грузии – продолжается.

История Грузии продолжается.

История России – тоже.

Анатолий Вассерман

Глава I. Давным-давно

Откуда есть пошло

О самых древних временах говорить не будем. Все равно точно ничего не известно. Ежели кому-то хочется подробностей, читайте классику. Преподобного Леонтия Мровели, например, чью информацию, собранную в первых частях *«Картлис Цховреба»*, я буду, во избежание сложностей, использовать дословно. Или, допустим, *«Мокцеваи Картлисаи»*. Тоже неубиенная классика. А потому, пропуская времена настолько былинные, что даже подумать страшно, ограничимся немногим. Итак, спустя много столетий после того, как Гайоз, праотец всех армян, вместе с младшим братом Картлосом, праотцем всех грузин, и другими братьями, тоже праотцами – мегрелов, сванов и других кавказских народов, пришел на Кавказ и распределил, что кому будет принадлежать, на территории нынешней Западной Грузии существовала Колхида. Уже нечто вроде государства, с наследственной короной, дружиной, земледелием, ремеслами, торговлей и прочими признаками бесспорной цивилизации. Насчет этнической принадлежности, опять-таки во избежание чьих-то обид, скажу только, что жили там, судя по всему, эгры (предки мегрел), чаны (предки сванов), апсилы и другие племена (предки адыгов). А также, но сильно южнее, лазы. И, безусловно, греки. Начиная с аргонавтов, они полюбили приятный субтропический край, понемногу основали колонии и зажили полной жизнью, причем, в отличие от итальянских, сицилийских и крымских сородичей, с местным населением не враждовали, а ладили, установив для них планку типа «ну да, варвары, конечно, куда ж деваться, но высшего сорта». Когда пришли персы, подчинились, а куда ж деваться, и платили дань (несколько сотен детей в год), однако сатрапией все же не стали, скорее всего, потому, что Ахеменидам было влом посылать войска на далекую периферию, которая и в «вольном статусе» вела себя хорошо.

Вот, собственно, и все, что знаем мы о самом давнем прошлом территории, простиравшейся некогда примерно от реки Псоу до сильно южнее нынешнего Батуми. Впрочем, история собственно Грузии, восточнее хребта, ведома еще скуднее. Возможно потому, что ее до конца IV века до н. э., строго говоря, и не было. В Колхиде было,

у осетин, согласно преподобному Мровели, было, а у «иверов» (будущих картвелов) увы. Только союз родственных племен, и у каждого свой стольный поселок, собственный старейшина-мамасахлиси, а первым среди равных считался босс поселения Мцхета. Об этих временах до нас не дошло даже легенд, зато точно известно, что в VI веке до н. э. в Мцхету прибрали первые евреи. По версии грузинских историков, «бежавшие из Иерусалима, занятого вавилонским царем Навуходоносором». Но мне, если честно, кажется, что из числа отпущенных полувеком позже с правом идти куда хотят персом Киром Великим, покорителем Вавилона. В самом деле, от Палестины до Мцхеты в те времена, да в условиях вавилонского всемогущества, добраться было, мягко говоря, проблематично, а вот из среднего Ирака – как раз, да и возвращаться в Иудею, под крышу хмурого фанатика Эзры, вставшего там у руля, едва ли хотелось всем поголовно. Как бы то ни было, пришли. Были радушно встречены, получили землю под поселение и зажили спокойной жизнью, охотно принимая в свои ряды всех, кого привлекало единобожие. Так что (это уже не преподобный Мровели сообщает, а я так думаю) коренные грузинские евреи, считающие себя в первую очередь грузинами, а потом уже кем-то еще, вполне может быть как раз и есть потомки иверийцев-неофитов, принявших веру экзотических, но умных и тороватых пришельцев.

Основание

Собственно же история Иверии начинается с Александра Македонского. Вопреки рассказам летописцев, что Двурогий туда заходил, но, естественно, был побежден, восхитился мужеством будущих грузин, помирился с ними и заключил договор о дружбе и взаимопомощи, на самом деле сын Зевса и Филиппа прошел мимо, видимо, даже не особо заметив, что там слева по ходу. Однако ясно и неоспоримо, что лет через 30 после смерти великого завоевателя войны диадохы, делившие наследство шефа, затронули до тех пор сонный край напрямую, вынудив племена встрепенуться. Иверия, судя по всему, угодила в эпицентр разборок между Селевкидами, претендовавшими поначалу на всю Азию от Босфора до Инда, и царями Понта, с точкой зрения наследников Селевка не согласных. Именно в этот период разворачивается война между уже не мифическими и даже не совсем легендарными Азо (правитель вассальной понтийцам Колхиды) и неким Фарнавазом, по официальной версии, родственником мамасахлиси Мцхеты и персом по матери, избранным военачальником всея Иверии на период войн.

Как и что там было, в подробностях опять-таки неведомо, разные слухи ходят, но факт есть факт: в конечном счете, заручившись помощью мощного по тем местам осетинского царства, каких-то горных варваров и тех колхов, которым власть Понта не нравилась, Фарнаваз войну выиграл. Однако власть после победы – как многие и до, и после него – из рук уже не выпустил, став, таким образом, первым «царем» всея Иверии (а на какое-то, хотя и явно недолгое время, видимо, и гегемоном Колхиды). Спустя же еще некий срок и царем без кавычек, поскольку Антиох Селевкид (первый или второй, непонятно) прислал ему диадему. Естественно, новоиспеченный монарх достойно отблагодарил вожда горцев и царя осетин, без помощи которых независимость Иверии не состоялась бы. Столь же естественно последовали реформы. Такие же, как и везде при подобных обстоятельствах. Старейшин попросили впредь не беспокоиться, маленькая, но гордая страна была обустроена по образцу империи Ахеменидов: поделена на области, возглавляемые

губернаторами-эриставами, подобно персидским сатрапам имевшими как административные, так и военные полномочия. Разумеется, завязалась сеть нужных браков, обеспечивших на какой-то период мир. И жизнь потекла своим, уже вполне историческим чередом.

Не без усилия воздерживаясь от соблазна перечислить имена царей и описать многочисленные интриги районного масштаба, скажем лишь, что к середине II века до н. э. Иверия попала в зависимость от резко взлетевшей Армении, в конечном счете усадившей на престол в Мхете своего царевича, ставшего основателем второй иверийской династии – Дома Арташесидов, а затем вновь оказалась в эпицентре борьбы больших мальчиков, сперва Рима и Митридата Понтийского, а затем того же Рима и Парфии. Полилась кровь. Однако, помимо вреда, была и польза. Сломав Митридата, а заодно и его союзника Тиграна Армянского, по какому-то непонятному недоразумению известного как Великий, легионы (сперва Лукулла, а затем и Помпея) прошли по Южному Кавказу бульдозером, установив свои порядки в бывшей понтийской Колхиде, а управление ею передав одному из своих вассалов. Мимоходом пострадала и Иверия, однако тогдашний ее царь Артаг, будучи единожды вразумлен, сразу же понял, что лучше не отвечивать, и на его царство надолго перестали обращать внимание.

Шекспириана

Полного покоя, разумеется, не было. Да и не могло быть, учитывая, какой вулкан страстей полыхал на стыке границ могучего Рима, грозной Парфии и еще не вовсе растерявшей амбиции Армении. К тому же время от времени то один, то другой наследник умницы Артага пытался изобразить из себя что-то серьезное, в результате чего приходилось платить, как, скажем, в 36 году до н. э., когда Фарнаваз II (Бартом) себе на голову связался с Антонием. Но в целом около века или чуть меньше прошли спокойно, позволив иверийским Арташесидам, по крайней мере, навести порядок дома, на какое-то время поставив по стойке смирно эриставов, изо всех сил пытавшихся стать наследственными, а в идеале и независимыми от Мцхеты. В итоге в первой трети I века н. э. Иверия, ранее считавшаяся окраиной Ойкумены, неожиданно для многих заявила о себе. Успешно вписавшись в войну Рима с Парфией при Тиберии, царь Фарсман I сумел выбить из Армении парфян и посадить на тамошний престол своего брата Митридата. Позже, правда, случилась так называемая «операция Радамист» (царь попытался окончательно взять Армению под себя, убив брата и заменив его сыном), но итог этой гамлето-макбетовщины оказался печальным: после почти 20 лет войн парфянские Аршакиды прочно усадили на армянский престол парня своего принца. Армения окончательно ушла из зоны римского влияния. Фарсману пришлось (оправдываясь перед Римом) убить родного сына, бывшего армянского царя, объявленного добрым папенькой виновником авантюры, и с этих пор ивериец стал очень послушным, аккуратно помогая Империи во всем, чего та волила пожелать.

Столь же мудро вел себя и его наследник Митридат, помогавший великому Траяну столь активно и самозабвенно, что стал римским гражданином, а сын Митридата, Фарсман III, по прозвищу Квели (Храбрец), удостоился даже приглашения в Рим, где Антонин Пий принял нужного вассала весьма ласково, наградил за верность и подарил некоторые земли Колхиды. Хотя и не всю, как тому хотелось. А потом, как сообщает преподобный Мровели, Храбреца отравили.

Кто, не уточняется. Но, видимо, собственные придворные, и скорее всего, по инициативе парфян, уставших смотреть на интимную близость соседа с вековым оппонентом. Как бы то ни было, сын и наследник отравленного просидел на престоле совсем недолго, внук вообще пропал непонятно куда, и к II веку престол в Мцхете вместо армянских Арташесидов занимают уже парфянские принцы из Дома Аршакидов, третьей династии Иверии. Рим, таким раскладом явно недовольный, помешать не сумел: сами понимаете, сперва Коммод, войн боявшийся, как огня, потом тяжелейшая гражданская, потом приведение себя в порядок, так что около четверти века Иверия, как и Армения, пребывала в тесном, до уровня конфедерации, союзе с Парфией. И надо сказать, жила – не тужила, аккуратно в то время расцветая экономически и развиваясь социально, причем по той схеме, которая много позже будет названа «классической европейской», с феодальной лестницей, ранней формой крепостничества и, увы, новым витком княжеских претензий видеть царя всего лишь «первым среди равных», и не более того. А затем перс Ардашир, сын мага Папака из рода Сасана, поднял мятеж против парфян и положил начало новому Ирану.

Слева молот, справа серп

Сказать, что для кавказских царств такой поворот судьбы оказался неприятным сюрпризом, значит не сказать ничего. Парфяне, некогда дикари дикарями, строили свое царство по культурным эллинистическим лекалам, не стесняясь брать хорошее у всех, кто это хорошее имел, никого в культурном смысле не напрягая, да и вообще исповедовали принцип «Пусть расцветают сто цветов». За персами, пятьсот лет прозябавшими в тоске о былом величии, стояла мощная, крайне своеобразная культура, которую они считали высшей из возможных, как, впрочем, и себя, «истинных арийцев», полагали венцом творения, Арьян же Ваэча, «страну ариев», пупом земли. К тому же и в Иверии, и в соседней Армении престолы занимала родня свергнутых и почти начисто перебитых Аршакидов, которых потомки Сасана официально именовали «кровными врагами», в связи с чем былой режим наибольшего благоприятствования с этого момента стал невозможным, максимумом хорошего в новых реалиях могло стать разве что холодное сосуществование по схеме «ни мира, ни войны». Что какое-то время и имело место, поскольку первые Сасаниды, укрепляя позиции внутри страны, внешней политике особого внимания не уделяли.

Было, однако, совершенно понятно, что от будущего ничего хорошего ждать не приходится, тем паче что Рим, естественный противовес «ариям», аккурат в это время рухнул в беспредел «эпохи тридцати тиранов». Августы сменялись с калейдоскопической скоростью, власть оказалась в руках тупой, мало что в политике понимающей военщины, бурным цветом расцвел сепаратизм, разорвавший Империю натрое, а ко всем прочим прелестям на Балканах появились еще и первые готы, разведывавшие, что там на юге да как. К тому же императорам, более или менее сознающим, что происходит, катастрофически не везло. Умный и сильный Деций погиб в битве с готами, еще один добротный руководитель, Валериан, уразумевший, что на востоке творится что-то не то, был разбит персами и погиб в плену у по-настоящему великого шаханшаха Шапура I, оккупировавшего после этого Армению и вплотную

приблизившегося к иверийским рубежам. Оказавшись перед лицом гибели, Рим концентрировался, выводя войска отовсюду, откуда только можно было, Боспор и Дакия были отданы на съедение готам, но скреплять рассыпавшееся было трудно, а враги рвали Империю на куски. Готы заняли Крым, освоили судоходство, добрались до берегов Колхиды, – и в такой ситуации Империя сделала ставку на маленькое, но воинственное вассальное княжество лазов, обеспечив их всем, чем только в тот момент могла.

Жалеть не пришлось: лазы отогнали готов (те, правда, приходили небольшим числом), затем подчинили другие племена Колхиды – апшилов, абазгов, санигов, – среди которых были и предки нынешних абхазов-адыгов, а потом, войдя во вкус, откусили немалый шмат от Иверии. И в конце концов утвердили свою власть на всей территории нынешней Западной Грузии, основав Эгриси – «царство эгров (мегрел)», по отношению к Риму вассальное, но уже не до такой степени, как полвека назад. В целом, свет в конце туннеля забрезжил лишь на рубеже 80-х годов III века, когда Шапур, наконец, скончался, оставив Иран в руках наследников, оказавшихся, как это обычно бывает, калибром на порядок ниже, а Рим все-таки обрел второе дыхание. В 298 году в Нисибине был заключен «вечный мир», согласно которому царства иверов и армян возвращались в сферу влияния Империи, однако на престоле в Мцхете сидели уже не Аршакиды, удержавшиеся только в Армении, а царь из уже новой династии, младшей ветви потомков Сасана. Что, впрочем, ровным счетом ничего не значило: государственные интересы очень быстро возобладали над кровным родством.

Брат за брата в черный день

Вслед за Римом Иверия – ее уже, впрочем, чаще называли Картли (предположительно от древнееврейского «карт» – «город», то есть «страна городов» типа Гардарики), – и я тоже далее буду называть ее именно так, приняла христианство. Оно, собственно, было там известно и много раньше, хотя версия о визите апостола Андрея Первозванного скорее всего патристический миф, однако не прижилось. А вот проповедница и врач Нино из Каппадокии, позже названная святой, преуспела. Трудно сказать, чем в первую очередь руководствовался царь Мириан, крестясь и принуждая к этому же подданных, – то ли и впрямь неким прозрением, то ли политическими соображениями, однако к середине IV века (конкретно дата варьируется) Восточная Грузия уже была частью христианской Ойкумены (Эгриси решилась на этот шаг намного раньше). Мероприятие, как ни объясняй, было мудрое и крайне своевременное; Картли теперь рассматривалась в Константинополе уже не просто как вассал, но и как «сестра во Христе», что, поскольку главной угрозой были язычники, накладывало особые обязательства. Правда, когда шах Шапур II, коронованный еще в утробе матери, подрос и, оказавшись очень неслабым парнем, начал в 338-м очередной тур борьбы с Римом, на картлийском направлении, как второстепенном, было спокойно. Но по итогам войны (после трагической гибели императора Юлиана и «политической» капитуляции его преемника) Рим вернул Ирану все завоеванное и отказался от «интересов» в Армении. О Картли в договоре не упоминалось, однако было ясно, что персы, пользуясь проблемами Рима, своего не упустят. И они не упустили. Не без труда подчинив Армению, Шапур в 364-м вошел в Картли, обложил царство данью и, не обращая никакого внимания на протесты из Константинополя, посадил в Мцхете своего наместника, понизив роль царя если не до нуля, то близко к тому. Так что договор 387 года, согласно которому спорные земли, наконец, поделили (4/5 части Армении отошли персам, а пятая часть римлянам, Эгриси была признана сферой интересов Рима, а Картли зоной персидского влияния), всего лишь официализировал суровую реальность.

С этого момента Иран взялся за интеграцию Кавказа всерьез. После упразднения в 428-м армянской короны шаханшах Язгарт II развернул масштабную программу упразднения там, а по ходу еще и в как бы независимых Картли с Албанией христианства и замены его поклонением Огню. Поскольку лояльность всячески вознаграждалась, довольно значительная часть знати особо не возражала. Однако «низы», христианство к тому времени воспринимавшие всерьез, отреагировали иначе: в ответ на мощное и крайне бестактное миссионерство, проводимое командированными магами, в Армении и Албании вспыхнуло огромное восстание во главе с полководцем Варданом Мамиконяном. Ирану, правда, ценой жесточайшего напряжения удалось выиграть в 451-м Аварайрскую битву, но условность этой победы была столь очевидна, что проект сочли за благо свернуть. Правда, руководство Картли, в подготовке акции протеста активно задействованное, в самих событиях участия не приняло, мудро рассудив, что поживем – увидим, но купоны состригло: измотанные при Аварайре персы до Мцхеты не дошли, а маги, видя такой оборот, сочли за благо упаковать чемоданы. Есть, впрочем, смысл добавить, что хотя претензии армянских летописцев в какой-то степени справедливы (кارتлийских дружин при Аварайре очень не хватило), отсутствие активности не следует списывать на счет трусости или, тем паче, подлости. Просто царь Митридат VI аккурат накануне мероприятия умер, а его наследник Вахтанг был слишком мал. Так что на какое-то время царство оказалось в руках князей, озабоченных другими проблемами до такой степени, что должное внимание не уделялось даже набегам горцев.

Вопрос полномочий

Дети, однако, имеют свойство расти. Подрос и Вахтанг. Пользуясь тем, что горцы лет за десять достали уже всех, а князьям для общего похода необходимо было знамя, он уже в 16 лет возглавил поход в горы, успешно разъяснив варварам, что они были очень-очень неправы. Проявив себя толковым вождем и поразительно храбрым воином, не знавшим поражения в поединках со взрослыми и суровыми дядями, тинэйджер довольно быстро поставил себя и дома, по ходу дела совершив несколько «самовольных» вылазок на территорию Рима, что очень понравилось шахскому правительству, благо оно ко всему прочему еще и могло с чистой совестью уверять соседей, что центр тут ни при чем, а просто провинциальное начальство бузит. Вахтангу было оказано всяческое уважение, а после более чем успешного участия его в персидских походах на восток, где все сильнее шалили кочевники, благосклонность Ктесифона к молодому картлийскому вассалу вообще утратила всякие границы. Чем тот, разумеется, и воспользовался (парень был активен и честолюбив) для возвращения утраченных полномочий и превращения царства опять в царство. Для начала привел в чувство совершенно утративших тормоза святых отцов, выслав из страны архиепископа Микаэла, позволявшего себе бить монарха ногами по зубам и сообщив в Царьград, что хочет иметь свою собственную церковь, а иначе, блин, можно и насчет Огня подумать, благо предложений море. В Константинополе, понимая, что сосед вспыльчив и на всякое способен, покряхтели, но согласились, предоставив Картлийской Церкви статус автокефальной, а ее главу признав Католикосом, практически равным по статусу Патриарху Константинопольскому.

Успех окрылил, и все пошло по накатанному пути: сперва несколько походов в горы, чтобы еще больше привязать воинов, а затем, добившись любви силовых структур, конфликт с князьями, совершенно забывшими, кто они, а кто царь, жалобы князей шаху, мол, тут, ваше величество, ваших верных слуг обижают, попытка наместника (тоже из князей) выступить в роли арбитра, – и убийство наместника по приказу царя. Что, естественно, не могло остаться без

реакции. Шах двинул войска, Вахтанг ушел в горы и, возможно, все бы было кончено очень быстро, но полыхнула Армения, князь Ваган Мамиконян, племянник Вардана, пришел на помощь картлийцам, а это было уже серьезно. В 483-м фактически повторился Аварайр: в битве на Чаманайнском поле персы победили, но такой ценой, что уйти удалось даже некоторому числу армян; преследовать же Вахтанга, ускокавшего в Эгриси, под крыло римлян, каратели даже не пытались. А затем, очень кстати, в Иране началась «революция» Маздака, очень долгая, разрушительная и кровавая, так что царь спустя пару лет не только вернулся в Мцхета, но даже и на какое-то время ощутил себя независимым государем, прижав князей и основав новую столицу, Тбилиси, где старая знать не чувствовала себя так вольно.

А потом персы, слегка уладив внутренние дела, пришли исправлять недоделки. Договориться не получилось: эмиграция в римские владения, пусть и кратковременная, полностью и бесповоротно сделала Вахтанга в глазах шахского правительства персоной *non grata*. В битве у Самгори на реке Иори царь, дравшийся, как всегда, в первых рядах, был смертельно ранен, а его сын Дачи, сделав должные выводы, повел себя в соответствии с обстоятельствами. Причем, судя по всему, более чем адекватно, ибо в 510-м персы, упразднив в рамках очередной административной реформы корону Албании, в Картли царскую власть все же сохранили. Аж до 523 года, когда шах Кавад потребовал от Гургена, внука Вахтанга, отречься от христианства и поклониться Огню. Понимая, что согласие чревато переездом в Ктесифон и пенсией, царь требование отклонил. Но, поскольку армяне, измотанные двумя восстаниями, на сей раз поддержку не гарантировали, а Рим в тот момент войны с Ираном не планировал, не стал и являть героизм, вместе с семьей, короной и казной эмигрировав в Константинополь. Царская власть в Картли была упразднена, и страна превратилась в обычный иранский остан.

Глава II. Мир двух между

Три корочки хлеба

У всякой медали две стороны. Исчезновение Картли с карты Южного Кавказа изрядно облегчило жизнь Эгриси. При жизни Вахтанга, решительного, агрессивного, да еще и до поры умело разыгрывавшего карту родства с Сасанидами, царству эгров, лазов, чанов, апсилов и абазгов пришлось туговато. Если еще в середине V века оно, паря на крыльях успеха, позволяло себе даже порывивать на Рим (царь Губаз I дошел и до прямого шантажа, кончившегося, правда, показательным покаянием в Константинополе), то позже, до самой гибели картлийского царя, звезда удачи заметно потускнела. Главной целью князей Западной Грузии стало, в основном, потерять как можно меньше кровного. Однако Вахтанг погиб, и амбиции вернулись. Тем паче что Иран, заинтересованный зайти стратегическому противнику во фланг, не жалел обещаний, упирая на то, что вот, мол, римляне считают вас слугами, а для нас вы братья и можете быть союзниками, а на судьбу Картли внимания не обращайтесь, они сами виноваты. Лазы в ответ делали вид, что готовы поверить, с удивительной для провинциалов ловкостью разводя шаха и его спецслужбы. Цатэ, сын царя Дамназа, даже снял крест и поклонился Огню, после чего обрадованные персы обеспечили Эгриси массу преференций. Однако в 523-м, похоронив батюшку, тот же Цатэ вместо того, чтобы делать тайное явным и оформлять договор о союзе, вновь крестился, пояснив, что и рад бы, дескать, всю жизнь славить Ахурамазду, но вот народ, закосневший в христианстве, не поймет. Сообразив, что его одурачили как пляжного лоха, шах направил в Эгриси карательную экспедицию, однако персов уже ждали готовые к бою легионы, пришедшие из благодушно наблюдавшего за раскруткой интриги Второго Рима. В итоге персы, рассчитывавшие бить лазов, столкнулись с ромеями и были биты сами, с немалым трудом и потерями откатившись назад, в остан Картли. После чего в двух пограничных крепостях, Сканде и Шорапани, по просьбе царя Эгриси встали ромейские гарнизоны.

Далее, правда, случилось странное. Согласно договору, поставку продовольствия союзникам должны были осуществлять окрестные села, однако спустя несколько месяцев припасы перестали поступать,

и ромеи, принужденные выбирать, заниматься ли реквизициями или, плюнув на все, уйти, выбрали второе. Мутная история, если честно, не верится мне в жадность крестьян. То есть, конечно, крестьяне всегда себе на уме, но едва ли решились бы по своей воле вымаривать голодом собственных защитников. Скорее всего, имела место какая-то очередная интрига, возможно, царю и его советникам не слишком нравилось присутствие ромеев на территории Эгриси, – во всяком случае, тотчас после ухода ромеев опустевшие крепости заняли персы, что не вызвало со стороны лазов никакого протеста. Типа, заняли, ну и ладно. Вот ромеи, те восприняли ситуацию совершенно иначе, как явное хамство (чем, честно говоря, она и являлась) и, понятно, отреагировали. Но не топорно, а с истинно византийским изяществом, которое, впрочем, в те годы еще не называли византийским. Для начала они официально запросили Иран, намерен ли тот воевать, и только-только занявший престол шах Хосров, еще не прозванный Ануширваном, сообщил, что нет, ни в коем случае, зато готов подписать «мир навсегда». Что и было сделано в 532-м на основе принципа «каждому свое». Персы сохранили Картли в качестве провинции, согласившись в качестве жеста доброй воли не навязывать христианам своей веры и позволить миссионерство так называемым «сирийским отцам», а взамен признали Западную Грузию сферой влияния ромеев и увели гарнизоны из спорных крепостей. После чего по приказу василевса в Эгриси, строго в рамках договоров с персами и лазами («при необходимости имеет право»), были введены внушительные силы, никаких насилий не чинившие, зато в рекордные сроки построившие собственные цитадели, Археополис и Петру. Хотя властям Эгриси это мало понравилось, а еще меньше пришлось им по нраву попытки выяснить, почему же все-таки солдатиков морили голодом, протестовать они не стали и на этот раз. Однако обиделись.

А ну-ка, отними!

Договоры договорами, но что большая драка не за горами, было ясно. Оба геополитических монстра, пережив тяжелые кризисы, вышли из них обновленными, полными сил и амбиций, во главе обоих стояли люди, мягко говоря, талантливые и не лишенные мании величия. И персам, и ромеям нужно было только немного времени на раскачку – Юстиниан восстанавливал власть Империи в Италии, разбираясь с готами (с вандалами и аланами в Африке он уже успел разобраться), а Хосров доводил до ума страну, очищая ее от последствий «революции» Маздака. Однако оба понимали, насколько Эгриси лакомый кусочек в стратегическом плане. В общем, фронт будущих событий тоже был очевиден, и когда в 542-м «навсегда» закончилось, никто особо не удивился. Получив известия о новой вспышке Готской войны, Хосров, выступив во главе большого войска якобы на восток, против кочевников, внезапно оказался на границе Эгриси, где его встретили и провели через перевалы посланцы царя Губаза II, немедленно объявившего, что отныне является верным вассалом шаханшаха. А не василевса, который, понимаешь, войска вводит и какие-то претензии по поводу какого-то продовольствия предъявляет.

Пала Петра, гарнизон которой никак не ожидал подобного фокуса от союзников, и Юстиниан, нуждавшийся в войсках для окончательного решения «готского вопроса», предложил отложить разборки на пять лет, параллельно назначив командующим немногочисленной восточной армии Велизария, имя которого стоило десятка легионов. Предложение было принято. Шах начал интегрировать приобретенные земли, причем, ясно понимая, с какими кидалами имеет дело, сделал попытку устроить в Эгриси переворот, чтобы раз и навсегда избавиться от чересчур похожего на флюгер царя Губаза.

Затея, однако, не выгорела. У потенциального кандидата на престол в последний момент дрогнули нервы и он дал задний ход, а Губаз с этого момента начал писать покаянные письма в Константинополь: дескать, черт меня, дурня, попутал, но теперь я все

осознал, больше не буду и хочу взад. На берегах Босфора такая информация встретила понимание и одобрение. Там уже успели начерно решить проблему с готами (Тотила, «последний король», при всей своей гениальности имел слишком мало сил) и не видели причин не заняться Кавказом поновой. Так что Эгриси снова запылала. Петру, правда, с первого раза вернуть не удалось, зато войско, спешно присланное Хосровом, разбили, после чего крепость сдалась. Правда, в новой ситуации ромейские генералы сочли за лучшее ее просто стереть с лица земли. В испепеленной стране тем временем творился полный бардак. Единой власти, собственно, не было, кто-то еще подчинялся Губазу, но некоторые племена, например, обитающие на крайнем севере царства и почти не обиженные войной абасги, тяготели все же к Ирану, помимо грубой силы ведущему кропотливую работу и по линии спецслужб. В 554-м царь Губаз, судя по всему, вновь затеявший с шахом тайную переписку, был пойман на горячем и наконец-то убит обиженными ромеями. Впрочем, сторонники персов, как выяснилось, не имели сил на реальный реванш, так что в итоге тему закрыли полюбовно: василевс назначил козлов отпущения из числа исполнителей убийства, примерно их наказал, а на престоле утвердил Цатэ II, брата убиенного, дядю немолодого, к авантюрам не склонного и вполне лояльного «братьям во Христе». К этому моменту всем уже было ясно, что война выдыхается на уровне по нулям: ромеи отбили свое, но дальше не шли, у персов восстановить все на желательном для них уровне никак не получалось. Поэтому, потратив пару лет на вялые стычки, в 562 году помирились, оставшись каждый при своем. Иран, правда, выговорил право еще на десять лет поддержать под контролем сванские ущелья, однако по истечении этого срока вывел войска и оттуда. Эгриси же, как была вассалом Рима, так и осталась, но в изрядно попорченном виде.

На севере дальнем

Строго говоря, в результате войны государство перестало существовать. То есть был царь, были флаг, герб, еще какие-то формальности, но эпоха величия лазов и эгров, длившаяся около века, завершилась бесповоротно. В южных, примыкающих к римским границам землях фактическим руководителем стал римский посол, вежливо указывавший царю, что делать. Северные же племена абасгов, апсиров и мисимиян отделились от центра не только фактически, но, в общем, и формально, ко всему прочему еще и выразив явные претензии на роль нового центра объединения Западной Грузии. И вот тут, куда же деться, придется сделать не для всех приятное отступление. Конечно, большинство грузинских историков считает иначе, но были все эти племена, некогда, в период взлета, подчиненные Эгриси, не лазами, не эграми и не чанами, а, так сказать, прото-адыгами. Тогда это, правда, мало кого волновало, национализм в духе просвещенного XXI века был не в ходу, но смешение населения шло в основном на уровне знати, а также в портовых городах, с их греческим (или космополитическим) духом. Даже в эпоху расцвета Эгриси подчинение северных племен центру было в немалой мере условным: жили они по своим адатам, а управлялись собственными «малыми царями» из древней знати (у абасгов, согласно Прокопию, было аж два княжества). И были – в сравнении с лазами, практически влившимися в Ойкумены, – диковаты, но очень воинственны, имея свое мнение насчет происходящего в мире. В период Великой Войны, когда персы, казалось, одолевали, «цари» абасгов, самого, видимо, продвинутого из племен севера, даже попытались объявить независимость, пригласив на помощь ограниченный персидский контингент и присягнув шаху. Константинополь такую инициативу, естественно, пресек в корне и жестко, прислав десант. Однако выводы сделал верные: поскольку юг и так бы никуда не делся, там поблажек никому не давали, зато в север стали вкачивать большие деньги, активно внедряя не очень популярное в сельской местности христианство, строя храмы и не обращая внимания при этом на распилы и откаты, очень понравившиеся туземной знати. Помимо

прочего, вельможную молодежь десятками начали вывозить на обучение и воспитание в столицу Империи, где юнцы воспитывались в лучших домах, проникаясь соответствующим духом. Так что, когда война, наконец, завершилась, оказалось, что территория бывшей Эгриси состоит из двух частей: очень-очень вассальной Лазики под боком у Империи и северных территорий, взятых ею под прямое управление в качестве провинций. Бывший центр наверняка дико злился, но население аннексированных территорий ничуть против аннексии не возражало, поскольку «верхам» достались высочайшие титулы, пенсии и видимость власти, а «низы», при условии христианского вероисповедания, обрели все права и льготы подданных василевса. Лет на тридцать жизнь этих краев стала частью внутренней жизни Империи. Правда, как показала жизнь, понятие о верности у племен севера мало отличалось от аналогичного на юге, у лазов, надзор требовался постоянный, однако пока серьезных конкурентов под боком не имелось, никаких осложнений не возникало, а что потом, так ведь то потом.

Эти сложные хайастанцы

Свою порцию купонов с неудачи Ирана состригли и князья остана Картли. Они вполне ладили с персами, даже помогали тем ликвидировать царскую власть, однако теперь, став сами себе хозяевами, тяготились наличием наместника. После нескольких обращений в Ктесифон на предмет, что, дескать, учитывая лояльность и особые исторические обстоятельства, статус провинции в составе империи неплохо было бы и повысить, гордые картлийские мтавары пришли к выводу, что если не надавить, центр так ничего и не услышит. Благо обстановка предрасполагала. Если Картли, считавшуюся, как-никак, коронным владением Дома Сасана, шахское правительство практически не ущемляло и даже налоги взимало льготные, то соседнюю Армению обирали по-крупному, ко всему еще и унижая, а армянские нахарары были не те люди, в общении с которыми хамство сходило с рук. Есть, правда, точка зрения, согласно которой персы сознательно провоцировали армян на мятеж, рассчитывая вслед за тем покончить с некоторыми особо подозрительными фамилиями, и если так, можно сказать, они своего добились, но, в любом случае, для картлийских «умеренных сепаратистов» весь этот расклад был очень и очень к месту. Когда очередной вождь из неугомонного рода Мамиконян, на сей раз Ваан, наконец поднял знамя восстания, обратившись за помощью к всегда готовым нагадить соседу ромеям, лучшие люди Картли примкнули к армянам, войск, правда, послав немного, зато развив немеряную дипломатическую активность, заявив, что суверенитет страны восстановлен (в какой степени и какой форме – благоразумно умалчивалось) и высшая власть отныне принадлежит – нет, не царю, царя над собой они не хотели, – а Совету во главе с номинальным «спикером» – эрисмтаваром, никакой реальной власти не имевшим, зато олицетворявшим собою тот факт, что государство опять существует (не будет ошибкой сказать, что новообразование чем-то напоминало нынешние Эмираты, хотя было куда более аморфным). Первым «главой Верховного Совета» был избран мтавар Гуарам из рода Багратиони.

И вот тут, куда же деться, придется вновь, как и в случае с Северной Эгриси, вспомнить о сложном. Вопрос о происхождении этого рода для грузинских историков настолько деликатен, что полшага в любую из сторон карается десятью годами морального расстрела с конфискациями. Непонятно, правда, почему, в конце концов, никого не беспокоит ни персидское происхождение первой и четвертой династий, в том числе великих Фарнаваза и Вахтанга, ни парфянское третьей, ни даже армянское второй. А вот на вопросе о Багратиони – замыкает. С тем, что некие древнееврейские корни есть, согласны, но далее положено считать, что чистые грузины – и никто более. Хотя, ежели подумать, версия о происхождении этого (реально древнейшего) рода от еще ахеменидских времен вельмож из дома Оронта, правивших сатрапией Армения, ничуть не противоречива. В ее пользу говорят и наследственные имена (ну хоть убейте, Ашот и Смбат никак не картвелы), и обладание колоссальными землями и авторитетом в Армении. И даже, если уж на то пошло, факт избрания «первым среди равных» именно Гуарама (когда все сами себе главные и уступать равному никто не хочет, всегда выдвигают на первую роль кого-то, пусть чуть-чуть, но отличающегося от остальных, лучше всего, слегка чужака). Впрочем, ладно. Как бы то ни было, василевс Юстин II обласкал мятежников, признал Картли союзным государством, а председателю даровал звание куропалата, третье по списку в придворной табели о рангах. Это было столь престижно, что должность стала прозвищем. Военные действия, правда, не задались, Хосров (давно уже Ануширван) был противником страшным, но по итогам, даже отступив, римляне отказались выдать Ваана Мамиконяна и требовали признать Картли не провинцией Ирана, а вассалом. Трудно сказать, чем бы все кончилось, но бессмертных нет: великий шаханшах умер, а его сын, Ормизд IV, не слишком прочно сидя на престоле, принял предложения, не устраивавшие отца. Армяне, правда, как всегда, остались крайними, но Ваган Спарпет обрел статус политэмигранта, а картлийский эрисмтавар Стефаноз I, наследник Гуарама, стал вассалом шаха, получив еще и наследственный титул патрикия, первый в имперском придворном реестре. А затем начался сплошной Болливуд.

Мелодрама с препятствиями

Шах Ормизд недолго продержался на престоле. Слабый и вспыльчивый, он настроил против себя генералитет, в том числе и эранспасалара Варахрана Чубина, победившего считавшихся неодолимыми «белых гуннов», и в 589-м был свергнут и убит вместе со всей семьей, уже в самый последний момент успев отдать тем верным, кто еще был рядом, маленького наследника Хосрова и наспех накарябанное письмо василевсу Маврикию – «Враг мой, будь отцом сироте!». Маврикий, детей любивший (у него самого была большая семья), не только принял мальчика, но и объявил его своим сыном, а затем послал войска помочь сторонникам Дома Сасана, уже поднявшимся против узурпатора. Все кончилось достойно: Хосров II, успевший года полтора пожить в семье василевса на правах сына, вернулся в Ктесифон, короновался, и отношения Ирана с Империей лет десять если и не были вовсе безоблачны (политика есть политика), то, по крайней мере, хороши, и вопросы решались в личном порядке. А в 602-м в Константинополе произошел военный переворот, грубый и грязный, очень похожий на случившееся в 1980-м в Либерии. Узурпатор Фока, тупая горилла в чине примерно капитана, учинив дикую расправу над семьей свергнутого Маврикия (не пощадили даже младшего, годовалого сына и женщин), богатыми дарами выхлопотал прощение Церкви, а потом послал еще более богатые дары шаханшаху и его визирям, предлагая жить дружно.

И тут следует сказать вот что. Можно сколько угодно высказываться на тему, сколь выгодный *casus belli* выпал молодому Хосрову, но не следует забывать, что именно в этот момент Ирану, пережившему подряд Великую Войну, нашествие гуннов и две гражданочки, мир был необходим, как никогда. По логике, следовало предложения Фоки принять, а нарушить слово позже, когда страна усилится. Вот только тогдашним персидским нормам жизни такой разумный вариант не соответствовал совершенно; шах не успел даже запросить сословия, как быть, а сословия уже сами потребовали от него воевать. Дальнейшие события невероятно интересны, но лежат вне рамок нашей истории; достаточно сказать, что война началась и

шла невероятно успешно для персов, словно само небо карало Фоку. Однако после того, как приемный отец был отомщен, а путчист умер мучительной смертью от рук заговорщиков, война не прекратилась: в силу вступили политические соображения, а новому василевсу, Ираклию, шаханшах ничем обязан не был. В какой-то момент под властью Ирана оказалась почти вся территория Второго Рима, кроме европейских областей, вплоть до Египта, персы дважды осаждали и Царь-град; что до грузинских земель, то Лазика персов на сей раз не интересовала, а Картли война задела самым краешком, однако элита царства без царя во главе с «первым из первых» Адарнасе Багратиони все же сочла за лучшее временно эмигрировать, оставив руль приверженцам иранской партии.

Обрести в бою

Перелом наступил лишь на исходе второго десятилетия VII века: военные действия, пусть сколь угодно успешные, все же выматывали Иран, Ираклий оказался очень толковым управленцем и воякой; ему удалось мобилизовать силы, создать новую армию и перейти в атаку. В 623-м василевс с небольшим войском высадился на севере бывшей Эгриси, обаял тамошнюю знать невероятно уважительным, учитывая разницу статусов, обращением и получил полную поддержку. Причем не только абасгов и апсилов, но и, с их помощью, хазар – хозяев поволжских степей и предгорьев Северного Кавказа. Колесо завертелось в обратную сторону. Уже по итогам первого из трех своих больших походов Ираклий вернул многое, что было потеряно за предыдущие 20 лет, и при раздаче наград одним из первых стал полководец Анос, абасгский князь, сыгравший огромную роль при формировании ополчения, а затем и в боях: кроме почестей, сокровищ и придворных чинов ему был пожалован титул «архонта», положенный по законам Второго Рима правителям независимых союзных государств. Этот акт, собственно, и означал признание Абасгии суверенным княжеством, находящимся в особых (но не вассальных) отношениях с Римом.

В 627-м Ираклий начал свой последний, третий поход, на сей раз через Картли, причем, учитывая тенденцию, к беглому эрисмтавару Адарнасе, бывшему в его свите, пошли люди, ранее обожавшие шаханшаха. На этот раз, впрочем, римляне и подошедшие с севера хазары Тбилиси, где засели самые упертые поклонники Ирана, штурмовать не стали, только слегка, для острастки, побомбили, а затем двинулись на юг, где у руин Ниневии состоялось генеральное сражение, окончательно показавшее, что звезда Хосрова, слишком рано названного Парвизом (Победоносным), закатилась. Год спустя был заключен мир, по условиям которого Рим вернул себе не только все утраченное, но и Армению, а Картли получила статус вассала, по имперскому счету лишь чуть-чуть ниже дарованного Абасгии, – но ведь и вклад абасгов и апсилов в общую победу был куда больше. Правда, за пару месяцев до того хазары успели все-таки взять и

разгромить Тбилиси, но вернувшегося в столицу эрисмтавара это вряд ли сильно огорчило: все хлопоты по восстановлению города добрый василевс взял на себя, благо добычи хватало на все. Казалось, наступал золотой век, чему радовались все. Но долго радоваться не получилось. Пришли арабы.

Глава III. Зеленая книга

Арабески

Причины, казалось бы, труднообъяснимого обрушения двух мировых держав под ударом выскочивших из пустынь варваров, которых, к тому же, было не очень много, давно изучены и разъяснены. Карта так легла. Во-первых, варварам такие фокусы очень часто удаются. Во-вторых, оба монстра, и побежденный Иран, к тому же переживший после поражения тяжелую гражданскую войну, и победитель-Рим были вымотаны до предела. В-третьих, Египет и Сирия дико устали от затянувшейся борьбы сект, не без крови выяснявших, какова же все-таки сущность Христа, и были рады простому, без затей единобожию. Но главное, арабы первого поколения, не жестокие и очень практичные, реально несли закон, порядок и снижение налогов. Так что все у завоевателей получалось, и даже без особых (не считая трех-четырёх крупных сражений) усилий. Уже после разгрома армии василевса Ираклия в Сирии арабы, развивая успех, дошли до Армении и взяли ее столицу, крепость Двин, выйдя к границам Картли, однако пересекать их не стали; это был только первый, пристрелочный набег.

Очередь Южного Кавказа пришла лет через пять-семь, после окончательного разгрома персов в бою у Нехавенда (652-й) и второго разгрома ромеев, на сей раз в Армении (654-й), после которого эрисмтавар Стефаноз II мгновенно капитулировал перед вождем мусульман Хабибом ибн-Масламой, сдав Тбилиси и преклонив колена. Арабов это вполне устроило. Покорной стране была выдана «Охранная грамота» (типа, здесь крышуем мы) и начислена вполне умеренная дань, один динар с дыма в год. Естественно, желающие принять ислам освобождались от всех налогов и получали массу преференций. Гарнизонов в стране доверчивые сыны пустыни не оставили, положившись на клятвы, поскольку сами, дав слово, нарушать его пока еще не умели. Но прогадали. Когда в Халифате начался первый тур гражданских войн, эрисмтавар Нерсе I, прозванный за сей подвиг Великим, платить отказался и установил контакты с Римом, еще надеявшимся развернуть историю вспять. Однако как только арабы достигли консенсуса и пост халифа прочно закрепил за собой Дом

Омейя, сразу стало ясно, кто в доме хозяин. Картли обиженные варвары просто оккупировали, поставив в Тбилиси и ключевой крепости Цихе-Годжи сильные гарнизоны, хотя разорять и особо обижать население не стали, затем (697-й) добрались и до Запада, оккупировав Лазику, где чуть раньше ромеи упразднили пост царя, заменив его наместником в ранге патрикия, в связи с чем этот самый патрикий Сергей, сын Барнука, сдал княжество арабам в обмен на обещание вернуть ему царский сан. Видя такое дело, не стали геройствовать и северные княжества: апсилы приняли в свои крепости арабские гарнизоны, присягнули Халифату и абасги. Хотя и ненадолго: в 711-м блестящий ромейский стратиг Лев, будущий василевс и основатель Исаурийской династии, сумел восстановить власть Империи в Абасгии и Апсилии. Но не более того. Вся Эгриси осталась под властью воинов Аллаха, по мере погружения в цивилизацию становившихся все более жесткими и требовательными. Однако на востоке дела обстояли куда хуже. Мало того, что в качестве штрафа за героизм покойного Нерсе Великого арабы переписали «Охранную грамоту», резко увеличив дань (динар уже не с дыма, а с души) и введя поземельный налог, то есть переводя Картли в ранг обычной провинции, так они еще и сделали вылазку на север, слегка пограбив хазарские вежи. Хазары, разумеется, отреагировали и начали по два раза в год формально мстить, а фактически грабить, справиться же с ними полностью и навсегда никак не получалось даже у арабов.

Глухариная охота

Весы постоянно качались, военачальники сменяли друг друга, удача улыбалась то арабам, то хазарам, время от времени пару слов вставляли ромеи, а отдувалась за все несчастная страна, на зеленых полях которой было так удобно решать вопросы. Правда, под сурдинку картлийскому начальству удавалось лавировать между сражающимися, урывая льготы и у тех, и у этих. Аж до тех пор, пока в Дамаске не решили, что хватит. А когда решили, на Кавказ был командирован принц крови Мерван ибн Мухаммед, лучший полководец Дома Омейя, по прозвищу Кру (Глухой) – то ли потому что, как говорят грузинские историки, «был глух к жалобам», то ли просто за тугоухость. Так или этак, но этот шутить не умел. Вступив весной 735 года в Картли, он разрушал все, что попадалось на пути, впервые со дня первого появления арабов казня князей за нежелание принять ислам. Затем перешел в Западную Грузию, одну за другой захватил все укрепленные пункты и уперся в стены мощной крепости Анакопия, где прятались бежавшие из Картли братья Арчил и Мир, с которыми у арабов были какие-то свои давние счеты. Взять хорошо укрепленную цитадель означало прорваться в Абасгию, однако сделать этого Глухому, при всех талантах, упорстве и жестокости, не удалось; архонт Леон II организовал оборону очень эффективно, а к тому же еще в войске Мервана вспыхнула эпидемия. Так что после серии неудачных штурмов осаду пришлось снимать. Особым ударом по репутации Мервана этот афронт не стал. Тактическую неудачу под Анакопией он вскоре и многократно затмил серией блестящих побед над хазарами, добравшись едва ли не до мест, где ныне стоит Волгоград, что вскорости обеспечило ему избрание на пост халифа, однако и для Колхиды событие стало судьбоносным.

Такого ни с Мерваном, ни с арабами вообще еще никто (кроме хазар) не делал, так что пиар пошел далеко и круто. В Константинополе праздновали. Лев Исавр, уже василевс, негромко ввел войска в Лазику, назначив правителями (грузинские историки говорят «царями», но это, естественно, только их видение) героев анакопийской страды Мира и Арчила. Архонт же Леон II, справедливо

слывший главным виновником торжества, удостоился всех видов поощрения, в том числе, кажется, и звания «кесаря», то есть суверенного союзного Империи монарха. С этого момента Дом Аноса входит в число уважаемых не только в регионе династий, браки чьих угодно сыновей и дочерей рассматриваются уже не как мезальянс, а как нечто вполне естественное. Но главное, начинается неторопливая экспансия Абасгии на юг. Очень скоро Леон подчинил Апсилию, затем к нему потянулись и южане. Это не было завоеванием. Сильное, богатое, совершенно, в отличие от всех прочих, не разоренное арабами княжество обещало всем закон, порядок и защиту. Поэтому под его крышу шли охотно. В чем-то процесс напоминал формирование много позже Великого княжества Литовского, с той разницей, что для Лазики абасги и апсилы, в отличие от жемайтов, и аукштайты для Западной Руси были не диковатыми чужаками, а своими. С ними много лет жили бок о бок, и их приход воспринимался как что-то вполне естественное, в духе «Наши вернулись». Какие-то региональные князьки были, естественно, против, но наемная хазарская конница «кесаря» имела массу убедительных аргументов. Что же касается Империи, интересы которой движение Леона на юг как бы затрагивало, то для нее здесь была, по сути, прямая выгода: наводить порядок на разгромленной территории куда дешевле и удобнее выходило руками «маленького брата». В это же время происходит и важная терминологическая аберрация. То ли после 906 года, когда столица Абасгии была перенесена в Кутаиси, то ли еще до того название «Абасгия» как-то незаметно уходит из оборота, и новое, занимающее практически всю Колхиду, кроме Южной Лазики, государство начинают называть «Абхазским царством», видимо, подчеркивая, что речь идет уже не только о территории одного племени.

Сепаратисты

Бесконечно жаль, что объем и тема повествования не позволяют нам хоть сколько-то подробнее остановиться на перипетиях Великой Гражданской войны Дома Омейя с потомками Аббаса, по итогам которой – после поражения и гибели Кру, хоть и великого воина, но не устоявшего против целого стада, – Халифат, собственно, перестал быть арабским. Однако по Восточной Грузии победа Дома Аббаса ударила очень сильно. Новая династия, отбросив дряхлые бедуинские традиции, возрождала старые добрые обычаи Ирана, в первую очередь, тщательно разработанную систему налогообложения, в рамках которой бесплатным оставался разве что воздух. Пусть эфемерная, неполноценная, но все-таки независимость Картли ушла в прошлое, у руля в Тбилиси встал эмир, наместник халифа; должность эрисмтавара не была упразднена, но отныне Багратиони стали чем-то вроде предводителей местного дворянства при губернаторе. Да еще и пораженными в правах, поскольку Аббасиды, в отличие от Дома Омейя, иноверцев щемили и в хвост, и в гриву. «Тутэйшим» такой расклад, конечно, не нравился, они бурчали, но очень и очень осторожно: версия грузинских историков о «восстании эрисмтавара Нерсе II» против арабов опровергается хотя бы тем фактом, что он, будучи отозван для расследования в Багдад, помаялся там всего три года, а затем вышел на свободу и уехал домой. Видимо, имели место только разговорчики в строю (потомки Аббаса реальных мятежников не щадили, но, все еще будучи по-варварски справедливы, невинных не карали), но, судя по тому, что, вернувшись, оправданный узник предпочел эмигрировать в Хазарию, в какой-то степени рыльце у него все-таки было в пушку. Уехал из Картли в свои огромные владения на территории Империи и его преемник, последний эрисмтавар Ашот.

Однако мир понемножку менялся. Хазары сошли с повестки дня, у них появились другие, более сложные проблемы. Казавшийся незыблемым, Халифат Аббасидов начинал понемногу подгнивать изнутри, начались склоки при дворе, мятежи в провинциях, сепаратизм, сектантство, вмешательство силовиков в политику, – и в такой обстановке, крепко усугубленной тяжелейшими войнами с

Римом, Багдаду стало как-то не до далеких нищих украин. Поскольку же у Хазарии тоже начались непростые времена и набеги кочевников прекратились, предоставленные сами себе эмиры Тбилиси решили, что подчиняться халифу, конечно, хорошо, но не подчиняться еще лучше. К такому же выводу, только имея в виду не халифа, а эмира, пришли и картвельские племена, которым повезло жить в сколько-то труднодоступных для карательных экспедиций регионах. В последние десятилетия VIII века самостоятельным и независимым объявило себя племя цанари, базировавшееся в труднодоступном Дарьяльском ущелье. Эмир с такой новацией, конечно, не согласился, но горные люди, потеряв много и многих, в конечном итоге нашли достаточно убедительные аргументы в защиту своей позиции. К началу VIII века их «хорепископы» (духовные лидеры, имеющие также и светские полномочия, точь-в-точь, как много позже в Черногории) уже правили небольшим, но вполне суверенным государством. Причем весьма амбициозным и агрессивным: возникшее несколько позже по соседству, чуть юго-восточнее, маленькое княжество Эрети, возглавленное какими-то странными, то ли из картлийской, то ли из грузинской, то ли (судя по именам) из армянской ветви Багратиони, цанари съели очень быстро. Лет за тридцать, после чего правящий «хорепископ», забрав в качестве трофея титул побежденного соседа, начал именовать себя также «царем кахов и ранов».

Не пожелал отстать от абхазского и кахетинского коллег и эмигрант Ашот Багратиони (о нем мы уже слегка говорили), обитающий в области, грузинами именуемой Тао, а армянами Тайк. В Империи бывшего эрисмтавара, человека с большой дружиной, деньгами и связями, встретили более чем радушно, василевс Михаил Рангаве пожаловал новому подданному титул куропалата и ранг севастократора (по европейской шкале, маркграфа), передав в управление юг Лазики, область Кларджети. Идея была достаточно разумна: продвижение абхазов с севера на юг стало к тому времени слишком уж стремительным, и Константинополь видел прямую пользу в создании буфера между собой и союзником, поскольку, столкнувшись напрямую, вполне можно было стать врагами. Ашот оказался приобретением даже более ценным, нежели предполагалось; он договорился с Домом Аноса о границах, а затем начал активно гадить мелким арабским эмирам, откусывая от их владений земли,

населенные картвелами и армянами, создав в 20-х годах IX века княжество, размерами превосходившее и Абхазию, и Кахети, и Тбилисский эмират, вместе взятые. После трагической гибели «князя князей» от рук тбилисской агентуры соседи, правда, в какой-то мере взяли реванш, но не очень убедительный, так что в 888-м куропалат Адарнасе, правнук Ашота, получив карт-бланш из Константинополя, короновался «царем картвелов». Царство его, впрочем, хотя по размерам и очень большое, являлось фактически конфедерацией владений рода Багратиони, вовсе не всегда действовавших заодно, что вовсе не шло на пользу.

Плоть и кровь

Нельзя сказать, что арабы всего этого не видели. Видели, конечно. Но поделаться мало что могли. В Багдаде уже хозяйничали турки-наемники, еще не смещавшие халифов по своему солдатскому разумению, но уверенно к тому идущие, опять же и Рим Восточный, оклемавшись и проведя у себя кое-какие реформы, начал играть свою игру, притом на две стороны. Поддерживая Дом Багратиони и Аносидов, василевсы в то же время помогли вырваться из-под власти мусульман армянам, в конце IX века восстановившим Большую Армению, возглавленную, разумеется, теми же вездесущими Багратиони, только, конечно, в варианте «Багратуни». Дело было святое (христиане же!), благородное и очень, очень выгодное, поскольку на те же земли имели виды и наследники Ашота Великого в Тао-Кларджети, а получить под боком что-то большое, сильное и непослушное ромеям никак не улыбалось, два же относительно небольших и послушных клиента были именно тем, что надо. Ясно, что куропалаты были огорчены, но если прапорщик сказал «люминий», значит, «люминий» и есть, поэтому обид покровителям высказывать они не стали, а обратили взоры в сторону Картли. Впрочем, в очень своеобразном, фирменно семейном стиле. Когда в 833-м, покончив с мятежом хуррамитов, чуть было не погубившим Халифат, появился тюрк Буга с огромной, едва ли не в 30 тысяч армией и приказом привести в покорность эмира Исхака ибн Исмаила, Баграт, старейший в Доме Багратиони, двинулся на Тбилиси вместе с карателями. При хорошем развитии событий дедушка рассчитывал, видимо, получить в виде премии столицу, а ежели по минимуму, так хотя бы сделать ночь конкурентам, кахетинцам, абхазам и собственному брату Гуараму Мампалу, пришедшим помочь тбилисскому другу. Город ему в итоге не достался, но прочее получилось лучше некуда: 5 августа 853 года Буга взял и сжег Тбилиси, засоленная голова эмира поехала в Багдад, подтрепанные кахетинцы надолго забились в горы, и даже абхазы ушли к себе за хребет и стали тихими, не мешая Тао-Кларджети жить. Вот только хотя Тбилиси, вновь прочно оставшийся за арабами, оказался слишком

крепким орешком, остальная часть Внутренней Картли оставалась слишком ценным призом, чтобы борьба за нее сошла на нет. Всем было ясно, что ее обладатель станет, если ничего экстренного не случится, и фаворитом гонки за наследием древних царей. Поэтому, слегка передохнув, троица братских царств заспорила на эту тему поновой, очень по-взрослому, с синяками и шишками, но лидером оказалась Абхазия, где царская власть стояла крепче, чем в Тао-Кларджети, а потенциал был много мощнее, чем у кахов и ранов.

Впервые, хоть и ненадолго, застолбив вождественную делянку еще в 60-х годах IX века, при царе Георгии I, абхазские цари лет 50 спустя, уже при царе Константине, внуке Георгия, подмяли край под себя окончательно и бесповоротно. Арабы в новых раскладах уже почти не учитывались. Они, конечно, понимали, какой гембель растет на их головы, но предотвратить были не в силах. Последний, кому что-то еще удалось, был Абул-Касим, эмир Аррана, в 914-м устроивший «визит Кру-light», однако, хотя ему удалось крепко пограбить Картли и даже принять присягу от царя-епископа Кахети Квирике, это была последняя вспышка. За игорным столом остались только «тутэйшие», активно грызущие друг другу глотки, однако выигрывала в конечно счете все же Абхазия, на престоле которой в 922-м, вопреки вмешательству в междоусобицы «братьев» из Тао-Кларджети, оказался деятельный Георгий II, немедленно забравший себе Кахети. Что, правда, не понравилось никому, особенно картлийским дворянам, которые мало того что помогли Квирике опять стать князем, но еще и подговорили наместника, сына Георгия II, учинить бунт против папы. Папа сына побил, а в Кахети, иметь которую привык удивительно быстро, послал второго сына, Леона, однако «кахам и ранам» опять повезло: в 957 году Георгий II умер, и Леон, бросив все, помчался короноваться в Кутаиси. Короновавшись же, принялся обкусывать Тао-Кларджети, которая, безусловно, была вкуснее нищих краев «кахов и ранов». И, видимо, добился бы многого, однако досадно рано умер. Вслед за чем, едва схоронив главу семейства, младшие братья, Деметре и Феодосий, принялись выяснять, кто старше. Деметре одолел, взял брата в плен, но, как ни странно, обошелся с неслухом на диво человечно, всего лишь ослепив, а восемь лет спустя, когда черед безвременно скончаться пришел и ему, слепец был извлечен из монастыря и возведен на престол, как единственный наследник.

Излишне говорить, что храбрые «кахи и раны» тотчас вошли в Картли и осадили ключевую цитадель края Уплисцихе, за которой все равно теперь смотреть было некому.

Глава IV. Понемногу

Я вижу солнце!

В ситуации, когда территория Картли, которую цари Абхазии считали уже своей, была фактически оккупирована кахетинцами, в кутаисском «мозговом штабе» родилась идея блестящей комбинации (история сохранила даже имя умника-автора – Иоане Марушисдзе). Вспомнили об одном из «малых царевичей» Тао-Кларджети, Давиде Куропалате. Тот имел репутацию человека умного, волевого, влиятельного, но не очень значительного, поскольку свои владения его были очень малы, а старший кузен, Баграт II, «царь картвелов», крепок и умирать не собирался. Вот ему-то и было послано предложение «выступить со своими силами, захватить Картли и занять престол самому или передать его Баграту, сыну Гургена». Фишка заключалась в том, что упомянутый юный Баграт по матери, сестре трех последних монархов Абхазии, был единственным наследником ее престола, а кроме того, не только внучатым племянником, но и приемным сыном бездетного Давида. Таким образом, два престола рано или поздно в его лице неизбежно соединялись бы, а картлийские мтавары – при неизбежной перспективе утраты вольности – скорее подчинились бы выходцу из Тао с его вольными нравами, нежели хмурым, злым и деспотичным кахетинским «хорепископам».

Давид, понятно, возражать не стал. Взяв с собой пасынка, его отца и мать, абхазскую царевну Гурандухт, он прибыл в Картли, заявил свои права и нарек Баграта «младшим царем». Когда же после его отъезда недовольные таким поворотом дел картлийцы позвали на выручку «кахов и ранов» и те захватили в плен всех троих, собрал по родственникам сильное войско и явился разбираться. Прикинув варианты, кахетинцы драться не стали, юноша и его родители получили свободу, а в 978-м, когда Баграт подрос, государственный совет Абхазии, сместив несчастного слепого царя, объявил подростка «царем абхазов». Экс-монарха, конечно, не обидели, а просто выслали в Тао доживать остаток лет в тепле, уюте и комфорте. Давид же занялся делами, казавшимися ему теперь наиболее важными. Как раз в это время в восточных фемах Империи поднял мятеж опытный и удачливый полководец Варда Скляр, опиравшийся на поддержку

арабов. Подавить путч своими силами командующий войсками василевса, Варда Фока, не мог, в связи с чем запросил подмоги у Дома Багратиони. В уплату от имени василевса предлагались огромные земли, лежавшие впритык к Тао, на условиях пожизненного держания. Давид, влиятельный, но не богатый, сделал все, чтобы главный «царь картвелов» и прочие родственники дали согласие, – и после разгрома и бегства Склира, в чем была немалая заслуга и грузинской конницы, получил обещанный феодал. Земли были такие большие и богатые, что, как отмечают даже современные грузинские историки, «отдавать их Давид не хотел», а потому, как честный человек, немедленно встал на сторону в свою очередь пожелавшего стать василевсом Варды Фоки, обещавшего ему сделать временное постоянным.

Увы. Хотя армяно-грузино-арабская помощь и помогла бунтовщику захватить едва ли не половину Империи, в генеральном сражении русская пехота, нанятая василевсом Василием II, наголову разгромила сынов Кавказа. После чего напуганный перспективой вполне возможных санкций куропалат без споров подписал официальный отказ от претензий на передачу земель по наследству плюс (в виде штрафа) завещание в пользу Империи на большую часть собственных владений. Так что, умирая в 1001-м, сумел передать наследнику-пасынку, уже укрепившемуся в Абхазии и показавшему картлийской оппозиции, кто в доме хозяин, только титул «царя картвелов», унаследованный от умершего-таки в 994-м кузена Баграта II. В ответ на просьбы абхазского царя войти в положение и не быть зверем грозный Василий (еще не Болгаробойца, но характер уже успевший показать) прислал патент на чин куропалата и почетную грамоту для папы Гургена, что же касается земель, сообщил, видимо, что раньше надо было думать. А может быть, и вовсе промолчал на эту тему. Правда, немало земель Баграт III унаследовал от почившего в 1008-м родного отца, так что, учитывая Абхазию, мог по праву считать себя гегемоном региона, «царем абхазов и картвелов», а когда в 1010-м, после нелегкой двухлетней войны, была подчинена суровая Кахети, еще и «ранов и кахов». К тому же был наведен порядок и в семье: сколько-то привыкших к полной вседозволенности Багратиони спешно эмигрировали, сколько-то сели на нары, а кое-кто и попросту, гуляя с собачкой, случайно упал с обрыва. Чуть позже, правда, совместно с армянским коллегой Гагиком I, вразумил арабского эмира Фадлона из

Гянджи, ставшего первым мусульманином – вассалом зарождавшейся Великой Грузии. В общем, Баграту III, скончавшемуся в 1014-м, было и что оставить наследнику, 12-летнему Георгию I, и что доложить Господу и предкам. Хотя, как часто бывает, многое из сделанного оказалось недолговечным: как только великий монарх закрыл глаза, знать Кахети, никогда не признававшая аншлюса, выгнала прочь его наместника и восстановила царство «ранов и кахов», возведя на престол некоего Квирике, судя по полученному впоследствии прозвищу «Великий», человека, вполне достойного короны.

Солнечная ночь

Нехорошо стране, когда царь ребенок. Еще хуже, когда царь, войдя в возраст, начинает доказывать надоевшим взрослым, что уже знает все лучше всех. В данном случае, к сожалению, так и вышло. Слегка повзрослев и ощутив себя полноценным монархом, Георгий I повернул политический курс в очень странном направлении. Задача была масса, причем в большинстве посильных и решаемых: вернуть Кахети, подобрать плохо лежащее на окраине Картли крохотное армянское царство Лоре-Ташир, подумать, наконец, о Тбилиси, где эмиры явно засиделись. А дальше можно и посмотреть по ситуации. Георгий, однако, с какого-то хрена полез на ромеев, то есть на того же Василия, но уже Болгаробойцу. Нет, ясно, что юноша, с детства слыша, как злая Империя ограбила дедушку Давида, мечтал отомстить и восстановить то, что казалось ему справедливостью. И что очень хотелось казаться самому себе, молодой жене, старикам-воспитателям, народу и всему миру как минимум Искандером Двурогим, тоже понятно. Но все же, начиная, следовало бы прикинуть последствия. Царя же, судя по его действиям, хватило лишь на то, чтобы прикинуть, что страшный дядя воюет на Балканах, а значит, сразу неотреагирует, и следовательно, надо ввязаться в драку, а там будем посмотреть. Тем паче что болгары бойцы неслабые, вдруг да погибнет? Ну и...

Торжественно, почти без боя (не с кем драться было) юный царь занял бывшие владения Давида Курапалата в Юго-Западном Тао. А потом стало известно, что Болгарии больше нет. Совсем. Зато есть войско василевса, который очень, очень сердит. Сообразив, наконец, что в чем-то важном допущена ошибка, Георгий заметался. Он лихорадочно искал союзников, но дураков связываться с Болгаробойцей не было; что-то похожее на согласие выразил только аль-Хаким, фатимидский халиф Египта, но он был душевнобольным в самом прямом смысле слова, что вскоре и подтвердил, однажды уторм сев на осла и навсегда уехав из дворца в неизвестном направлении. Василий II тем временем занял позиции вблизи Грузии и потребовал вернуть чужое. Из Кутаиси, естественно, прибыл гордый отказ. Василий пожал плечами, перешел границу, в 1021-м даже не победил,

а отшлепал пацана у Ширимни, для острастки разорил юг Грузии и встал лагерем поблизости, намекая, что продолжение следует. Георгий какое-то время вилял, даже (безумству храбрых поем мы славу!) пытался атаковать, но был снова разбит и в 1023-м подписал даже не договор, а капитуляцию, согласившись на все. Вплоть до отправки в Царьград заложником наследника, почти младенца. После чего тяжело заболел – вероятно, от стыда и потрясения, около трех лет прохворал и умер в 1027-м, всего 25 лет от роду. Оставив на хозяйстве сына Баграта IV, еще большего малолетку, чем был сам в день получения короны. Дальнейшее в описании «группы Вачнадзе» выглядит, если вдуматься, дико, хотя на бумаге и гладенько. Текст изобилует выражениями типа «эмир был доставлен к царю, который предложил ему» и «Баграту посоветовали освободить пленника и царь согласился». Можете себе представить семи-восьми или даже старше мальчугана, который «предлагает» и «соглашается»? Лично я – с трудом. Нет, бывают, конечно, вундеркинды, но Баграт IV в их списках, судя по итогам долгого и бестолкового царствования, явно не значился. А уж в первые годы тем более.

Если серьезно, то лет 10 после смерти Георгия страной от имени пацана правили придворные клики, своими склоками доводя страну до ручки. Жизненно необходимый мир с Империей был подписан аж через 4 года после того, как Империя предложила его заключить, и на условиях худших, чем первоначальные. Идиотские интриги вокруг вопроса, брать Тбилиси или нет, привели к тому, что город взят так и не был, зато эмир, подло взятый в плен, а затем глупо, без всяких гарантий отпущенный, стал не просто противником, но кровным врагом. Князья, требуя льгот, завели моду бунтовать. Но главная беда была даже не в мятежах, а в том, что царь не мог мятежи подавить, дважды потерпев поражение от собственных подданных, что отнюдь не способствовало укреплению авторитета власти. А время слабости не прощало. В 40-х годах XI века из далеких закаспийских степей пришли совершенно дикие и потому абсолютно непобедимые туркмены, ведомые вождями из Дома Сельджука, мусульмане, правда, но в тонкостях богословия совершенно неискушенные и авторитетов не уважавшие. Они смели все, что осмелилось преградить дорогу, заняли Багдад и заставили халифа признать себя султанами, оставив потомку Аббаса только духовные полномочия. Джигиты, короче, были

круче некуда, а их вождь, Алп-Арслан, еще круче. Достаточно быстро убедилась в этом Империя, и без того пребывавшая в тот момент не в лучшем из возможных положений. Серия не очень крупных, но постоянных поражений вынудила василевсов отвести войска из Армении, вернее, из фем, образованных на территории незадолго до того упраздненного Анийского царства, а в итоге пасьянс сложился очень интересно.

Теперь, пожалуй, впервые за всю историю отношений отчаянно нуждаясь в союзниках, Империя готова была говорить с Грузией, неважно, что тоже не слишком сильной, на равных, возвращать земли, признавать титулы и так далее. Беда, однако, заключалась в том, что такой – до чертиков необходимый – союз автоматически означал усиление магнатского Дома Багваши, фанатиков борьбы с мусульманами и лидерами «римской» партии, оттесненной от трона другими кланами, чего эти самые «другие», естественно, пережить не могли. Не помог даже прямой арбитраж Империи. После визита царя в Царьград, где его помирили с Липаритом, главой Дома, отсидевшим три года в турецком плену и выкупленным за счет василевса, оппоненты, обезумевшие от перспективы назначения Багваши наместником южных земель, нажали на безвольного Баграта и добились ареста Багваши и высылки его из страны. В результате в 1064-м вторжение Алп-Арслана пришлось отражать самим. Собственно, даже не отражать. Царь спрятался, князья тоже, турки шли по покорной стране из конца в конец, не тратя времени на штурмы, – и с того момента ежегодно. А после генерального сражения при Манцикерте в 1071-м, когда восточные фемы Империи стали владением Дома Сельджука, Грузия получила приятного соседа уже на постоянной основе. Впрочем, Баграт IV умер в 1072 м, так что оценивать прелести новой ситуации пришлось его сыну Георгию II.

Белые флаги

Небольшое, но неизбежное отступление. Не секрет, что в добуржуазную эпоху монархия была ограничена только цареубийством. Поскольку корон и связанных с ними радостей для бригады всегда было меньше, чем желающих, суверенов травили, резали, душили, иногда втайне, иногда открыто, сбросив с трона в итоге гражданской войны, а обнулив уже после того. А вот чтобы просто уволить, совокупным решением всех сословий, без серьезного мятежа (максимум с намеком на оный) и даже не убивая, такое случалось куда реже. По крайней мере, в пределах христианской, тем паче православной Ойкумены, где царь земной был прямым отражением Царя Небесного. Хотя бывало. Разок в Восточном Риме (Никифор Вотаниат), разок в России (Василий Шуйский), трижды в Англии (Ричард II, Эдуард II, Яков II). Возможно, и еще где-то, лень искать. По-любому, если уж такое случалось, означало это только одно: помазанник Божий был если и не глуп (кто их там знает, может быть, задачки хорошо решал), то уж точно ухитрился достать всех, вплоть до ближнего круга, вопреки собственным интересам переставшего его защищать. Так вот, именно таким уникалом, судя по всему, и был наследник Баграта, единственный из царей Грузии за 2000 лет вылетевший с занимаемой должности в связи с полным служебным несоответствием. Он, в отличие от папеньки и деда, взошел на трон вполне взрослым человеком, но толку от того было чуть. Когда через несколько месяцев после коронации несколько магнатов, и картлийских, и абхазских, решили попробовать нового монарха на излом и потребовали от него льгот и земель, угрожая восстанием, Георгий, даже не думая топтать ногой, удовлетворил все требования. Совершенно не подумав о том, что уступать шантажистам нельзя никогда и ни в коем случае. Получив требуемое, магнаты решили, что просили мало, и вскоре возжелали новых уступок, пойдя на которые царь стал бы попросту нищим, а следовательно, никем.

Не знаю уж, то ли сам он понял эту нехитрую мудрость, то ли кто-то из более разумных подсказал, однако на сей раз задабривать смутьянов не поспешили, и обиженные «лучшие люди» пошли на

поклон к Малик-шаху, новому главе Дома Сельджука. Султан явился в Грузию, опустошил Картли и ушел. А затем на сцену вновь вышли дипломаты Империи. Сперва из Константинополя сообщили, что готовы в качестве жеста дружбы и акта доброй воли вернуть Георгию, как «царю абхазов», крепость Анакопию, которую в свое время отдал им в обмен на green-card сводный брат царя, беглый принц Деметре. Затем в Кутаиси появился некто Григол Бакуриани, известный ромейский полководец и не последний человек при дворе василевса, имевший в Абхазии массу родни, с личным письмом от Мариам, сестры Георгия II, супруги двух императоров, сперва Михаила VII Дуки, а затем Никифора III Вотаниата. Мариам уведомляла брата о том, что во исправление исторической несправедливости Империя готова вернуть ему, как «царю картвелов», город Карс с округой – самый лакомый кусочек из (если помните) «наследства Куропалатов», из-за которого безвременно скончался его дедушка и тезка. Восторга было море. А вот о том, что после манцикертского разгрома Карс уже, собственно, империи не принадлежит, то ли никто не подумал, то ли царю просто не сумели объяснить. Короче говоря, Карс был взят, маленький турецкий гарнизон частично перебит, частично изгнан, – а потом началось то, что вошло в летописи под названием «Диди Туркоба» – «Великая Туретчина». Малик-шах был не тем человеком, который умеет прощать.

Два года Восточная Грузия горела; ее, согласно проекту гениального султанского визиря Низам-уль-Мулька, фактически чистили от населения под будущие пастбища. В Константинополе, получившем какое-то время на передышку, были довольны, но Георгий сумел вымолить у султана если и не прощение, то отказ от зачисток лишь после того, как лично поехал в Исфахан, согласившись по итогам платить дань в размере, указанном великим визирем. То есть совершенно непосильную для страны. Разницу Дом Сельджуков возмещал, посылая отряды для реквизиций, что, в общем, мало отличалось от нашествий. В придачу ко всем радостям страну чуть не стерло с лица земли сильнейшее землетрясение, а царь, полностью растерявшись, не сумел наладить ни снабжение населения, ни восстановительные работы. Не приходится удивляться, что по стране поползли слухи о гневe Господнем, и в середине весны 1089 года Совет Царства, заручившись полной поддержкой сословий,

убедительно попросил Георгия II сдать корону и полномочия наследнику, 16-летнему Давиду. Никаких сведений о попытках царя сопротивляться или оспаривать решение «лучших людей» история, насколько мне известно, не сохранила.

Глава V. Не мальчик, но муж

Jackpot

Элементарная логика подсказывает: цепь дураков не может быть бесконечна, и чем она длиннее, тем ярче, в конечном счете, вспыхнут дарования кого-то из потомков. Если угодно, в порядке восстановления Вселенского Гомеостасиса. Так и случилось. Поскольку прадед, Георгий I, характер имел, но звезд с неба не хватал, дед, Баграт IV, не имел ни ума, ни характера, а отец, Георгий II, как мы уже выяснили, был, судя по делам его, полным, филигранно отшлифованным ничтожеством, юный Давид, видимо, получил от Бога компенсацию за три поколения предков. Скажу больше, далеко не каждая страна и не каждый народ могут похвастаться наличием в национальных святынях хотя бы одного лидера такого масштаба. Впрочем, и социальный запрос на сильную личность был нешуточный: кризис грыз Грузию, как крыса сулугуни. Какой-то намек на уважение к короне если и сохранялся, то разве что в Абхазии. Кахети давно жила суверенной жизнью и была ею вполне довольна. Картли, формально признавая власть царя, фактически превратилась в «княжескую республику», где монарха считали даже не «первым среди равных», а просто яркой побрякушкой типа цепуры с гимнастом. Эмирская мелочь, тершаяся по соседству, являлась отовариваться чуть ли не каждый месяц, а центр и юг страны были вытоптаны сельджуками, обезлюдев почти на три четверти от времен Баграта III, и каждый новый год не приносил ничего хорошего. А Давиду, напомним, было всего шестнадцать, и группу поддержки ему пришлось создавать на пустом месте.

Но создал же! Начав с нуля, наладил контакт с небольшими группами разоренных турками дворян-азнауров, на свой страх и риск партизанивших в южных провинциях, и объявил их «царским войском», действующим по приказу из столицы, что само по себе безмерно вдохновило простой люд, впервые за много лет увидевший хоть какую-то защиту. Затем, вызвав самых отважных и удачливых guerrilleros ко двору, велел им остаться и назначил содержание, положив начало небольшой, но надежной и сплоченной личной царской гвардии – монаспа, и, уже опираясь на нее, начал ломать через колено олигархов с родословными. Те поначалу огрызались, но

вчерашие партизаны знали толк в беспределе, так что после разгрома и изгнания «некоронованных царей юга» из Дома Багваши, а потом и еще пары-тройки наиболее наглых олигархия притихла, приняхиваясь к новым ветрам. За счет конфискаций имущества изгнанных удалось создать нечто похожее на бюджет, на вербовать, в дополнение к монаспа, несколько наемных отрядов, вставших гарнизонами в важнейших крепостях. А потом, как оно, впрочем, и водится (госпожа Удача сильных любит и одна не ходит), пошла длинная белая полоса.

Money, money, money

После смерти великого Малик-шаха и убийства ассасинами его не менее великого премьер-министра Низам-уль-Мулька, случившихся почти одновременно, Дом Сельджука практически мгновенно распался на несколько ожесточенно дерущихся домиков, а спустя пару лет после того, не дав туркам времени определить нового лидера, явились «железные люди» в белых плащах с алыми и черными крестами. В 1098-м пала Антиохия, в 1099-м – Иерусалим, в тылу у мусульман появились новые, на тот момент очень сильные, хотя и небольшие христианские государства, а к тому же обрела уже четвертое дыхание Империя. В такой ситуации платить дань невесть кому и непонятно ради чего было бы преступлением, и Давид послал сборщиков какого-то из султанов на фиг. Появилось много денег на самые различные программы, в том числе и на пропаганду за рубежом, так что уже в 1104-м «лучшие люди» Кахети арестовали своего царя Агсартана и привезли его к Давиду тепленьким. После чего земля «ранов и кахов» вернулась под крышу Кутаиси окончательно и бесповоротно, а союзника бедняги, атабага Гянджи, попытавшегося этому помешать, без особых хлопот (на бармалея он не тянул, а на армию Давид денег тоже не жалел) унасекомили при Эрцухи. Стало тихо. Появилось время для проведения давно разработанной программы реформ – прежде всего, конечно, восстановления давно рассыпавшегося государственного аппарата. Что интересно, начал мудрый Давид (возможно, изучив опыт Империи) с создания того, чего раньше никогда не было: профессиональных спецслужб «мстовари» (соглядатаи), включавших в себя стражу (полицию), контрразведку (в том числе службу политического сыска) и внешнюю разведку с резидентурами в соседних столицах. Структуры эти финансировались из личных средств монарха и подчинялись непосредственно ему, так что вскоре именно царь стал главным держателем информации, которая, как известно, зачастую дороже денег.

In nomine...

Однако госбезопасность госбезопасностью, но необходимы были и рабочие лошадки. А поскольку формировать бюрократию можно было только из духовенства, на повестку дня встал вопрос о церковной реформе. Тем паче что церковью по-всякому необходимо было заняться. За время кризиса святые отцы, особенно на высшем уровне, заелись совершенно непозволительно: все кафедры и панагии распределялись между младшими сыновьями владетельных князей, так что епископы, не говоря уж о не присущем духовным лицам образе жизни, активно лоббировали интересы своих фамилий. Совершенно забыв о том, что царство земное есть отражение Небесного.

Ситуация была столь запущена, что кое-что пытался поправить – уже под старость – даже Баграт IV, но, естественно, не преуспел, как не преуспевал во всем остальном, несмотря на активную поддержку крупного импортного спеца Георгия Мтацминдели. Но теперь было очень не тогда. Созвав сразу после победы над атабагом собор в Руис-Урбниси под предлогом необходимости уточнить некоторые детали церковных обрядов, царь выступил перед батюшками с большой речью, где все было названо своими именами и подкреплено данными из заботливо подобранных шефом «мстовари» персональных досье.

Это был нокаут. Сами знаете, втихую можно делать очень многое, но не дай Бог этому многому всплыть. Съедят. На сей раз Бог дал – и съели. Многих. В основном из «мажоров» – при полном понимании и поддержке застрявших в сельских попиках и рядовых монахах способных выходцев из низов, мечтавших о карьере, но в старых условиях не имевших никаких шансов ее сделать. По итогам чистки большинство «панагийных» потеряли посты, кому-то понизили сан, кто-то ушел в монастырь на хлеб и воду, а кое-кого и вообще расстригли. Право царя утверждать епископов было одобрено единогласно, как и предложение Давида о слиянии трех должностей – мцигнобартухуцеси (госсекретаря), епископа Чкондиди (одной из самых уважаемых кафедр страны) и председателя Сааджо Кари (Верховного Суда) – воедино; отныне этот высший чиновник, назначаемый лично царем, становился его заместителем по всем

вопросам, стоящим выше любого из «владельческих». Излишне говорить, что епископ Георгий, первый обладатель сей ранее невиданной должности, был верным сторонником царя, вернее, его воспитателем и наставником с младенчества, вполне вероятно, сделавшим Давида именно таким, каким тот вырос.

Dogs of war

Очень скоро в городах страны появились присутствия, где заседали хмурые бюрократы-буквоеды, решавшие вопросы строго по закону, а не по понятиям, что простому народу, естественно, очень понравилось. Авторитет короны стал в полном смысле слова непререкаем, а слово Давида – законом. Вот теперь-то пришло время и для внешней политики. Ранее старавшийся особо никому о себе не напоминать, Давид начал проявлять активность, понемногу отнимая у турок занятые ими города – сперва Самшвилде, потом Рустави, потом неприступную крепость Гиши, а в начале 1118 года и Лоре, когда-то маленькое армянское царство, уничтоженное сельджуками. Операции были мелкие, не кровопролитные, мусульмане, не имея за спиной никакой поддержки, чем дальше, тем больше уходили сами, лишь услышав о скором появлении царских войск, но в моральном плане важность их трудно переоценить: царские люди понемногу учились понимать, что сельджуки не непобедимы. Однако духом единым сыт не будешь, надежных войск (дружины князей и плохо обученные ополченцы в это понятие не входили) все-таки было мало, а в том, что рано или поздно соседи попытаются взять реванш, не сомневался никто. Серьезные люди в то время армию нанимали или закупали «военных рабов», гулямов (термин «мамлюк» появится чуть позже). Однако такие программы стоили совершенно безумных денег, требуя постоянных войн, причем победных и завоевательных, на что у Давида не было ни сил, ни, похоже, желания (провоевав едва ли не всю жизнь, он, как ни странно, был, кажется, по меркам того времени довольно миролюбив).

Но если денег не было, то генератором идей царь был великолепным. Будучи женат на половецкой княжне Гурандухт, дочери хана Атрока и внучке знаменитого Шар-хана, он списался с тестем, как раз тогда поставленным на край гибели степными победами Владимира Мономаха, и предложил тому программу green-card на сколько угодно семей. Кстати сказать, слегка понимая Давида, считавшего ходов на десять вперед, поневоле подозреваю, что и брак этот, заключенный задолго до того, был реализован с видами на

далекое будущее. Тесть ответил согласием. Имелась, правда, проблема: половцы были в размирье с осетинами, и те ни за что не пропустили бы эмигрантов на новую родину, однако этот вопрос Давид решил быстро, сперва сходяв на осетин походом, затем же, когда они поняли, что драться будет себе дороже, предложив союз и материальную помощь. А знати еще и набор столь привлекательных преференций, от чинов и титулов до земель и золота, что горцы возражать не стали. В период с 1118 по 1120 год через перевалы прошло на юг несколько тысяч (источники говорят «сорок тысяч», но это полная чепуха, а почему, будет растолковано в книге) кипчакских семей, получивших землю и подъемные в обмен на обязательство выставять джигитов по первому требованию из расчета «одна семья – один всадник». На этом военную реформу можно было считать законченной. А война была уже на носу.

Virtuti militari

Раздробленные, ненавидящие друг друга кузены из недавно еще великого Дома Сельджука все же не были идиотами. Грузия как таковая, возможно, их и не очень интересовала, но появление «франков», потеря важнейших торговых портов, да еще и очевидно возросшее стремление к реваншу Империи делали вполне вероятной перспективу возвращения в пустыню и саксаула в меню. Султаны, успевшие привыкнуть к персикам и рахат-лукуму, этого очень не хотели, а рождение еще одного сильного христианского государства в тылу ставило саксаул на повестку дня. Меры следовало принимать немедленно, причем совместно. Порознь они не значили уже ничего. Так что вовсе не по приказу султана Махмуда, уже не имевшего возможности что-то приказывать кузенам и племянникам, а исключительно по зову души весной 1121 года мелкие эмиры Ирака и Сирии после долгих проволочек объединились и, доверив командование Иль-Гази, атабеку Алеппо, единственному турецкому военачальнику, умевшему побеждать «железных людей» в полевом сражении, двинули на Южный Кавказ очень большое и сильное войско – 20–25 тысяч бойцов (дикие цифры источников, говорящих о 250 и даже 350 тысячах, доверия не заслуживают никакого). Войско Давида тоже было сильным и профессиональным, но, конечно, поменьше (до 15 тысяч человек, включая, помимо грузин и половцев, несколько сотен осетин и несколько десятков воинов-интернационалистов в белых плащах с алыми крестами). И тем не менее 12 августа 1121 года на Дидгорском поле «абхазы, картвелы, раны, кахи», а также армяне, кипчаки, аланы и «франки» одержали красивую и элегантную победу, навсегда переформатировавшую геополитику региона.

Сельджуки, как единое целое, перестали быть проблемой. Некоторой угрозой являлся Румский султанат, возникший в Малой Азии, на территории бывших восточных фем Империи, но эта опасность на тот момент была гипотетической: тамошние «мини-султаны» осваивались в новом качестве, не слишком пока еще успешно огрызаясь на воспрянувший духом Константинополь, а ничего более страшного, куда ни глянь, не наблюдалось. Даже Тбилиси

царь не стал брать сразу. Он выждал год, видимо, наводя контакты по линии «мстовари», а затем яблочко упало в руки само собой, чуть ли не с цветами и хлебом-солью. Упразднение эмирата прошло в полном порядке, без каких-либо эксцессов. Всем «калакели» (коренным тбилисцам), невзирая на деятельность при старом режиме и вероисповедание, были гарантированы (вспомним еще раз о том, чего мы не знаем, но чего не могло не быть – тайные контакты в течение года) неприкосновенность и покровительство, причем самым низким налогом (3 динара в год) были обложены правоверные. С евреев взимали 4 динара, с армян, насколько мне удалось выяснить, столько же, и только православным было предписано платить по обычной, без льгот, таксе 5 динаров. Арабский историк Ахмад Аль-Фариги указывает, что даже при преемнике Давида, Деметре I, «даже и в самом Багдаде не относятся к мусульманам столь тепло и уважительно, как в Тбилиси». Не приходится удивляться, что к царю, мгновенно прослывшему великим и мудрым, поехали посольства, явные и тайные. Жители мелких окрестных владений, и мусульмане, и, естественно, армяне, вполне справедливо полагали, что от добра добра не ищут, а власть сильного и гуманного господина, к тому же еще имеющего достаточно средств, чтобы не обдирать подданных до нитки, предпочтительнее прозябания под крышей жадной мелочи. Очень быстро Грузия обросла вассалами. Кто не хотел, тому – как довольно крупному по тем местам Ширванскому шахству – разъясняли, но опять-таки в умеренных тонах. Затем как-то незаметно, почти что сами собой, в составе Грузии оказались огромные территории северных провинций бывшей Великой Армении, в том числе и ее красавица-столица Ани, правитель которой получил сан и полномочия вице-короля. А потом, 24 января 1125 года, великий Давид IV, уже при жизни с полным правом названный Агмашенебели (Восстановитель), скончался. По меркам того времени, не столь уж молодым, но и не стариком – 52 лет от роду, оставив после себя Грузию «от Никопсии до Дарубанда и от Овсети до Арагаца». Причем обустроенную, богатую и сытую, с мощной армией, знающей свое место знатно, боящейся Бога церковью, работающим как еще не изобретенные часы аппаратом и мелкими, слабенькими, заглядывающими в рот любому гостю из Тбилиси соседями.

God Save the King

Никогда после, считая и «коллективного Давида» эпохи Тамар, и «почти Давида» Брцхинвале, не было в Грузии никого подобного, но массе стран такие в лотерее генов не выпадают и вообще за все века существования. Наследник же Деметре, будь он даже семи пядей во лбу, обречен был до скончания жизни сидеть в отцовской тени, но, надо сказать, эти семь пядей он таки имел, поскольку тешить свое ego, что-то кому-то доказывая, не пытался, а только всеми силами поддерживал страну в том виде, в каком получил от родителя, воюя лишь тогда, когда спорные вопросы не удавалось решить компромиссом, но если уж воюя, то наверняка. Жесток не был, однако любые попытки испортить сделанное отцом пресекал по-черному: например, когда младший брат в 1130-м решил, что корона будет идти ему больше, чем старшему, безо всякой жалости приказал выколоть смутьяну глаза, хотя по дальнейшей судьбе слепца – большая пенсия, роскошное имение, масса слуг, – видно, что любил. В общем, все при нем оставалось, как при батюшке. То есть хорошо. Вот только батюшкой, умевшим контролировать все, он все же не был, а потому вынужден был привлекать к рулю преданных людей из числа знати, что в перспективе сулило немало неприятностей. Не слишком хорошо было и в семье. Оба сына, и наследник, Давид, и младший, Георгий, были юноши способные и достойные, но очень не любили друг друга, а отец почему-то больше симпатизировал младшему и, что хуже, не умел не показывать этого на людях. Естественно, начались склоки, интриги, двор, как водится, разбился на враждующие кланы, Давид, не желая оказаться лохом, принялся копать под отца и в 1155-м добился пострижения старого царя в монахи. Правда, совсем ненадолго и на свою голову.

Глава VI. История нелюбви

Не брат ты мне

Шутка насчет природы, отдыхающей на детях великих отцов, зла, но несправедлива только отчасти. Плохо всю жизнь не жить, а стараться соответствовать. Надо думать, в полной мере ощутил это на себе Деметре I. Храбрый вояка, видимо, неплохой администратор, всегда бывший рядом с отцом, он и правил страной вполне достойно, но – гением не был. Ни на поле боя, ни в делах государственных, ни в решении проблем семейных. Так что, если при грозном папе интриговать при дворе не посмела бы и кухонная крыса, эпоха его сына оказалась куда занятнее. В частности, по официальной версии, наследный принц Давид всю жизнь только и делал, что строил козни. В 1130-м, в сговоре с военным министром Иванэ Абулетисдзе, он якобы даже устроил масштабный заговор, но сумел выйти сухим из воды, а в 1154 (или 1155) все-таки сверг папеньку, запер в монастырь и короновался под именем Давида V. Однако процарствовал совсем недолго и в 1156-м умер, оставив малолетнего сына Демну (Деметре – видимо, в честь деда), а на престол вернулся старый царь-монах, Деметре I. Но и он, в свою очередь, через несколько месяцев скончался, и царем стал его младший сын Георгий.

Факты точны. Но, как говорил Владимир Ильич, по форме правильно, по сути – издевательство. Прежде всего, явная чушь, что заговор 1130 года Давид задумал, *«опасаясь, что отец передаст престол младшему брату»*. Даже не говоря, что в Грузии действовал жесткий принцип наследования по старшинству, он, судя по тому, что к моменту смерти царя его первенец был совсем мал (а женились тогда рано), в 1130-м был слишком юн, чтобы вообще что-нибудь организовывать. Да и, учитывая возраст обоих царевичей, рано было говорить о каких-то отцовских предпочтениях. Наконец, ничего не известно о каких-либо разногласиях между братьями. Напротив, умирая, Давид назначил регентом именно Георгия. Предположение, что заговор 1130 года готовился в пользу Давида, но без его участия, тоже не катит. Заговор-то имел место, и клан Абулетисдзе в нем активно участвовал, но по итогам раскрытия был сурово наказан (ослеплен) младший брат Деметре, Константин. Из чего ясно следует,

на кого играли конфиденты. Кстати, в тот момент, кроме брата, царь никого наказывать не рискнул, но позже, в 1138-м, военный министр, чье влияние упало вследствие серии поражений в войнах, был все-таки арестован и казнен. Поскольку казнить полководцев-неудачников в Грузии было не принято, казнили его, скорее всего, в связи с причастностью к очередному, как раз тогда раскрытому заговору в пользу еще одного царского брата – Вахтанга. Вполне возможно, что припомнили и старые грешки. Но, как бы то ни было, нет никаких указаний на какую-либо причастность уже подросткового Давида и к этим событиям. Строго говоря, нет оснований даже утверждать, что переворот 1155 года вообще имел место. Подробностей нет никаких. Зато известно, что ближний круг Давида (в первую очередь, род Орбели) сохранил свои посты и при «реставрированном» Деметре, и позже, при Георгии III, не подвергаясь никаким репрессиям. Так что совершенно не исключено, что уставший от активной жизни престарелый монарх ушел на покой по доброй воле, сдав власть, как положено, законному наследнику.

Очень неясны и обстоятельства кончины Давида V. Летописный официоз Грузии тщательно избегает любых подробностей на эту тему. Смутные намеки дают понять, что умер он не своей смертью, вероятно, от яда. Известно также, что, умирая, Давид назначил «дядькой» малолетки-наследника своего ближайшего соратника, амирспасалара (главнокомандующего) Иванэ Орбели, а регентом – по праву рождения – младшего брата, взяв с него клятву не узурпировать прав Демны. Официальными свидетелями клятвы, кроме священника, были тот же Иванэ Орбели с братом. Странное сообщение армянского летописца Вардана Аревелечи о том, что Давида погубили (отравили?) именно братья Орбели, причем в пользу Георгия, учитывая дальнейший ход событий, ни в какие рамки не лезет, так что рассматривать его не будем, тем паче что преподобному Вардану тайны тбилисского двора могли быть известны разве что по слухам. Зато куда более информированный источник, прямой свидетель Стефанос Орбели, один из немногих отпрысков клана, выживших в буре тех лет, прямо указывает на то, что роль душеприказчиков его дядя восприняли очень серьезно. В любом случае, кто стоял за отравлением Давида, можно лишь предполагать, а имя главного

подозреваемого всплывает тотчас. Однако не станем спешить обвинять Георгия, лучше посмотрим, что было дальше.

Педагогическая поэма

Итак, что имеем? Царь мертв. Наследник дитя. Есть официальный регент, который (судя опять-таки по всему, что случится далее) власть очень любит и власти очень хочет. То есть полный набор. Есть, правда, и еще один царь, престарелый Деметре, однако он удалился от мира и, судя по всему, возвращаться не хочет. Спросите, по чему конкретно судя? А потому, что умирающий Давид, отдавая распоряжения, о таком варианте даже не подумал упомянуть. И тем не менее, монах покидает келью. Что возможно только при его согласии и при поддержке влиятельных сил при дворе. Конечно, очень соблазнительно, по крайней мере для поклонников официоза, звучит версия о верном младшем сыне, добровольно отказавшемся от регентских полномочий ради восстановления на престоле незаконно устраненного батюшки. Но не совсем получается. Поскольку спустя несколько месяцев, в свою очередь умирая (не чересчур ли часто, кстати, умирают грузинские цари, стоящие между Георгием и престолом?), старик подтверждает завещание покойного сына, причем уже не в кулуарном режиме, а публично, в присутствии высшей знати, вновь поручив клану Орбели опекать (защищать?) внука и взяв с Георгия повторную клятву передать трон законному наследнику, когда тот подрастет. Кто был автором этой комбинации? На мой взгляд, скорее, Орбели, видимо, знавшие Георгию цену и опасавшиеся подпускать его к короне даже чуть-чуть. Однако и у Георгия в подобном раскладе имелись некоторые преференции. Случись что с царем, он становился бы уже не регентом, связанным клятвой, данной брату, а прямым наследником отца, пускай и в том же «урезанном» статусе. Иными словами, интрига заключалась в том, сколько еще лет проживет Деметре. А Деметре прожил совсем недолго, и если искать тех, кому столь скорая его смерть была на руку, то клан Орбели и юный Демна окажутся в самом конце списка. Но, опять-таки, не станем обвинять Георгия; в конце концов, прямых доказательств у нас нет...

Далее следует, по крайней мере в интересующем нас смысле, более чем 20-летний перерыв. Несомненно, правы исследователи, полагающие, что вопрос о престоле все это время оставался

актуальным, и Георгий, естественно, официально короновавшийся сразу после смерти отца, едва ли собирался держать клятвы. Напротив, он, готовясь к неизбежному моменту предъявления Демной претензий, принимал меры для укрепления своего положения. В частности, после отвоевания у мусульман Южной Армении царь передал покоренные земли под управление Иванэ Орбели. Назначение почетнейшее, пост фактически вице-королевский, но предполагающий постоянное присутствие в Ани, а следовательно, отсутствие в Тбилиси. Естественно, вместе с воспитанником, и конечно же, под самым благовидным предлогом: пусть, дескать, мальчик учится управлять. А на всякий случай (мало ли что) заместителем вице-короля и по факту «смотрящим» был назначен провинциальный дворянин армянского происхождения, во всем зависящий от царя и слепо ему преданный Захарэ Мхаргрдзели, принадлежавший к разноплеменной когорте хунородных выдвигенцев, на которых делал ставку Георгий.

То, что мальчика берегли, лелеяли и готовили к престолу, понятно. Как и то, что рос он в «правильных» понятиях традиционной элиты, полагавшей царя хоть и первым, но среди равных, к тому же с детства привыкнув не думать о дяде ничего хорошего, тем паче что о смерти папы и дедушки его наверняка просвещали в должном ключе. Можно согласиться с предположением о каких-то поисках компромисса. А вот гипотеза о возможном браке Демны с кузиной едва ли состоятельна, ибо как только мальчик стал юношей, «дядька» Иванэ тотчас женил его на своей дочери, и ни о каком разводе речь идти не могла. Еще менее убедительна (вернее, глупа) сентиментальная идея о великой и трогательной любви царевича к дочери дяди. И даже не из-за наличия супруги (кого в таком вопросе смущают такие пустяки?), просто потому, что Демна около 20 лет жил если не в Ани, то в Лори, родовом гнезде Орбели, и просто не имел возможности проникнуться прелестями девочки. Но, в любом случае, как бы ни шли переговоры, как раз «старой элите», в отличие от «новой», спешить было некуда и беспокоиться не о чем: потомства мужского пола у Георгия не было, и время по любому работало на Демну. Однако жизнь не линейна: Бог, не давший царю сыновей, послал ему «Лорийский заговор».

Ликвидация

В этой истории все неясно и некрасиво не меньше, чем в сюжете о смерти Давида V и Деметре I. Согласно официозу, в 1177-м почти все князья Восточной и Южной Грузии съехались в Лори, родовой замок Орбели, приведя с собой 30 тысяч воинов, и намеревались захватить в плен царя, отдыхавшего в загородном поместье. Однако «некий юноша», услышав нехорошие речи, тут же возмутился и поспешил с доносом. Первая странность: имя героя летописи не называют, хотя обычно такие услуги оплачиваются щедро – возведением в дворянство, чинами, уделами, легендой о славном предке и так далее. История Европы и Азии знает немало прецедентов. А тут, вот те нате, донес, спас престол и сгинул. Скромность, видимо, помешала сделать карьеру. Зато Георгий, получив информацию (?), начал действовать мгновенно, как по плану. И ладно бы еще меры по укреплению столицы и посылка гонцов на предмет нанять кипчаков, это как раз нормально и понятно, но он немедленно идет на крепость Лори, гнездо Орбели, во главе солидной армии. Какой армии, откуда взявшейся? Армия в тогдашней Грузии формировалась из княжеских дружин и дворянского (а при необходимости и земского) ополчения. Создать ее – дело небыстрое, да и невозможное без участия амирспасалара, который, не забудем, по официальной версии – глава заговора. Наемники? Так их пока нет, за ними только посланы гонцы. Личная стража, кипчаки Кубасара, еще одного выдвиженца? Уже ближе. Но это, даже по максимуму, 500–700 клинков. Против 30 тысяч, по официальной версии собравшихся у Лори, им не устоять и получаса.

Однако вот вопрос: а были ли эти пресловутые 30 тысяч? Ведь даже если что-то там и было, то для пленения царя в такой массе войск, в те времена не на всякую большую войну собираемой, совершенно не было нужды, вполне хватило бы и группы захвата в несколько сот отборных дружинников. Похоже, что летописцы вывели цифру уже *post factum*, прикинув, сколько воинов могли бы выставить оппоненты царя, собирайся они и впрямь бунтовать? Нет, как хотите, а всерьез идти дальше возмущений за рогом-другим кахетинского князья, судя по всему, таки не собирались, и появление под стенами

Георгия с (наверняка) небольшой, иначе Иванэ знал бы о мобилизации, но готовой к бою армией их явно ошеломило. Какие там 30 тысяч, если даже собственные силы старший Орбели собрать не успел, а младший его брат, случайно пребывавший вне осажденной крепости, узнав о событиях, помчался за помощью не к вассалам, а к соседям-мусульманам? Какой там мятеж, если почти сразу из крепости, чуть ли не по веревкам, побежали гости, смекнувшие, по чью душу пришел царь, а кого не тронет? В общем, сюжет за версту воняет провокацией, и подтверждается такая версия тем, что, согласно тому же официозу, одним из первых *«покинул заговорщиков»* и прибыл с войсками к царю тот самый Захарэ Мхаргрдзели. С какой стати ему, креатуре Георгия, да еще армянину, было крутиться под ногами у старой знати, считавшей его, в лучшем случае, просто выскочкой? Да ни с какой! В наилучшем случае он мог рассчитывать – в итоге бунта – стать «младшим среди равных», а эту ступеньку он уже прошел и хотел много большего. А вот если предположить, что Захарэ, весьма популярный в войсках и по должности (первый заместитель амирспасалара!) имеющий право и возможность проводить региональную мобилизацию через голову прямого начальства, а возможно, и от его имени, собирал ту самую армию, которую Георгий привел под Лори, тогда все становится на свои места...

Завершилось все гадко. Не выдержав напряжения, в одну из ночей из Лори сбежал сам Демна. Явившись к дяде, он просил прощения, получил его, а получив, подтвердил все, что тот хотел слышать, поклявшись, что ничего худого не замышлял, а если измена была, то виноват в ней только Иванэ. С этого момента сопротивление стало бесполезным. У Орбели не было на руках козырей, а подготовка им переворота была подтверждена на высшем уровне. Амирспасалару оставалось только капитулировать, выговорив пощаду семье, а себе, если повезет, право постричься в монахи. Что и было клятвенно обещано Георгием, разумеется, привычно преступившим крестоцелование сразу же после того, как ворота Лори открылись. Напоминать царю о том, что такое хорошо, а что такое плохо, при сложившихся обстоятельствах было некому. Иванэ, правда, отправили в монастырь, но в качестве не монаха, а пожизненного узника, а перед тем ослепили, позволив напоследок посмотреть, как рубят, вешают и режут его родню, всех, кто обитал в замке на момент капитуляции, не

щадя ни мала, ни велика. Спустя несколько дней в столичной темнице был без суда ослеплен и оскроплен злополучный Демна, видимо, в результате этих процедур умерший, поскольку с тех пор о нем вообще ничего не известно. Мотивировку же действий доброго дяди, как положено, озвучил летописец: «...созрел сын брата его старшего по имени Деметре, ясноликий, искусный в ратном деле, постигший науки, как пристало мужам его рода. Но грех, что сводит на нет всяческую добродетель и ученость, совершенство облика и доблесть ратную, омрачил ему жизнь и сгубил его. Грех сей – отсутствие страха Божия и поправление веры Христовой – врожденный порок и несчастье его царствующего рода». Вы что-то поняли? Я нет. Вернее, понял, но только то, что на парня повесили ярлык «грешника» с предельно мутным обоснованием, мимоходом обмазав и его покойного отца. И все. Извольте принимать на веру. Георгий же при таком раскладе выходит еще и героем, ибо первый долг христианина – бороться с грехом, и тут уж не до сантиментов.

Проклятые короли

Рассуждая отвлеченно, с точки зрения чистой целесообразности и исторического, мать его за ногу, прогресса, Георгий, наверное, был прав. Помножив на ноль клан Орбели, он жестко указал старой элите, полагавшей Багратидов равными себе, кто в доме хозяин, а отмена Демны как фактора политики лишила знамени тех, кто со временем мог бы попробовать новые порядки на излом еще раз. Но рациональность рациональностью, а сердцу не прикажешь. Критиковать царя не посмел никто, но именно тогда рождается слух о «проклятии Иванэ», очень похожий на более позднее «Маринкино проклятье». Дескать, глядя на казнь сыновей и внуков, старый князь проклял царя и все его потомство, напророчив им страшную судьбу и потерю короны, а Грузии, терпящей такие неправды, неисчислимые беды в самом скором будущем. Вряд ли в тот момент истерика старика кого-то напугала, мало ли что вопят люди в столь непростые мгновения. Однако не успеет еще уйти из жизни поколение очевидцев падения Лори, а Грузия, казалось, реявшая на пике могущества, рухнет как карточный домик сперва под ударом беглого хорезмшаха Джелаледдина, затем, уже окончательно, под натиском монголов, и оправиться не сможет никогда, став полигоном для выяснения отношений между ближними и дальними соседями. Впрочем, все это не имеет к интересующей нас теме никакого отношения. Длинная, но, смею уповать, не слишком скучная преамбула к истории о нелюбви завершена. Пора переходить к амбуле...

Суженый-ряженный

Утверждая себя, Георгий III уничтожил династию. Кроме него, в наличии оставались две девочки (был, правда, дальний родственник по женской линии, осетинский княжич Давид Сослан, с детства живший при тбилисском дворе, но его как кандидата в монархи никто не рассматривал). Царь вскоре короновал старшую дочь, Тамар, объявив ее наследницей и соправителем. Формально ни закон, ни обычаи нарушены не были: прецедентов в истории Грузии, правда, не имелось, но и максимы «Негоже лилиям прясть» не было тоже, хотя опыт соседней Византии, где редко, но все же случавшиеся венценосные дамы оставили по себе память либо серенькую, либо чернейшую, повода для восторгов не давал. Протестов, однако, не возникло (себе дороже), и царь продолжал руководить, опираясь на «опричников»-выдвиженцев, занявших при дворе все сколько-то заметные посты, вплоть до 1184 года, когда, наконец, умер, оставив 19—20-летнюю Тамар наедине с серьезными трудностями. Она явно не кроткая серна, каковой ее изображают предания, и тем не менее она всего лишь девушка, до сих пор изображавшая полноправную царицу в тени папы. Теперь же все проблемы, до времени загнанные в подпол, но никуда не девшиеся, вылезают наружу. Знать и церковь вновь заявляют о своих правах, требуя повторной – настоящей! – коронации. И Тамар приходится уступить. Это очень деликатный момент. На какое-то время в стране возникает вакуум власти. Претензии на престол может предъявить любой аристократ, имеющий для этого достаточно популярности и вассалов. Однако именно поэтому никто и не предъявляет: всем ясно, что стоит кому-то заявить о себе, и лавина тронется, ибо никто не считает себя менее достойным. А междоусобицы мало кто желает. Так что в итоге приемлемым компромиссом становится та же Тамар. Цена же «общественного договора» – устранение особо активных временщиков старого режима и возвращение к рулю правильного, «аристократического» дарбази (Думы), впрочем, принявшего в свой состав и многих лидеров «опричнины».

На повестку дня встал вопрос о замужестве молодой царицы. Судя по всему, сама она уже имела на этот счет свое мнение (все предания утверждают, что она любила того самого Давида Сослана, которого знала с детства). Но ее пока что никто не спрашивал, а Сослана, как, впрочем, и любого из местных княжичей, в качестве кандидата не воспринимали, поскольку жених должен был быть удален от местных разборок. Прочие критерии отбора диктовались сугубым здравым смыслом. Нужен был обязательно христианин, причем православный, равный по происхождению и при этом не создающий своим появлением в Тбилиси проблем для государства. Иными словами, сыновья многочисленных соседей-мусульман, «франки» из Святой Земли и царевичи из Киликийской Армении отпадали сразу. Как и естественные, на первый взгляд, претенденты из Византии, где как раз началась тяжелейшая смута. Болгарии в тот момент не существовало. Оставались только Сербия, о которой, однако, вряд ли что-то знали, а если и знали, то связей не поддерживали, и Русь, которую знали издавна и неплохо. Тем более что тетка царицы по отцу, царица Русудан, дама опытная и авторитетная, первым браком сходявшая замуж за Изяслава Мстиславича, великого князя Киевского, внука Владимира Мономаха, уже имела на примете вполне адекватную кандидатуру. Летописи даже донесли до нас речь имеретинского вельможи Абуласана, докладывавшего дарбази по этому вопросу: *«Я знаю, и царица знает юного царевича, сына великого князя русского Андрея; он остался малолетним после отца и, преследуемый дядей своим Савалатом, удалился в чужую страну, теперь находится в городе кипчакского царя Севенджа»*. Так вот впервые и прозвучало вслух в Грузии имя Юрия Андреевича.

Не считая сердечных чувств невесты, вариант был идеален по всем параметрам. Около 25 лет, анкета и послужной список безупречны. Потомок Рюрика и (по материнской линии) великого половецкого хана Шарукана. С детства в походах, есть опыт управления аж Новгородом. После гибели отца помогал дядям покарать убийц и утвердиться во Владимире. Однако затем был изгнан, причем без удела (случай исключительный, ни до, ни после не имевший на Руси прецедентов), и жил у половецкой родни. Почему? Непонятно. Ни о каких-то претензиях на престол, ни вообще о каких-

либо провинностях, ставших причиной изгнания, ни русские, ни грузинские источники не сообщают. Но совершенно ясно, что избрание его в женихи – никак не заигрывание с могучим Всеволодом Большое Гнездо. Скорее наоборот, учитывая «киевские корни» Русудан, прослеживается намек на желание хоть как-то нагадить «поганому москалю», отец и брат которого брали Киев на щит, разоряя мать городов русских дотла. К тому же Всеволод женат на осетинской княжне Марии, близкой родственнице Давида Сослана, и, видимо, не отказался бы видеть на престоле пусть далекой, но сильной Грузии свояка супруги. В общем, если вдуматься, приходишь к выводу, что здесь завязан тугой геополитический узел, разобраться во всех сплетениях которого было бы безумно интересно, но, за неимением информации, практически невозможно, да и рассуждения на эту тему увели бы нас далеко в сторону.

Лишился вдруг доверия

Дальнейшее известно и многократно описано. Поэтому – вкратце. Юрий прибыл в Тбилиси, оформил брак и занялся исполнением штатных обязанностей, приняв верховное командование. Имел ли он статус царя – неясно, по крайней мере, венчан на царство не был точно, но воевал более чем удачно, за два года выиграв две серьезные кампании против не самых слабых соседей и заслужив уважение подчиненных. Зато семейные дела его не заладились с самого начала. Вопреки ожиданиям всей Грузии, Тамар так и не забеременела, что в те доконтрацептивные времена было неприятным исключением из правил. Предположить, что она попросту не допускала нелюбимого мужа к себе, вряд ли возможно, но женщины есть женщины, они, как известно, умеют сделать так, что и сам не захочешь, а если и захочешь, то не сможешь. Что же касается бесплодия, то мало ли бабушек-травниц водилось во все времена, чтобы предотвратить нежеланную беременность? Впрочем, Юрия причуды супруги едва ли заботили. Не любит? Не надо! В конце концов, Тамар тоже не была королевой его грез, да и 25 лет и сейчас-то возраст уже не пубертатный, но самый что ни на есть «политический», а уж в те времена – тем паче. Импортный принц-консорт делает все, чтобы из марионетки стать реальной фигурой. И у него получается, благо доблесть и военная удача привлекают симпатии дворянства. Подробности нам неизвестны, но в какой-то момент «дворцовая партия» начинает всерьез опасаться собственного гомункулуса, и вот тогда-то «бабьи бзики», которыми опрометчиво пренебрегал князь, играют свою роль. Тамар находит взаимопонимание с серьезными людьми. Юрия срочно (для решения «важнейших дел») вызывают из действующей армии в столицу, арестовывают прямо на заседании дарбази, предъявив ворох самых диких обвинений, объявляют брак с царицей недействительным, – и в 24 часа высылают из страны. Снабдив, правда, щедрыми отступными. После чего Тамар до неприличия быстро венчается со срочно вернувшимся Сосланом.

О содержании «обвинительного заключения» нам еще предстоит поговорить особо и обстоятельно. А сейчас просто отметим: Юрий не

смирился. Тамар ему, возможно, и была до лампочки, а вот корона – отнюдь. Тем паче что столица – не вся Грузия. Случившееся возмутило многих, «русскому царю» пишут, его зовут вернуться. «Царство грузинское, – констатирует Мхитар Гош, – находилось в волнении, ибо Тамара, дочь царя Георгия, оставила первого мужа, сына царя рузов, и вышла замуж за другого мужа, из аланского царства, именуемого по материнскому родству Сосланом...» И когда в 1191-м он, наконец, откликается, под его знамя стекается практически вся Западная Грузия, в том числе и многие владетельные князья из числа «вояк». Короновавшись, царь Георгий IV взял Кутаиси, затем Гори, вышел на ближние подступы к Тбилиси, однако в конце концов, проиграв генеральное сражение в долине Ниали, попал в плен. И был отпущен. Почему? Опять неясно. Что Тамар пощадила всех участников бунта, понять можно, ей необходимо было гражданское согласие, которому репрессии не способствуют. Но бывший муж, к тому же уже коронованный на царство, – особая статья. Тамар была дочерью и ученицей своего отца. Чувств к Юрию, кроме негативных, не испытывала. Нецелесообразность сохранения ему жизни или, по крайней мере, свободы, столь же безусловно, сознавала. И тем не менее не просто помиловала, а отпустила на все четыре стороны. Не ослепив и даже не оскотив. Впрочем, найти ответ мы опять-таки попробуем после. Пока же, завершая, добавим: позже Юрий вновь попытался обыграть судьбу. Уже с опорой не на внутреннюю оппозицию, выполотую с корнем, а на союзников-мусульман. На сей раз, чего и следовало ожидать, проиграв вчистую. В битве у реки Алазани азербайджанская конница, ведомая царем Георгием IV, была разбита наголову, сам царь бежал с поля боя, и с тех пор имя его не упоминается нигде и никем.

Реабилитировать посмертно

Если помните, о сути обвинений, выдвинутых против Юрия, речи пока не было. Но, начиная анализ, следует иметь в виду, что расторжение брака, связанного Господом, для христианского мира и сейчас казус нежелательный, а уж в те времена – практически беспрецедентный. До Реформации, когда желание короля любой ценой короновать фаворитку станет достаточным основанием для ухода в ересь целого королевства, лежали еще века и века. Православие же в этом смысле даже жестче католицизма. Конечно, определенные основания для развода предусмотрены, их два и оба основаны на невозможности «плодиться и размножаться»: бесплодие женщины и импотенция мужчины. Однако в данном случае эти нюансы не работали. Бесплодие – штука специфическая. Скажем, Василий III, «пробивая» развод с Соломонией Сабуровой, мотивировал свое ходатайство фактом отсутствия у супруги беременности в течение почти 20 лет. Констатировать что-то такое за два года при тогдашнем уровне диагностики, да еще и учитывая, что две трети из этих самых двух лет муж провел вдали от супружеской опочивальни, невозможно в принципе. Что же до «мужского бессилия», то, возможно, тбилисские летописцы и рады были бы привести этот довод, но, поскольку свидетелей много, они вынуждены признавать, что изгнанник *«был несчастен не столько в виду низвержения его с царского престола, сколько вследствие лишения прелестей Тamar»*. По меркам той целомудренной эпохи формулировка более чем исчерпывающая.

Притом, что Юрий усилиями официозных летописцев изображен едва ли не самой омерзительной фигурой в многовековой истории Грузии, никто не упрекает его ни в трусости, ни в воинской бездарности, ни в пренебрежении интересами государства. Что, в сущности, понятно. Проводивший большую часть времени в походах, царь был на виду у слишком большого числа людей, а на войне не очень-то пустишь пыль в глаза, так что ополченцы, составлявшие большую часть войска, разносили свои мнения и оценки по городам и весям Сакартвело. Поскольку же TV в то время еще не изобрели,

вешать лапшу на уши массам, опровергая очевидное и доказывая недоказуемое, было куда сложнее, нежели теперь.

Оставалось одно: бытовуха. Что-то очень семейно-интимное, такое, что никак нельзя проверить, а можно лишь принять на веру, положившись на слово, максимум со ссылкой на доверенную служанку или исповедника, которым, дескать, единственным и плакалась, пока хватало сил не выметать сор на люди. Но что? Пьет? Так все пьют, да и как не пить, имея под боком Алазанскую долину? Грубит? При таких отношениях в семье – не удивительно, объяснимо и ненаказуемо. Ходит по бабам? Опять же, что делать живому человеку, ежели в перерывах между походами, когда не до того, родная жена не дает? Да и не такое уж это преступление – вон, сын Тамар позже вообще жену у живого мужа уведет, и она ему родит бастарда, будущего Давида VI Улу. Короче говоря, полная безысходность. Однако кто ищет, тот всегда найдет.

Как уже говорилось, грузинский летописный официоз предельно аккуратен, если не сказать гламурен. Все венценосцы, даже Георгий III, клятвопреступник, узурпатор и садист, а не исключено, что и отравитель, выписаны благостно и любовно. Все шероховатости сглажены, если о чем-то совсем не сказать нельзя, в ход идут смутные обвинялки и намеки. Если же речь заходит о Тамар, – вдвойне и втройне. Ведь она стоит вровень с Великомученицей Кетеван и Первозкрестительницей Нино Каппадокийской, а с этими именами несовместимо ничто низкое и плотское. И лишь один-единственный раз, излагая житие Святой Царицы, дрессированные летописцы срываются.

Писать об этом противно. Но, слава Богу, есть что цитировать. «В одних хрониках, – излагает Георгий (Лаша) Бугадзе, автор болезненно-эротической повести «Первый русский», – он упомянут как **содомит**. По другим источникам – он был болен вообще **всеми сексуальными расстройствами**, какие только могут быть, в том числе и **зоофилией**. Известно, что в 19 лет Тамар заставили выйти замуж за этого человека, **несмотря на то что определенная часть царского двора знала о его отклонениях**. Единственное, что оправдывало этот брак, – царская кровь и православное вероисповедание Юрия Боголюбского. Царица Тамар и Боголюбский два года жили вместе – это были два трагических года. Летописец пишет, что царица все это время хранила

молчание и терпение, испытывая страшные муки. Наконец не выдержала и предала гласности тайну их брака. В грузинских летописях этот **факт описан очень красочно, высоким поэтическим и трагическим слогом** — буквально как житие святой. Боголюбский **взбунтовался, узнав об огласке**, и на его сторону встали многие придворные и часть населения...»

Вот это — да. Это обвинение. Всем обвинениям обвинение. «Рецидивист» Янукович, «грешник» Демна, «придурок» Петр III и даже «детоубийца» Ричард III смущенно курят в сторонке. Пальма первенства разве что за Лаврентием Палычем, который хотя и тоже «извращенец», но еще и «английский шпион», а связей с MI-6 Юрию все-таки не шьют. Что странно. Ибо как раз в это время не так уж далеко крестоносит Ричард Львиное Сердце, — так почему бы и нет? Вот только один нюанс. Не будем забывать: на дворе все же XII век, а Грузия — страна православная, и не просто православная, а официально признанная «земным отражением Рая». В те времена верить означало не постоять в храме со свечкой. Верили истово. Думаю, воцерковленные френды не откажутся подтвердить: даже минимальные подозрения в содомии, не говоря уж о скотоложестве, напрочь вычеркивали бы кандидата из списка женихов. Так что Бугадзе, заявляя, что «определенная часть двора знала о его отклонениях» еще до свадьбы, попросту врет. Тем паче, что и нет в источниках ни слова об этом. Но мало того. Обвинения такого рода, соответствуй они реальности хоть чуть, ставили бы точку на репутации уличенного полностью и окончательно. Никто, ни «хижины», ни «дворцы», не протянул бы ему руку, не говоря уж о выступить в защиту. Однако на деле все совсем иначе. Как мы помним, развод и изгнание Юрия, по определению Гоша, *«взволновали все царство»*, да и сам Бугадзе признает, что *«на его сторону встали многие придворные и часть населения»*. Причем **«взбунтовался»** Юрий, депортированный из страны под конвоем сразу после ареста, вовсе не *«узнав об огласке»*, то есть не сразу (тут Бугадзе опять врет), волнения не утихали почти три года, — срок вполне достаточный для предъявления сомневающимся доказательств. Выходит, не предъявили. Почему? Потому, несомненно, что доказательств этих просто не существовало. А что за три года страсти не утихли, свидетельствует о том, что возмущение общества несуразными обвинениями было очень

уж велико. К слову, может быть и так, что изначально жалоб на «содомию и зоофилию» не было вообще, а внесли их в летописи задним числом, в расчете на доверчивых потомков.

Почему нет? Дело ведь не в том, виноват ли Юрий, а если виноват, то в чем. «Поскольку я хотел, – честно признается Георгий Бугадзе, – чтобы получилось что-то вроде политического опуса, то попытался увидеть в истории этого брака определенную аналогию с Георгиевским трактатом, который после восьми веков был положен между Россией и Грузией. Я хотел прописать эту идею достаточно плакатно и позволил себе похулиганить». Вот так. Главное, выходит, чтобы плакатно. Красочно и высоким поэтическим слогом. В унисон с генеральной политической линией. А кого мазать грязью, то ли «первого русского», то ли целый Георгиевский трактат, то ли еще что, – дело вторичное. Однако хрен с ним, с г-ном Бугадзе, да и с прочими летописцами, что давнишними, что нынешними.

Вот и пришли мы к ответу на вопрос: почему все-таки Тамар после Ниали пощадила нелюбимого, опасного и беззащитного экс-мужа? Не могу ничего утверждать (чужая, тем паче давно отлетевшая, душа – потемки), но, на мой взгляд, более чем вероятно, что она, человек верующий, помня историю Демны и лучше кого-либо зная цену обвинениям в адрес Юрия, решила, так сказать, не отягощать карму сверх уже имеющегося. И лично, надо отметить, не прогадала. Царствование ее стало «золотым веком» Грузии. Вот только даже мне, агностику, ясно, что коль скоро существование Божье наукой пока еще не опровергнуто, то и Высшая Справедливость рано или поздно вступает в свои права. История многих стран, хотя бы и той же России с ее тремя Смутами за трех мальчишек, тому подтверждение. Так что совсем нельзя исключать, что великие беды, обрушившиеся на Грузию вскоре после успения Святой Тамар, были эхом обращенного к небесам стога, вобравшего в себя предсмертные мольбы отравленного Давида V, плач замученного Демны, проклятие обезумевшего Иванэ и – той легчайшей соломинкой, что ломает спину верблюду, – скрежет зубовный оболганного Юрия Андреевича...

Глава VII. С глубоким прискорбием

По ком звонит гонг...

Судьба Тамар сложилась блестяще, но едва ли счастливо. Любимый муж довольно скоро – лет через пять – погиб, возвращаясь из похода. Как утверждают летописи, «от рук мусульманского лазутчика». Вот только ни обстоятельства смерти, ни реакция двора, ни даже нюансы захоронения грузинскими источниками не освещены, – и это крайне удивительно. Уж кто-кто, а средневековые хронисты себя в таких случаях не стесняли, будь все путем, мы бы знали о печальном событии в мельчайших деталях, вплоть до того, какие слова изронил, умирая, героический полководец – между прочим, как ни крути, соправитель. Если же молчат, значит, есть отчего. На мой взгляд, скорее всего, не лазутчик виноват. Свои, тбилисские. Ибо мешал. Как и первый, русский. Но Юрий был чужой, одинокий, да еще и не любимый царицей, так что его сковырнуть тбилисской элите особого труда не составило. Оболгали и выгнали, всего делов. С Сосланом такой фокус не прошел бы. Он-то при дворе был своим, имел друзей, был популярен в войсках, и царица его, в отличие от первого, любила. Да и Алания, о чем не стоит забывать, была под боком. Причем в те времена достаточно сильная, чтобы ежели что вмешаться. Вот потому – в спину. И тишина. Полная, чтобы ненароком чего не надо не сболтнуть. А далее все путем. Тамар, естественно, на троне, но без мужа, зато с двумя малыми детьми (в такой ситуации, даже имея железный характер, не особо рыпнешься), а кому надо, те у руля. Прочно.

И тем не менее эпоха царицы Тамар – краткий век славы и могущества объединенной Грузии. В какой-то момент она стала гегемоном Южного Кавказа и подчинила не только все земли, население которых говорило на языках, хоть в малейшей степени напоминавших грузинский или мегрельский, но и практически всю Северную Армению. С помощью грузинских войск на северном побережье Малой Азии возникла крохотная Трапезундская империя, один из осколков уничтоженной франками Византии. Мелкие мусульманские княжества присягнули на верность Тбилиси, а сильные соседи типа сельджукских султанов Рума и азербайджанских

Ильдегизидов, получив исчерпывающие разъяснения в битвах при Басиани и Шамхоре, признали, что жизнь такова, какова есть, и больше никакова. Никаких дурных предзнаменований не случилось и после смерти великой царицы. Как водится, слегка побуянили вассалы, их, как водится, приструнили, и молодой наследник Лаша (тронное имя Георгий IV) приступил к царствованию, обещавшему быть долгим и блестящим.

Проблема заключалась лишь в том, что Тамар, в отличие от отца, была не столько самодержцем, сколько великим модератором. Она умела держать баланс между кланами вельмож-дидебулов, умело формируя систему сдержек и противовесов, выдвигая на первые роли способных людей и будучи фактически очень-очень первой среди равных. Лаша же, молодой, судя по всему, балованный и амбициозный, такие порядки терпеть не хотел, желая не только царствовать, но и править, тем паче без нотаций из уст нудных стариков. Отстранить от руля мощные кланы сил у царя не было, но он упорно формировал собственный круг из сверстников, далеко не всегда выходцев из высшей знати. Летописцы именуют этот кружок «ринди», что в переводе с фарси означает «нахалы, разгильдяи», а учитывая, у кого на содержании сидели ученые монахи, можно представить себе, как относились к наглым пацанам старые сановники. Неудивительно, что мамины люди ставили царю палки в колеса везде, где было возможно. Например, когда Лаша взял в жены (судя по всему, по страстной взаимной любви) простолюдинку, ко всему еще и отбив ее у мужа, вельможи отыгрались по полной. Точь-в-точь, как незадолго до того случилось на Руси, в Галиче, они, подключив Церковь, такие пируэты по понятным причинам не одобрявшую, вынудили царя через пару лет расстаться с «блудницей», вернув ее бывшему мужу, а царского сына, малыша Давида, объявив бастардом, слава Богу еще, что не удавили, а всего лишь выслали в Рум, к тетке, без права на возвращение. запретив когда-либо возвращаться. Все, что смог сделать Лаша, – это категорически отказаться жениться на любой из тех, кого подберут дидебулы.

Тем не менее, несмотря на придворные разборки, Грузия оставалась региональной сверхдержавой, игравшей важную роль в политических проектах идеологов крестовых походов. Накануне пятой крузады была даже достигнута договоренность о совместных

действиях на предмет очередного освобождения Святого Города. Однако именно в это время у границ Грузии впервые появились монголы. Вернее, их авангард, разведка по главе с Джебе и Субудаем. Поражений эти ребята не знали. Осведомленные о судьбе могущественнейшего Хорезма, правители мелких и даже крупных (как Узбек, атабег Азербайджана) государств, лежавших на их пути, сопротивления не оказывали, а присягали и платили отступные добровольно, чем избавляли себя от неприятностей (согласно Ясе, солдат ребенка не обижал). Однако для Грузии, более четверти века гремевшей, блиставшей и не знавшей поражений, такой вариант был исключен. Было решено дать пришлым варварам бой, закидать их башлыками и вообще. О дальнейшем в деталях говорить не буду, дабы не оскорбить чьи-нибудь нежные чувства, но из песни слова не выкинешь: где-то в течение месяца грузинские войска были разбиты трижды, в том числе и в генеральном сражении, где главными силами Сакартвело командовал сам царь. Впрочем, на Тбилиси монголы не пошли. Не было у них такой задачи, они, как известно, преследовали половцев. Аж до Калки. После чего вернулись в ставку Великого Хана и отчитались о проделанной работе.

Что до Грузии, то для нее такой поворот событий был, мягко говоря, шоком, тем паче что вскоре скончался деятельный Лаша, тяжело раненный в одном из трех упомянутых сражений, и на престоле оказалась его сестра Русудан. Красивая, но никак к такой судьбе не подготовленная и, судя по всему, не слишком умная девушка мгновенно стала игрушкой в руках придворных кланов, и пожилые солидные «дядюшки», разогнав осиротевших выскочек-ринди, занялись переделом сфер влияния, на время похерив внешнюю политику. А зря.

Нокдаун

Если поражение от монголов, не слишком обидное, поскольку монголы били всех, по умолчанию признав карой Божьей, из всех сил постарались предать забвению, то появление у границ Грузии пестрых полчищ хорезм-шаха Джелал-эд-дина поначалу никого не встревожило. Этот враг был известен и знаком, ему подобных (и даже более крутых) при Тамар не раз били, а главное, великого Хорезма уже не существовало, титулярный же шах был всего лишь беглецом, потерявшим престол и фанатично, но бессмысленно сражавшимся с дышащими ему в спину ордами Великого Хана. Вся сила его, по сути, заключалась в том, что отступать было некуда. Но и за грузинами стоял их дом, так что в моральном плане все шло поровну, а солянка сборная, именуемая войском хорезмийца, не шла ни в какое сравнение с пусть побитой, но все еще могучей армией Грузии, так что опасаться было нечего. По крайней мере, так думали. Тем неожиданнее в 1225-м оказалось тяжелое поражение в первом же бою близ Гарниси. Что там стряслось, неведомо по сей день, известно лишь, что главнокомандующий Иванэ Мхаргрдзели неожиданно отступил с главными силами, бросив авангард на съедение шаху. Возможно, причина в том, что Джелал-эд-дин, как военный, был талантлив, а грузинскую армию возглавляли хотя и «люди Тамар», но второй сорт (первосортные уже перемерли), возможно, князь Иванэ был уже чересчур стар для такого экстрима, а не исключено и решение им своих кулуарных проблем на поле боя.

Но, как бы то ни было, армия отошла, Тбилиси пал и был разграблен с чудовищной жестокостью. Спустя полтора месяца под Болниси были разгромлены и главные силы царства, на сей раз бившиеся в полную силу. Грузии фактически не стало. Джелал-эд-дину это, правда, не очень помогло: монголы вновь нагнали его, прижав к границам Рума, где Птица-Удача наконец оставила хорезм-шаха: он был побит сельджуками, затем в очередной раз монголами и вскоре погиб в горах Курдистана. Однако грузинам это не принесло ничего, кроме, возможно, вполне понятного злорадства: покончив с упрямым туркменом, монголы вновь свернули в Сакартвело. На сей раз они

шли, как хозяева, не встречая сопротивления. Царица сбежала за хребет, в относительно безопасный Кутаиси, приказав на прощанье спалить дотла только-только отстроенную столицу, вельможи один за другим присягали Великому Хану в индивидуальном порядке. Причем «охвостье эпохи Тамар» в первую очередь, а Иванэ Мхаргрдзели – одним из первых. О существовании Русудан все забыли бы, не окажись среди скопища трусов и паникеров некоего Кваркваре Джакели, князя южной области Самцхе (вроде из бывших «ринди» Лаши), начавшего что-то типа партизанской войны. Это позволило царице начать переговоры и получить право послать посольство к Бату-хану, после чего упрямый храбрец Джакели по просьбе Русудан сложил оружие.

В 1243-м хан Золотой Орды продиктовал условия мира. Грузия становилась прямым, без утверждения в Каракоруме вассалом Сарая, обязавшись выплачивать около 40 видов дани и поставлять вспомогательные войска из расчета 1 воин с 9 домов; хан также получал право давать или не давать ярлык на княжение. Вернувшись в Тбилиси, царица послала на Волгу своего сына Давида для утверждения в правах наследования, но в 1245-м, так и не дождавшись его, умерла. В связи с отсутствием наследника монголы установили в стране временное прямое правление, разделив ее на волости-думаны, во главе которых поставили присягнувших на верность дидебулов. За которыми, однако, вели неотступную слежку, жестоко карая при малейшем намеке на нелояльность. Скажем, по сей день неясно, были ли в реальности так называемый «Ковхиставский заговор», скорее все-таки нет, нежели да, но все, кого хоть сколько-то заподозрили, пережили много неприятностей. Невзирая на знатность и положение, их арестовали и подвергли пыткам, и спаслись они только благодаря случайности, да еще мужеству некоего Цотнэ Дадиани, сумевшего убедить суровых, но справедливых азиатов в том, что они погорячились. Однако о Давиде, сыне Русудан, по-прежнему не было ни слуху, ни духу (вполне возможно, что информацию держали под спудом по воле хана, имевшего определенные соображения), а безвластие грозило перерасти в драку между претендентами на вакантный престол. В связи с чем группа вельмож (опять же не исключено, что по подсказке монголов) выписала из Румского султаната Давида, сына Лаши, того самого бастарда, уже подросткового, и отправила к хану за ярлыком. Парень поехал – и столкнулся нос к

носу со своим младшим кузеном и тезкой, живым и невредимым. Начался скандал. У каждого были сторонники. В пользу сына Лаши говорило старшинство, а также и преемственность по мужской линии, зато сын Русудан был зачат и рожден по всем правилам. Мудрые же монголы, вполне вероятно, такую коллизию и срежиссировавшие, сделали хорошо всем. Оба претендента – сын Лаши, прозванный Улу (Старший), и сын Русудан, прозванный Нарин (Младший), получили ярлыки и стали соправителями. Правда, общий язык они нашли и правили, не ссорясь ни между собой, ни с монголами, которым аккуратно платили дань и поставляли воинов.

Клинч

В 1256-м ситуация обострилась. Хулагу, внук Чингисхана, объявил себя независимым правителем улуса, охватывавшего территории Ирана, Ирака, Афганистана и части Малой Азии. Чуть позже Каракорум признал его таковым в качестве «ильхана», тем самым не только сделав хорошую мину при плохой игре, но и создав противовес Золотой Орде, фактически отделившейся еще раньше. Так что вассалам пришлось срочно решать, с кем быть, присягать ли новому начальнику, который ближе и опаснее, или хранить верность старому, чьи претензии в связи с удаленностью мягче. Первым из соправителей сделал выбор Давид Нарин, но ставка на Сарай себя не оправдала, и торопыжке, быстро и убедительно проигравшему, пришлось, как в свое время маме, бежать в Кутаиси, объявив себя вассалом Золотой Орды и ничьим больше. Чуть позже, то ли не слишком верно оценив силу Хулагу, то ли повинувшись обостренному чувству долга по отношению к суверену, в поддержку Сарая попытался выступить и Давид Улу, поддержанный самцхийским князем Саргисом Джакели, сыном помянутого выше Кваркваре. Увы, отряды ильхана вместе с дружинами абсолютного большинства князей, уже почуявших, по какому ветру держать нос, в стычке при Ацкури показали кузькину мать и ему, а спрятаться за хребтом не получилось, поскольку там уже прочно сидел кузен, вовсе не нуждавшийся ни в каком соправителе. Какое-то время помыкавшись, Давид и Саргис решили, что лучше помереть, чем жить бомжами, поехали к Хулагу, обстоятельно покаялись и были помилованы, – монголы беспощадно карали предателей, но любили щадить ошибившихся, а в сложной обстановке формирования новой державы ошибиться мог каждый. К тому же сломать спину Давиду Улу означало остаться совсем без ручного Багратиони, что неизбежно спровоцировало бы драку за власть, а ильхану пограничный вассал нужен был сильным. Так, спустя всего двести, даже чуть меньше, лет после объединения Грузии вновь стало две. Вернее, даже три, поскольку вскоре Давид решил, что дружба дружбой, а Саргис Джакели слишком усилился, и посадил друга и соратника в кутузку, откуда тот выбрался живым только

благодаря ильхану, согласно Ясе не терпевшему несправедливости, после чего Самцхе было выделено из состава Восточной Грузии в отдельное, лично Хулагу подчиненное княжество.

«Увы», однако, не унялось. Напротив, продолжалось на полную катушку. Разобравшись, кто кому вассал, грузины оказались аккурат меж молотом и наковальней, причем молот Золотой Орды гвоздил беспощадно: Берке-хан, наследник Бату, дважды наголову разбил Хулагу, дойдя аж до Тавриза, а по ходу дела – естественно, при активной, хотя и не слишком эффективной в силу малочисленности контингентов помощи верноподданного Давида Нарина, – дважды же разорив дотла земли Давида Улу. После чего, в 1270-м, царь Восточной Грузии и отдал Богу душу – то ли от огорчения, то ли от какой-то болезни, оставив престол сынишке Деметре II, мгновенно и без сложностей получившему ярлык и почти двадцать лет (сперва под присмотром регента, затем сам) руководившему страной в ранге примерного и послушного вассала ильханов. Образцовая верность похвальна, ее принято поощрять; Деметре получал льготы и привилегии, что позволило ему начать понемногу восстанавливать разрушенное и заселять опустевшие земли. Судя по всему, он был толковым, очень незаурядным молодым человеком и, несомненно, мог бы многого добиться, однако судьба распорядилась иначе: великий визирь Буга, в чью «обойму» грузинский царь не без труда попал (что может быть лучше и надежнее?), учинил заговор против ильхана, проиграл и погиб, в связи с чем начались чистки его ближнего круга. На ковер был вызван и Деметре. Судя по всему, рыльце у парня было очень и очень в пушку, поскольку, как указывает летопись, решительно все советники рекомендовали царю не ехать, а пересидеть сложное время в горах. Деметре, однако, решил иначе. Считается, что спасая Грузию от нашествия по свою голову (за что был позже признан Святым Самопожертвователем), но, возможно, и надеясь на то, что многолетняя безупречная служба роду Хулагу, кровь, пролитая за ильханов в войнах, а главное, отсутствие претендентов на корону (его дети были слишком малы) сыграют свою роль. Расчет имел под собой некоторые основания: Аргун-хан, выслушав явившегося с повинной грузина, не стал казнить его сразу, как полагалось поступать с заговорщиками. Однако политика есть политика, комбинации очень часто возникают спонтанно, по ходу дела. С подачи некоторых

грузинских вельмож возникла идея утвердить на царство «варяга» – Вахтанга, сына Давида Нарина. Сам царь Западной Грузии был, конечно, «золотоордынцем» до мозга костей, но как человек амбициозный (он вел весьма активную внешнюю политику и даже претендовал на роль сюзерена крохотной Трапезундской империи) не мог не соблазнить перспективой объединить наследие предков под властью своего рода. План был хорош со всех сторон и делал необязательным наличие Деметре, которого и казнили 12 марта 1289 года. Правда, юный Вахтанг II прожил совсем недолго, а чуть позже умер и Давид Нарин, после чего в Западной Грузии началась длительная борьба за власть между его сыновьями, в Кутаиси явилось сильное войско из Сарая и многое стало не так, как тремя годами ранее. Так что Аргунхан, оставив на время масштабные проекты, выдал ярлык на Тбилиси старшему сыну царя-мученика, молоденькому Давиду VIII.

Нокаут

В 1295-м в очередной раз выяснилось, что история развивается по спирали. После смерти Аргун-хана новый иль-хан Газан, человек очень сильный (как будет потом отмечено историками, самый сильный в роду Хулагидов), в тяжелой междоусобице отстояв право на престол, начал очередной тур зачисток сторонников оппонента, в числе которых оказался и Давид VIII. Он, правда, подражать героическому батюшке не стал, а шустро сбежал в горы, выцарапать откуда его было совершенно невозможно, но на троне в Тбилиси оказался его младший брат Георгий V, по матери внук Беки Джакели, князя Самцхе, выбравшего в борьбе наследников правильную сторону и за это весьма обласканного Газан-ханом. А поскольку Георгий был еще совсем дитя, в соправители ему назначили сводного брата, Вахтанга III. Позже, когда правление Газан-хана, очень яркое и успешное, но совсем недолгое, завершилось, с гор позволили спуститься и совершенно одичавшему Давиду VIII, выделив ему небольшой удел в Джавахети, естественно, в ранге полноценного царства. При таком изобилии суверенов ни о чем хорошем, естественно, не могло быть речи. Причем если на Юге, во владениях Джакели, все было относительно неплохо, а на Западе, где Константин, наследник Давида Нарина, не справившись с младшим братом Микэлом, вынужден был по решению Сарая поделиться с ним царством, хоть какой-то порядок был, по крайней мере в экономике, то Восточная Грузия не процветала крайне интенсивно. Население сократилось на порядок, запустели города, совершенно обезумели горцы, чуть ли не ежедневно спускавшиеся в долину на предмет где что плохо лежит, крестьянство разбежалось, налоги ушли в область легенд, а многочисленные «на четверть цари», угрызая друг дружку, еще и время от времени писали ябеды в Сарай, что влекло за собой санкции ильханов. Авторитет дома Багратиони упал ниже плинтуса, в связи с чем претензии на корону предъявили дальние родственники династии, аланские князья, уже успевшие оклематься после монгольского погрома. На излете столетия один из них, молодой и талантливый Ос-Багатур, перейдя по зову соплеменников, издавна живших на севере Картли, хребет, занял Гори

и объявил себя князем нового владения, для начала независимым, но с очевидным прицелом на Тбилиси. В общем, наступающий XIV век обещал быть интересным...

Глава VIII. По тонкому льду

Почти как Куба

Сознаю возможную – особенно по нынешнему времени – бестактность такого заявления, однако из песни слова не выкинешь: своим новым взлетом, а возможно, даже и выживанием, Диди Сакартвело обязана, в первую очередь, осетинам. Конкретно говоря, Ос-Багатуру. Занятые множеством проблем, ильханы, возможно, в какой-то момент перестали обращать внимание на разоренные вконец вассальные земли, но прорыв аланов из-за хребта и основание ими княжества в Картли означало прекращение существования системы крепостей, худо-бедно не позволявших войскам Золотой Орды идти на юг через ущелья. Хуже того. Учитывая, что аланы считались и были верными вассалами Сарая, теперь ворота во владения ильханов были золотоордынцам широко открыты, – и если они не воспользовались этой возможностью сразу, то, видимо, потому только, что в самой Орде шла тяжелейшая война с великим нойоном Ногаем, даже после победного завершения потребовавшая нескольких лет передышки. По такой простой причине «грузинское» направление, ранее даже не третьестепенное, в начале XIV века стало приоритетным, игра в «многоцарствие» прекратилась, а ярлык на княжение был выдан Георгию V, младшему сыну Деметре Мученика и внуку Бека Джакели, атабага Самцхе. К моменту второго воцарения (впервые он побывал царем в детстве, на правах декорации) Георгий был уже человеком взрослым, имевшим немало сторонников и очень солидный опыт. И военный (еще в 1306-м разбил самого Ос-Багатура, павшего в битве), и административный (полномочный регент при племяннике, тоже Георгии), и дипломатический (успешные переговоры с мамлюками по вопросу возвращения грузинскому духовенству церковей в Иерусалиме). А еще, что особенно важно, – как достойный внук своего деда, – убежденным противником Золотой Орды и вернейшим сторонником дома Хулагу, многократно проверенным и запросто вхожим в самые высокие кабинеты Тавриза, вплоть до личных покоев всемогущего эмира Чобана, регента при малолетнем ильхане Абу-Саиде. В позднейшей грузинской историографии принято считать, что Георгий V с самого начала вел дело к освобождению страны из-под

власти монголов, но сие всего лишь красоты стиля. В сущности же человек был того же склада, что и его московский современник Иван Калита, не ставивший перед собой никаких стратегических целей, но, за счет полной лояльности монголам, имевший от них массу льгот и успешно решавший тактические задачи по мере их возникновения. Иное дело, что Калита прожил не такую долгую жизнь, чтобы лично увидеть плоды своих трудов и удивиться, какие деревья порой растут стыдно сказать из чего.

Короче говоря, наследников Ос-Багатура новый царь из Гори выгнал. Разумеется, с помощью войск ильхана, но быстро. Крепости в ущельях были вновь отстроены, северные ворота в земли дома Хулагу запечатаны. Удостоившись вполне заслуженных похвал, Георгий выхлопотал у Чобана (опять же, как Калита у Узбека) право собирать дань с населения самому. При этом предъявив великому эмиру целый ворох убойных доказательств злоупотреблений и хищений, чинимых монгольскими мытарями, так что просьба выглядела не ходатайством о награде за победу над аланами, а желанием верного слуги взять на себя еще одну тяжелейшую задачу – установление прозрачности в налоговых делах и наполнение бюджета державы. Чобан, естественно, не отказал, и казна ильхана вскоре наполнилась, а что собранное сверх положенного (опять-таки, ау, Иван Данилович!) шло в сундуки грузинского царя, так это никого не волновало; все знали правила и никто никому не запрещал играть на себя, если не в ущерб государству. Ясно, что все это подняло рейтинг Георгия в Тавризе на заоблачную высоту. Даже после 1327 года, когда подросший ильхан Абу-Саид по пьяной дури убил мудрого Чобана, на позициях грузинского царя это никак не отразилось. Напротив, эмиры, немедленно вцепившиеся в глотки друг другу, наперебой стремились заполучить умного, опытного и, что немаловажно, зажиточного коллегу в свою группу поддержки. Вот, думается, в это время у Георгия и начал понемногу формироваться проект выхода из-под крыши явно съедающего себя изнутри дома Хулагу.

Спешить он, однако, подобно уже не Калите, а сыновьям Калиты, не стал. Сперва, используя в качестве дополнительного аргумента монгольский отряд, стоявший в Грузии, сходил в горы, практически без боев разъяснив все, когда нужно, понимающим детям снегов, что хозяин вернулся. Потом, после смерти Микэла, царя Западной Грузии,

занял город Кутаиси, а внучатого племянника Баграта увез с собой, объяснив, что мальчику нужен регент (и что интересно, даже не убил, а вырастил, назначив по достижении совершеннолетия наместником бывших папиных владений). Затем посетил Самцхе и сделал брату мамы, атабагу Саргису II предложение, от которого дядя не смог отказаться. И только после этого, ни днем раньше, нояну монгольского контингента было велено убираться на все четыре стороны. Что тот и сделал, хорошо понимая, что умирать не за что, поскольку бессильно мечущийся на юге Абу-Саид ничем не поможет, а умирать за ворон, клюющих остатки державы, глупо. А тех из князей, что правили землями на юге и потому сомневались, стоит ли провоцировать ильханских эмиров, царь, созвав на совещание в летний дворец на горе Циви, просто и без затей велел перерезать в 1335-м. Что и было сделано, показав всем, кто еще сомневался, что в стране отныне есть реальная власть. Излишне говорить, что параллельно со всеми этими демаршами Георгий отправил послов в Золотую Орду, подтвердив могущественному Узбеку присягу, как регент и соправитель Западной Грузии, и предложив союз, как царь Восточной, и что такая инициатива была встречена в Сарае с пониманием и одобрением. Дани даже не потребовали, удовлетворившись гарантией свободного прохода через перевалы и предоставлением помощи в случае нужды.

В общем, Блистательным потомки прозвали Георгия вполне заслуженно. Он и в самом деле был человеком незаурядным, успешно решавшим любые проблемы. Наметил провести финансовую реформу – и провел, начав чеканку полновесных *«георгиевских»* тетри, на пару десятилетий ставших одной из самых стабильных валют в треугольнике Тбилиси– Каир – Исфахан. Счел нужным привести в порядок церковь, привыкшую при монголах к особым поблам, – и привел, созвав собор и выгнав из структуры наиболее наглых святых отцов. Задался целью хоть сколько-то очеловечить снежных людей – и составил *«Дзеглис деба»* («Уложение»), свод законов специально для горцев, нарушение которых каралось даже по их понятиям жестоковато, так что вскоре дети вершин сочли за благо прыгнуть из вольной дикости в культурный XIV век. И, наконец, прекрасно понимая, что государство уважают постольку, поскольку оно уважает само себя, ввел в действие правила поведения при дворе, скопированные с норм этикета византийского двора эпохи

максимального взлета Второго Рима, установив – как на Руси, но гораздо раньше, чем на Руси, – жесткий, до мелочей расписанный в специальном уставе церемониал и стройную систему придворных должностей.

Соответственно, резко возросло и влияние Грузии в регионе. Правда, не до уровня «как при Тамар», но все-таки перманентно агонизирующая Трапезундская империя признала себя вассалом Грузии, а римский папа Иоанн XXII, заинтригованный намеком Георгия на возможность при определенных условиях принять католицизм, перевел центр региональной «восточной» епархии из захолустной малоазиатской Смирны в «перспективный» Тбилиси. Что дало Георгию (в «паписты», естественно, вовсе не собиравшемуся) по церковным каналам связаться аж с королем Франции. И не просто так, а предложив тому идею совместного крестового похода (старый царь был мудр и понимал, что все успехи в таком окружении, в каком живет Грузия, весьма призрачны, а кардинально решить проблемы может только новый масштабный приход «франков»). Ну и, разумеется, ежегодные, а если надо, то и чаще, знаки уважения хану Золотой Орды. Подарки, посольства, красивые письма, а при необходимости, когда Узбек (а затем и Джанибек) приходили добивать дом Хулагу, отряды вспомогательной конницы, – и все это учитывалось. Короче, Грузия получила нового Агмашенебели. И когда в 1346-м Георгия V под всеобщий плач схоронили, его сыну Давиду IX для сохранения величия оставалось только следить, чтобы все было «как при папе», что он вполне успешно и делал. А внуку Баграту V довелось даже какое-то время наслаждаться и полной независимостью, поскольку угрозы с юга давно не было, а в Золотой Орде аккурат в его каденцию началась печально знаменитая «великая замятня».

Сын за отца

А потом, в 1386-м, пришел хромой песец по имени Тимур. Пришел, в сущности, не по Грузию, его волновал главным образом взбесившийся гомункулус собственного производства Тохтамыш, которого Хромец лично сделал ханом, но и мелочи, оказавшейся на пути Хромца, пощады не полагалось. Называя вещи своими именами, это было новое издание войны Золотой Орды с ильханами, только на сей раз во главе бывших владений дома Хулагу стоял гений, и тем, кто этого не понимал, приходилось тяжело. Впрочем, особого выбора у царя Баграта и не имелось. Золотая Орда, кто бы ею ни руководил, уже почти полвека была надежным и необременительным покровителем, а насчет Тимура ходили очень нехорошие слухи. К тому же, рассуждая логически, помощь от Тохтамыша просто не могла не прийти: случись что-то нехорошее с Грузией, и ущелья, бывшие воротами для Орды на юг, превратились бы в ворота для Хромца на север, что степного хана ни в коем случае не устраивало. Фишка в том, что на сей раз дело приходилось иметь с гением, и Баграт, после того как выпал первый снег, понадеявшийся, что уж до весны-то хлопцы из Самарканда не подвалят, в самом конце ноября с ужасом выяснил, что чего-то не предусмотрел. Тумены Тимура свалились непонятно откуда, легко взяли прекрасно укрепленный Тбилиси вместе с почти неприступной, еще Блистательным выстроенной цитаделью, разграбили все дотла, вплоть до царской библиотеки (Хромец по-грузински не читал, но книги любил). И – прихватив с собой Баграта и царицу Ануу – ушли зимовать. Но не домой, а в Карабах. Где по ходу дела выяснилось, что царь Баграт, мягко говоря, не орел. Получив предложение принять ислам в обмен на жизнь и корону, он сделал это сразу и без сомнений, став таким образом первым примером православного лидера, считающего, что вера понятие неабсолютное.

Польза, однако, из столь прагматичного решения вышла несомненная. Совершенно не сентиментальный, но фанатично набожный Тимур, никак такого варианта не ожидавший, залюбил «прозревшего» гяура, что называется, страшным любом, вернул часть казны и, приняв присягу, послал домой, на всякий случай (чтобы

продержаться, если весной нагрянет Тохтамыш) дав новому любимцу сколько-то тысяч всадников и пехоты. Никак, естественно, не ожидая, что царский сын, Георгий, имеющий заверения от Тохтамыша, что весной татары будут на Кавказе, устроит этим тысячам засаду в горах и вырежет их поголовно. Не знаю, может быть, сие деяние можно назвать проявлением храбрости, но никак не проявлением мудрости, любой, и не только государственной. Хромец был не тот парень, которого стоило кидать; с этого момента и Баграт, тем паче вновь оказавшийся православным, и его сын стали для Тимура кровниками, а быть кровниками хромого гургана в те времена было весьма опасно. Даже имея за спиной Золотую Орду.

В общем, весной 1387 года Хромец пришел опять, но на сей раз мстить. Пришел снова не по правилам, в начале марта, когда Тохтамыш еще только собирался в поход, и никакие приготовления не помогли. Несколько крепостей были буквально стерты с лица земли, великолепно подготовленное царское войско тоже, и Баграт собирался было уже бежать в Кутаиси, когда самаркандцы развернулись на восток, потому что Тохтамыш таки пришел, — но не в Грузию, как обещал, а в Азербайджан, целясь на склады, где Тимур разместил на время похода добычу. С этого момента и на долгих семь лет Потрясатель Вселенной в Грузии не появлялся, с головой уйдя в уничтожение Тохтамыша, взятие Багдада и другие мелочи жизни. В Тбилиси такой расклад, естественно, расценили как победу, отслужили благодарственный молебен, а вскоре царь Баграт Победоносный скончался, и на престол взошел Георгий VII, отныне ставший в глазах обиженного гургана ответчиком и за себя, и за покойного отца. Первое свидание на новом этапе отношений состоялось в 1394-м. На этот раз Тимур вел себя непонятно, он сперва пограбил богатую Самцхе, но затем почему-то пошел не на Тбилиси, а в нищее Арагвское ущелье, где всю зиму напролет мучил воинов, то посылая их на голые скалы, где засели горцы, то отзывая, то опять посылая. И так до марта, когда столь же неожиданно развернул войска и перешел на Северный Кавказ, где на берегу Терека состоялось, наконец, решительное сражение со степняками, поставившее точку на величии Золотой Орды. Пал и никогда уже не поднялся Сарай. Бежал навстречу гибели Тохтамыш. Хромец же, пограбив и порезав племена Северного Кавказа, поддерживавшие хана, вернулся в Самарканд и начал

подготовку к походу на Индию, а Георгий VII, как и покойный папенька считавший себя, в связи с уходом Тимура, победителем, совершил поход в Азербайджан, пограбил тамошних ханов, вассалов Тимура, и, оставив гарнизон в крепости Алинджа, уже дважды победителем, с немалой добычей вернулся в Тбилиси. Откровенно говоря, эти поиски приключений, даже учитывая возможность гибели Хромца в Индии, можно назвать только глупостью. Тем паче что Хромец не погиб, а взял Дели. После чего, в том же 1399-м, даже не дав войску отдыха, вторгся в Грузию и brutally, напоказ разорил и сжег Кахети, однако на Тбилиси опять не пошел, а дал, наконец, армии зимовку, посылая то одну часть, то другую в ущелья без какой-то видимой надобности.

Затем весной 1400 года вновь появился в Грузии, испепелил на сей раз Картли, взял и дотла сжег Тбилиси и всю Самцхе, – потом вновь погнал войска в Арагвское и Ксанское ущелье, вновь заставил воинов бегать по скалам, – и опять ушел. Это уже было больше похоже на издевательство. Однако в 1401-м, традиционно появившись, Хромец, наконец, изволил сообщить, что желает покорности и дани. Сам Георгий, правда, ехать на встречу не рискнул, послав брата Константина, но, как пишут современные грузинские историки, «был заключен почетный мир». Согласно договору Грузия обязывалась платить дань в размере «первой монгольской» и по первому требованию присылать столько войск, сколько Тимур прикажет. Кроме того, мусульманам в царстве предоставлялись особые льготы, а грузины согласились отказаться от соблюдения христианских обычаев при выездах за пределы Сакартвело. Взамен Тимур не стал требовать исламизации Грузии. На целых два года все успокоилось, разве что в 1402-м, уже в ходе сборов в поход против Османов и мамлюков, Хромец почему-то послал 25 000 новобранцев на горную крепость Торгуми, приказав во что бы то ни стало взять ее, но в пределы Грузии не углубляться. Что и было выполнено после шестидневного штурма, после чего победители влились в марширующие в Анатолию главные силы Потрясателя Вселенной.

Триумф

Рискну предположить, что Анатолийский и Ливанский походы Хромца, завершившиеся, как известно, ослепительными успехами, дают объяснение его загадочному поведению в предшествовавшие три года. Это только мое мнение, но, учитывая, как браво и слаженно действовали в горах Малой Азии и Антиливана самаркандские отряды, набранные из, казалось бы, к такой местности непривычных дехкан Мавераннахра, можно допустить, что Тимур, год за годом приходя в Грузию, но не добивая ее до конца, не столько даже мучил кровника Георгия, сколько, планируя поход в гористые страны, обкатывал новобранцев в условиях, максимально близких к боевым. Где, с одной стороны, и гор было в изобилии, и спарринг-партнер отважен, а с другой – опасность понести сколько-нибудь серьезные потери сводилась к минимуму. Впрочем, это, повторюсь, всего лишь гипотеза, на верности которой я не настаиваю, а факт заключается в том, что в 1403-м Хромец, уже Пленитель Баязида и Покоритель Дамаска, вновь в очередной, восьмой раз явился Грузию, с порога отказавшись вести какие бы то ни было переговоры с царем Георгием. Судя по дальнейшим событиям, теперь он намеревался сводить счеты за старое вероломство, – и сводил столь последовательно, что царя не спасло даже такое, казалось бы, универсальное средство, как бегство в Колхиду. Тимур совершил то, на что в свое время не решились ни Джалал-эд-дин, ни монголы: проведя войско через перевалы (к слову о тренинге в ущельях!), он сжег Кутаиси, опустошил Имерети и продвинулся вплотную к побережью. Согласие на мир было им дано лишь тогда, когда царь решился просить об этом лично. Не знаю, чего ждал он, отправляясь в ставку победителя, но рубить голову ему не стали. То ли Тимур к 70 годам, обзаведясь кучей внуков, слегка размяк, то ли еще что, однако Георгий был прощен и собственноручно подписал договор, согласно которому Грузия обязывалась отныне, помимо обычных поставок войска, платить не вассальную дань, а коранические *джизью* (налог для «неверных») и *харадж* (земельный налог). То есть юридически теряла независимость, становясь провинцией царства Хромца, правда, с некоторыми признаками

автономии в виде собственного царя. Со своей стороны, Тимур позволил грузинам остаться христианами, что, как пишут современные грузинские историки, «было большой победой для Грузии».

Глава IX. Замкнутый круг

Шанс

Всем особо продвинутым патриотам, склонным считать «грузинофобами» даже антарктических пингвинов, поскольку те не ежедневно и недостаточно громко поют осанну прогрессивным преобразованиям, имеющим место в современной Сакартвело, рекомендую почаще вспоминать о Тимуре. Вот он в самом деле ни Грузию, ни грузин не любил. В связи с чем в начале XV века страна пребывала в таком нокауте, что не могла даже воспользоваться вакуумом власти, возникшим после ухода завоевателя к Аллаху. А момент, между тем, был удобнейший. Наследники Тимура передрались между собой тотчас же, не обращая внимания на удаленные районы державы, куда мгновенно хлынули десятки мелких князьков, изгнанных Железным Хромцом и наконец, дождавшихся своего часа. Все ели всех, все всех предавали, комбинации складывались самые причудливые. Короче говоря, вода была мутнее некуда, и в этой мути рыбку, желательно золотую, но, на худой конец, и вяленую, ловили все, по принципу: кто смел, тот и съел. Казалось бы, Грузии пришло самое время повторить то, что веком ранее успешно сделал Георгий Блистательный. Да и вообще необходимо было сосредоточиться, поскольку у рубежей объявился новый враг – туркменский союз Черных Баранов во главе с талантливым вождем Кара-Юсуфом, в свое время кочевавший в Азербайджане и Армении, но не устоявший под ударом Тимура. Впрочем, извести Кара-Юсуфа до конца не удалось даже Хромцу, и вот теперь, вернувшись из эмиграции, Черный Баран предъявил счета его потомкам, выжимая их с территорий, где кочевал ранее, причем настолько удачно, что в одном из боев погиб даже Мираншах, старший сын Потрясателя Мира. Ничего хорошего в таком соседе, конечно, не было, но туркмены были грузинам хорошо известны, с ними не раз сталкивались, их не особо боялись, однако проблема заключалась в том, что сил катастрофически не хватало. Даже на то, чтобы хоть как-то продемонстрировать соседям, что силы есть. А попытки все-таки изобразить хоть что-то кончались плачевно. Георгий VII погиб в 1407-м в мелкой пограничной стычке; спустя пять лет погиб и наследовавший ему брат, Константин I, вместе с

союзником, ширван-шахом Ибрагимом, разбитый Кара-Юсуфом и казненный после отказа принять ислам.

Когда в 1412 году на престол пепелища, именуемого Грузией, взошел Александр I, сын Константина, никто, наверное, не думал, что он впоследствии будет назван «Диди Александре», – насколько мне ведомо, став единственным «Великим» в истории страны. Не считая, кажется, Великого Баграта, жившего за пятьсот лет до того, но тот-то правил страной, уверенно идущей в зенит, а вот Александр, прометавшись всю жизнь, в итоге остался у разбитого корыта. И все же, наверное, народ не ошибся. Никому не дано прыгнуть выше головы, да, но если человек работает, выкладываясь на полную катушку и добиваясь хотя бы чего-то там, где добиться в принципе ничего невозможно, этого нельзя не оценить по достоинству.

В конце концов, Александру пришлось куда труднее, чем Восстановителю или Блистательному. У него за спиной не было ни многолюдных пассионарных областей, ни даже заботливых, всегда готовых помочь ильханов. Только горечь поражений деда и отца. Плюс страна-руина. Да еще Иванэ Джакели, атабаг Самцхе, решивший, что пришло время вспомнить о том, что меньше сотни лет назад его княжество было независимым. И никаких союзников, потому что мамлюки далеко и могут помочь разве что добрым словом, а скукожившейся до предела Византии и кукольному Трапезунду кто бы самим помог. А вокруг – сплошные туркмены. Впрочем, у хорошего хозяина все к месту. Коль скоро именно непокорная, почти отложившаяся Самцхе была самой богатой областью страны, именно она, а не разоренные до упора «царские» земли и притягивала взоры Черных Баранов. Так что достаточно было вовремя не помочь – с железной отмазкой, что, дескать, сил нет, – и наглый атабаг был наказан теми самими туркменами. После чего уже ничего не стоило поймать сепаратиста и посадить под замок, заодно дав урок мегрельским Дадияни, абхазским Чанба-Шевашидзе и прочим «этническим» князьям Западной Грузии, все правильно понявшим и переставшим шуршать. А когда в 1420-м еще и умер (все смертны) Кара-Юсуф, все стало настолько хорошо, насколько вообще может быть хорошо при таком раскладе. Дети грозного туркмена, естественно, не поладили, младший сын Джахан объявил себя вассалом дома Тимура, а старший, Искандер, ничьим вассалом быть,

естественно, не желавший, начал искать надежных союзников и быстро обнаружил, что надежнее грузинского тезки нет никого.

Капитуляция

Короче, поладили – и на целых полтора десятилетия в регионе воцарились мир и покой, нарушаемые только совместными походами двух Александров против непокорного Джахана, достаточно легкими и приносящими несомненный прибыль. В это пусть далеко не золотое, как при Тамар, и даже не позолоченное, как при Блистательном, но, по крайней мере, не черное время царь пахал не покладая рук, и сумел сделать на удивление много. Отбив у Джахана несколько крепостей, в том числе грозную Лори, он вернул в состав Грузии некоторые области, заселенные, правда, уже не грузинами (кто не погиб, тот убежал), а мелкими кочевыми племенами, обложив их данью. А туда, где земли вообще лежали впусе, пригласил на поселение армян, соблазнив их льготами и в конечном счете увеличив число налогоплательщиков на треть. Разумеется, много строил. Денег, правда, не хватало катастрофически, так что пришлось вводить чрезвычайный налог, 40 тетри с дыма, – дико обременительный и непопулярный, однако подданные хотя и кряхтели, однако платили, поскольку царь, сам живущий в режиме строжайшей экономии, вплоть до латаных сапог, не брезговал отчитываться, куда идут деньги, а деньги шли на строительство, и все это видели: укрепления столицы и самые святыне храмы страны, Светисцховели и Руиси, сожженные Тимуром дотла, росли как на дрожжах. В принципе, продлись такая жизнь еще лет на 15–20 и дай Бог царю здоровья завершить все проекты, у Грузии мог появиться шанс. Увы. В 1435-м, покончив на какое-то время с восточными проблемами, Шахрух, сын Тимура, вплотную взялся за проблемы западные. Искандер, союзник и друг, даже больше, чем друг, фактически почти брат, не устояв в столкновении с домом Тимура, бежал и пропал без вести, новым шахом Черных Баранов, вернее, наместником Шахруха в Азербайджане и Армении стал Джахан, имевший на Александра огромный и хорошо мотивированный зуб. Набеги стали нормой жизни, а в 1440-м туркмены разорили всю Восточную Грузию, уничтожив все отстроенное за годы мира и даже спалив Тбилиси вместе с цитаделью.

Печально, но и смешно читать современных грузинских историков, утверждающих, что «Александр предложил Шахруху мир и отправил на переговоры своего сына Деметре». Нет, все понятно, но все же истина прежде всего: это была капитуляция, вымоленная с трудом и подписанная на условиях, продиктованных сыном Тимура, взамен всего лишь пообещавшим, что Джахан будет вести себя чуть лучше. Неудивительно, что все, чего удалось достичь за четверть века, схваченное на живую нитку, поползло по швам. Не видя смысла подчиняться неудачнику, вновь охамели власти на местах, начиная с той же Самцхе и кончая мелкими владениями, ранее не смевшими звучать, а сил прижать непокорных к ногтю не было никаких: после вторжения царская дружина численностью уступала многим княжеским. Отчаянная же попытка укрепить систему, введя по образцу старой Византии институт соправителей, ситуацию только усугубила. Сыновья Александра, юноши способные и отца уважавшие, оказавшись в положении «младших царей» (Деметре в Картли, Георгий в Кахети), очень скоро, как это обычно и случается, попали под влияние местной знати и начали лоббировать региональные интересы, мало интересуясь проблемами «федерального центра». И... Не станем судить строго, у каждого человека есть некий предел, за которым кончаются не силы, а вера в себя. К тому же он был стар. В 1442-м Александр I отрекся от престола и постригся в монахи. А спустя год умер. Чего, видимо, давно хотел.

Патриоты

После ухода из политики старого царя единственным, что еще сдерживало распад страны, была необходимость защиты от Джахан-шаха, считавшего союзников пропавшего брата личными врагами. Все понимали, что с этим врагом можно бороться, но только вместе, а не то будет как при Тимуре, а новый царь, Вахтанг IV, к тому же слыл неплохим воином и талантливым полководцем, так что в тяжелые минуты на его зов приходили. В итоге попытка Черного Барана поиграть в Железного Хромца сорвалась. Когда он организовал большое нашествие, грузинское войско встретило его на юге, около Ахалцихе, и так дало по ушам, что шах ночью, не продолжая боя, увел армию прочь. Однако царь Вахтанг умер, просидев на престоле всего четыре года, а его брат Георгий VIII никакими талантами не славился. Тем не менее с вещами на выход никто не спешил. Уж больно момент был непростой. Как раз в это время османы сжимали удавку на шее Константинополя, а в мае 1453 года и взяли его, раз и навсегда покончив с Византией. Среди многих тысяч убитых оказалась и дочь царя, невеста последнего василевса Второго Рима. Опасность ситуации была ясна даже идиотам, к тому же один за другим обрывались торговые пути, лишая Грузию, живущую на три четверти за счет транзита, большей части доходов. А из союзников, не говоря о жалком Трапезунде, имелись только туркмены из союза Белых Баранов, враждовавших с Черными, но эти бараны кочевали слишком далеко, аж в Ираке, да и, ежели честно, были хороши только издали. Вся надежда была только на то, что Европа поможет, тем паче что Запад и вправду засуелся. В Тбилиси появился кардинал Луиджи Болоньели, нунций папы Пия II, с целью на месте выяснить, что такое Грузия вообще и может ли она интересовать инициаторов потенциальной круазады. «О да!» – кричали грузинские князья, клянясь именем Господа, что готовы выставить сто, двести, триста тысяч латников, – как только «франки» придут. Лишь бы те пришли. Вполне удовлетворенный услышанным, нунций, однако, предложил Георгию VIII отправить посольство для конкретного разговора. Что и было сделано. Полномочные послы поехали в Европу, встретились со

всеми заинтересованными и не очень заинтересованными лицами, от венгерского короля и императора Священной Римской империи до папы и миланского герцога, побывали даже на коронации короля Франции, но домой вернулись в полной уверенности, что круазады, скорее всего, не будет.

Смысла в совместной жизни не видел уже никто. Даже Джаханшах уже не был такой страшилкой, как раньше, – его все больше щемили усилившиеся Белые Бараны. Они, правда, тоже горазды были пограбить, даром что считали себя союзниками, но делали это без зла, сугубо добычи ради, даже стараясь поменьше разрушать, так что строить идеологию на борьбе с ними не получалось. Самцхе, четверть века назад с грехом пополам вразумленная Александром, уже не платила налоги и выставила на своих границах вооруженную стражу, пинками гнавшую тбилисских уполномоченных. Примеру атабага последовал и Баграт Багратиони, наследственный правитель Западной Грузии из рода Давида Нарина, некогда лишенного короны Блистательным. Формально они еще признавали Георгия VIII сюзереном, но лишь потому, что «франки» желали говорить с Грузией как с единым целым, когда же стало ясно, что Европа блефует, нужда в политезе исчезла. В 1463-м Баграт, разгромив войска Георгия под Чихори, официально объявил себя царем независимой Имерети. Спустя два года, когда Георгий, разбитый при Паравани атабагом Кваркваре, тоже провозгласившим суверенитет, оказался в самцхийском плену, самозванный имеретинский царь занял Тбилиси, при живом монархе короновавшись царем всей Грузии. Однако, видимо, на волне головокружения от успехов, сделал крупную ошибку, потребовав присяги и от Самцхе, после чего атабаг Кваркваре коварно отпустил на свободу не только Георгия, но и его племянника Константина, сына картлийского «малого царя» Деметре.

И не прогадал. Князья и князьки Восточной Грузии вовсе не были рады нашествию западных братьев с их не всегда понятным языком и безразмерными претензиями, так что Георгия радостно приветили в Греми, где он раньше был «малым царем», где он и осел, объявив Кахети независимым царством, а себя Георгием I Кахетинским, Константин же без труда занял Тбилиси, естественно, тотчас по всем правилам короновавшись в качестве Константина II, царя всей Грузии. Что, разумеется, крайне не понравилось Баграту, желавшему везде

царствовать и всем владеть, но, поскольку опоры в Восточной Грузии у него не было никакой, имеретинский царь подложил сопернику большую свинью, расколол грузинскую церковь, являвшуюся последним гарантом пусть эфемерного, но все же единства. Сделано было тупо, грубо, безо всяких соборов и богословских закорючек, зато эффективно: Баграт просто арестовал Михаила, патриарха Антиохийского, аккурат в то время христарадничавшего в Грузии, и приказал ему рукоположить архиепископа Кутаиси в патриархикатоликосы «всея Лихт-Имери и Абхазети», а также обосновать этот акт научно. Абсурдность заказа старому греку, безусловно, была очевидна, но, видимо, очень уж хотелось вырваться из лап явного психопата. Так что на свет очень быстро появился трактат «Заповеди веры», где доказывалось, что, поскольку Святой Андрей принес Свет Христов в Колхиду на три века раньше, чемвятая Нино в Иверию, то, следовательно, западногрузинская церковь должна быть самостийной. Заказчик был доволен, иерарх, получив свободу и скромный гонорар, бежал восвояси быстрее лани, а то, что половина грузин на три с лишним века, аж до прихода русских, оказалась в духовном подчинении у самосвятов, судя по всему, никого особо не взволновало.

Агония

Ну и все. Верить в смерть единой Грузии все еще не хотел разве что федеральный центр в лице Константина II. Когда в 1478-м сепаратист Баграт VI ака (в Имерети) Баграт I, наконец, скончался, он, воспользовавшись разногласиями наследника Александра I с князьями Мегрелии, Абхазии и Гурии, пришел в Кутаиси, дал им все права, которые они хотели иметь, а взамен был признан сюзереном. Вслед за тем ему удалось убедить еще одного Александра I, сына уже умершего Георгия то ли VIII, то ли I, считаться «малым царем» Кахети. Чистая формальность, показуха, не более, но все-таки костюмчик кое-как снова сел, и сколько-то лет еще, наверное, сидел бы, не попытайся Константин II наехать на атабага Самцхе, ни о какой форме зависимости слышать не желавшего. Мозгов, однако, не хватило. Так что Кваркваре Джакели пришлось вставлять их тбилисскому мечтателю в битве при Арадети летом 1483 года, по итогам которой у Константина надолго не стало армии. После чего Александр, сын Баграта, вернувшись в Кутаиси, без особого труда убедил солидных людей, что он, коренной имеретинец, лучше чужаков с востока, даже по-мегрельски, тем паче по-свански не говорящих, а права их племен будет признавать и во внутренние дела не лезть. Параллельно быть «малым царем» надоело и Александру, сыну Георгия. Теперь Константину оставалось только давить на совесть. В 1490-м он, пользуясь правом пусть формального, но все же царя пока еще всей Грузии, созвал в Тбилиси Диди Дарбази – Собрание всех хотя бы сколько-то уважаемых в стране людей всех сословий, вплоть до горских старейшин. Сделал доклад – красивую речь об идеалах, единстве нации, прутьях, которые по отдельности ломать легко, а пучком никому не под силу. А потом спросил: что делать? Как сообщает летописец, мудрые старцы единогласно посоветовали царю смириться и признать уход мятежных регионов, положившись на то, что «время все рассудит».

Глава X. Развод и девичья фамилия

С чистого листа

Все счастливые семьи, как известно, счастливы одинаково, каждая несчастная семья несчастлива по-своему. То есть сперва, сразу после развода, элитам бывших провинций единой Сакартвело, а теперь суверенных (и почти суверенных) монархий, жизнь показалась окончательным медом. В самом деле, никакого федерального центра с его претензиями на арбитраж, зато масса новых вкусных вакансий вокруг новых самостийных корон. Однако отрезвление пришло достаточно быстро. О Западной Грузии говорить пока не будем, что же касается двух восточных царств, Картли и Кахети, то судьбы их сложились хотя и хреново, но все-таки по-разному, в соответствии со взглядами правителей на жизнь. В Кахети, например, Георгий (бывший VIII всея Грузии, а по-местному I), учтя ошибки отцов-дедов, провел административную реформу. Крупные области разделил, губернаторы стали сменяемыми и потеряли военную власть, отданную епископам, детей не имевшим, а потому менее опасным. Так что Александру I досталось хорошее наследство. Да он и сам был спокойный, без амбиций. Когда добрые друзья Белые Бараны, побив, наконец, злых недругов, Черных Баранов, сами стали проблемой № 1, драться, как картлийский коллега, не стал, а поехал к их вождю Узун-Хасану, поклонился в ножки и признал себя «сыном», уговорив «отца» грабить только непокорную Картли, а покорную Кахети не трогать. То же самое повторилось, когда после Узун-Хасана главным Бараном стал Якуб-бек, хотя новый «отец» был годами крепко младше. Параллельно царь в 1481-м, а затем в 1483-м отправлял посольства в Москву, к Ивану III, ставя его в известность, что вот, мол, великий государь, есть у тебя на далеком Кавкасиони такой Шурик, вернейший твой холоп в душе, мечтающий быть таковым и по факту. Москва, понятно, особо помочь не могла, но денег оба раза послала, как тут не послать. В общем, все было путем. Когда же к 1500 году среди соседних ханов объявился напористый и бойкий Исмаил Ардебильский, туркмен не любивший, как злостных конкурентов, Александр по секрету от Якуб-бека послал сына Деметре в Ардебиль, признав себя «сыном» еще и Исмаила. Короче, знал свой шесток и жил по средствам. В отличие от

Константина II Картлийского, долго еще не понимавшего, что он уже не «всея» и тосковавшего по былому величию, восстановить которое никак не получалось, несмотря на переписку с мамлюками и даже посольство в Европу, где его проблемы, как ни странно, никого не заинтересовали. В итоге страна, в отличие от спокойной Кахети, горела ежегодно. Полегчало лишь после смерти Якуб-бека, да и то потому, что сироты выясняли отношения. А потом Исмаил наконец покончил с Баранами и стал шахом Ирана, а оба грузинских царства – его покорными, привилегированными вассалами.

Настало самое время выяснять отношения. По крайней мере, на взгляд Константина: он полагал, что Кахети идет ему куда больше, чем кузену, и в 1505-м, умирая, завещал замысел сыну, Давиду X. Александр Кахетинский с такими планами был категорически не согласен, но, к сожалению, с головой уйдя в труды на благо страны, совершенно выпустил из рук старшего сына Георгия, судя по всему, явного психопата, любившего, вопреки запретам отца, время от времени пограбить Картли, только и ждавшую повода для нападения. Наследник, даром что псих, сильно опасался, что право на корону передадут брату, бесился и, наконец, в 1511-м, поругавшись с отцом во время семейного ужина, абсолютно неожиданно для присутствующих, убил отца, а брату выколол глаза и выгнал на все четыре стороны. Вслед за тем, разумеется, осчастливив подданных собой под именем Георгия II или (в народе) Ав-Георгия, Георгия Злого. Теперь кусать Картли ему никто не мешал, на чем парень и погорел: в 1513-м его поймали, закрыли и, похоже, удавили, а Кахети таки ушла под Тбилиси.

Но ненадолго. Когда в следующем году персы впервые столкнулись с турками и шах потерпел поражение, картлийский царь, решив, что Исмаилу канты, повел себя по-хамски, напав на иранские владения. Турки, однако, войну продолжать не стали, их в этот момент куда больше интересовал Египет, а шах, полностью оклемавшись, в 1518-м пришел в Картли разбираться. На счастье страны, геройствовать Давид X не стал, покался и вымолил прощение ценой отказа от льгот. Однако Кахети потерял: тамошние вельможи, вовсе не хотевшие подчиняться чужакам-тбилисцам, извлекли из рукава и короновали царевича Левана, сына Ав-Георгия, а карательную экспедицию в 1520-м разбили при Магаро. Давид разозлился всерьез,

но кахетинцы, понимая, что сил маловато, успели наябедничать Исмаилу. Шах, естественно, не преминул помочь смирным вассалам против буйного: в 1520-м персы пришли вновь, без боя (царь сбежал) заняли Тбилиси, поставили гарнизон, построили мечеть. Лишь пять лет спустя, после смерти Исмаила, Давид вернулся в столицу. После чего срочно постригся в монахи, причем наследовал ему не сын, как полагалось бы, а брат Георгий IX, к которому у персов претензий не было. И только еще два года спустя, когда все устаканилось, Луарсаб смог сесть на трон – на копьях воинов тестя, имеретинского царя Баграта III, и, конечно, не даром.

Квартирный вопрос

Вообще, если честно, создается впечатление, что при великом разделе подербанили не только жилплощадь, но и присущие сильным и мудрым Багратионам человеческие качества, причем мудрость без остатка досталась кахетинской линии. Единственный неосторожный шаг, сделанный по молодости в самом начале правления (поход на хана Шеки, такого же шахского вассала, как и он сам), царь Леван компенсировал быстрыми и убедительными извинениями, после чего стал тише травы и осторожнее суслика. Ведя себя идеально по отношению к Ирану, он пользовался полным благоволением шахского двора, что позволило ему подчинить непокорных горцев-хевсуров и наладить неплохие, даже семейные отношения с очень (по сравнению с Кахети) сильным Шамхалом в Дагестане. Персы Левана ценили, и было за что: по первому требованию кахетинские дружины выступали против кого угодно, отчуждение от Кахети нужных Ирану областей встречалось без радости, но с полным пониманием и покорностью судьбе. В 1556-м царь даже отправил к шахскому двору сына Иесе, которого быстро сделали мусульманином и определили на хорошее место, а когда через три года Иесе решил было вернуться к Христу и убежал домой, батюшка его фактически выдал и парень загремел в Аламут. Легкие выверты типа переписки с Иваном Грозным персов не сердили: они понимали, что вассалу нужны деньги, а далекую Москву в расчет не брали.

В общем, длинная, аж до 1574 года, каденция Левана была для Кахети золотым веком. Зато картлийской линии досталась страсть к активной политике, и ничего больше. Константин был давно мертв, но его потомкам тоже хотелось величия. В 1535-м, присоединившись к тестю, царь Симон атаковал Южную Грузию, по итогам кампании разжившись самцхийской Джавахети. Мудрые современные грузинские историки пишут, что «к сожалению, другие грузинские князья и цари их не поддерживали», и я их понимаю. Но еще больше понимаю этих «других», в первую очередь атабага Самцхе, запросившего о спасении не только прямого шефа, шаха Тахмаспа, но и враждебных шаху соседей-турок. В 1541-м шах пришел и занял

Тбилиси, вынудив Симона, похоже, никак не ждавшего, что за беспредел можно и ответить, переехать в Гори. В 1545 году в битве при Сохоиста тесть и зять были биты атабагом, которому слегка помогли турки, после чего имеретский царь потерял Самцхе и, погоревав, смирился, Луарсаб же уперся рогом. Видимо, южные земли ему очень нравились. И пошло-поехало. Три раза он ходил походом на юга, три раза вслед за тем приходили персы и делали справедливость, порой достаточно жестокими методами. А в 1554-м шаху эти кошки-мышки надоели и он, явившись в очередной, четвертый по счету раз, прошелся по Картли из конца в конец, взяв и Гори, и крепость Атени, где укрывалась мать царя. Самому Луарсабу, правда, удалось спрятаться и на сей раз.

А потом наступил год 1555-й. После заключения временного, как все понимали, но все-таки мира между Турцией и Ираном персы сосредоточились и операция «Принуждение к миру» пошла всерьез. В 1556-м у села Гариси войско даже не шаха, а всего-навсего карабахского наместника, пришедшего вразумить старого царя, столкнулось с армией Картли. Уж что там было, не знаю, грузинские историки утверждают, что «враг был разбит и обращен в бегство», однако факт есть факт – в ходе этого бегства враги оказались в глубоком тылу победителей, где ждал исхода битвы старик, доверивший командование сыну, и убили Луарсаба, а царевич Симон поспешно отступил. Вскоре он, уже в ранге царя, потерпел еще одно поражение, у села Цихедиди, и ушел в реальные бега, а царем персы назначили его брата Давида XI, срочно принявшего ислам и называвшегося теперь Дауд-ханом. Братья, само собой, понемногу воевали, а потом, в 1569-м, опять пришли персы, разбили Симона при Парцхиси, взяли в плен и отправили думать о жизни в тот же Аламут, а Дауд-хан ака Давид XI получил, наконец, возможность чувствовать себя полноценным монархом, на досуге изучая медицину, которой очень интересовался. Беды он не ждал уже ни с какой стороны, а беда, тем не менее, пришла. В 1578-м турки вновь наехали на персов, огорчили шаха при Чалдыране и объявились в Грузии, где Александр II Кахетинский, сын за несколько лет до того умершего Левана, встретил их хлебом-солью, немедленно присягнув султану, а параллельно тайно отправив в Иран письмо с подробнейшим изложением причин, вынудивших его, верного подданного, так поступить. Причины были

столь уважительны (полное отсутствие сил в связи с только что закончившейся междоусобицей), что шах на кахетинца даже не рассердился, и Кахети продолжала процветать.

А вот на Дауд-хана Картлийского, без сопротивления сдавшего туркам Тбилиси, рассердились так сильно, что ему пришлось просить вид на жительство в Стамбуле, где он и прославился как лучший врач столицы, автор классического учебника *«Йадигар Дауди»*. Картли, в отличие от Кахети, стала пашалыком, а сил на дополнительный фронт выделить было неоткуда. В такой ситуации было решено освободить царя Симона, у которого на турок был зуб за Самцхе, и тот, вернувшись в Картли, организовал очень успешную герилью. Правда, Тбилиси отнять у оккупантов не смог, потому что параллельно с освободительной борьбой еще и пытался завоевать Имерети, как раз в тот момент плохо лежавшую. Тем не менее около десяти лет турки контролировали в Картли только города, а заняться партизанами всерьез не могли, поскольку персы дрались отчаянно. Однако в 1590 году молоденький шах Аббас, нуждавшийся в передышке для укрепления на престоле, подписал с османами крайне похабный мир, отдавший им весь Южный Кавказ. Знай в Стамбуле, что вырастет из этого мальчика в ближайшем будущем, никаких переговоров, скорее всего, не было бы, но грядущее ведомо только Аллаху, так что Симон, нежданно-негаданно переставший быть вассалом Ирана, перестал и получать оттуда помощь. Оставшись с янычарами один на один, он (слава героям!) сумел еще взять Гори, но пришла новая турецкая армия, и царь, проиграв тяжелейший бой у села Парцхиси, попал в плен, где и умер, а правителем царства стал его сын Георгий X, короновавшийся лишь через десять лет после смерти отца.

С видом на море

Что касается Запада (добрались, наконец), то там ситуация была не то, что проще, но иначе. Формально Александру II, наследнику развалившего Сакартвело Баграта, подчинялась вся Колхида. Но очень условно. В новой обстановке вдруг нарисовались почти сгладившиеся за четыре века этнические границы. Огромное княжество Одиши (просто мегрелы, населявшие Мегрелию, а также и мегрелы с добротной адыгской приправой, обитавшие в Абхазии), остро ощущая свою «самость», хотя и не спорило с тем, что хозяин Кутаиси как бы его сюзерен, однако навтыяжку не стояло. Гурия, хоть и была послабее, тоже. Прочность их верности определялась, в основном, невмешательством царя в их суверенные дела. А сюзерену хотелось быть могучим. Он даже попытался слегка ущемить коллегу Давида, в трудный для того час заявившись в Картли и заняв аж Гори, но радости у населения это не вызвало никакой, а к тому же еще объявились турки. Причем абсолютно нежданно: поскольку на их пути лежала Самцхе, где, как планировали кутаисские штабисты, османы завязнут надолго. Однако атабаг Мзечабук, получив от паши гарантию неприкосновенности в случае нейтралитета, пришельцев пропустил без боя. Нынешние грузинские историки осуждают его, «думавшего только о собственном спасении», но, если откровенно, мне кажется, что подданные князя были довольны. На счастье Имерети, в этот, первый раз турки пришли не завоевывать, а слегка пощупать и немножко пограбить. Но, поскольку царя не было на месте, янычарам удалось взять столицу и еще пару крупных городов, обобрать их до нитки, а перед уходом еще и сжечь. От такой печали Александр вскоре и отдал Богу душу, а престол Имерети занял его сын Баграт III, мужик очень активный, а по части гордыни точная копия деда, в честь которого был назван. Он, как уже говорилось, помог зятю Луарсабу I воцариться в Картли, взамен разжившись несколькими важными городами, а затем, опьяненный успехом, решил, что богатая Самцхе, где очень к случаю дрались за власть наследники хитрого Мзечабука, в независимости не очень-то и нуждается. Благо сил было достаточно:

вассалы царя не слишком жаловали, но сходить под его знаменами в поход на предмет добычи были всегда рады.

Так что в 1535 году объединенное колхидское войско, войдя в Самцхе, легко обнулило атабага Кваркваре при Мурджахети, вслед за чем Баграт объявил княжество коронной землей Имерети, а вассалам предложил брать все, что хотят, кроме земли. Вассалы обиделись, особенно самый крутой, мегрел Леван Дадияни, и у царя возникли серьезные сложности, еще более неприятные оттого, что знать новой «коронной земли» вовсе не горела желанием подчиняться незваному господину, ко всему еще и раздающему чужие земли непонятно кому. В итоге серьезный человек по имени Отар Шаликашвили вывез из оккупированной страны малыша-наследника Кайхосро, явился с ним к султану Сулейману и на коленях молил быть сиротке отцом родным. Сулейман не отказал. Напуганный Баграт кинулся к шаху Тахмаспу, умоляя прислать войска, тем паче что ведь все равно Иран с турками воюет. Однако идея иметь еще один фронт шаху никак не улыбалась, а своих сил, учитывая ссору с Дадияни, у царя хватило разве что на отражение первой, довольно ограниченной по масштабам карательной экспедиции. Повторить успех спустя полтора года не получилось: потеряв почти всю армию под Сохоиста, до предела взбешенный Баграт вполне справедливо обвинил в этом подлого Дадияни, пригласил его в гости и закрыл в крепости. В ответ встала на уши вся знать Колхиды, вплоть до обычно лояльного престолу владельца Гурии. Потому что, сами понимаете, ежели этот крутой перец из Кутаиси вот так вот с самим Дадияни, так это что же с нами станет, если мы сейчас это ему спустим с рук?

При всех симпатиях к институту монархии и почтении к вассальному долгу, вынужден признать, что во всех своих дальнейших сложностях Баграту III следовало винить только себя самого. Дадияни в камере оказался чем-то типа медведя в охапке, а угостить его грибками царь то ли не сообразил, то ли поостерегся, опасаясь раздразнить гусей до предела. А поскольку вне стен тюрьмы работа велась серьезная, мегрельский князь довольно скоро, хотя и с великими приключениями, достойными пера не ниже Дюма, оказался на воле, «этнические» же княжества на ближайшие три века ушли в свободное плавание. Итогом суетливых попыток человека из Кутаиси как-то исправить ситуацию оказалось только огромное количество

пленных у всех выясняющих отношения сторон, и тотчас выяснилось, что эти самые пленные – весьма востребованный, можно сказать, стратегический товар. Стамбульские гаремы и галеры требовали постоянного пополнения, так что турки закупали всех оптом, сколько ни пригони, и просили еще, и с этого времени войны князей с царем и царя с князьями обрели экономический смысл. На первых порах, правда, кое-кто, в первую очередь Церковь (христиане все-таки), пытался кое-как это дело ограничить, но, как всем известно, при 400 % прибыли капитал идет решительно на все, хотя бы под страхом виселицы, а работорговля приносила дивиденды и поболее, так что сами понимаете.

Между тем, напомним, по Амасийскому миру 1555 года ранее спорная Западная и Южная Грузия вошли в зону неограниченного влияния Стамбула, – и все стало куда серьезнее, чем раньше. Прежде всего для Самцхе. Она османам давно уже очень нравилась. И теперь турки начали ее осваивать, не обращая внимания ни на совсем ручного, но уже на фиг не нужного атабага Кайхосро, ни тем паче на слабые протесты Имерети, где Георгий II, сын наконец умершего в 1565-м Баграта, а вслед за ним и его сын Леван I все еще пытались хоть как-то прижать к ногтю по факту уже бывших вассалов. Получалось плохо. Называя кошку кошкой, совсем не получалось. А когда что-то вдруг складывалось, мегрелам (самыми упрямыми были именно они) совсем слегка помогали турки, и этого вполне хватало. Ко всем радостям, очень действовал на нервы и картлиец Симон, которому, если помните, проблем с турками дома более чем хватало, но хотелось и прибрать Имерети; правда, на два фронта воевать трудно кому угодно, поэтому картлийцы из Кутаиси вскоре убрались, а Леван вернулся. Но ненадолго и на свою же голову. Очень скоро его поймали, увезли в Зугдиди и там, похоже, втихую удавили мегрелы, назначив на вакантное место некоего Ростомы, кузена усопшего царя, тут же признавшего независимость Мегрелии, а себя чуть ли не вассалом Дома Дадиани. Что, безусловно, не понравилось ни Симону Картлийскому (такое непочтение к Багратионам!), ни гурийцам, ни абхазам (типа, а мы чем хуже?!), – и колесо завертелось с таким свистом, какого раньше не случалось. Все сцепились со всеми. И никто не обратил особого внимания на то, что турки, окончательно прогнав последнего атабага Манучара, оккупировали Самцхе, – и на сей раз

надолго, аж до прихода русских войск. Впрочем, в такой нервной обстановке людям было не до пустяков...

Глава X. Буйный терек

Перезагрузка

Тем временем не идеально было и на севере. После распада Большой Орды народы Северного Кавказа понемногу усиливались. На западе возникла конфедерация мелких черкесских (адыгских) княжеств, собирательно именуемых Кабардой. Княжества были сильные, богатые, достаточно культурные (правда, в основном языческие, однако христианство там знали и уважали еще со времен Византии), так что борьбу с наследниками Орды – Крымом и ногайцами – вели довольно успешно. На востоке, в Дагестане, также выстроилась целая пирамида племенных княжеств, а наиболее сильными оказались Аварское ханство и – в первую очередь – кумыкский Шамхалат, претендовавший на роль нового гегемона. Шамхалы вели завоевательные походы под знаменем ислама, в чем немало преуспели, а во внешней политике ориентировались на Османскую Порту, во всем подражая крымским ханам, – и точно так же, как крымские ханы, обеспечивая турок важнейшим для них стратегическим товаром, живой силой, необходимой для пополнения гаремов, экипажей галерного флота и янычарского корпуса. К концу первой трети XVI века, когда все соседи были успешно исламизированы, шамхалы понесли знамя *«священной войны»* в *«языческую Кабарду»*, после чего адыги решили делать ставку на Россию, аккурат в это время, взяв Астрахань, вышедшую к предгорьям Северного Кавказа. Отношения с русскими у *«черкасов»*, надо отметить, были традиционно очень приличными, адыгская знать издавна считалась на Москве ровней, так что, в итоге, черкесская княжна Идархэ Гуашеней стала в 1561-м царицей Марией Темрюковной. Уже в 1560-м, аккурат в период сватовства, в качестве одолжения будущим родственникам, царь направил на Тарки войско под командованием Ивана Черемисинова, который, с минимальными потерями разгромив дружины шамхала Чупана, сжег его равнинную столицу и с победой вернулся в Терский городок. Урок пошел впрок, помощь продолжалась и далее, тем паче что отрезать шамхалат от Крыма для Москвы было очень желательно. Уже в 1567-м на слиянии Терека и Сунжи встала крепость Терки, крайне неприятно удивив

шамхала, – и это стало дополнительным аргументом в пользу знаменитого похода турок на Астрахань в 1569-м. Однако после фиаско 1569 года Порта предложила Москве мир, отказываясь от Астрахани и обязуясь «не велети тому шевкалу обиду черкасам чинити», но категорически требуя снести все русские крепости на Тереке и Сунже. На чем и поладили – к полному удовлетворению кабардинских Идаровичей. Шамхалу же, которому без рабов был полный зарез, пришлось отныне уделять больше внимания другим соседям, в связи с чем очень скоро Москву посетило очередное экзотическое посольство...

Христа ради...

Необходимое отступление. Возникающие иногда разговоры о том, что Грузия, дескать, никогда из себя ничего не представляла, будучи вечным халявщиком, истине ни в коей мере не соответствуют. Феодалное ничуть не меньше, чем какая-нибудь Франция, развитое и культурное православное государство, объединившее в XI веке родственные племена эгров, чанов и картвелов, она знавала блестящие времена, когда по праву считалась региональной сверхдержавой. Бывали, конечно, и – как после нашествия татар, а позже семи походов Тимура – периоды падения и разрухи, вслед за которыми начинались феодалные усобицы. В конце концов, когда выяснилось, что война всех со всеми поставила на грань гибели уже не страну, а народ, сработал инстинкт то ли этнического, то ли социального самосохранения. В 1494 году Великий Дарбази (Верховный Совет) страны официально постановил расформировать государство по границам входящих в него и никак не способных договориться племен «до тех пор, пока Господь нас, безумных, не вразумит». Единая Грузия распалась на три царства и пять княжеств, и в таком состоянии вступила в XVI век – век борьбы за господство над Кавказом двух великих империй, Порты и только что, после тысячи лет небытия, возрожденного Ирана, быстро поделивших сферы влияния.

Туркам достались царство Имерети и все пять княжеств, персам – два восточных царства, Картли со столицей в Тбилиси и Кахети со столицей в Греми, но оказавшимся под персами повезло немного больше. Во-первых, *«война зеленых и красных»* протекала на первых порах с явным перевесом Турции, уже успевшей набрать обороты, так что кызылбаши старались не перегибать палку в отношении сателлитов. Во-вторых, хотя персы тоже брали дань людьми (а что еще взять с нищих?), в отличие от турок, меры не знавших, они, по крайней мере, устанавливали твердые квоты. К тому же, опять-таки не в пример туркам, девушек отдавали в гаремы не последним людям государства, не запрещая поддерживать связи с семьей, а мальчиков, обратив в ислам, либо направляли в офицерский корпус, либо посылали обратно домой, назначая на хорошие должности при

вассальных царях. И тем не менее грузинам это сильно не нравилось. Да и не привыкли еще в те времена к тому, что православный на собственной земле должен терпеть указания мусульман. В связи с чем в «иранской сфере» (в отличие от «турецкой», где все стояли по струнке, тихо мирясь с тем, что жизнь сурова) время от времени проявлялось недовольство. В первую очередь в Кахети, где, в отличие от Картли, не было междоусобий, а престол с 1574 года занимал царь Александр II, резко выделявшийся на фоне довольно тусклых коллег. Очень толковый мужик, эффективный менеджер с амбициями, судя по всему, мечтавший стать новым Давидом Восстановителем. Но сил было мало. Очень. Приходилось искать нетрадиционные варианты. Взойдя на престол как, естественно, вассал Ирана и получив от Исфахана массу льгот, он очень скоро, как только Иран проиграл войну, объявил себя верным подданным Порты, прося подтвердить привилегии, данные персами. Увы, османы тут же наложили дань людьми, которая при персах считалась бы фантастикой, а ко всему еще и назначили «старшим по зоне» шамхала, получившего, таким образом, право и возможность резвиться в Кахети на законных основаниях.

Легко представить себе, с каким интересом воспринял его высочество, будучи еще престолонаследником, информацию о появлении в относительной близости от его страны русских войск. Которые мало того что дали грозным янычарам отлуп под Астраханью, а страшному крымскому хану под Молодеями, но еще и (что было куда актуальнее) по просьбе кабардинских князей поставили раком аж самого шамхала. Правда, в отличие от Идаровичей, такого козыря, как родственные связи с северными людьми, Багратиды в обозримом прошлом не имели, однако зачем козыря, если на руках джокер? Короче говоря, в 1586-м Москва с некоторым удивлением, но и удовольствием встречала посольство из далекой «Иверии», бившее челом «великому базилевсу православному, чтобы он, единственный православный государь, помиловал, принял их народ в свое подданство и спас их жизнь и душу, сделав тому богопротивному шевкалу великое утеснение». От имени царя Кахети послы присягнули совершенно не ожидавшему такого царю Федору «на верное служение православному Государю Московскому», получив взамен (а куда деваться?) согласие стать «старшим государем Иверийским и

оберегать того князя Олександра от всех недругов его». Само по себе это ничего не значило, декларация о намерениях. Примерно такая же, что и за сто лет до того, когда другой кахетинский царь, тоже Александр, присылал посольство Ивану III, признавая себя «холопом» Москвы и прося вспомоществования. Тогда, однако, политических последствий не случилось, а теперь посольства пошли косяком, из года в год. В 1588-м приехал «княжич Каплан», в 1589-м «боярин великий Хуршит». Рассказывали, какой нехороший человек шамхал, как неправильно сделал Черемисинов, что «при прежнем государе покинул Терки», потому что тогда горцы вели себя хорошо, а нынче плохо. Короче, просили послать войска. Или хотя бы, ежели «базислевс, синклит его и патрикии» не верят, – посольство, чтобы северные братья убедились на месте, «каковые обиды иверскому люду честному православному басурмане безвинно чинят». Посольство съездило. Побывало в Греми, в Кумухе. Убедилось: да, чинят, но ссоры с Москвой шамхал очень не хочет и готов к разумным компромиссам. Однако информация о том, что «мочно шевкала миром потеснити, и он примет шерть и даст заложников, и тогда дорога через него будет чиста, без опаски», кахетинской стороной воспринята не была. Александр настаивал на том, что переговоры с шамхалом вести нельзя, ибо «сей собаке верить никак не мочно, что скажет, то соврет, а если и сына даст в заклад, и то ни во что, сынов у него много, что собак». Так что «во имя веры православной гнать его должно в Дербент, чтобы и след простыл».

Жди меня

В общем, позицию кахетинского царя понять можно – раздавить шамхалат означало избавиться от сильнейшей головной боли, усилив страну на порядок. Москве, в отличие от Греми, ситуация столь уж простой не казалась. Война с Турцией была совершенно не нужна, русские поселки на Тереке шамхал (уже не Чупан, а его сын Сурхай) не очень тревожил, торговые дороги в Персию берег и абреков старался умирять – чего еще? Но, с другой стороны, когда басурманы обижают православных и угоняют их в рабство, тоже терпеть нельзя. Тем паче ежели кланяются в ноги и называют базилевсом. Так что осенью 1589 года посол, направленный в Кахети, передал терскому воеводе царскую грамоту для шамхала с тайным приложением – дескать, ежели шамхал отреагирует неправильно, его «добро будет не излиха позадирати». В самой грамоте говорилось о «многих шевкаловых неправдах доброму нашему грузинскому православному люду» и выставлялось требование, чтобы «он, шевкал, исправился бы перед государем и заедино с царем нашим иверийским и князьями нашими кабардинскими стоял бы на всех недругов государя за один». Кроме того, посол по большому секрету сообщил специально вызванному в Терки кабардинскому князю, свояку шамхала, что ежели шамхал не прислушается к доброму слову, может случиться всякое. Параллельно воеводе были даны полномочия начать обработку вассалов и союзников шамхала, в частности хана Аварии, тяготившегося зависимостью от Кумуха. Аварцам назначили жалованье от царя и давались гарантии помощи в случае чего. Работали и тоньше; Александр вел переписку с крым-шамхалом, братом и соправителем Сурхая, суля ему престол в Тарках и руку кахетинской царевны, воевода – с одним из шамхаловых сыновей, Алхасом, который, в итоге, тайно присягнул царю. Правда, контрразведка Сурхая была на высоте: сына он поймал с поличным и изгнал, но все равно было страшно. Он даже сделал попытку помириться с Кахети, чтобы «быть отныне как одно сердце и стояти на своих недругов вместе за один», но прекращение набегов, естественно, не гарантировал, одновременно направив письмо и султану,

предупреждая о возможном союзе Кахетии, Персии и России, который, если случится, уничтожит все успехи Порты в регионе. В связи с чем он, как верный вассал повелителя правоверных, просит прислать янычар.

Александр давил на Москву как мог. Новые послы, Адам и Кирилл, в конце 1592 года сообщили Годунову, что с крымшамхалом все на мази. Дескать, «сей князь с нами в дружбе, а с братом во вражде, и кумыцкая земля половина с ним стоит, и меж собой бранятся, и шевкальское дело плохо стало, да и у них же междоусобная рознь». Активно просили поддержку и у весьма авторитетного патриарха Иова, мнением которого правитель очень дорожил. И наконец, в июне 1593 года, Годунов решился. Послам велено было передать Александру, что войска для посылки в Дагестан уже готовы, и если он даст клятву ударить одновременно, двинутся в поход не позже весны. Александр, естественно, поклялся, царь Федор по приговору Думы добавил в титул «государя Кабардинской земли, черкесских и горских князей» формулу «земли Иверской грузинских царей», и в марте 1594 года князь Хворостинин «со многою ратью» (2500 стрельцов и чуть меньше казаков) двинулись от Терека в направлении Койсу, имея приказ для начала занять Тарки и соединиться там с кахетинскими дружинами царевича Георгия Александровича. Что и было сделано. Как быстро выяснилось, московская разведка сработала блестяще. Приди на помощь к Сурхаю все его союзники и вассалы, Хворостинину пришлось бы иметь дело примерно с 15 000 противников, минимум на треть – профессиональных воинов, но реально шамхала поддержали только не слишком влиятельные уцмий кайтагский и майсум табасаранский. Даргинские «вольные общества» не простили шамхалату попыток их подчинить, а ханы Аварии, воспользовавшись случаем, объявили, наконец, о разрыве вассальной присяги и хотя не прислали в поддержку русским своих джигитов, но дали им проводников и поставили продовольствие. Так что после штурма Тарков шамхал ушел в горы, намереваясь, как сказано в предании, «ловить скорпиона за хвост», а Хворостинин приступил к укреплению крепостных стен в Тарках, ожидая прибытия кахетинских дружин царевича Георгия Александровича и отрядов крым-шамхала, чтобы, как предполагалось по второму этапу плана, атаковать высокогорный Кумух.

День, однако, шел за днем, а союзников не было. Хворостинин не знал (не мог знать, это выяснилось много позже), что их и не будет. Заверения кахетинцев насчет готовности шамхальского брата присягать русским оказались блефом. Возможно даже и не злонамеренным, скорее, Александру настолько хотелось видеть близ своих границ православное войско, что он просто принял желаемое за действительное. А сам царь, уже готовый к походу, отменил его, видимо, с некоторым запозданием осознав, что в Стамбуле могут рассердиться. Или еще почему-то. Как бы то ни было, несколько недель спустя воеводе стало ясно: ждать помощи неоткуда и о походе на Кумух можно забыть, наоборот, надо думать о том, как спасти армию, поскольку близ Тарков объявились отряды горцев, взвинченных муллами, по просьбе Сурхая объявившими джихад неверным. Эти отряды, ежедневно вырастая в числе, блокировали город, круглосуточно тревожа гарнизон обстрелами и имитациями штурма, продовольствие иссякало, пополнять запасы было немыслимо, начались болезни, а в ответ на чудом проскочившее с гонцом-добровольцем письмо в Грени последовал только невнятный ответ о «непреодолимых обстоятельствах». В такой ситуации изменилась и позиция аварского хана. Выговорив у шамхала признание независимости, они поддержали Сурхая уже не как вассалы, а как союзники. Единственным вариантом оставалось отступление. Без гарантий успеха, сквозь тысячные толпы горцев, влача огромный обоз с сотнями больных и раненых, – но иного выхода не было. Позже за этот отход по ходатайству Думы царь пожаловал Хворостинину шубу со своего плеча, – и было за что. Двухдневный переход без единой минуты передышки, практически непрерывное сражение с горской конницей, оттеснившей русских в болота Озени, – честно говоря, выдержать подобное не совсем в человеческих силах. И тем не менее русские шли вперед, время от времени, когда приходилось очень уж туго, строясь в «кольцо». К исходу второго дня, когда, как позже будет сказано в отчете, «много изгибло дворян и голов стрелецких, ратных же людей на том бою пало яко 3000», а со стороны кумыков, согласно преданию, «ушло в сады Аллаха семь сотен и еще шестнадцать храбрых узденей, а людей их не сосчитать сколько», воевода, потеряв две трети личного состава, но не бросив ни одной «санитарной» телеги, вывел остатки армии на берег Койсу, – и шамхал,

обескураженный потерями, приказал своим людям прекратить преследование.

Спаси и сохрани!

Разбор полетов был жестокий. К Хворостинину, конечно, претензий не было, к его стрельцам и казакам тоже. Основным виновником неудачи Дума признала Александра, «иже крест целовав, шертъ нарушил, не послал своего сына Юрья на помощь». С таким обвинением в Гречи прибыли русские послы Савин и Плуханов. Александру, судя по всему, было крайне неудобно. «При владыке Иосифе да при всем лучшем боярстве царь ся каяти», объясняя задержку сугубой географией. Дескать, «ни самому ходить, ни людей своих посылать на шевкала нельзя было, что шевкал живет за горами высокими, дорога к нему тесна». Когда же Семен Савин резонно заметил, что если «разбойник шевкал» как-то добирается до Кахети, то и кахетинцы вполне могли добраться до Тарков, – так что, может быть, московская помощь Александру и не нужна? – у царя, видимо, выиграла гордость. Послов выпроводили восвояси, и на несколько лет контакты между Москвой и Гречи были заморожены.

А политическая ситуация тем временем менялась. Турция все более увязала в войне на европейском фронте, и война эта была не слишком удачна для османов, зато в Иране после периода слабых шахов и смут пришел к власти молодой, талантливый и амбициозный шах Аббас, поставивший перед собой цель взять реванш за поражения прадеда, деда и отца. Что хватка у парня железная, а турки мышей в регионе не ловят, стало понятно быстро, и местные лидеры засуетились. В 1599-м, уже при Годунове-царе, в Москву приехали Сараван и Арам, первые за пять лет послы Александра, направившиеся первым делом к патриарху, просить замолвить слово «по православному братству нашему». Типа, конь о четырех ногах, и тот ошибается; кроме того, наконец-то были приоткрыты карты насчет истинных причин неявки кахетинских дружин к Таркам, и это объяснение было «по милости государевой и заступе царевича Феодора» принято с пониманием. Согласие восстановилось. «Клятвенную запись» официально подтвердили. А ни о чем большем Александр пока и не просил: перед ним стояла тяжелейшая задача найти общий язык с Аббасом, всю готовившимся к войне с турками,

а связи с Россией, которую молодой шах считал желанным союзником, давали кахетинскому царю, как ему казалось, серьезные козыри в предстоящей ему непростой игре.

В принципе, он не ошибся. По ходатайству русского посла Аббас публично признал право вассала из Греми на «двойную присягу» и простил ему былую измену (переход на сторону турок). Но, видимо, решил, что «кахетинский лис» чересчур засиделся на троне и его пора менять на кого-то более надежного. Благо кандидаты были – сыновья Александра, люди уже немолодые, кисли в ранге царевичей и по этому поводу очень злились. В октябре 1601 года второй сын Александра, Давид, арестовал отца, вынудил постричься в монахи и объявил себя царем Кахети, тотчас получив признание шаха и не поспешив посылать в Москву посольство на предмет подтверждения клятвы. Есть основания полагать, что экс-царя планировалось выслать в Россию. Однако ровно через год, 2 октября 1602 года, Давид скоропостижно скончался, а старший наследник, Георгий, которому персы предложили престол, оказался хорошим сыном. Александр II вернулся на трон, начав второе царствование немедленной отправкой в Москву все того же Кирилла с просьбой как можно скорее прислать в Кахети побольше стрельцов (разумеется, «в защиту от шевкала и с ним богопротивных турок»; о персах в письме не поминалось). Послы прибыли в Белокаменную в конце января – и столкнулись там с посланцами шамхала, тоже пытавшегося выжить в новых условиях. Ранее именовавший себя «верным слугой повелителя правоверных в стране гор», Сурхай теперь умолял царя Бориса «злобу старую позабыти, бо все люди горские ныне хотят ыти под государевою рукою во всем послушан, а по ся место служил он Туркскому и от Туркского ныне отстал, хочет государю служить и прямите и до своего живота». Пикантность ситуации, честно говоря, уникальная, думаю, даже Годунов, при всем его светлом уме, на какое-то время впал в ступор.

По сути, все было ясно. Учитывая, с одной стороны, заинтересованность Аббаса в дружбе с Кремлем, а с другой – что вечных друзей в политике не бывает, логичнее всего в новых условиях было поддержать Сурхая, создав тем самым буфер между южными границами России и пока что дружественным, но опасно усилившимся Ираном. Что касается Кахети, то даже не говоря о пользе, которой от нее никакой ждать не приходилось, реально прикрыть ее от всех

опасностей, введя серьезный гарнизон, было невозможно. Разумнее всего, и на этом, судя по летописям, настаивал Семен Годунов, дядя царя и начальник его спецслужбы, оставить ее в зоне традиционного «персидского» влияния, оговорив, по признанному шахом праву «второго суверена», режим наибольшего благоприятствования. Ну а Аббас, со своей стороны, просил вообще не вмешиваться в кавказские дела, обещая прижать шамхала своими силами так, что он закается шкродничать, и это, если смотреть совсем уж политически, тоже был не худший вариант. Однако в Москве по-прежнему исходили из того, что проза прозой, а есть вещи, как говорил Рейган, более важные, чем мир, и оставлять «наших православных людей грузинских» на усмотрение басурман никак нельзя. На такой позиции по-прежнему стоял патриарх, а Иов был одним из очень немногих, чье мнение могло повлиять на решение Годунова. К тому же Кирилл вновь, как 10 лет назад, сообщал, на сей раз еще и целуя крест, что в Шамхалате вот-вот начнется усобица, так что война будет легкой прогулкой. По его словам выходило, что надо лишь взять Кумух, «а только государевы люди в тех местах его найдут и ему только бежать из турского города – в Шемаху али в Баку».

Не бойся, я с тобой!

Трудно проникнуть в замыслы другого человека, тем паче давно ушедшего, но, по логике, Александр плел очень тонкую интригу. В воздухе все явственнее пахло войной, и было понятно, что, как только полыхнет, Кахети (никуда не денешься) придется встать рядом с персами. Что, в принципе, было и не плохо: если помощь окажется полезной, шах, глядишь, и земельки подкинет. Но вот появление персидских сарбазов еще и на севере, в Шамхалате, кахетинскому царю вовсе не улыбалось. Сидеть в клещах всегда неприятно. Если бы дружественные Исфахану русские извели шамхала еще до начала военных действий, надобность посылать шахсенов на север была бы снята. Однако, сколько ни считай, кирдык, как известно, всегда внезапен. Грянуло летом 1603 года. Потеснив турок, Аббас в начале ноября подошел вплотную к Еревану и повелел вассалам, царям Картли и Кахети, прибыть в свою ставку с максимумом войск. Картлийский царь подчинился мгновенно. Александр же, используя все возможные предлоги, послал к суверену лишь малую дружину, а сам продолжал сидеть в Греми, – аж до марта 1604 года, когда к нему прибыло посольство во главе со стольником Татищевым на предмет переговоров о совместных действиях против шамхала. По большому счету, тут он был неправ – война меняла предыдущие расклады и говорить с Москвой на такие темы следовало бы шаху, но телефонно-телеграфов тогда не было, Татищев исполнял данные ему за полгода до того указания, Александр ему подыгрывал, и в конце концов стольник убыл из Греми в полной уверенности, что союзник к выступлению готов, а царь, едва проводив гостя, во главе основных сил своей армии поспешил под Ереван, к Аббасу, где и застрял почти на год, исправно выполняя приказания суверена, в частности, прекрасно зарекомендовав себя в ходе осады и взятия стратегически важной крепости Эривань. А когда в конце года наконец вернулся, узнал, что русские уже пришли. И не просто пришли.

Разрабатывая план кампании против Шамхалата, московские штабисты постарались учесть все огрехи, допущенные при подготовке похода Хворостинина. На сей раз «сильные полки», идущие на Терек

под командованием воевод Бутурлина и Плещеева, насчитывали более десяти тысяч пищалей и сабель, а командованию предписывалось не увлекаться успехами и на пути к Таркам, а потом и Кумуху создавать сеть укреплений и продовольственных баз. На помощь кахетинцев на сей раз рассчитывали твердо, но – в соответствии с информацией Татищева, – относя ее во времени на весну 1605 года, когда царь исполнит свои обязательства перед шахом и вернется в Грени. Медленно, но верно продвигаясь вперед, русские поставили крепости на Сулаке и Акташе, а затем двинулись на Тарки, где – в крепости, обустроенной на европейский манер еще Хворостининым, уже приготовились к бою основные силы Шамхалата. После нелегкого штурма город был взят, Сурхай бежал к аварскому хану, где публично признал, что старость не радость, передав власть и командование любимому сыну Султан-Муту, способному полководцу, еще в ранней юности прозванному «ужасом Кахети». Взяв Тарки, Бутурлин начал укреплять их, но осенние дожди затормозили работу, а малая война горцев срывала поставки продовольствия, так что – во избежание голода и эпидемий – половину войск пришлось отослать на Терек, и даже при этом запасов оказалось в обрез. Зимовка была тяжелой, а тем временем Султан-Мут успел поднять весь Дагестан, вынудив гарнизоны острожков на Сулаке и Акташе сжечь городки и уйти на север. После такого успеха к джихаду присоединились привычно выжидавшие аварцы, и поздней зимой, дождавшись еще и крымской подмоги, скрытно прошедшей сквозь Кабарду, молодой шамхал, подойдя к Таркам с двадцатитысячным войском, потребовал, чтобы воеводы уходили к Тереку, обещая выпустить. На что, естественно, получил отказ с напоминанием о предательстве отца и сообщением, что любой следующий посланник будет повешен на стене.

Теперь все зависело от Александра. Русские могли держаться в Тарках долго, но не бесконечно. Возвращения отосланных на зимовку отрядов раньше конца апреля ждать не приходилось, поскольку терский воевода, не имея достаточных припасов, отослал их в Астрахань, откуда путь неблизкий, а у кахетинского царя стояла под знаменем только что обкатанная в боях под Эриванью армия. Однако Александр, до которого гонцы Бутурлина с немалыми сложностями сумели добраться, не спешил. У него было точное указание шаха: дав войску отдых, идти на юг, на Ширван, и рядом с ним, в качестве

личного шахского представителя, находился младший сын, выросший в Исфахане Константин-мирза, естественно, мусульманин, с сильным отрядом кызылбашей. Так что русским послам старый царь дал ответ обнадеживающий, не отказываясь от данного слова, но и неопределенный, ничего конкретного не обещая. Однако и выступать на Ширван не спешил, чего-то выжидая и что-то прикидывая, – аж до 12 марта, когда после ссоры по этому поводу был вместе с наследником Георгием и ближними людьми убит по приказу Константина, который, впрочем, спустя пару недель, объявив себя царем, но так и не дождавшись помощи от шаха, был убит во время смотра войск, собранных для похода на Ширван. Возможно, даже скорее всего, переворот случился по заказу Аббаса. А если и нет, все равно, в выигрыше, с какой стороны ни посмотри, остался именно он. Судите сами: от ненадежного старика избавился, отца– и братоубийцу не поддержал (что повысило его ставки в Кахети), а на престоле в итоге оказался малолетка Теймураз, сын покойного друга персов Давида, окруженный воспитателями – как и отец, убежденными друзьями персов.

Горько! Горько!

Для Бутурлина вся эта суета вокруг дивана была приговором. Он, скорее всего, так и не узнал о кадровой чехарде в Гречи, но что история Хворостинина повторяется, было понятно даже стрельцам. Сил отстаивать город становилось все меньше, а вскоре на помощь молодому шамхалу подошли и турки из Дербента, совсем немного, зато с двумя пушками, пусть и малого калибра. Тем не менее русские держались. Даже когда часть укрепления была взорвана, прорваться в крепость горцам не удалось. И все-таки потери и растущее число раненых давали о себе знать. Когда раздосадованный неудачами Султан-Мут вновь предложил решить дело миром, Бутурлин согласился. Однако, помня прошлое, потребовал, чтобы горцы отошли от Тарков и освободили путь, дав в заложники сына шамхала, а также клятвы на Коране, что шамхал позаботится о больных и раненых, которых нельзя взять с собой, а потом, подлечив, отпустит их. Встречное требование – тоже дать сына в заложники и дать клятву на кресте, что русские никогда больше не придут в Тарки – воевода отверг, справедливо указав, что он уходит, так что в заложнике нет никакого смысла, а «шертъ дати то не мое, холопье, но государево дело». На том и поладили. Шамхал начал готовиться к свадьбе с дочерью аварского хана, пригласив все 20 000 джигитов быть дорогими гостями, а русские, оставив всех больных и раненых на попечение горцев, выступили из Тарков и двинулись к Сулаку. Шли, говорят, беспечно, зная по опыту, что клятва на Коране для мусульманина нерушима. Но, увы, не зная ни что еще до начала переговоров Султан-Мут авансом выхлопотал у некоего святого старца, обитающего в горной пещере, освобождение от любых клятв, данных неверным, ни что выданный в аманаты сын султана на самом деле вор-смертник, давший согласие сыграть роль в надежде, что кривая вывезет.

Так что, выкатив 200 бочек бузы и хорошенько разогрев дорогих гостей, счастливый жених предложил вместо положенных по канону скачек резать гяуров, благо те, идиоты, сложили громкие палки в телеги. Это сообщение воодушевило джигитов особенно. И поскакали.

А догнав и отрезав от обоза, сперва по-хорошему предложили сдаться и принять истинную веру, в ответ на что, к удивлению великодушных горцев, неблагодарные гяуры, даром что обескураженные, слова не говоря, пошли в рукопашную. Предания горцев, отдадим должное, рассказывают об этом сражении очень уважительно, особенно о самом Бутурлине, который дрался, как «седобородый дэв», воодушевляя своих людей, дравшихся, «пока не падал последний человек, боясь, – как говорит летописец, – не смерти, а позора». В многочасовой резне погибли и Бутурлин, и Плещеев, и все стрельцы до последнего, однако «двухсотых» горцев, когда все кончилось, насчитали почти вдвое больше, а в их числе оказался и «кошмар Кахетии». После чего оставленные в Тарках больные и раненые русские были по приказу безутешной невесты, так и не успевшей стать женой, выведены на майдан и торжественно разорваны на куски. А затем грянула Смута, и России стало не до Кавказа.

Глава XII. Патриотическая рапсодия

Дидмоуравиани

Первая четверть XVII века для обоих царств Восточной Грузии, Картли и Кахети, выдалась непростой, можно сказать, трагической. Багратионы, хотя давно уже не те, что прежде, по старой памяти тем не менее считали себя вправе лавировать между сверхдержавами, по мере надобности меняя сюзеренов туда-сюда. При старых шахах это получалось. Однако Аббас Великий, человек нового времени, начавший к тому же серию тяжелых войн с турками, полагал, что в сложившейся ситуации такие претензии неуместны. И началось. По давно известным правилам, персы активно подрывали влияние центральной власти, всячески балуя своевольных князей и пользуясь их услугами в борьбе за это. Действовали жестко, напористо и весьма успешно, благо кадры на местах были отборные, взять того же Георгия Саакадзе, лет двадцать считавшегося лидером коллаборационистов и «рукой Ирана» на Южном Кавказе. Настолько, что, проиграв однажды в придворных интригах, нашел управу на врагов, вернувшись в Тбилиси во главе войск все того же Аббаса, по ходу дела погубившего царя Луарсаба II. Затем, когда стало ясно, что Аббас терпеть своеволия не будет ни от чужих, ни от своих, а требует полного подчинения, случилось так, что Великий Моурави временно нашел общий язык с кахетинским царем Теймуразом. Тот разделял пророссийские взгляды покойного деда настолько, что по ходу дела даже пожертвовал двумя сыновьями и матерью, сидевшими в Иране в качестве заложников. В итоге Теймураза избрали царем Картли, и...

Дело было громкое, броское, но не слишком успешное – получив изрядную плюху при Марткопи, персы менее чем через год взяли реванш, прогнав Саакадзе в Турцию. Теймураза, впрочем, доведя до крайнего отчаяния, простили на условиях полной покорности, а попытка Георгия Саакадзе вернуться – уже с помощью турок – кончилась масштабным кровопролитием при Базалети и окончательным бегством «национального героя» к османам, которые его вскоре и прикончили. Чуть позже, после смерти Аббаса (смертны, как известно, даже великие), кахетинский царь попытался вырваться из капкана, вписавшись в борьбу исфаханских придворных клик,

лоббировавших своих кандидатов на вакантный престол, на стороне клана Ундиладзе, вельмож высочайшего уровня, грузин по происхождению, однако вместе с ними и проиграл. После чего вынужден был бежать в Имерети, под надежную турецкую «крышу». На смену беглецу шах Сефи I, под которого Ундиладзе безуспешно копали, прислал в Тбилиси доверенного человека, царевича Хосро-Мирзу из рода картлийских Багратионов, для солидности дав ему титул хана и имя Ростом, а ненадежную Кахети поставил под прямое управление, назначив губернатором перса Селим-хана.

Старые кони

Ростом-хан был немолод (67 лет), очень опытен, умен и прекрасно понимал свое место, именуя себя исключительно «вали» (что-то типа наместника с расширенными полномочиями, вроде раннеевропейского маркграфа) и перестроив систему управления, приведя ее в соответствие с общеиранской. Грузины, правда, предпочитали именовать его царем. Ему (Багратион все же) это, видимо, нравилось, но не более. Он вырос в Иране, он не подвергал сомнению тот факт, что Картли – остан Ирана, он исправно платил Ирану налоги и, наконец, был правоверным мусульманином, разумно, без напряжения заманивающим христиан в лоно ислама, так что Исфахан перестал волноваться по поводу сложной провинции, и в Картли наступила эпоха подъема. Беженцы понемногу возвращались домой, где им уже ничего не угрожало, оживилась торговля, благодаря толковым мерам «вали» возрождались города, – так что, судя по всему, Ростом-хан был весьма популярен в народе. По крайней мере, персидское стало модным. Были, конечно, и недовольные – те самые князья, которых раньше не устраивало усиление «патриотической» власти Теймураза, теперь сами стали патриотами и дружно не любили «марионетку» и «коллорабациониста» Ростом-хана. Естественно, не нравился рост популярности вали и церкви, у которой буквально из-под носа начинали уводить паству. Однако заговор 1642 года провалился на удивление легко, а его участников наказали хотя и жестоко, но без излишнего зверства (Ростом-хан, похоже, не был жесток). Погиб только католикос Эвдемос Диасамидзе, которому, видимо, устроили несчастный случай, но его смерть, хотя, конечно, вызвала в высшем обществе неприятный осадок, никаких протестов «улицы», насколько нам известно, за собой не повлекла. Спокойно встретил народ и указание Исфахана насчет того, что отныне вали гурджистанских останов могут быть только правоверные. Ростом провел конкурс среди царевичей (желающих было немало), выбрал подходящего парня по имени Вахтанг, тот съездил в Иран, прошел там все необходимые процедуры и вернулся домой уже наследником Шахнавазом.

Вполне удачно получалась у Ростом и внешняя политика, главным образом посвященная Теймуразу, которому по-прежнему нужны были великие потрясения. Породнившись с мегрельским домом Дадияни, старый вали вписался в вечные разборки между ненавидевшими друг друга мегрелами и картвелами-имеретинцами, вынудив в итоге беглого царя забыть про Тбилиси и ограничиться возвращением в родную Кахети – это было достаточно несложно, поскольку перса Селима никто не поддерживал. В принципе, Исфахан даже не возражал. Однако Теймураз ничего не забыл и ничему не научился. Вновь заняв престол, он тотчас направил в Россию посла с подтверждением дедовской «Крестоцеловальной грамоты» и просьбой немедленно прислать хотя бы 20 000 стрельцов «в защиту христиан». Совершенно не сообразуясь с тем, насколько это реально. Москва грамоту приняла благосклонно, поставила «вассала» на довольствие, что позволило Теймуразу начать возрождение испепеленной страны, но в Исфахане такие инициативы восторга не встретили. Совсем наоборот. В 1648 году вали Ростом вторгся в Кахети, легко разбил Теймураза (картлийцы дрались жестоко, сознавая, что, если не справятся, придут персы, а кахетинцы, тоже это понимая, не слишком сопротивлялись), выгнал его, потерявшего в сражении сына, обратно в Имерети и, согласно шахскому фирману, слил два маленьких остана в один большой. Правда, ненадолго. Спустя 6 лет персы разукрупнили провинции, и Кахети передали в управление хану Гянджи, а еще через два года умер Ростом, попросив похоронить себя в священном городе Кум. Что и было исполнено. Картли же, окрепшую, отдохнувшую, даже, пожалуй, начавшую расцветать, возглавил вали Шахнаваз, в грузинских летописях упорно именуемый Вахтангом V, многому научившийся у отчима и успешно использующий его уроки.

Теймураз же... ну что Теймураз. Он сидел в уже привычной эмиграции, понемногу надоедая даже гостеприимным имеретинцам, в 1653-м отправив от греха подальше в Москву единственную оставшуюся в живых близкую кровь – внука Ираклия. А в 1658-м и сам наведаясь в Белокаменную, все с той же просьбой: дайте 20 000 стрельцов. Очень вовремя, надо сказать, akurat в разгар войны России с Речью Посполитой. Естественно, никаких войск не получил, а получил только очередной транш и приглашение, если хочет, остаться на правах почетного гостя. Но не захотел, а, с неплохими

деньгами вернувшись в Имерети, постригся в монахи, арендовал горный замок и заперся там ото всех. Впрочем, ненадолго. Вскоре спецназ вали извлек экс-царя из схрона и переправил в Иран, где шах Аббас II, к общему удивлению, отнесся к старику, попортившему персам много крови, не по-восточному гуманно: предложил ему принять ислам и быть почетным гостем Исфахана, а после отказа сослал в Астрабад. Там, хоть и в крепости, но в условиях вполне приличных, старый кахетинец и скончался в 1663-м, в возрасте 74 лет, после чего слуги получили разрешение отвезти его прах на родину и похоронить по-христиански.

Résistance

А пока кахетинский царь мыкал горе, положение в разоренной донельзя Кахети сложилось хуже некуда. Народ, устав от борьбы начальства за суверенитет, разбежался кто куда, поля пустыли, города лежали в руинах. Непорядок, короче. Изучив ситуацию, шахское правительство дало «добро» на просьбу азербайджанских ханов о заселении бесхозных земель, предоставив это султану Ардалана, в землях которого перенаселение приняло характер стихийного бедствия. Обрадованные туркмены, скот которых несколько лет не имел нормальных пастбищ, тотчас тронулись в путь, благо идти было недалеко, и обосновались на дарованных шахом землях, поселившись около небольшой крепости Бахтриони и собора Алаверди, превращенного в ханскую ставку. Сколько их было, сказать наверняка трудно, но много, и оставшиеся еще местные жители были новым соседям не рады, поскольку те, во-первых, считали себя кем-то вроде жандармерии, имеющей право присматривать за порядком, а во-вторых, христиан совсем не уважали. К тому же, будучи скотоводами, тут же превратили обширные, поколениями обустроенные винодельческие угодья в пастбища. Особенно – и сразу же – недовольство проявили горцы, тушины, пшавы и хевсуры, народ горячий, тоже, как и туркмены, скотоводческий и привыкший менять мясо, сыр, шкуры и прочее на всякие нужные вещи в долине. У туркмен ни вина, ни тканей получить было невозможно, сыра, мяса и шкур у них самих было в избытке, а к тому же они очень не поощряли появление горцев на равнине, поскольку горцы, повторю, сами скотоводы, частенько льстились на туркменские стада и отары. Начались стычки, полилась кровь, а в 1660-м случилось и нечто серьезное.

Некто Бидзина Чолокашвили, кахетинский вельможа, посетил замки двух картлийских эриставов (владельцев князей уровня герцога, практически независимых от Тбилиси) – Заала из Арагви, а также старого Элисбара и его племянника-соправителя Шалву из Ксани, и убедил их дать туркменам по мозгам. Возможно, он представлял кого-то (едва ли кахетинским князьям нравилось, что их

земли ушли чужакам), возможно, был патриотом-одиночкой, но факт есть факт: набожность его зашкаливала даже по меркам того времени и красноречием батона Бидзина тоже обижен не был. Так что в конечном счете эриставы согласились «защитить веру Христову» – Заал Арагвинский все-таки с оговорками, тайно, да и отрядик выделил никакой, зато Элисбар и Шалва, тоже очень набожные, подписались на полную катушку. Сил, правда, было немного, кроме дружинников и горских ополчений удалось, по словам современника, собрать лишь «малость кахов, где только можно было их разыскать» (то есть народ всеми силами уклонялся от участия в авантюре), но те 1,5–2 тысячи бойцов (едва ли больше) свое дело знали. Так что «в одну темную безлунную ночь перевалили гору и прошли Ахмету и незаметно нагрянули на стоявших там татар» (горцы на поселок Бахтриони, княжеские воины на поселок у Алаверди). И «стали истреблять их и сечь, и посекали до полного уничтожения, и обратили их в бегство и рассеяли их и побиили острием меча. И сам славный султан оный с трудом успел сесть на коня и с малым числом людей бежал, оставив жен и детей. Они же всех перебили и похитили и полностью истребили и разогнали». В общем, боя как такового не было. Вполне понимаю агиографа, написавшего «И такую победу даровал Господь этим трижды блаженным с малым числом людей, какую никому и нигде – из прочих народов – не было даровано», да. Но на самом деле была ночная атака на спящие поселки и вырубание всех подряд, кроме тех, кому повезло убежать. Благо бежать было недалеко. Что, кстати, вызывает сомнение и насчет «восьмидесяти тысяч домов тех татар, перебитых и рассеянных ими так, что даже одного из них не сыскать было в Кахети». 80 000 это, знаете ли, солидно. Весьма. Не говоря уж о том, что крохотные укрепленные поселки столько народу бы просто не вместили: с такой массой людей за одну ночь справиться невозможно, а наутро, придя в себя, они просто растерли бы налетчиков в порошок. Так что, думаю, цифру, данную источником, можно смело делить на десять.

Развязка наступила быстро. В Исфахане крайне рассердились. Но, видимо, не сочли случившееся чем-то серьезным, поскольку войск посылать не стали, ограничившись распоряжением хану Гянджи подавить мятеж в соседнем остане. Что его высочество без особого труда (возможно, после пары-тройки небольших стычек) и сделал,

быстро установив контроль над беспокойным регионом («пришел, и правил и держал Кахети»). Правда, источник добавляет еще и что он «в страхе не дерзнул войти в нее, но стал лагерем на берегу Алазани», но, учитывая, что Алазанская долина как раз Кахети и есть, приходится признать, что автор выдает желаемое за действительное. То же самое и относительно судьбы лидеров движения. Нынешние исследователи полагают, что вали Шахнавазу «по приказу разъяренного шаха пришлось казнить Заала Эристави, а Шалва, Элизбар и Бидзина сами явились к шаху, чтобы отвести от страны возможное карательное нашествие». Однако, по свидетельству агиографа, все было несколько иначе: старого Заала из Арагви, например, по предложению (но не приказу) вали зарезали собственные племянники, а трое главных зачинщиков никуда с повинной не являлись, напротив, пытались укрыться и пересидеть опасное время. Но были, опять же по приказу вали, арестованы и отправлены в Иран, где шах Аббас II выдал их на суд родственникам убитых во время мятежа туркмен. Далее было как всегда, примерно как в *«Мученичестве Святого Князя Михаила Ярославича»*. Всем троим предложили принять ислам, все трое отказались, после чего 18 сентября 1662 года Элизбара и Шалву просто, без затей, обезглавили, а вот Бидзину мучили долго и тщательно, в полном смысле слова разрезая заживо на куски. Почему так, сказать трудно, – то ли как идеолога выступления, то ли пытаюсь узнать какие-то важные подробности. Скажем, не причастен ли к мятежу вали Шахнаваз (чему нет подтверждений, но чего и нельзя отрицать напрочь, учитывая традиционные виды правителей Картли на Кахети). Бидзина, впрочем, умер героем, ничего, кроме хвалы Христу так и не произнеся.

Прагматики

Как бы то ни было, главные купоны по итогам событий состригали Шахнаваз. Одним махом избавившись от слишком самостоятельных «герцогов» (новые ксанские князья были ему всем обязаны и стояли по струнке, а арагвинское владение он вообще подмял под себя) и засвидетельствовав абсолютную лояльность Исфахану, он в итоге получил статус «смотрящего» и по Кахети. Настолько усилившись в итоге, что даже начал вести нечто похожее на самостоятельную внешнюю политику, усадив на престол Имерети своего младшего сына Арчила. Что, естественно, взбесило Стамбул, обеспокоило Исфахан, вовсе не желавший войны с турками из-за сумасбродств своего наместника, и молодому царю пришлось возвращаться к папе. Шахнаваза, правда, особо не наказали, разве что вскоре опять разделили остан, оставив ему только Картли. Кахети же отдали все тому же Арчилу, по такому случаю срочно сделавшемуся Шах-Назар-ханом и – чтобы местная знать не очень бурчала на предмет, что, дескать, картлийцы понаехали, – женившемуся на внучке Теймураза.

Правил он очень успешно, взяв за пример Ростом-хана, который его многому научил. Сумел, не запрашивая помощи у персов, прогнать даже повадившихся грабить край лезгин. Отец Шахнаваз им гордился, персы не могли нахвалиться, а население начало понемногу возвращаться в деревни и города, восстановление которых было первой заботой молодого вали. В связи с чем не особо удивляет, что когда из России с неплохими деньгами явился полузабытый в стране Ираклий, внук Теймураза, его никто не поддержал и бедолаге пришлось возвращаться на север, не без труда избежав плена. Впрочем, Москва не бросила царевича, ставшего за долгие годы для нее своим. После специальных переговоров на эту тему Ираклий получил разрешение приехать в Исфахан на смотрины, а там, мол, будем посмотреть. Что стало причиной скандала в благородном семействе. Шах-Назар-хан обиделся на отца, по его мнению, не использовавшего все связи для нейтрализации конкурента, бросил остан и уехал в Имерети, надеясь половить рыбку в мутной тамошней

воде, а отвечать за самовольство сына пришлось старому Шахнавазу, которого вызвали для объяснений ко двору шаха. Впрочем, до Исфахана вали так и не доехал, и был, в соответствии с последней волей, похоронен в священном Куме (что, кстати, очень неплохо иллюстрирует мнение нынешних грузинских историков о «притворности» принятия Багратионами ислама). На пост вали остана Картли заступил его старший сын Шахнаваз II, некогда крещенный Георгием, а потому в грузинской традиции известный под именем Георгия XI, оставшийся же без руководства остан Кахети был передан в совместное управление азербайджанским ханам.

Шахнаваз II, насколько можно судить, был мужик храбрый, упрямый, но, так сказать, чересчур военный. Главную свою задачу он видел в том, чтобы, во-первых, помочь братишке Шах-Назару не мытьем, так катаньем усесться на престол Имерети, а во-вторых, вернуть себе кахетинский остан. Почему некоторые нынешние историки именуют это «попытками всеми мерами сбросить иранское иго», я, честно говоря, понять не в силах, и само иранское иго явно так не считало, но все же отношения с Турцией такая инициатива на местах портила сильно, к тому же азербайджанские ханы ежегодно плакались Исфахану на беспредел коллеги Шахнаваза ибн Шахнаваза. Так что в конце концов шах в 1688-м освободил товарища от занимаемой должности картлийского вали, прислав на замену Назарали-хана, бывшего Ираклия, имевшего блестящие рекомендации дружественной России. Выбор был и хорош, и плох. С одной стороны, Назарали-хан, всю жизнь проживший если не в Москве, то в Исфахане, да еще и кахетинец, ничего лишнего себе позволять не собирався, с другой, однако, в Тбилиси он был, так сказать, дважды чужим. Так что в остане началась форменная «война местного значения» между его персидской охраной и сторонниками «законного, нашего вали» Шахнаваза II. И длились эти не кровавые, но разорительные игры года четыре, пока шах не приказал смутьяну немедленно явиться на ковер.

Что тот, как лояльный подданный, и сделал, получив от главы государства втык без занесения, прощение и высокое назначение в армию, действующую на афганской границе, где воевал так удачно и храбро, что в 1703-м новый шах вернул ему титул вали картлийского остана. Однако домой не отпустил, велел назначить наместника, а сам

Шахнаваз II, как ценный и необходимый кадр, получил пост губернатора ключевой провинции Кандагар и командующего войсками афганского фронта. Назарали же хан был переназначен на пост вали вновь учрежденного кахетинского остана. Однако, учитывая полную профнепригодность его на исторической родине, специфику которой сей профессиональный эмигрант так и не усвоил, его также отозвали в Иран, где назначили руководителем личной канцелярии главы государства. С чем он справлялся на зависть каждому, а правителем остана, как и в Картли, стал наместник, сын вали Имам-Кули-хан, в Москве бывший Давидом, более или менее разбиравшийся в делах региона. В общем, все расселись по своим местам и занялись своими делами. И всем стало хорошо.

Глава XIII. Симбионты

Ученик чародея

К началу XVIII века картлийский и даже кахетинский останы Ирана более или менее пришли в себя. Убедившись, что с мятежами покончено, Исфахан сменил кнут на пряник, и едва ли будет ошибкой сказать, что главной задачей вали из рода Багратионов в это время стало добиться повышения статуса управляемых территорий до уровня нормальных вассальных ханств. Учитывая дела минувшие, было это не так просто. Центральное правительство осторожничало. Шанс на карьере имели, как уже было сказано, только мусульмане. При этом, судя по всему, истовость веры сюзерена не сильно заботила, обращение носило в основном формальный характер (типа как в позднем СССР, где для вступления в партию следовало, объявив себя атеистом, не очень напоказ ходить в церковь). Однако даже зафиксировавших таким образом лояльность и удостоенных производства в вали домой не отпускали. Они оставались при шахском дворе, получали высокие чины и богатое жалованье, короче говоря, становились храбрыми персидскими полководцами, умелыми персидскими министрами и распорядительными губернаторами, а останами правили наместники, обычно братья или сыновья. Нет нужды ни излагать подробности довольно-таки однообразных интриг, ни перечислять поименно всех этих многочисленных *али-кули*, *назар-кули* и *шахнавазов*, добрых шиитов и верных подданных шаха, а вот о ком следует сказать особо, так это о картлийском наместнике Вахтанге, племяннике героически погибшего в Афганистане вали Шахнаваза II.

В отличие от подавляющего большинства родственников этот царевич был личностью крупной, яркой, к тому же принципиальной, рассматривавшей вопрос вероисповедания не как пустую формальность. Что, в общем, не удивляет, — его воспитателем был крупный мыслитель Сулхан-Саба Орбелиани, мудрец, слывший чуть ли не чародеем, человек широких взглядов, один из очень немногих деятелей того времени, считавший подчинение грузинских земель Ирану чем-то неестественным и всерьез задумывавшийся о восстановлении полной независимости. Как бы то ни было, руководил останом Вахтанг очень успешно. Укрепил совсем запаршивевшую за

полвека православную церковь, протолкнув в католикосы своего брата Доменти, что сразу повысило его авторитет в «низах», к вере относившихся куда серьезнее, чем «верхи». Навел порядок в финансовой сфере, порадовав Исфахан регулярной, без напоминаний, выплатой налогов, а под сурдинку добившись разрешения набрать небольшую постоянную «охрану», и с ее помощью прижал к ногтю «герцогов» Арагви и Ксани, а также даже немножко горцев. При этом присланных из Ирана офицеров перевел на второстепенные должности, заменив своими людьми, но аккуратно и с таким уважением, что они даже не жаловались, а Исфахан, соответственно, не обратил внимания. А еще реформировал законодательство («Судебник царевича Вахтанга» – это уже, скажу я вам, почти Европа века этак XVI) и, вы не поверите, выписал из Валахии типографов, наладив в Картли самое настоящее книгопечатание. За три года в свет вышло аж 14 книг – 11 духовного содержания, 2 учебника и, натурально, «Витязь в тигровой шкуре», причем последнюю книгу редактировал лично наместник.

Нетрудно понять, что в Исфахане наместником картлийского остана были крайне довольны. Прими он ислам, вопросов бы не было вообще. Однако Вахтанг, в 1711-м, наконец, вызванный к шахскому двору на предмет получения долгожданного титула, как раз в это время ставшего вакантным, несмотря на уговоры начальства, вплоть до самого шаха (типа, дорогой, можешь верить во что хочешь, но порядок быть должен), от исламизации отказался. За что был, как пишут нынешние грузинские историки, «задержан» (а иные даже «арестован») и трудоустроен на должность имперского министра без портфеля. Титул вали достался Али-Кули-хану (когда-то Иессе), настолько отличавшемуся от брата, что с его приездом в Тбилиси тамошнее общество буквально взвыло. В Исфахан полетели коллективные письма (*«Верните Вахтанга, звери!»*), шахские везиры в ответ огрызались, что, мол, дескать, да хоть сейчас, но Его Сиятельство уперлись рогом, вот ему и пишите, а Его Сиятельство в ответ на петиции отвечало в том духе, что не может поступаться принципами, тем паче что работы по горло. Пока шла вся эта переписка, старый Сулхан-Саба съездил аж в Европу, где был встречен очень приветливо и получил аудиенцию аж у Папы и Людовика XIV (всем было интересно посмотреть на восточного гостя). Однако на

просьбы помочь с возвращением Вахтанга домой получил ответ в том смысле, что разбираться со своими чиновниками – дело шаха, и в 1716-м вернулся домой, где святые отцы встретили его, запятнавшего себя контактом с папистами, в такие штыки, что мудрец плюнул на все и ушел в католики.

Тем временем под давлением с двух сторон смягчился и Вахтанг. В том же 1716-м он, наконец, стал правоверным (в искренность этого решения не верил никто, но это мало кого и волновало, главное, что формальности были исполнены) и сделался полноправным вали, после чего, как и полагалось, остался при дворе, отправив наместником в Тбилиси сына Шахнаваза ака Бакара, парня способного и дельного. Впрочем, вскоре выяснилось, что дурак Али-Кули-хан за время недолгой каденции так запустил финансы, что юноше не под силу вычистить конюшни. В связи с чем Вахтанга в 1719-м все же отпустили в родной остан, где он довольно быстро исправил ситуацию, а параллельно, по каналам, налаженным еще в Исфахане через российского посла Артемия Волынского, установил контакт с Петром I, заключив в 1720-м тайное соглашение о сотрудничестве. Более чем хорошо разбираясь в иранских делах, Вахтанг сознавал: империя в кризисе, времена предстоят нелегкие, так что, вполне возможно, получится сыграть свою игру.

А все остальное – Судьба

В 1722-м время пришло. Ситуация в Иране обострилась до предела, после многолетней позиционной войны афганцы прорвали фронт, прошли, круша и уничтожая все на своем пути, через Хорасан, в генеральном сражении разбили шахскую гвардию (иранский главком Ростом-хан, родной брат Вахтанга, пал в битве смертью героя) и осадили Исфахан. Для Петра ситуация было идеальна. Ранним летом он двинул войска на Кавказ, призвав Вахтанга идти на соединение. Вопрос был настолько судьбоносен, что вали, обычно решавший проблемы сам, на сей раз собрал Дарбазы, совет сословий, поставив перед делегатами вопрос: принимать ли участие в разделе Ирана. Мнения были разные. Кто-то, как всегда случается, поддакнул начальству, но большинство сошлось на том, что время для игр нехорошее, этак можно и дикарей дожидаться на свою голову. Впервые не согласился с отцом и Шахнаваз ака Бакар, твердо заявивший, что величие Картли, конечно, дело хорошее и, будь Иран в силе, он первый бы сказал «да», но предавать сюзерена, от которого видели только добро, в трудный час было бы низостью. В итоге Вахтанг, оставшись при своем мнении, уехав из Тбилиси в Гянджу, объявил призыв в войско, намереваясь идти навстречу Петру, а Шахнаваз, получивший из Исфахана бумагу о назначении его главкомом шахских войск вместо погибшего дяди, сделал то же самое в Тбилиси, на предмет похода на помощь осажденному в столице империи шаху. Что из этого вышло, понять несложно: собрать армию не удалось ни тому, ни другому, военнообязанный люд элементарно запутался, а пока они так препирались, Исфахан пал, шах Хусейн попал в плен, а шах-заде Тахмасп, с трудом спасенный, был еще слишком мал. Русские же войска, не получив помощи из Картли, притормозили наступление и остановились во взятом Дербенте. Сам Петр убыл на север, на прощание выразив Вахтангу строгое «фэ».

В общем, вали попал в положение непростое. С сыном он, правда, помирился (спорить теперь было не о чем), но маятник уже пошел. Сосед и родич Махмед-Кули-хан ака Константин, после смерти брата Имам-Кули-хана ака Давида II ставший кахетинским вали и

понимавший ситуацию примерно так, как понимал ее Шахнаваз, явившись в Картли с лезгинскими наемниками, выгнал из Тбилиси «неблагодарного предателя» и усадил в кабинет вали уже известного нам Али-Кули-хана ака Иессе. Вот в этот-то самый момент на Кавказ двинулись турки. Чего, в общем, и следовало ожидать. Как и реакции Петра. О турках он, ушибленный Прутским походом, мнения был самого высокого, война с Портой в его планы никак не входила, к тому же уже было ясно, что никаких «40 000 всадников» Вахтанг не предоставит, так что Россия с Турцией заключили договор. За русскими оставались все занятые ими земли Южного Кавказа, включая Баку, а в остальном османы получали свободу рук. Не чая для себя ничего хорошего, картлийские русофилы (хотя какие там «русофилы»...), общим числом до 1200 душ, двинулись вслед за русской армией в эмиграцию, в Россию, где их приняли и расселили, хотя лично Вахтанга приняли довольно прохладно. Позднейшие историки Грузии, от Джавахишвили до Вачнадзе, оценивают это как «еще одно предательство доверчивого союзника», однако все, что мы знаем о Петре, позволяет утверждать, что это неправда. Не секрет, что молдавского господаря Дмитрия Кантемира он в совершенно аналогичной ситуации осыпал милостями, так что, думается, для того, чтобы отношение было теплым, картлийскому вали следовало сделать всего ничего – вместо сидения в Гяндже прийти, как и предполагалось договором, в царскую ставку, хотя бы и – как тот же Кантемир – с парой сотен бойцов. Что Вахтанг собирался поступить именно так, но не смог из-за излишнего благородства сына, в счет, естественно, не шло: Петр, будучи сугубым прагматиком, судил не по намерениям, а по результатам.

Окрыленные легким успехом османы, тем временем, заняли картлийский остан и вошли в Тбилиси, где их с хлебом-солью встретил Али-Кули-хан, срочно заявивший о том, что всегда тяготился «шиитской ересью» и отныне просит считать себя убежденным суннитом по имени Мустафа. Турки, приятно удивленные, похвалили сообразительного туземца и назначили его беглербегом нового вилайета Ахалцихского пашалыка, а через год, после его смерти, передали Картли под прямое управление паши. Зато вали Махмед-Кули-хан Кахетинский, объявив, что грузины никогда не предадут Иран и не пойдут на сделку с «суннитскими собаками», возглавил

сопротивление, воодушевил народ и дрался на два фронта, против янычар и лезгин, пока в 1732-м не погиб, попав в засаду. На его место турки назначили племянника Теймураза, а по остану прокатилась волна репрессий. Перепуганное население бежало, куда глаза глядят, наступило время запустения, сравнимого с временами после Аббаса, даже священникам предписывалось присягать султану, как «падишаху и халифу». Доведенные до отчаяния князья готовы были восстать, однако Вахтанг, которого они звали возглавить борьбу, не спешил отзываться, видимо, полагая, что рисковать без малейших шансов на успех не стоит.

Впрочем, черная полоса была уже на изломе. В разрушенном, униженном османами, уже практически не существующем Иране началось нечто типа Отечественной войны. Генерал Тахмасп Кули-хан, талантливый выходец из низов, неожиданно для всех сокрушил казавшихся непобедимыми афганцев, выгнал уцелевших прочь и резко развернулся против Турции, опять-таки неожиданно для всех выбив армию султана с почти всех занятых ею территорий, в том числе и Восточной Грузии. А мимоходом еще и «убедив» Россию, связанную войной в Европе, очистить останы Северного Ирана. После чего в 1736-м, на всеиранском собрании народных представителей, после долгих «увещеваний» дал дозволение низложить династию Сефевидов и объявить себя шахом. Но Вахтанга, умершего в 1737-м в Астрахани, эти важные политические перемены уже не интересовали.

Фавориты

Вместе с коронацией Надир-шаха, бывшего Тахмасп-Кули-хана, взошла звезда кахетинских Багратионов. Картлийцам диктатор после фокусов «суннита Мустафы», естественно, не верил, зато родню храброго Махмед-Кули-хана, отдавшего жизнь за свободу Ирана, всячески обласкал. Вали Теймураз сохранил свой пост, дочь его взял в жены любимый племянник государя, остан получил налоговые поблажки, вали-заде Ираклий, призванный ко двору, стал любимцем Надир-шаха, как утверждают некоторые историки, лично обучавшего его основам воинского искусства, а после героизма, проявленного в походе на Индию, вообще достиг положения имперского принца. Тем временем в Картли, которую, как «остан изменников», обложили не только совершенно непосильной данью, но еще и контрибуцией, началось восстание – хотя, возможно, инспирированное турками, но вскоре ставшее всенародным. Его лидер, князь Гиви Амилахори умолял вали Теймураза о помощи, но тщетно: кахетинец, напротив, свирепо подавил мятеж, в 1744-м взяв последний оплот восставших – Сурамскую крепость, а пленных лидеров восстания отослав шаху. Это было последней каплей. Надир-шах принял окончательное решение: сразу после капитуляции Сурами, спустя более чем век пребывания в ранге останов Персии, грузинским землям был, наконец, возвращен статус полноправных вассальных ханств. Ханом Картли был утвержден Теймураз, ханом Кахети – Ираклий. Но сверх того им было дано право остаться христианами. 1 октября 1745 года Теймураз II – впервые с 1632 года – венчался на царство в Светицховели. И Надир не прогадал. На Ахалцихском фронте отец и сын стали его оплотом, надежным настолько, что после победного завершения войны с Портой «чрезвычайная восстановительная дань» для их ханств оказалась вчетверо ниже средней по империи. Возможно, у великого воителя были и еще какие-то далеко идущие планы, поскольку после войны он вызвал Ираклия в свою ставку, но царь Теймураз велел сыну оставаться на хозяйстве и поехал сам (поскольку Ираклию при дворе Надира едва ли что-то угрожало, скорее, из опасений, что сына продвинут в ущерб ему самому).

Увы, за несколько дней до прибытия картлийского царя Надир был убит заговорщиками, тотчас начавшими схватку за «Надирово наследство». Бывшие «маршалы» убивали друг друга с упоением и кайфом, однако Теймураза это никак не коснулось: человек он был всем известный, авторитетный, с хорошим тылом, а в шахи не годился ни с какой стороны, так что никому и не был конкурентом, в связи с чем все кратковременные владельцы трона хоть и не отпускали его, однако всячески ублажали. Со своей стороны, он был корректен со всеми, сперва, однако, отдавая предпочтение своему зятю Адиль-шаху (это понятно), а после его гибели сблизившись с самым, пожалуй, порядочным из «диадохов» – Керимом, ханом племени зендов, обитавшим далеко от Кавказа, а потому и вполне спокойно относившимся к грузинам, с которыми никогда не сталкивался. Ираклий же, сидя на обоих хозяйствах, удобное время использовал с великим толком, разгромив Абдуллу-бега ака Давида, сына «суннита Мустафы», с одной стороны, усмирив пытавшихся качать права «картлийцев», а с другой – изрядно обрадовав (Абдулла-бег стоял на «не той» стороне) уже начавшего одолевать оппонентов Керим-хана. Тот, получив весть о случившемся, сперва выписал папе Теймуразу патент на владение богатой областью Казах, затем, не сомневаясь в лояльности Картли, отозвал из Тбилиси персидский гарнизон (самому воины нужны!) и, наконец, отпустил Теймураза восвояси. Картли и Кахети, фактически уже объединенные, стали региональным гегемоном, к тому же «смотрящим» по зоне от имени центра. Ханы Гянджи, Эривани и Нахичевана признали такое положение вещей и присягнули отцу с сыном. Присмирели нахальные горцы. А в 1751-м Ираклий вообще оказал Керим-хану услугу, переоценить которую было невозможно, разбив у Кирбулаха войска Азат-хана, одного из самых серьезных конкурентов зенда в борьбе за власть.

А Теймураз, между прочим, был совсем не так прост. Правнук своего тезки, внук Ираклия, почти всю жизнь прожившего в Москве и едва ли утратившего симпатии к ней даже в амплу Назарали-хана, он – политически – был едва ли не калькой с Вахтанга. С той разве разницей, что картлийцу было без разницы, кто поможет уйти из-под иранской крыши, а кахетинец считал единственным нормальным и перспективным покровителем Россию. Куда в 1758-м и отправил посольство на предмет прощупать почву для такого хода. А через два

года направился в Петербург и сам, везя пакет предложений насчет вторжения в Иран и возведения на шахский престол того, кого нужно. На Неве, однако, кавказского гостя хотя и приняли очень приветливо, но ничем особым не порадовали: в самом разгаре была Семилетняя вой-на, так что россиянам было не до субтропиков, которых, тем паче, в Восточной Грузии и нет. Пытаясь дождаться ответа, старый царь уезжать не спешил, однако питерская сырость оказалась коварной: Теймураз, успевший снискать в столичных кругах симпатии и уважение, в 1762-м скончался и был, по просьбе сопровождающих, похоронен в Астрахани, рядом с Вахтангом. Царем же обоих царств, с этого момента объединившихся и официально, стал, естественно, Ираклий. Умный и хитрый, он тотчас после получения вестей о смерти отца мгновенно отправил в Иран плененного Азат-хана и таким образом вошел в круг доверенных лиц Керим-хана, окончательно взявшего империю под контроль (великий Зенд был скромн, корону так и не надел, избрав титул «правителя страны и слуги народа»). После чего, имея полный карт-бланш (у Керим-хана была привычка доносы на людей, которым он верил, не читая, отправлять тем, на кого доносили), начал наводить в Картло-Кахети новый порядок, первым делом упразднив «герцогства» Ксани и Арагви, а затем, в 1765-м, «случайно» (как пишут грузинские историки) раскрыв заговор последних «кертлийцев». Не могу сказать, был заговор в реале или Ираклий в очередной раз проявил мудрость, но в результате последние «кертлийские» лидеры (в первую очередь, возможные претенденты на престол Кертли) пошли на виселицу, а оппозиция заткнулась и перестала возникать.

Акулка районного масштаба

Теперь можно было подумать и о высокой политике. Еще в 1758-м, при жизни Теймураза, Восточная Грузия подписала договор с имеретинским царем Соломоном, хоть и вассалом Турции, но весьма озабоченным желанием Стамбула превратить его царство в обычный пашалык. В 1768-м, после начала русско-турецкой войны, аналогичное предложение Соломон направил и в Россию, предлагая взять Имерети под покровительство. Матушка не возражала, поставив условием участие Имерети в военных действиях, а не как всегда на Кавказе. Договорились. Соломон получил у Ираклия подтверждение давнишнего соглашения, а Екатерина II, как и обещала, прислала в Грузию достаточно сильный контингент во главе с генералом Тотлебенom – очень дельным воякой, но редким авантюристом, прочно связанным со спецслужбами, незадолго до того – главным фигурантом громкого шпионского скандала, в ходе которого вылетел с русской военной службы и даже был как бы приговорен к смертной казни, но помилован, ибо просто стал козлом отпущения в очень большой игре, прикрыв собой успешную операцию русской разведки. Позже, когда страсти улеглись, вновь оказался под знаменем с двуглавым орлом, уже с повышением. Так что, когда грузинские историки пишут, что «сам факт говорит об отношении российского императорского двора к Грузии», с этим можно согласиться, но совершенно не в том смысле, какой они, вряд ли знающие подоплеку «дела Тотлебена», подразумевают. Как бы то ни было, Ираклий встретил Тотлебена, организовал его встречу с Соломоном, а затем, когда русский отряд вернулся в Тбилиси, предложил план похода аж на Ахалцихе. План был хорош. Объединенная армия двинулась на столицу пашалыка, но на полпути Тотлебен неожиданно повернул обратно. Позже он объяснял это нехваткой продовольствия, но, скорее всего, учитывая дальнейшие события, врал. Как бы то ни было, Ираклию пришлось иметь дело с турками самому, и 20 апреля 1770 года он сумел одержать убедительную победу. Однако развить успех сил не было. Так что царь вернулся в Тбилиси, где выяснилось, что Тотлебен вовсю заигрывает с оппозиционными князьями, ставит гарнизоны в города и приводит

население к присяге императрице (современные грузинские историки почему-то пишут «императору», но Бог с ними). История была, прямо скажем, не очень красивая. По сути, Тотлебен, будучи по натуре конкистадором чистой воды, решил, не имея на то никаких полномочий, подарить Матушке и России колонию. За что после жалобы царя в Петербург и был отозван, пошел под следствие и получил неслабое взыскание (грузинские историки, правда, называют этот казус «попыткой России оккупировать и аннексировать Грузию», но это уже, согласитесь, вопрос подхода).

В целом, само присутствие на Южном Кавказе русских войск оказало достаточно сильное воздействие на Стамбул. Паша Ахалцихе получил приказ не злить Ираклия и воздействовать на лезгин в этом направлении, Ираклию же поступили предложения о мире. Каковые он, поторговавшись, и принял, явочным порядком загнав в полную задницу Соломона Имеретинского, ошибочно полагавшего, что имеет в тылу надежного союзника, а теперь заподозрившего, что везучий и деятельный сосед целится и на его царство. Подозрения, надо сказать, были не столь уж небеспочвенны: лидеры опасного бунта, как раз в это время подавленного Соломоном, признались на следствии, что решились бунтовать лишь потому, что предполагалась помощь из Тбилиси, а Ираклий, вопреки всем договоренностям, укрыл у себя «знамя восстания», царевича Александра, выдачи которого требовал разгневанный отец. Трудно осуждать Соломона за то, что в такой ситуации он разорвал соглашение от 1758 года, а затем и пригласил из Ирана последнего «картлийца», царевича Александра Бакаровича. Трудно осуждать и азербайджанских ханов, по отношению к которым Ираклий чем дальше, тем больше вел себя не как «первый среди равных», а как строгий и привередливый господин. Тем более трудно осуждать лезгин, которые без набегов жить не могли. При всей силе воли и всем везении, положение Ираклия понемногу ухудшалось, тем паче что Керим-хан, за спиной которого он мог позволить себе все, в 1779-м скончался, после чего картлийская эмиграция в Кутаиси начала делать вылазки. К тому же и паша Ахалцихе стремился восстановить status quo. В связи с этим не приходится удивлять тому, что в 1782 году Ираклий, несколько лет паривший на крыльях головокружения от успехов, пришел к выводу, что нужно вновь звать на Кавказ Россию, ибо без России не устоять.

Глава XIV. Вестсайдская история

На живую нитку

А теперь – временно – вновь переберемся с востока на запад, к Черному морю. Так сказать, в West-Side. В Колхиду. Будь в ее истории XVII – XVIII веков хотя бы немножко меньше крови, а особенно выколотых глаз, творившееся там уместнее всего было бы назвать цирком. Традиционные, древние кланы западных территорий хоть и признали поначалу власть царя Имерети, но очень скоро перестали понимать, что общего – в новых реалиях – у них с какими-то Багратиони. Традиция, да, но не больше, и не самая древняя, а если и древняя, все равно все места заняты. Так что бывшая центральная Эгриси, теперь именуемая Самегрело, оказалась под властью древнейшего Дома Дадиани. Северной-пресеверной Абхазией, возникшей на землях бывших Абасгии и Апсилии, управлял Дом Шервашидзе, дальняя родня «родимых» Аносидов. У Гурии, крохотного осколочка когдатой Лазики, тоже появились свои боссы, родичи мегрельских. Кто кем был в этническом смысле, оставляю вне рамок преднамеренно, дабы ненароком не коснуться политики, но для нас это и не важно. Куда важнее, что после серии междоусобиц XVI века, – при Георгии III, бастарде, наследовавшем «никакому царю» Ростому и просидевшем на троне аж 34 года, с 1605 по 1639-й, – имеретинская корона если еще что-то и значила, то очень условно.

Вассалы быстро поняли, что для спокойного сна достаточно платить налоги туркам не Кутаиси, а Стамбулу. Если уж обязательно кому-то платить. А можно и не платить вовсе.

В любом случае, как выяснилось, самый сильный медведь в лесу вовсе не Имерети, хоть и царство, да еще и законной династией управляемое, а Одиши (Мегрелия), огромное княжество со столицей в Зугдиди. Была она очень многолюдна, сильна, богата и не скрывала стремления стать смотрящим на хуторе, сперва хотя бы *de facto*, а там уж как Бог пошлет. Много получалось. Большие и мелкие драки с царями и Гурией шли с перевесом в пользу мегрелов, вассалом которых к тому же считалась и Абхазия. Правда, скорее, именно считалась, чем была, амбиции у товарищей из Лыхны (Сухуми тогда за

город не считался) тоже имелись серьезные, но до поры, до времени удовлетворялись признанием своего «особого статуса», а уж когда дело доходило до пограбить Гурию или Имерети, шли под стяги с ведром Дадияни исправно и охотно. В принципе, в рождественскую ночь 1600 года никто из разумных людей не сомневался в том, что первые десятилетия наступающего XVII века станут временем окончательного решения вопроса о власти. Так что, когда в 1611 году корону Дадияни унаследовал 20-й ее владелец, подросток Леван II, парень очень одаренный и волевой, но с непростым характером и, мягко говоря, сложной психикой, никто особо удивляться дальнейшему поначалу не стал.

Просто такая сильная любовь

Леван, Багратиони по матери, выросший при дворе у деда в Кахети, судя по всему, с пеленок видел себя героем-объединителем если и не всей Сакартвело, то как минимум Эгриси в ее стародавних границах. Судя по тому, что единственного сына покойного владельца не зарезали и не отравили, правящий регент, князь Георгий Липартиани, брат отца, то ли не рвался к власти, то ли племянника любил, но готовил его к управлению он всерьез, и как только тот стал совершеннолетним, передал полномочия. А поскольку время было тяжелое (берега Мегрелии и Гурии в тот момент блокировали турки, требовавшие расширить поставки рабов, а абхазские вассалы, пользуясь моментом, объявили о полной независимости), мудрый дядя еще и сосватал племяннику невесту, завиднее некуда во всех смыслах: Танурия, дочь непокорного Путо Шервашидзе, слыла первой красавицей Колхиды (что видно и по рисунку заезжего итальянца), обладая, «помимо природной красоты, всеми добродетелями женщины ее фамилии: в вышивании, чтении, письме, в великодушии и учтивости не имея себе подобных». Естественно, было богатое приданое; естественно, тесть пошел на уступки, формально вновь признав себя вассалом зятя (все ж для внуков, да!), и прислал северную конницу, с помощью которой Леван сперва заставил Гурию уважать себя больше, чем царя в Кутаиси. После чего (уже отец двух прелестных сыновей-погодков) в 1623-м вдребезги разгромил и самого имеретинского царя Георгия III, сделав Мегрелию гегемоном всей Колхиды, а себя «императором Колхиды». А потом случилась любовь. Реальная, хотя по всем понятиям и неправильная. К супруге родного дяди, бывшего регента. Ясно, что была она второй, совсем молоденькой, но, судя по всему, очень ушлой, потому как известно, что если сука не схочет, так и кобель не вскочет, девочка же, видимо, очень хотела стать владычицей морскою.

Как бы то ни было, 386 лет назад, «в день памяти мучеников Евдоксия, Зенона и Макария», то бишь, *19 сентября 1624 года*, Леван публично обвинил Танурию, кормившую грудью младшего сына, в супружеской измене, приказал отрезать ей нос, уши, губы и вместе с

детьми выгнать куда глаза глядят, под страхом смерти запретив кому бы то ни было оказывать бедняге помощь, а по некоторым данным, просто «велел поместить ее с сыновьями в пушечный ствол и выстрелить, разбросав тела на части». Что тут правда, что нет, сказать теперь уже нелегко, но точно известно, что с того дня ни княгиню, ни маленьких княжичей никто не видел, а сам Леван уже к вечеру вел заранее собранную дружину на Абхазию, намереваясь захватить в плен ничего не подозревавшего тестя. Правда, не получилось: прикинься зятек, что едет в гости, все, возможно, было бы тип-топ, однако мегрельский князь сразу же начал жечь и убивать все на своем пути. Так что князь Путо, еще ничего не зная, все понял и успел ускакать в горы, в скальную крепость, взять которую при технических возможностях Левана было немыслимо. А героический Даддани, вывозя из Абхазии все, что можно было увезти, с победой вернулся в Зугдиди, где первым делом раскрыл заговор дяди Георгия, мгновенно «удавившегося» в темнице. После чего, ясное дело, женился на безутешной вдове и слился в экстазе. Затем получил удар кинжалом в грудь от абхаза-смертника, молочного брата погубленной Танурии, однако, обладая отменной реакцией, ухитрился отделаться не слишком тяжелой раной, – и вновь бросился на Абхазию, теперь уже «мстить за вероломное покушение».

Позитивный вариант

Дальнейшее понятно. Против «императора Колхиды» поднялись все. И абхазы, что я, сам отец двух дочерей, не могу не понять, и Багратиони, очень привыкшие к своей короне, и готовые дружить против Зугдиди хоть с чертом гурийцы. Псих был крепким орешком, этого нельзя отрицать. Ему везло. Он побил абхазов, но не слишком сильно, потому что бывший тесть остался на престоле и дань, которую он обязался платить по договору, составляла «три охотничьи собаки и два сокола в год». Он побил Гурию и стал ее «опекуном», но ненадолго: в спину опять ударил князь Путо, для которого «не было с Леваном ни мира, ни перемирия, а только война до смерти его или варвара-зятя», и гурийцы остались непокоренными. Он свергал и возводил в сан патриархов. Он дважды брал Кутаиси, по ходу дела удавив в плену бедолагу Георгия III, но так и не смог короноваться, потому что ни один из имеретинских князей не пожелал идти к нему на службу, даром, что по матери Леван имел права на престол. И все шло по кругу, снова и снова. А турки охотно скупали пленных, которых становилось все больше и больше. Так что война начинала подстегивать уже сама себя, – и продолжалось все это долгие тридцать лет. Даже чуть больше. Аж до того дня, когда обессиленный, переживший всех детей от любимой женщины царственный психопат наконец скончался, оставив престол измотанного постоянными войнами княжества даже не племяннику, а самому ненавистному из людей, – кузену Ваме, сыну дяди Георгия.

Вскоре, благо Левана, которого все боялись, уже не было, а наследники мочили друг дружку почем зря, Мегрелия была дотла выжжена картлийцами, пришедшими из Ист-Сайда сажать своего кандидата на трон, а Лыхны с окрестностями официально – и на сей раз окончательно – ушли в свободный полет; набеги на земли бывшего сюзерена стали стабильно работающим торговым проектом Абхазии, чему дружелюбные турки были очень рады. На проекте объединения Колхиды и возрождения Эгриси можно было ставить жирный крест: мегрельских клыков хватало отныне лишь разве что на унылую грызню с имеретинскими Багратиони, да и весь край обезлюдел

настолько, что уже было не до жиру. За что, в принципе, благодарить следует Левана и никого больше. В самом деле, думай лихой князь хоть чуть-чуть головой, а не яйцами, к концу его не короткого правления вепрь Дадияни наверняка развеялся бы над Кутаиси, а наследник, Шервашидзе по маме, прочно носил бы три короны. Вернее, четыре, потому что бедняжка Гурия при таком раскладе никуда бы не делась. И было бы все совсем-совсем не так, как было. Трудно сказать, как, но во всяком случае вестсайдская история развивалась бы совсем отдельно от истсайдской, не имея ничего общего с землями каких-то Багратиони и, скорее всего, культивируя мегрельский язык, а не (на фига?) картвельский. Короче, за век-полтора к западу от хребта сформировалось бы реальное государство, со временем ставшее бы полноправной союзной республикой. Так что, рассуждая патриотически, трудно отрицать, что день, когда молодой Леван Дадияни впервые увидел юную тетю Дареджан, с точки зрения высших интересов Грузии был исторически позитивен...

Волки севера

Взлет Одиши был краток. Когда, со всеми рассорившись и всех против себя настроив, «император Колхиды» умер, обиженные бросились на наследников скопом, а наследники еще и не сумели решить, кто из них теперь Леван. В результате чего род Дадияни к концу XVII столетия прервался вообще, а земли, корону, титул и даже фамилию присвоила мелкая дворянская фамилия, седьмая вода на киселе, никаких особо великих планов не строившая. Зато для Абхазии, самого северного осколка некогда могучей державы, следующий, XVIII век стал эпохой блеска. После фокусов Левана она от Мегрелии однозначно отделилась и с бывшим сюзереном ничего общего иметь не желала, благо сил для этого имела достаточно. В смысле социального развития страна была, прямо скажем, диковата, в отличие от Одиши, Имерети и так далее, «развитого феодализма» почти не знала, живя по законам эпохи «военной демократии». Что, впрочем, политическому усилению никак не мешало. Ибо война – единственно пристойное мужчине и рыцарю занятие, – неуклонно собирала под стягом правящего рода Шервашидзе-Чачба большинство гордых, во всем остальном люто независимых аристократов. Некую «особость» княжеству придавали еще и более чем у кого-либо прочные связи с Турцией и Крымом. Христиан-то османы, понятно, щемили вовсю, но в Абхазии вера в Спасителя прочно укоренилась разве что в элите, «низы» же предпочитали молиться в дедовских рощах (говорят, самый священный дуб – который всем дубам Дуб – стоит, и не только стоит, но и собирает паству поныне), но, в общем, не особо возражали слушать заезжих мудрецов. Как и вожди кланов, заинтересованные в идеологическом обеспечении права не подчиняться правящим князьям (и то сказать, с какой стати правоверный будет подчиняться гяуру?). Так что мусульманским дервишам было где развернуться с проповедями. А кроме всего – тоже не пустяк, – постоянные войны кланов и домов давали Порте стабильный поток рабов, которых она готова была приобретать в любых количествах. Правда, правящий дом, стремившийся как-то обустроить феодальную лестницу и сделаться,

наконец, не первым среди равных, а самым-самым главным, этому был не очень рад, но что могли поделать бедные Шервашидзе...

Жестяной венец

Уход из политики и жизни Левана и развал Одиши позволили слегка укрепиться уже почти сломленным Багратионам. На шатающемся престоле сидел в это время Александр III, наследник удушенного Георгия, – его Леван продолжал всячески щемить и унижать, а его младшего брата вообще, разбив в бою, ослепил и замучил до смерти. Испепеленное мегрелами царство удалось хоть сколько-то восстановить лишь на деньги, в ответ на слезную просьбу присланные из нежадной Москвы. Возникла, однако, серьезная проблема и у Левана. Самые сильные его вассалы, князья Шервашидзе, отдаленные потомки рода, правившего Абхазией еще до Багратионов, готовы были служить по старым канонам, но не прислуживать по новым. Понимая, что с тяжелым на руку Леваном просто так не сладить, они, срочно вспомнив, что по одной из линий носили когда-то фамилию Чачба, начали (по версии грузинских историков) приманивать на изрядно опустевшее в связи с продажей подданных туркам побережье горцев-адыгов. Или (по версии историков не грузинских) просто набирать их в дружины. Те, в отличие от равнинных родичей, с мегрелами совершенно ничего общего не имели, зато, как и полагается варварам, драчливы были сверх всякой меры. Так что Леван с трудом остановил их продвижение на юг, обновив и укрепив древнюю стену южнее Сухуми и поставив там сильный гарнизон, а Шервашидзе обрели независимость и от Кутаиси, и от Зугдиди, мимоходом подчинив еще и никому до тех пор не подчинявшуюся Нижнюю Сванети. Чуть позже, когда в 1657 году Леван II, многим казавшийся почти бессмертным, скончался, имеретинский царь Александр II вздохнул чуть свободнее и тоже умер, всего на два с половиной года пережив бывшего вассала.

И начался полный бардак, очень скоро превративший цветущий край в непонятно что, поскольку все войны в конечном счете завершались массовой продажей пленных за море. Баграт IV, законный наследник, не просидев на троне и года, был свергнут мачехой, ослеплен и с тех пор стал игрушкой, которую то одна, то другая придворная группировка возвращала и прогоняла по мере надобности,

даже не спрашивая желания бедного калеки, – и так три раза, не считая первого царствования. В промежутках на престоле оказывались бастарды, и бастарды бастардов, и вовсе не Багратионы, но выдававшие себя за таковых, и даже явные не Багратионы; их душили, травили, стреляли, убивали прямо на пиру, продавая семьи в рабство. А они все лезли и лезли, видимо, по принципу «хоть день, да мой», прорываясь к руководству работорговой фирмы то на турецких ятаганах, то на мегрельских. Пару раз Имерети оказалась даже присоединенной к собственному вассалу Гурии. Активнее всех, однако, играла Картли. Тамошний царевич Арчил (тот самый, который, если помните, успел побыть царем Кахети, но не сошелся характерами с Ираном) ухитрился посидеть на кутаисском троне даже не три-четыре, а целых шесть раз, будучи неукоснительно выгоняем местными. Пока, уже под старость, устав от сего безнадёжного занятия, не уехал в Москву, где сразу же получил обширные имения, так что остаток жизни спокойно прожил обычным, вполне зажиточным и благополучным российским дворянином.

На фоне всего этого балагана как-то никем не замечено случилась окончательная аннексия турками Самцхе и превращение ее в пашалык, что, скорее всего, никого и не озаботило; в начале XVIII века, собственно, на какой-то момент перестала существовать и вся Колхида: в 1703-м году турки заняли и Имерети, и Гурию, и Мегрели, объявили об аннексии и начали активно осваивать новые земли, однако продвижение остановилось в связи с армейским мятежом. Янычары требовали войны не на нищем Кавказе, а в богатой Европе; один султан погиб, второй исполнил пожелание силовиков и поменял вектор экспансии, так что Западная Грузия, слегка придя в себя, обнаружила, что по-прежнему, как ни странно, не пашалык. Но развалина. В такой ситуации на престоле, наконец, оказался некто Александр V, сумевший задержаться, хотя и с перерывами, надолго, поскольку другие претенденты как-то вдруг иссякли, но главное, по причине поддержки его ханами Картли, слово которых в регионе звучало очень веско. Ну, натурально, и с турками старался не ссориться, хотя те расставили гарнизоны во всех портах, от Сухуми до Батуми, а до кучи еще и в основных крепостях Имерети, включая столичную. Бедно жил царь, трудно, если бы не денежное довольствие из России, возможно, и не выжил бы, но довольствие поступало, так что кое-как сводил концы с

концами. Трон, правда, терял дважды, но оба раза удавалось уговорить собственных князей, что он лучше, а племянники хуже, так что худобедно, а передать корону не какой-то седьмой воде на киселе, а родному сыну Соломону в 1752-м сумел.

Человек ниоткуда

И вот тут оперетка резко обрывается. Начинается драма. Царь Соломон I оказался человеком крутым, каких в царстве не случалось, пожалуй, со времен обретения самостоятельности. Для начала он запретил работорговлю, после чего его свергла и чуть не убила собственная семья – дед, дяди и даже родная мама, имевшие неплохой откат с попила доходов от работорговли. Вскоре Соломон вернулся, наобещав туркам золотые горы, и с этого момента если кому-то и доверял, то разве что собственным выдвиженцам из числа дворянской мелочи, мечтавшей о карьере и владениях. Поскольку золотые горы благодетелям царь отдавать не спешил, турки вскоре решили обманщика одернуть. Однако 14 декабря 1757 года на Хресильском поле ополчение, созданное Соломоном (в царя, отличавшегося от предшественников, как небо от земли, поверили), одержало первую за сотню лет победу, которую можно назвать победой, не кривя душой и не только из уважения к грузинским друзьям.

Это впечатлило. Уже на следующий год с имеретинцем, которого теперь воспринимали всерьез и в Иране, заключили договор о взаимопомощи против турок шахские вассалы Теймураз II Картлийский и Ираклий II Кахетинский. Еще год спустя, уже набрав силу, Соломон созвал отцов Церкви на внеочередной собор, на котором совместным решением духовной и светской властей работорговля была признана греховной, а торговцы живым товаром – достойными смертной казни. Нельзя сказать, что все тут же прекратилось, но после пары-тройки узлов за ухом людей, по крайней мере, перестали ловить на продажу открыто. Вмешательство в 1766-м Турции, крайне всеми этими новациями недовольной, к удивлению Стамбула, решительного успеха не дало. То есть Кутаиси османы, конечно, взяли, Соломона прогнали, марионетку на трон посадили, но, хотя просьба, посланная царем в Петербург (на сей раз он просил не денег, а конкретно войск), осталась без ответа (вернее, с ответом, но попросили подождать), как только турки ушли, популярный и активный царь довольно легко вернул себе трон. Вскоре был заключен договор с турками, которые согласились повысить статус царства с автономной провинции до

полноценного вассала, как сто лет назад Соломон же, со своей стороны, гарантировал поставку фиксированного числа рабов в централизованном порядке. Это была огромная, пожалуй круче, чем в бою у Хреси́ли, победа. Неудивительно, что очень скоро вся оппозиция в царстве была перебита и рассажена по темницам. Можно было двигаться дальше, – а планы у царя были обширные.

В 1768 году Соломон I отправил в Россию очередного посла, епископа Кутаисского. На сей раз, поскольку война с Турцией уже почти началась, Екатерина II не ограничилась очередным денежным вспомоществованием, а согласилась, наконец, отправить в Грузию отряд генерала Тотлебена, о котором мы уже говорили. Имели место некоторые успехи, но не слишком большие, затем Тотлебена отозвали за самоуправство, его преемник, генерал Сухотин, из-за эпидемии малярии тоже не смог раскрутить серьезные боевые действия. В 1772 году русское войско покинуло Грузию. Трем царствам пришлось брыкаться самим, что они и делали довольно успешно, поскольку основные силы османов были заняты в Европе, а втроем против ахалцихского паши вполне можно было и повоевать. Как бы то ни было, по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года Россия хотя и признала Западную Грузию сферой влияния Стамбула, но при условии отказа от выплаты ею дани, в первую очередь людьми. Это был пик успехов, развить которые, увы, не было сил. Так что тут же начался и закат. Своими успехами Соломон во многом был обязан союзу с Ираклием, за которым, как ни крути, стоял Зендский Иран, а за все надо платить, ценой же помощи царь Восточной Грузии обозначил назначение наследником – в обход единственного и любимого сына имеретинского царя, царевича Александра, – своего внука Давида, сына Арчила, брата Соломона. Оскорбленный в лучших чувствах, Александр взбунтовался, был легко разбит и вскоре умер от нервного стресса, после чего Соломон, очень любивший наследника, надолго свалился в постель.

Хуже пошли дела и с турками, понявшими, что шутить не приходится, и сосредоточившими на границах Имерети достаточно серьезные подразделения. Победы сменились ничьими, потом начались и поражения. В 1784-м царь, переживший свой звездный час, умер, завещав престол тому самому племяннику, жившему у деда в Тбилиси, против чего тотчас выступили все имеретинские князья, не

впустившие мальчика в пределы царства и посадившие в Кутаиси «своего, местного» царя, человека немолодого и покладистого. И лишь через пять лет, когда престол вновь стал вакантным, а Ираклий, сила которого тоже пошла на спад, казался уже не таким страшным, корону Имерети, наконец, получил единственный законный наследник – подросший Давид Арчилович. Сразу же из идеологических соображений переименованный в Соломона II и тотчас уведомивший османов, что намерен быть абсолютно лояльным.

Глава XV. «Порабощение востока»

Окончательная бумага

Вот и подошли мы вплотную к самой непростой теме. Обсуждая ее с грузинскими друзьями, убедился в том, что даже наиболее разумные из них убеждены в том, что Россия в прошлом приносила Грузии только зло. В наиболее спокойном виде претензии их выглядят так:

(1) Россия нарушила Георгиевский трактат и бросила Грузию на съедение персам, не оказав помощи во время нашествия Ага-Магомед-хана.

(2) Россия нарушила Георгиевский трактат и упразднила многовековую грузинскую государственность, детронизировав династию Багратиони.

(3) Россия пыталась уничтожить самый дух грузинского народа, упразднив автокефалию Грузинской Церкви, и не позволяла грузинам обучаться на родном языке, ведя дело к полной ассимиляции».

Что ж, попробуем разобраться.

Прежде всего. На фиг расхожие завывания типа: *«Ууу, неблагодарные грузины, мы их от мусульман спасли, а они нам теперь платят черной неблагодарностью»*. Дурацкая позиция. Допустим, спасли. Ну и что? Во-первых, кто это «**мы**» и кто «**они**»? И те, кто спасал, и те, кого спасали, давно уже спят вечным сном, и не надо пытаться присоседиться к чужим заслугам. Во-вторых, если уж переводить на уровень «ты мне, я тебе», потомки спасенных многократно, в нескольких поколениях, расплатились за спасение, участвуя во всех войнах Империи, а потом и СССР, и поставляя Империи, а потом и СССР, едва ли не лучшие управленческие, военные, научные и культурные кадры. И в-третьих, позиция постоянного, векового и ультимативного требования благодарности за оказанную услугу в конечном счете закономерно приводит к отторжению. Как, впрочем, и назойливое, вековое и ультимативное требование покаяний за причиненное зло.

Итак, политический расклад на тот момент был такой. Россия рассматривала кавказский сюжет только в связи с противостоянием Турции; Иран ее не интересовал вообще. В этом позиция Петербурга

вполне совпадала с позицией Тбилиси: у Ираклия были роскошные отношения с персами, он был верным вассалом Надир-шаха, а затем Зендов, в свою очередь надежно крышевавших его от турецкой опасности. Однако к 1784-му ситуация изменилась. В Иране шла жесточайшая гражданская война, внешняя политика по факту перестала существовать, никаких гарантий защиты не то что от Турции, но и от нападений горцев-мусульман (что было еще более опасно, поскольку со Стамбулом теоретически можно было говорить, а горцы просто рвали страну на куски) со стороны Ирана не существовало. Союз с Россией был единственным выходом. Правда, при этом разрывались традиционные вассальные отношения с персами, но персы на тот момент были так слабы, а горская и турецкая угрозы так реальны, что думать о реакции Ирана было просто недосуг и незачем.

Союз равных?

Вместе с тем говорить о «равноправном союзе» (такова точка зрения грузинских историков) оснований нет. Вообще, назвать документ, подписанный в Георгиевске, «союзным договором» достаточно сложно. Вся дальнейшая переписка между Тбилиси и Петербургом выдерживалась в строго подчиненной тональности, с неуклонными повторениями типа «всенижайше прошу признавать **рабов ваших меня и детей моих за таковых ваших наивернейших рабов**, которые во всякое время по высочайшим и по всемилостивейшим вашим повелениям находятся в готовности и в покорности и желают по возможности оказывать услуги свои так усердно, как и собственную жизнь». Тон и форма говорят обо всем. Разумеется, наличие слова «раб» вовсе не означает, что Ираклий II, царь Картли-Кахетинского царства, и его семья стали «двуногой собственностью» Екатерины II Алексеевны, императрицы Всероссийской. Но протокол есть протокол. Согласно нерушимым правилам того времени, в официальной (на личном уровне вольности позволялись) переписке между равными друг другу монархами использовалась формулировка «Ваш брат» («Ваша сестра»). Если равенство по положению дополнялось династическим родством, формула расширялась: «Ваш брат и кузен», если государства состояли в союзе, подписывались «Ваш брат и друг». При этом просто «Ваш друг» или даже «Ваш добрый друг» считалось унижением адресата (именно за это, как известно, Наполеон очень обиделся на Александра I). Если один из монархов был в той или иной степени подчинен другому, под письмом, как в посланиях Станислава Понятовского императрице, значилось «Ваш брат и слуга», если речь шла о полной подчиненности, как в переписке Биронов, герцогов Курляндии, с Санкт-Петербургом, «Ваш покорный слуга и друг». Таким образом, самоопределение «раб» в письме Ираклия II, полностью идентичное самоопределению «холоп» в обращениях его предков к русским монархам, отражает не юридическое бесправие лично дворянина Ираклия Багратиони, а признание им юридически максимально

подчиненного (возможно, на уровне курляндского) статуса его государства по отношению к Российской Империи. Но не более того.

Это был очевидный договор о протекторате, очень напоминающий многочисленные договоры британской Ост-Индской компании с индийскими княжествами или голландской Ост-Индской компании с раджами Индонезии. Грузия оставалась независимой во всех внутренних вопросах, отказываясь от самостоятельной внешней политики и обязуясь поставлять России «сипаев» в ее войнах (с Турцией, безусловно, ибо Иран в сферу интересов России не входил). Россия, со своей стороны, обещала защищать Грузию от турок и горцев, гарантируя это, в частности, вводом в страну своего «ограниченного контингента», а также – в случае войны с Турцией и победы – способствовать возврату Грузии земель, отторгнутых турками. Важнейшим отличием Георгиевского договора, резко отличающим его от классических английских и прочих шаблонов, был пункт, согласно которому границы двух стран становились прозрачными, разрешалась взаимная миграция, а грузинские и русские дворяне, духовенство и купечество уравнивались в правах. Фактически это был договор о «двойном гражданстве», то есть то, о чем и мечтать не смели никакие индусы, малайцы, арабы и прочие субъекты интереса Западной Европы. И еще раз: для России данный договор имел значение «отдаленное», в контексте еще не идущей, но неизбежной войны с Турцией. Для Ираклия, напротив, очень и очень сиюминутное: опираясь на Россию, он мог дать по ушам горцам и показать туркам (не султану, а паше из сопредельного Ахалциха, поскольку само по себе «грузинское» направление было не уровнем Стамбула), что отныне шалить становится себе дороже. Паша намека понял и в сентябре 1786 года предложил Ираклию подписать договор о ненападении. Естественно, сепаратный и, естественно же, подразумевающий неучастие Восточной Грузии в любых войнах с Турцией (поскольку его пашалык, как ни крути, самостоятельной единицей не являлся). Выгодно ли это было паше? Да. Он мог спокойно докладывать в Стамбул, что силы противника в надвигающейся войне будут хоть сколько-то минимизированы. Выгодно ли это было Ираклию? Безусловно. Он получал – уже сейчас! – спокойствие на турецкой границе (чего, собственно, и хотел более всего) и мог пользоваться влиянием паши на горцев, чтобы те, не

имея помощи от паши, хоть сколько-то угомонились. Фишка, однако, в том, что сам по себе факт ведения переговоров с пашой был грубейшим нарушением важнейшего 4-го артикула Георгиевского трактата, прямо исключающего ведение Грузией внешнеполитической деятельности без консультаций с Санкт-Петербургом и одобрения ими грузинских инициатив.

Нарушение обязательств?

Известие о сепаратных переговорах, ведущихся между Ираклием и пашой, было бы крайне неприятным сюрпризом для российской стороны, держи их грузинский царь в тайне от Петербурга. Он, однако, карты не прятал. Представителям России на Кавказе, взволнованным таким оборотом дел, сообщал, что, дескать, во всем разберется Матушка, а на север слал письма с подробными обоснованиями своих резонов. Резоны же были. В частности, Россия, на тот момент, не могла позволить себе серьезную войну на два фронта (что позже стало основой ее стратегии), а потому, – как явствует из переписки Екатерины Алексеевны с Потемкиным, – сочла аргументы кавказского вассала заслуживающими внимания и претензий предъявлять не стала. Иными словами, «странный мир» на Кавказе устраивал на тот момент всех. В итоге договор был заключен и тут же ратифицирован Стамбулом. Летом 1787 года, когда русско-турецкая война уже началась. После чего паша получил благодарность с занесением, Ираклий избавил страну от такой доуки, как участие в большой войне, а русские обеспечили себе покой там, где воевать было на тот момент нежелательно. Следовательно, утверждения некоторых исследователей о том, что, дескать, «Ираклий подвел Россию», оснований под собой не имеют. Что позже было подтверждено при подписании Ясского мира. Хотя в войне 1787–1791 годов Грузия участия не принимала, оставаясь сторонним наблюдателем, победоносная Россия потребовала от Стамбула «отныне и навеки» отказаться от каких-либо претензий на Восточную Грузию и дать гарантии ненападения на нее впредь. Что и было сделано. Иное дело, что Ираклий, красиво и обоснованно спрыгнув с «турецкой темы», попытался использовать договор с Россией, чтобы получить односторонние преференции. Будучи в идеальных отношениях с иранскими Зендами, он был назначен ими «смотрящим» по Кавказу и курировал «неблагонадежные» (потому что тюркские, при том что Зенды были персоязычны) азербайджанские ханства. Естественно, лелея надежду так или иначе сделать такую ситуацию постоянной, а соседние земли так или иначе подчинить Тбилиси навсегда. В связи с

чем, пользуясь замирением с турками и гражданской войной, вспыхнувшей в Иране, начал довольно бойкую внешнюю политику на восточном фронте, вынуждая соседей-ханов признавать себя сувереном напрямую. Ханы, конечно, дрались, но силенок было мало. Тем более что Ираклий активно использовал два русских батальона, присланных в Грузию для защиты от турок и ангажированных ими горцев, причем исключительно в своих целях: во время жестокого нашествия лезгинского Омар-хана, спровоцированного османами, царь, невзирая на удивление русских офицеров, чьей прямой задачей было прогнать лезгин, предпочел оставить страну на разграбление и отсидеться в крепости, но сберечь силы для похода в Азербайджан. Вот такой пируэт Петербург уже никак не устраивал: вмешиваться в иранские дела русские власти не планировали, в связи с чем батальоны получили приказ уйти. Еще раз подчеркну: политика дело грязное, мораль тут не работает и, с точки зрения «only business» Ираклия вполне можно понять. Но совершенно ясно, что с этого момента военная составляющая русскогрузинского пакта перестала работать.

Отказ в помощи?

Политический расклад, однако, менялся. Междоусобица, терзавшая Иран почти 20 лет, наконец завершилась, причем наихудшим для Ираклия, а следовательно, и для Грузии, образом: луры Зенды, с которыми у Ираклия всегда были прекрасные отношения (они были далеки от проблем Кавказа, зато враждовали с северными тюрками, что делало их естественными покровителями Грузии), проиграли тюркам Каджары, опиравшимся на азербайджанские ханства и, соответственно, враждебным грузинам. При этом целью Ага-Магомеда, «сильной руки» Каджаров, было навести порядок во всем Иране, включая вассальные территории, вернув status quo времен Надир-шаха. Это означало, что война неизбежна. А Грузия к войне готова не была совершенно. Так что, начиная с весны, царь буквально бомбит Северную Пальмиру просьбами о помощи. Разумеется, ссылаясь на военные статьи Георгиевского трактата. Петербург молчит, размышляя. Сенат, в целом, настроен благожелательно. Однако общий расклад очень не в пользу Грузии. Параллельно с ее сложностями затрясло и Европу. Казнен Людовик XVI, Англия, Австрия, Пруссия и Испания заключают союз против цареубийц, активно агитируя и Россию. Екатерина – за, она хорошо знает цену мятежа черни. А весной 1794-го загорается еще и Польша: восстание Костюшки, война, третий раздел. Это куда актуальнее Кавказа, тем паче что теперь речь идет уже не о «двух батальонах». Каджары пока что «темная лошадка», но то, что они уничтожили Зендов и объединили Иран, факт, а значит, война потребует мобилизации всех сил Империи. То есть помощь Грузии означает отказ от активности в подхватившей вирус бунта Европе. А пока на Неве думу думают, Ага-Магомед прощупывает позицию России: на всякий случай не пересекая границ Грузии, он понемногу откусывает от нее земли, присоединенные Ираклием в период иранской Смуты. При этом ничем не рискуя: защита «новых приобретений» Ираклия, формально остающихся вассалами Ирана, под статьи Георгиевского трактата не подпадает ни с какой стороны.

Летом 1795-го Ага-Магомед выступает в очередной поход на Карабах. Ираклий в очередной раз просит о помощи: дескать, на сей раз нас атакуют обязательно. Но он столько раз уже кричал «Волки!», что Петербург предпочитает выждать. На что, видимо, и рассчитывал шах, на сей раз, не блефуя, неожиданно развернувший войска из-под Шуши на Тбилиси. А сил у Грузии, как выясняется, нет вовсе. На то имеются вполне серьезные причины, не столько военного, сколько политического характера, о которых нам еще придется говорить, однако удивляет то, что Ираклий, предполагавший нападение персов еще за 2,5 года до того, не принял никаких мер для (хотя бы) подготовки города к обороне. Да, битва при Крцаниси была трагична. Но не следует забывать, что старого царя, по факту, просто сдали: он сумел собрать всего лишь 5000 воинов, а в шесть раз большее войско царевичей и князей во время битвы стояло, выжидая, чем все кончится. Судя по всему, старик всем безмерно надоел. К слову, и уничтожение Тбилиси лежит на совести не столько шаха, сколько его союзников, азербайджанских ханов, вымещавших на грузинской столице злобу за прошлые обиды.

Впрочем, это уже не суть важно. Важно другое: как только российским властям становится известно, что Ага-Магомед все-таки решился, волокита заканчивается. О падении Тбилиси в Петербурге узнали примерно к концу сентября, а уже ранней весной следующего, 1796 года, в поход против Персии выступает хорошо подготовленная российская армия. Поскольку достаточных сил у России на Кавказе в тот момент не было, а уровень развития транспорта и связи очень отличался от нынешнего, следует признать: 2-й Персидский был подготовлен в рекордные сроки. Учитывая, что Иран Россию на тот момент все еще не интересовал, вопрос о подчинении азербайджанских ханств на повестке дня не стоял, имеющиеся разногласия по таможенным пошлинам вполне можно было решить в рабочем порядке, остается только гадать: что заставило Екатерину, заморозив серьезные европейские проекты, перебросить максимум сил на второстепенное направление. Ответить на этот вопрос тем более сложно, что версию об осознании Россией морального долга перед христианами Кавказа рассматривать не стоит по определению, как чересчур политизированную. Но, как бы то ни было, войска Зубова и Римского-Корсакова, как известно, вытеснили Каджаров с Южного

Кавказа, отбросили их от границ Грузии, заняли ряд ключевых пунктов и уже готовились к наступлению в глубь Ирана. Однако в декабре 1796 года поход был свернут, армия ушла в Россию. Мнение грузинского официоза на сей счет однозначно: это отступление толкуется как «очередное предательство», более того, трусость: «В 1796 г. русские батальоны вернулись в Грузию (...). Хотя, как только посыпались очередные угрозы Ага Магомет-хана, русские тут же покинули Грузию. Торжество Ага Магомет-хана от возвращения русских войск было неизреченное». С данной версией, однако, трудно согласиться. Возможно, Ага-Магомед кому-то и угрожал, но – издалека, аж из Тегерана, куда поспешил отступить при появлении на Кавказе армии Зубова. Все проще: в начале ноября скончалась Императрица, а ее наследник Павел, имея совсем иные политические приоритеты, к азиатским инициативам матери относился более чем прохладно. Ему тем более еще власть необходимо было укреплять, вытеснять из политики мамины кадры, а Зубов как раз из их числа (даже более чем) и оставлять его во главе армии, создавая реноме «великого полководца», новому Императору было никак не с руки. Впрочем, даже в такой ситуации кавказские позиции Каджаров (сколь бы ни выпендривался Ага-Магомед) оказались подорваны настолько, что Грузия получила гарантию передышки как минимум на год, если не больше.

Лишение независимости?

Сказать, что нашествие Ага-Магомеда, сравнимое с разорительными нашествиями шаха Аббаса в начале XVII века, отбросило Грузию на две сотни лет назад, значит не сказать ничего. Оно поставило ее на грань не-существования. Если в «аббасовские» времена у страны все же имелся некий «запас прочности», то к концу XVIII века он явно и очевидно иссяк. Инфраструктуры фактически не существовало, экономика рухнула, население не могло платить налоги. В таком раскладе на повестку дня ситуации вновь встал вопрос о политической ориентации: по-прежнему надеяться на Россию или восстановить традиционные связи с Ираном, причем, по логике, «южный вариант», безусловно, выглядел намного предпочтительнее «северного». В самом деле, Россия была далека, не горела энтузиазмом в плане помощи и вообще имела тенденцию решать собственные проблемы без учета интересов Грузии (только так субъективно можно было истолковать спешный уход армии Зубова), а Иран был близко, живо интересовался делами Кавказа и явно был на подъеме. Правда, мешал «человеческий фактор» (Ираклий и Ага-Магомед были личностно несовместимы), но это обстоятельство уже роли не играло: шах в 1797-м стал жертвой заговорщиков, а царь так и не оправился после разгрома Тбилиси, понемногу угасая и становясь чисто номинальной фигурой. Зато Фатх-Али, племянник и наследник Ага-Магомеда, не менее «сильная рука», чем дядя (он был одним из лучших его генералов), в то же время отличался миролюбием, серьезным по восточным меркам гуманизмом и был не чужд симпатий к Грузии.

Безусловно, возвращение Ирана в ранг великой державы было лишь видимостью, реально эпоха Каджаров стала периодом тяжелейшего упадка, но в тот момент этого никто не мог знать, зато успехи Ага-Магомеда были очевидны, а перспективы правления Фатх-Али современники расценивали как радужные. Однако, невзирая на все это, Тбилиси в труднейшем 1797 году подтверждает верность «северной» доктрине. Царь (вернее, царь и его наследник Георгий, в связи с состоянием отца в это время уже фактически его соправитель)

ведет активную переписку с СПб. Он просит военной помощи, а главное – денег. Причем немало: миллион рублей серебром. СПб не отказывает, но запрашивает насчет гарантий. Обсуждение этого вопроса растягивается на весь 1797 год. Нынешние грузинские историки неготовность России выделить заем рассматривают как очередное «проявление враждебности», но, думается, это не так. «Лимон» серебром – сумма солидная. Весь бюджет Империи на 1797 год равен примерно 80 миллионам, Грузия очевидный банкрот без каких-либо перспектив раскрутки, а такое чудо природы, как беспроцентные и безвозвратные кредиты «развивающимся странам» политики еще не придумали. Так что улита едет. А пока она едет, отметим: Ираклий уже далеко не тот автократ, каким был еще лет десять назад, а Георгий по характеру далеко не отец; в это время реальную роль возвращает себе дарбази, совещательный орган знати при царе, состоящий из лиц самых разных политических взглядов. Однако ни о каком активном или хотя бы пассивно-открытом противодействии со стороны дарбази новому туру раскрутки «северной» доктрины нам неизвестно. То есть большинство грузинской элиты по-прежнему рассматривает Россию как лучший вариант. Вот в такой обстановке в начале 1798 года умирает переживший себя самого Ираклий. На престол венчается его сын от первого брака Георгий. И практически сразу Петербург «просыпается». Что позволяет сделать вывод: российские власти просто не хотели иметь дело лично с Ираклием, который весь в прошлом.

Тем временем системный кризис в Грузии усугубляется. Денег по-прежнему нет, а собранные с бору по сосенке копейки полностью уходят на реставрацию сожженных персами храмов и дотации Церкви. Это необходимо для излечения социального невроза, но для «земной» жизни это безвозвратные затраты. Однако переговоры с Россией идут все удачнее, начинает поступать финансовая помощь – разумеется, не пресловутый «миллионный» кредит, а куда более скромные суммы, зато безвозвратные, проведенные финансистами Империи по статье «пенсия» (субсидии). А весной 1799-го в Грузию прибывает официальный российский представитель – Коваленский (с 1787 года русская миссия в Тбилиси, предусмотренная Георгиевским трактатом, не функционировала, что, кстати, еще раз подчеркивает позицию

России по отношению к сепаратному миру Ираклия с турками). Коваленского сопровождает полк солдат. Формально это охрана, но сам масштаб охраны однозначно показывает соседям типа лезгин и азербайджанских ханов, да и Тегерану, что пользоваться состоянием Грузии не рекомендуется. Именно так это расценивают и в Тбилиси, поскольку командир конвоя, генерал Лазарев, вопреки всяческому протоколу, участвует в банкетах и официозных мероприятиях на тех же правах, что и дипломаты. И это не простая демонстрация: уже 7 ноября 1800 года, получив подкрепление, русские войска при участии местных ополченцев наголову разбили у Какабети войско аварцев, полтора десятилетия безнаказанно терзавших Грузию. Наконец, «около» посла крутится еще и «тихий россиянин» в штатском, граф Мусин-Пушкин, личный представитель Императора, имеющий полномочия вести неофициальные переговоры о конкретных деталях обновленного союза. По итогам консультаций Мусин-Пушкин уведомляет Павла I, что Грузия готова дать любые гарантии, и что это «искреннее желание как самого царя... (так и) всех сословий народа грузинского», и Павел, исходя из этой докладной, дает «добро» на прием грузинского посольства, каковое и прибывает в СПб летом 1799 года. Инструкции Георгия XII послам однозначны: **«Предоставьте им все мое царство и мое владение, как жертву чистосердечную и праведную, и предложите его не только под покровительство (...) императорского престола, но и предоставьте вполне их власти и попечению, чтобы с этих пор царство картлосианов считалось принадлежащим державе Российской с теми правами, которыми пользуются находящиеся в России другие области (...)** В соответствии с инструкциями, в первом же пункте проекта документа, поданного послами русскому правительству, указывалось, что царь Георгий XII «усердно желает с потомством своим, духовенством, вельможами и со всем подвластным ему народом однажды навсегда принять подданство Российской империи, **обещаясь свято исполнять все то, что исполняют россияне**». Текст, конечно, по-тогдашнему вычурный, однако смысл ясен: здесь речь идет уже не о какой-то форме зависимости, не о возобновлении Георгиевского трактата, а о качественно ином соглашении – прошении о включении Восточной Грузии в состав РИ. На правах рядовой губернии. То есть, отметим по ходу, хрестоматийная строка Лермонтова насчет «вручал России свой

народ» точно не только художественно, но и документально. Именно «**вручал**», именно «**народ**» и именно «**России**». Остается лишь удивляться тому, что авторы статьи «Правда о Георгиевском трактате» и аналогичных публикаций по непонятным мне причинам «забывают» об этих немаловажных документах. Впрочем, это в порядке отступления. По сути же следует добавить, что единственной «конфидентной» просьбой тяжело больного Георгия было желание, чтобы в полном объеме договор вступил в силу после его смерти, а генерал-губернатором был назначен его наследник Давид с правом передачи поста по наследству и формальным сохранением царского титула.

Просьба была уважена частично. Георгию обещали оставить за ним титул и право царя до конца жизни, а затем утвердить Давида «правителем» губернии, предварительно названной «Царство Грузинское», однако вопрос о титуле был снят с обсуждения (по причинам, которые мы проанализируем позже). В связи с чем Георгию было дано время на изучение российских поправок и подтверждение своего ходатайства или отказ от него. Отказа не последовало. Через пару месяцев в Тбилиси уже почти умирающий (он скончался 28 декабря) царь с наследником и всем двором принес присягу в качестве подданного (!) Российской империи. А 22 декабря 1800 года Павел I подписал манифест о присоединении Грузии к России и признании Давида XII «временным правителем» страны до решения вопроса о его титуле и полномочиях. Такова в общих чертах канва событий, завершившихся тем, что некоторые именуют «коварным и насильственным лишением Грузии независимости».

Уничтожение династии?

Прежде всего: в мире не существует ничего вечного. Ни гор, ни морей, ни государств, ни престолов, ни занимающих их династий. Не говоря о временах давних, уже на моих и моих ровесников глазах пали Соломонова династия в Эфиопии, насчитывавшая, если верить историкам, около 2 тысяч лет, включая легендарные времена, и Иранская империя, ведущая свое начало с XI века до Р.Х. Увы, все бренно. Но для нас в данном случае важны не общие рассуждения, а факты. Факт же заключается в том, что манифест Павла, закрывающий вопрос о статусе Грузии, был документом «общего» характера. Нюансы подразумевались. В частности, неявной, но актуальной оставалась проблема учета местной специфики при интеграции Грузии в Империю, и, как уже говорилось, основная часть «конфидентных» пожеланий Георгия была удовлетворена, вплоть до сохранения поста генерал-губернатора за главой рода Багратиони с правом наследования. Промолчал Петербург только по поводу царского титула, но всем было ясно, что эта просьба уважена не будет, как входящая в противоречие с одной из основных идеологем Империи. В принципе, сама по себе просьба о титуле не представляла собою что-то из ряда вон выходящее; российские власти довольно легко позволяли сохранять традиционные звания как владыкам полуавтономных регионов Империи (например, ханам Буковинской Орды), так и экс-династам небольших государств, автономию утративших полностью (например, Ханы-Нахичеванские). Однако в этих случаях речь шла о народах иноверных. В рамках же православного эгрегора термин «царь», в отличие от сугубо политического термина «император», имел ярко выраженную политико-сакральную нагрузку, отражая роль монарха как «священного лидера» всей православной Ойкумены, наследника кесарей Восточного Рима. В этом смысле царь Грузии мало чем отличался от царя «Великия, Малыя и Белья», а если и отличался, то в выгодную сторону (учитывая старшинство «священства» и другие, специфически религиозные моменты). Иными словами, в православной Империи не могло быть двух венчанных православных царей, а формальное, без венчания и помазания величание «царь

Грузинский» было бы бессмысленной профанацией, дискредитирующей сам титул. Так что само собой подразумевалось, что Давиду XII – в лучшем случае – предстоит довольствоваться титулом «правитель».

Однако этим «категорическим императивом» нюансы не исчерпывались. Тбилисская элита, даже наиболее пророссийски настроенная, неявно надеялась, что (пусть и в статусе «обычной провинции») некоторые элементы автономии все же явочным порядком будут сохранены. Петербург против этого, как следует из манифеста Павла, ничего не имел, поскольку учет местных традиций вполне укладывался в русло российской политики (кайсацкие ханства, калмыцкая орда, башкирские «дороги» и пр.). Вопрос, однако, нуждался в серьезной проработке. XIX век только-только начинался, колониальные империи находились в самом зародыше, и система иерархии управления, впоследствии доведенная до совершенства бриттами, лишь начинала формироваться. Очевидны были только основные условия. Традиции присоединяемых территорий могли учитываться тем более, чем более эффективно их элиты могли обеспечивать лояльность и стабильность. Так, впоследствии, «буйные» княжества Индии уходили под прямой контроль Ост-Индской компании, а «спокойные» сохраняли «договорный суверенитет» аж до 1948 года. Так позже и в российской сфере влияния «спокойные» Хива и Бухара имели статус «зависимых», а хронически нестабильный Коканд довольно скоро этот статус утратил. И вот в этом-то смысле «грузинский вопрос» был более чем сложен. Ибо на рубеже XVIII–XIX веков Восточная Грузия пребывала в состоянии жесточайшего застоя. Попытки реформ стабильно проваливались. Они, собственно, и держались-то на «ручном управлении» и воле Ираклия, его даровитого сына Левана и крохотного кружка энтузиастов. Однако Леван умер слишком рано, Ираклий же старел и терял хватку. В итоге все начинания (от идеи создания войска, основанного на всеобщей воинской обязанности, до попыток развития хоть какой-то промышленности и создания чего-то похожего на нормальную бюрократию взамен системы наследственных должностей) сошли на нет. Ситуация очень напоминала то, что происходило несколько позже в Турции, где все попытки модернизации либо завершались трагически для реформаторов (Селим III), либо в итоге зависали

(Махмуд II). Безусловно, на то были реальные экономические причины (страна просто не имела ресурсов для рывка), но главной помехой на пути развития была все же традиционная система общественного устройства – не доросший даже до уровня «просвещенного абсолютизма» и предельно загнивший феодализм, исключавший возможность хоть какого-то развития. Психология тбилисской элиты застряла на уровне XIV века, ярким свидетельством чего стала Крцанисская битва с Ага-Магомедом, когда князья и царевицы Грузии со своими дружинами стояли неподалеку от поля боя, где погибал их царь, отец и дед, не спеша вмешиваться в процесс.

Еще один характерный признак развала – борьба за власть при тбилисском дворе, где царица Дареджан, вторая жена Ираклия, всюду плела интриги против наследников мужа от первого брака. Однажды ей удалось даже выдать из больного Георгия XII «добро» на возвращение к лествичному порядку – отказу от прямого наследования и передаче престола «по старшинству». То есть к откату в раннее средневековье, к порядкам, с которыми боролся еще Давид Восстановитель. Правда, вскоре Георгий отменил этот закон, но сам факт стал началом дикой склоки. А ведь были еще и родственники по боковым линиям, тоже спавшие и видевшие себя на троне. И каждый, разумеется, со своей «группой поддержки». О каком-либо намеке если не на патриотизм, то хотя бы на осознание степени кризиса речи вообще не шло: некоторые обделенные кузены обивали приемные султана, некоторые искали поддержки персов, а особо продвинутые, вроде царевицы Александра, племянника Ираклия, не брезговали и наводить на страну горцев. В целом уровень политического и правового сознания тогдашней грузинской элиты ярко иллюстрирует эпизод с убийством вдовствующей царицей Мариам генерала Лазарева, явившегося к ней, чтобы сообщить о предстоящей высылке в Россию. Безусловно, Лазарев вел себя по-хамски, безусловно, сам факт высылки был насилием, безусловно, наконец, калбатано Мариам была достойной дочерью гордого рода Цицишвили... Но все же лично пырять ножом чиновника, находящегося при исполнении, не совсем, так сказать, царское дело. То есть, возможно, и царское, прецеденты есть (Яков II Стюарт в 1452 году собственноручно заколол Черного Дугласа, нарушив письменные гарантии безопасности), но по меркам Европы начала XIX века такие методы уже рассматривались, как

чистой воды азиатчина. По законам Империи убийство однозначно каралось каторгой. И хотя Петербург, судя по мере наказания (убийца отделалась ссылкой в Белгород), понимал и учитывал местную специфику, сам факт, что ни говори, показателен. Болезнь была запущена настолько, что терапия умыла руки.

Эволюция остановилась. Для выхода из кризиса необходима была хирургия. Та самая, через которую прошли практически все страны Европы. В Англии и Франции мощь гнилых, но цепких элит была сломлена в три этапа (Война Роз – абсолютизм Генриха VIII и Елизаветы – Революция; гугенотские войны – режимы Ришелье и «короля-солнца» – опять же Революция). В Греции и Болгарии, с которыми нынешний тбилисский официоз любит сравнивать Грузию, роль революционеров сыграли турки, физически «зачистившие» старый истеблишмент. И коль скоро собственными силами сломать Старый Порядок грузинское общество не могло, роль «локомотивов прогресса» (объективно, безо всякого на то осознанного желания) взяла на себя (как в Греции и Болгарии) внешняя сила. Весной 1801 года Давид (XII), явно и очевидно не способный справиться с политическим хаосом, был снят с поста правителя. Наиболее активные царевичи – за исключением успевших бежать под турецкую «крышу» – оказались под гласным надзором. Позже род Багратиони был в несколько приемов выслан на жительство в Россию, где, разумеется, пользовался всеми правами и привилегиями, положенными высшей имперской знати. Что же до новоприобретенной губернии, то там, в соответствии с манифестом Александра I от 12 сентября 1801 года, вводилось прямое правление.

Угнетение?

Перемен опасаются все. Введение прямого управления, развязавшее массу гордиевых узлов, было встречено в Грузии настороженно. Генерал Лазарев, человек крутой и суровый, ставший «временным военным управляющим» вместо Давида (ХП), которому никто не подчинялся, около года рулил губернией, что называется, как левая пятка захочет, руководствуясь исключительно революционным инстинктом. Впрочем, ситуация была относительно спокойна. Зато 12 мая 1802 года, после зачитания в Тбилиси утвержденного Императором Положения «Об управлении Грузией», расставившего точки над «ё», дело дошло до серьезных волнений. Впрочем, локальных. Как бы то ни было, отныне губерния делилась на пять уездов по российскому образцу, а власть передавалась Верховному правительству Грузии. Новому, четко структурированному военно-бюрократическому органу. «Главнуправляющим» стал то ли генерал, то ли полковник (точно выяснить мне не удалось) Карл Кнорринг. Далее шли его штатский заместитель – «управляющий» (бывший посланник Коваленский) и подчиненные (руководители отраслевых ведомств). Высшей властью в уездах стали военные («капитан-исправники»). Также были учреждены уездные полиция, прокуратура, суд и казначейства, а во главе городов встали военные коменданты. Естественно, в связи с крайним дефицитом местных кадров, способных вести дела на европейский манер, на первом этапе 99 % вакансий, вплоть до уездных, заполнялись чиновниками, присланными из России. Однако на всех уровнях, от «главнуправляющего» до капитан-исправника и ниже, к приезжим кадрам в обязательном порядке прикреплялся штат советников-грузин для общения с населением. Их же (при наличии хотя бы элементарной подготовки и минимальном знании русского языка) рекомендовалось назначать главами местных судов. Действовали суды, конечно, на основе российского законодательства, однако мелкие административные иски и тяжбы разрешалось (вплоть до 1854 года) рассматривать с учетом местных адатов. Короче говоря, система была продуманной и стройной, Петербург имел все основания

надеяться на то, что на самоуправстве и беспорядке в Грузии поставлена точка.

Гладко, однако, было только на бумаге. Власть в руках военных вообще не сахар, а когда эти военные еще и действуют в полуавтономном режиме (телефонов, скайпов и прочих прелестей цивилизации в тогдашней Грузии не водилось), «военное управление» имеет полную тенденцию превратиться в хунту. Что и произошло. Тем более что у руля в Тбилиси оказались не самые подходящие для столь деликатной миссии люди. Генерал Кнорринг, как очень скоро выяснилось, мало что понимал в гражданских вопросах, к тому же мало что смыслил в местной специфике, рассматривая православных грузин как дикарей, понимающих только язык палки. Лазарев, вояка толковый и отважный, был безнадёжным солдафоном, во всех случаях предпочитавшим принцип «упал-отжался», а высшее гражданское лицо, Коваленский, оказался безнадёжным казнокрадом, умело разводившим «портяночников» в своих интересах. За каких-то два-три месяца буйным цветом расцвели межведомственные интриги, гражданские чиновники подсиживали военных, военные гражданских, внутри еще не отстоявшегося аппарата создавались «партии», писавшие друг на дружку кляузы в столицу. Короче говоря, рыба, как всегда, гнила с головы. Но быстро. Поскольку петербургские ведомства, отбирая кадры для работы на вновь присоединенной периферии, как всегда в таких случаях, постарались сбросить в далекую и непонятную страну балласт — склочников, неумех, не пойманных за руку воришек и прочий кадровый отстой. Не приходится удивляться, что вся эта свора, на Родине бегавшая на побегушках, здесь, «в Азиях», мнила себя Иван-Иванычами, норовя и капиталец сколотить, и отыграться за все пережитые унижения. Спустя всего лишь год, когда количество жалоб в Петербург зашкалило за все возможные пределы, граф Дубровин, посланный для изучения ситуации, печально докладывал: «При личном обзрении мною владений здешнего края я встретил много беспорядков и злоупотребления со стороны образа нашего в оных управлениях и неудовольствие народа». Добром подобное кончиться не могло. Непривычные методы управления, непонятное судопроизводство, отягченное такой новацией, как следствие, новая налоговая система, не признающая натуральных оброков, а требующая денег, которых у

многих жителей Грузии, особенно в горах, отродясь не водилось, сами по себе заставляли население нервничать. Что уж говорить о реакции на хамский произвол и мздоимство. Дело, короче, шло к взрыву. То тут, то там уже вспыхивало. Где-то избили чиновника, где-то убили аж капитан-исправника, где-то разогнали команду, посланную «на усмирение». Стихия понемногу раскочегаривалась, и это было тем более опасно, что чего-чего, а дефицита в «руководящих и направляющих» силах не было. Если сам факт превращения Грузии в губернию взбесил значительную часть высшего слоя традиционной элиты, привыкшей быть первыми парнями на маленькой и нищей, но своей деревне, то административная реформа, проведенная военными властями, раскалила «лучших людей» добела. Как же! В одночасье были ликвидированы изобретенные 500–700 лет назад очень вкусные наследственные должности. Целые кланы, кормившиеся у стола «обездоленных», оказались в положении японских ронинов после «революции Мэйдзи»: кормить их более было некому, а учить языки и читать книги, приспособляясь к новым временам, были готовы и способны далеко не все. И уж совсем несложно представить, как бесились царевицы Багратиони, сидящие на харчах если не у турок, то у персов, грезя «добрыми старыми временами». Возможно, Кноррингу и Лазареву, обращавшим предельно мало внимания на настроения «улицы», казалось, что все устроено наилучшим образом, но они ошибались. Ибо – вновь вспомним Японию – не стоит почивать на лаврах, имея в пассиве десятки тысяч голодных самураев, имеющих мечи, очень хорошо ими владеющих и не боящихся смерти.

К чести властей Империи, обычно на подъем довольно тяжелых, ситуацию они отслеживали внимательно и понимали правильно. Исправлять огрехи «головокружения от успехов» были назначены представители грузинского землячества в Москве – генерал Павел Цицишвили (Цицианов) с заместителем, тоже генералом, Дмитрием Орбелиани. И в очередной раз оказалось, что кадры решают все. Оба назначенца были честны, способны, верны Империи и при этом, судя по всему, не чужды неких сантиментов в отношении «исторической Родины». По крайней мере, язык и обычаи они знали, имели связи, дружественные и родственные, в тбилисском «свете» и очень скоро по прибытии на место службы приобрели определенную популярность, многократно возросшую после серии арестов зарвавшихся Иван-

Иванычей (Цицианов пачками брал под арест чиновную кодлу, вплоть до самого Коваленского). Но самое главное – имея неограниченные полномочия, новая администрация взялась за «грузинизацию» власти. Не скупясь на проявление максимального уважения к сторонникам России (пенсии, звания, чины и награды сыпались на них, как из ведра – все ходатайства на эту тему удовлетворялись мгновенно), Цицианов аккуратно и тактично работал и с «болотом». Всеми силами подчеркивая, что образ мысли для него не так важен, как служение Империи и Грузии, интересы которых – в его понимании – неразделимы. Создав в Тбилиси Дворянское собрание по типу российских (что очень польстило азнаурам, опасавшимся оказаться чем-то второсортным) во главе с давним сторонником «северной» ориентации князем Чавчавадзе, «главноуправляющий» убедил стать товарищем (заместителем) предводителя князя Андроникашвили, известного иранофила, чьи сыновья-эмигранты входили в ближний круг царевича Александра, наиболее активного претендента на престол. Более того, особым циркуляром капитан-исправникам было предписано привлекать к управлению «грузинских людей всяческих званий, хотя бы и крестьянского, лишь бы толковы в исполнении службы были»; излишне говорить, как восприняло общество эту новацию, открывавшую пути к карьере для амбициозной молодежи. И, наконец, с первых же дней Цицианов уделял подчеркнутое внимание развитию местной культуры, от восстановления типографии, разрушенной при погроме 1795 года (до чего не дошли руки ни у Ираклия, ни у Георгия XII), до учреждения театра.

В сочетании с конкретными мероприятиями административного и хозяйственного направлений (упрощение судов с разрешением решать административные вопросы на основании местных обычаев, прокладка дорог и мостов, обустройство почтовой связи) меры быстро дали ожидаемый эффект. А после обуздания обнаглевших горцев (причем по инициативе Цицианова русские части отдавались под командование грузинам) и «Парада Победы», когда более шестисот абреков босиком и без оружия были проведены напоказ по всей территории губернии, в настроениях общества наступил окончательный перелом. Росту популярности новой администрации не помешали даже жесткие меры, принятые в отношении рода Багратиони, почти всех представителей которого Цицианов полагал

«решительно ни к чему доброму не способным» и при первом намеке на интриги или контакты с «ближним зарубежьем» (а разведка у него была поставлена очень неплохо) высылал в Россию. Впоследствии именно это будет поставлено в строку Павлу Дмитриевичу историками «патриотического» направления, но, как пел в свое время Галич, так ведь это, пойми, потом.

Не следует, разумеется, считать правление Цицианова идиллией. Уже говорилось, что преобразования, осуществляемые Империей в Грузии, имели ярко выраженный революционный характер, а у любой революции есть своя Вандея. Традиция не уступает прогрессу без борьбы, и хотя чаще проигрывает (как в той же Вандее или той же Японии), но подчас и побеждает. Как в Иране в 1979 году. Так что нарыв зрел. И прорвался. Еще при жизни Цицианова, в начале русско-иранской войны 1804–1813 годов, восстали горцы Картли. Понять их можно. При поздних Багратиони они фактически никому не подчинялись, налоги платили (при желании) военной службой. С приходом цивилизации нужда в их саблях исчезла, оброк натурой был заменен денежным, а поскольку денег у горцев не было, недоимки пришлось отрабатывать, что всегда неприятно, тем более если начальники не только мерзавцы, но еще и чужаки. Стихийным мятежом не преминули воспользоваться беглые царевичи, спешно вернувшиеся из турецкой зоны влияния, однако говорить о строго национальном или реставрационном характере движения нет, видимо, оснований, поскольку наиболее упорно сражавшиеся отряды повстанцев, сумевшие нанести наиболее тяжелое поражение российским войскам, состояли – парадокс! – из осетин, к возвращению «царя Юлона» отнесшихся весьма прохладно. После того как Цицианов, показав мятежникам силу, не поскупился на пряники (плата за тягловую силу, подводы и ремонтные работы на Военно-Грузинской дороге), волнения в горах быстро затихли, а царевичи были изловлены – не без помощи тех же горцев. Второе восстание, уже под самый конец войны с персами, в отличие от стихии 1804 года, судя по всему, тщательно (и явно не без участия персов) подготовленное, по составу участников, целям и общему ходу событий очень напомнило последнюю (1745–1746 годов) «якобитскую» войну. И завершилось аналогично. «Прошлые люди» проиграли. По большому счету события 1811–1812 годов вполне могут быть признаны гражданской войной. В

связи с чем уместно сказать, что под знаменами Империи сражалось намного больше грузин, чем под стягом в очередной раз вынырнувшего из Ирана неугомонного царевича Александра. Однако на эту тему будет случай поговорить особо.

Унижение Церкви?

Еще одна претензия: дескать, Россия «уничтожила автокефалию грузинской церкви и упразднила кафедру патриарха-католикоса». Что ж, нюанс важный. В рассматриваемое время вопросы вероисповедные были куда более значимы, нежели национальные. Точно так же, как в Англии ирландцу-протестанту или еврею-выкресту путь был открыт вплоть до поста премьер-министра, зато ирландцу-католику, не говоря уж о еврее-ортодоксе, приходилось знать свой шесток, в Империи существовала особая табель о рангах. Еврею полагалось сидеть в лавке и не высовываться. Мусульманин (за исключением высшей знати типа упоминавшихся Ханов-Нахичеванских) мог сделать серьезную карьеру, но на местном уровне. Для католика «пределом» были полковничьи эполеты. Лютеранин считался приемлемым на всех уровнях. Но и в теории, и на практике становым хребтом державы, совокупным хозяином ее являлись православные, неважно, урожденные или неофиты. А православие грузин никогда и никем под сомнение не ставилось, и, следовательно, они по факту считались естественной частью России – не этнической Великороссии, а Российской империи как политической, наднациональной системы, лидера православной Ойкумены.

Однако у всякой монеты есть и реверс. Вхождение Грузии в состав России на конфессиональном уровне создало крайне непростую вероисповедную (но! касаться специальных вопросов я, агностик, не считаю себя вправе) и политическую коллизию. С одной стороны, Грузинская Апостольская православная церковь была самостоятельна с незапамятных времен, более того, в неформальном «личном зачете» стояла выше РПЦ, занимая девятое место в диптихах древних Восточных патриархатов (сразу после антиохийской, александрийской, константинопольской, ассирийской и еще четырех совсем экзотических церквей). С другой стороны, РПЦ к началу XIX века жила по правилам церковной реформы Петра I. Патриарха не было. Формально управление РПЦ было «соборным» и осуществлялось Синодом, однако реальным – как фактически, так и формально (на правах «первоприсутствующего») – был Император. Не станем

нарушать принцип Оккама, углубляясь в эту, безусловно, интереснейшую тему. Достаточно сказать, что прямой параллелью преобразованиям Петра можно признать англиканство, а проводились они (как и все петровские реформы) в сугубо прагматических целях: Император ломал хребет Церкви, как структуре, способной проводить самостоятельную политику в государстве, оставляя ей (как, впрочем, по логике и следует) только идеологические функции. При этом, в отличие от доброго короля Гарри VIII, заботясь и о соблюдении приличий. Так, принцип «соборности», принятый за основу при проведении реформы, исходя из истории раннего христианства, действительно предшествовал принципу «первоначалия», а правомочность же самой реформы мотивировалась ссылкой на традиции Восточного Рима, императоры которого, будучи «уполномоченными Господа» на земле, посредников-патриархов меняли как перчатки и едва ли не пороли. Более того, соответствие реформы канонам было подтверждено Восточными патриархами (подтверждение, скорее всего, было банально куплено, но это даже не второй вопрос) и обосновано такими безусловными авторитетами в богословии, как Феофан Прокопович и Стефан Яворский. Так что сомнения по сему поводу если и были, то разве что в среде разного рода раскольников.

Отсюда и коллизия. В стройной системе церковного устройства, основанного на принципе «соборности» и, следовательно, равенства высших иерархов, места для автокефалий не предполагалось. Даже для древних, традиционных и, так сказать, национально-ориентированных. Тем паче что в христианстве «несть ни еллина, ни иудея», а с точки зрения обрядности грузинское и русское православие абсолютно идентичны. Так что не приходится удивляться тому, что уже в 1811 году решением Святейшего Синода вместо 13 мелких исторических епархий в Восточной Грузии учреждались две, сан Католикоса-Патриарха был упразднен. Сама ГПЦ преобразовалась в Грузинский экзархат – составную часть РПЦ (как следует из самого термина, имевшую определенную автономию), экзарх которой входил в состав Синода. Не оценивая факт, отмечу лишь, что в Восточной Грузии данные преобразования были встречены вполне спокойно. Некоторое недовольство выказала лишь часть высших иерархов, имевших виды на патриарший престол. Совсем иначе было в Колхиде, где отдельную

патриархию попросту упразднили, подчинив Мцхета, но это уже совсем иная тема, и разговор об этом будет отдельный.

Итого

Так все-таки была ли Грузия колонией? Как ни печально, сторонники этой версии, убежденные, что «грузин оккупировали, колонизировали, купили их элиту, разгромили национально-освободительное движение», глухи к аргументам. А это плохо. Потому что фанатизм. Если же смотреть в корень, картина рисуется иная. Как следует из абсолютного большинства фундаментальных и тематических словарей, колония (обобщая) есть **«захваченная насильственным путем территория»**, возникающая из-за стремления захватчика **«овладеть залежами полезных ископаемых, плодородными землями, людскими ресурсами или благодаря их геостратегическому значению. Как правило, жители колоний не имеют гражданских и политических прав, управляются тонкой прослойкой представителей метрополии и обычно подвергаются угнетению по расовым, национальным или религиозным признакам»**. Насколько я понимаю, ни один из перечисленных пунктов в данном случае не работает. Грузия не была захвачена, поскольку вошла в состав России в соответствии с официальной просьбой законных властей, причем оговорки насчет минимальной автономии имели «просительный» характер; никаких гарантий на этот счет Петербург не давал. Грузия не представляла интереса как «кладовая» полезных ископаемых, массив целинных земель или резерв многочисленной и дешевой рабочей силы. Более того, вплоть до падения Империи регионы Южного Кавказа в финансовых отчетах соответствующих ведомств идут как «дотационные». Что же до геостратегического значения, то вопрос куда беззатратнее решался бы установлением протектората. Конечно, жесткого. Против чего, собственно, не возражали лидеры «национально-освободительного движения» начала XIX века, готовые подчиняться кому угодно, лишь бы законсервировать традиционную структуру общества, собственные наследственные должности и связанные с ними привилегии, в первую очередь, право дерибанить бюджет по собственному усмотрению.

Скажу честно: не знаю, почему Империя не остановилась именно на этом варианте. Больше того, не очень доверяю официальной версии,

гласившей, что «не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так обширнейшей в свете империи приемлем мы на себя бремя управления царства грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращении их скорбей, учредить в Грузии прямое правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона». Но вот что я знаю точно, так это то, что НИ ОДИН, будь то чей, протекторат (не путать с доминионом!) не вошел в независимость более развитым, нежели соседи, попавшие в свое время под прямое управление метрополии. Полунезависимые Хива и Бухара к 1920 году на порядок отставали в развитии от растворенного в Туркестанском крае Коканда, «подконтрольный» индийский Хайдарабад к 1947 году по всем показателям уступал бесправной Бенгалии, никогда не терявшие суверенитета полностью Лесото и Свазиленд смешно и сравнивать с ЮАР. Причиной чему – все то же охранительство туземных элит, исполняющих роль «смотрящего» при белых господах, которые – при прямом управлении – волей-неволей, но хоть сколько-то подтягивали подвластные территории к уровню метрополии. И утверждения вроде «Мы сами бы все построили и сами бы всего добились» в этой связи вызывают серьезные сомнения. Просто потому, что не было ни условий, ни предпосылок, зато заинтересованности в сохранении стагнации было хоть отбавляй.

Достаточно посмотреть на Индию, страну древнейшей истории и ярчайшей культуры, где покончить с раздробленностью и застоєм удалось только англичанам, ставшим «архитекторами» одного на весь полуостров государства. Или на Эфиопию, древнюю, христианскую, богатую ресурсами и населением, связанную, наконец, с Европой начиная с эпохи Рима; она сумела даже отстоять свою независимость, но в результате осталась в полном распоряжении собственных, не приезжих феодалов, – и результат налицо. «Но, отвечают оппоненты, не равняйте нас с Азией и Африкой; мы – европейцы!» Хорошо. Не будем сравнивать ни с Индией, ни с Эфиопией. С Японией, однако, тоже не будем. Азиаты-с. Но вот, допустим, ирландцы. Вполне европейцы. Они глупее грузин? Нет. Достаточно вспомнить Бернарда Шоу и Джеймса Джойса. Трусливее? Ничуть. Тому свидетельство не только герои бесчисленных восстаний на Зеленом Острове, но сотни

тысяч безымянных британских «томми», прославленных Редьярдом Киплингом, и «бобби», воспетых Артуром Конан Дойлом (кстати, тоже ирландцем). Не способны мыслить государственно? Поклонники JFK и Рональда Рейгана, ау! Менее культурны? Ни в коем случае. Святой Патрик принес слово Божье людям Эйре еще в те дни, когда большинство народов Европы, включая и Восточный Рим, если и не поклонялись идолам, то всюду погрязали в ересь, и нечесанные вожжи, не колеблясь, приняли крест. И тем не менее ирландцы так и не создали государства. Ни один клан не отрицал кровного родства с другими, но ни один не хотел и уступать. В лучшем случае всякие Ленстеры, Манстеры, Ольстеры, Муманы и прочие объединялись ненадолго, когда уж очень щемило. А потом, разбив очередных викингов при очередном Клонтарфе, вновь принимались друг за друга – до тех пор, пока не пришли англичане, отправившие кланы с их вековыми традициями на свалку истории и давшие толчок развитию (просто в силу неумолимого порядка вещей) ирландского национального сознания.

Нет, наконец, оснований говорить и о каком-либо поражении грузин после 1801 года в правах или угнетении их по национальному признаку. Нет настолько, что любые доказательства излишни. Достаточно вспомнить длинейший список грузинских фамилий, вписанных в российскую историю. На всех уровнях без исключений. Чиновники военные и гражданские, ученые, юристы и политики, журналисты и заговорщики – грузины в России еще со времен Тишайшего были равными и «своими» всюду (даже в кружке заговорщиков, устранивших Павла I, не обошлось без князя Яшвили) и на всех уровнях. От министра или сенатора в столице до исправника в Ташкенте или аудитора на Чукотке, и карьера при этом ничуть не зависела от знатности происхождения. Излишне говорить, что в «колониальном варианте» индус, сколь бы он ни был знатен и богат, или мальгаш, вплоть до прямого потомка Адриана-манрафандзаки, как известно, рожденного от союза Неба и Океана, не мог рассчитывать ни на что подобное. Ну и, блин, куда ж деться от смешанных браков, заключавшихся легчайше и принимавшихся обществом как нечто само собой разумеющееся! Хрестоматийный пример Грибоедова-Чавчавадзе нынче не в моде, но куда ж от него деваться? А ведь русско-грузинские семьи создавались не только в «верхах», но и в «низах». Учитывая

сложность этого вопроса в традиционных обществах даже нынче (а в XIX веке и Россия, и Грузия в этом смысле были очень традиционны), на вопросе о «второсортности грузин в Империи» можно, по-моему, ставить жирную точку.

Dixi. Остается лишь еще раз повторить: цель этих заметок заключалась не в обелении и оправдании России, а в максимально беспристрастном изложении фактов и систематизации их. Без выводов. Выводы пусть каждый делает сам.

Глава XVI. «Порабощение запада»

Руно с проплешинами

Все сказанное, однако, относится к Восточной Грузии. Которая, собственно, тогда и считалась Грузией. На западе же, в Колхиде, все обстояло иначе. О том, что после распада страны в 1490 году на отдельные царства, воспринятого современниками как нечто трагическое, но объективное («Пусть время все рассудит»), судьбы Запада и Востока страны двинулись разными путями, мы уже знаем. Каждая семья, как водится, была несчастлива по-своему. Восток (Картли и Кахети) хоть и был в полном смысле растерзан Ираном, однако почти не знал такой беды, как междоусобицы. То есть бывало всякое, но как исключение и без особого кровопролития, а серьезные мятежи, ставившие под сомнение саму государственность, случались предельно редко. Зато Запад этой язвой был поражен всерьез. Линии раскола легли по границам обитания субэтносов, и вскоре имеретинские Багратионы стали даже не первыми среди равных, а одними из. К XVII веку все были независимы и все вскоре оказались в зоне влияния Турции, которая, в отличие от Ирана, не стремилась уничтожить вассальных князьков, вполне удовлетворяясь лояльностью и выплатой дани. Изредка, когда цари или князья оказывались очень уж строптивы, Стамбул организовывал карательные экспедиции, однако западные грузины умели достаточно больно кусаться в ответ, так что обе стороны старались не переступать границы приемлемого. Правда, в случае опасного усиления того или иного образования (Одиши в начале или Имеретия в середине XVIII века) Стамбул довольно умело играл на противоречиях, успешно способствуя «обузданию» излишне сильного княжества руками соседей. Впрочем, баланс сил был таков, что даже в моменты наибольшего возвышения ни одно из грузинских государств Колхиды не было в силах хоть сколько-то принудить соседей к повиновению.

Следует отметить, что относительное «равнодушие» Турции к завоеванию Колхиды диктовалось, в первую очередь, сугубо меркантильными соображениями. Главным интересом ее в регионе была работорговля. Для Порты, пережившей эпоху великих завоеваний и потерявшей к тому же такого стабильного партнера, как Крымское

ханство, Западная Грузия стала к концу XVIII века основным поставщиком девушек для гаремов и мальчиков для комплектования янычарского корпуса и штата евнухов. Именно рабы были главной статьей экспорта всех без исключения государств Колхиды, и именно ради пополнения запасов этого стратегического товара велись многочисленные войны между ними. Разумеется, при случае приторговывали и собственными подданными. При этом нельзя сказать, что на моральную сторону вопроса никто не обращал внимания. Время от времени Церковь высказывалась в том духе, что, дескать, грех это, и надо бы с этим покончить, и даже угрожала послушникам анафемой, да и цари Имерети в периоды некоторого усиления издавали грозные указы о наказаниях вплоть до смертной казни, но... Васьки слушали и ели. Реализовать же декларации сильные мира сего не спешили. То есть я уверен, что время от времени кого-то ловили и напоказ вешали, но под «напоказ», как водится, попадали мелкие сошки. Инфраструктура же жила и процветала, поскольку взяться за дело всерьез означало бы не только создать *casus belli* для масштабного вторжения (Турция этого ни в коем случае не потерпела бы), но и обрушить собственные бюджеты, выбив из них основную «наполняющую» статью. Однако бюджет бюджетом, а к концу XVIII века наиболее продвинутые мтавары (владельцы то есть) – например, Григол Дадияни, князь Одиши, которой доставалось особенно, и с севера (Абхазия), и с востока (Имерети), понемногу начали понимать, что народишко – ресурс исчерпаемый, и пытаться хоть как-то реально ограничить самую доходную отрасль отечественной экономики. В связи с чем тотчас столкнулись с серьезнейшими сложностями: собственные вассалы, напуганные явной перспективой обнищания, развернули против князя форменную войну. Естественно, не без поддержки турок, имеретинского царя и ряда родичей Григола.

Оказавшись в крайне сложном положении, Дадияни сделал неординарный ход: в 1803 году он по собственной инициативе начал переговоры с российскими властями, сообщив, что готов присягнуть Империи на взаимовыгодных условиях. Каковые и были быстро, без каких-либо споров согласованы. Князь получал позарез нужную военную помощь, сохранял за собой престол с правом наследования и полную автономию во внутренних вопросах, отказавшись от права

применять смертную казнь, вести собственную внешнюю политику и обязавшись покончить с работорговлей (чему был только рад). Излишне говорить, что после подписания договора у новых покровителей Григола нашлись средства убедить мятежных подданных князя в том, что, поскольку действия, направленные на насильственный захват власти, есть уголовное преступление, то лучше не надо. Забегая вперед, отметим, что обе стороны свои обязательства соблюли. Мегрелия стала надежной опорой России на побережье Черного моря, Россия же более полувека сохраняла за княжеством статус протектората, не вмешиваясь во внутренние дела Дадзиси. Даже крепостное право там было отменено намного позже, чем в России. В целом, ближайшие же итоги принятия российского подданства для Одиши оказались столь позитивны, что заинтересованность в аналогичном акте проявил и правитель Гурии. Однако понимания не нашел. «Гурийскую карту» Петербург предпочел держать в рукаве, на предмет торга с Кутаиси.

Заигравшиеся

Что «имеретинский вопрос» не мог не встать на повестку дня сразу после вхождения в состав России Восточной Грузии, вполне очевидно. Назревала очередная война с Турцией, и было понятно, что на сей раз она будет проходить не только в Европе, но и на Кавказе, и в этом смысле ограничение возможностей Стамбула было более чем естественно. К тому же Соломон II от России ничего хорошего не ждал, вел обширную переписку с турками и оказывал всяческую поддержку «политическим беженцам» из Тбилиси, не только дав им приют, но и активно спонсируя деятельность царевича Юлона, одного из основных претендентов на тбилисский престол. История свидетельствует, что, скажем, англичане в таких ситуациях вводили войска без предупреждения. Россия поступила иначе. В 1804 году Цицианов предложил Соломону встретиться и обсудить неотложные вопросы. От предложения невозможно было отказаться, учитывая, что с востока его аргументировали российские войска, а с запада – дружины мегрельского князя, и встреча произошла. По итогам беседы в селе Элазнаури Соломон признал «ошибочной» ориентацию на Стамбул, отрекся от всяких связей с беглыми Ираклиевичами и подписал трактат о признании российского покровительства – практически кальку договора с Мегрелией. Не уверен, что царь (в отличие от Дадияни) был рад такому обороту событий, но, впрочем, пилюлю неплохо подсластили: в качестве бонуса был признан сюзеренитет Соломона над Гурией – ее «приняли под покровительство» не отдельно, как просил князь, а в рамках того же Элазнаурского трактата, как вассала Имерети. Исполнив тем самым вековую мечту Кутаиси о хотя бы формальном восстановлении контроля над самым слабым из когда-то отделившихся регионов. Думается, идти дальше варианта «протекторат» у СПб намерений не было; в отличие от Восточной Грузии, с XVII века считавшейся «своей», Имерети воспринималась как нечто чуждое и в составе Империи не очень-то желательное. Так что, будь Соломон более склонен считаться с реалиями, род Багратиони, вполне вероятно, удерживал бы власть еще полвека. Однако вскоре после подписания

Элазнаурского трактата царь возобновил контакты с Турцией и продолжал их поддерживать после того, как в 1806 году началась война между старым и новым сюзеренами. И допрыгался. В 1809-м переписка была перехвачена российской разведкой. После чего, снесшись с СПб, рассерженный главноуправляющий Тормасов объявил об упразднении царской власти в Имерети и преобразовании протектората в Кутаисскую губернию. Слабые попытки Соломона II организовать сопротивление успеха не имели, для их подавления даже не пришлось снимать с фронта регулярные войска – проблему охотно решали дружины мегрелов и гурийцев. Примерно через месяц царь сдался. Султаны в подобных случаях посылали прощтрафившимся вассалам шелковый шнурок, а англичане брали их под арест и высылали куда подальше, Соломон же был увезен в Тбилиси, где ему была предоставлена полная свобода. Которой он и воспользовался, немедленно бежав в Турцию. Вскоре царь вновь объявился в Имерети, уже в качестве турецкого союзника, но особой поддержки опять не нашел, после чего покинул страну окончательно. Имерети кончилась. С Гурией же, на радость князю, в 1810-м был заключен прямой договор, на несколько десятилетий вперед гарантировавший ее автономию. Что касается Абхазии, то это совсем иная тема, и о ней речь пойдет ниже. Но, как бы то ни было, в начале XIX века практически вся православная Грузия объединилась под одной короной. Само собой, был окончательно поставлен крест и на работорговле.

Раскольники

Заключительным актом присоединения Колхиды к России, как и в Восточной Грузии, стало решение церковного вопроса. А вопрос этот был куда как непрост. Еще в 70-х годах XV века, когда Грузия трещала по швам, а остановить распад не было возможности, царь Баграт VI, сохранивший власть только над Западной Грузией, сделал достаточно неординарный шаг. Воспользовавшись тем, что в это время Грузию посетил Михаил, патриарх Антиохии и Иерусалима, он задержал иерарха и приказал ему рукоположить «своего» архиепископа в «сепаратные» католикосы «Лихт-Имери и Абхазети», а также идеологически обосновать это мероприятие. Политические мотивы требований Баграта были столь же очевидны, сколь и абсолютное несоответствие их канонам. С церковной точки зрения Мцхетский престол был единственно законным. Но бедняге Михаилу выбирать было не из чего, к мученичеству он, судя по всему, относился отрицательно, а в случае согласия со стороны Баграта, несомненно, светили серьезные выгоды для давно уже прочно находящегося «под мусульманами» и отнюдь не процветающего Антиохийско-Иерусалимского патриархата. Так что Михаил не только рукоположил кого надо куда следует, но составил обширные «Заповеди веры», доказывающие, что никакого церковного единства в Грузии нет и быть не может, поскольку, дескать, апостол Андрей проповедовал христианство в Западной Грузии, а святая Нино в Восточной. Абсурдность и политизированность данной идеологемы были очевидны, как очевидно было и то, что создание «сепаратного» патриархата в перспективе играет на духовный раскол только начавшего формироваться грузинского этноса. Тем паче что позже возникла тенденция к дальнейшему дроблению: владетельные князья Самцхе (Аджария) почти добились того же, и «принцип домино» был остановлен лишь благодаря ускоренной исламизации Самцхе, сделавшей создание очередной «сепаратной» церкви неактуальным. Мцхета протестовала, приводила аргументы, но их мало кто слушал. Тем паче что усиливающимся туркам такой расклад пришелся очень по душе (они впоследствии всемерно покровительствовали Имеро-

Абхазскому патриархату), а у Восточной Грузии, вскоре попавшей под пресс шахов Тхакмаспа и Аббаса, появились намного более насущные проблемы. В общем, status quo установился по Аугсбургской формуле («Чья власть, того и церковь»).

С присоединением грузинских царств к России ситуация изменилась. Упразднение престола Католикоса-Патриарха во Мцхете, хотя и ударило по чувствам некоторых слоев общества, с канонической точки зрения было актом безупречным, основываясь на принципе «единоглавия», подтвержденного четырьмя (!) Вселенскими Соборами, однако на саму по себе ГПЦ никто не посягал, утвердив ее в статусе экзархата – автономного подразделения единой государственной церкви. Логика этого шага поняли и признали даже высшие тбилисские иерархи. Зато с «Имеро-Абхазетским» патриархатом дело обстояло совершенно иначе. Неканоничность его существования бросалась в глаза, и хотя иерархи Западной Грузии настаивали на создании отдельного экзархата, удовлетворить эту житейски вполне понятную просьбу Синод не считал возможным, поставив на повестку дня вопрос о восстановлении церковного единства Грузии. А поскольку личностные противоречия между высшими чинами двух родственных церквей оказались, как всегда в таких случаях, непреодолимы, епархом Грузии был назначен «внешний управляющий» – Феофилакт Русанов, в 1814 году осуществивший объединение двух Патриархатов под канонической властью Мцхеты.

Пользу или вред нанесла духовному единству грузин такая мера, судить не мне, однако следует отметить: без осложнений она не прошла. Резкий слом сформировавшейся за три века системы отношений (не будем забывать, что Церковь в Грузии была и крупнейшим феодалом) ударил не столько по духовным, сколько по материальным интересам тысяч людей. Массовое недовольство новыми принципами налогообложения, поскольку вместо баранов и вина теперь почему-то требовали деньги. Плюс местные амбиции, типа: «А с какой стати Мцхета нам указ? Мы что же, раньше веровали неправильно?!» Плюс агитация сотен сельских батюшек, в итоге сокращения епархий оставшихся без приходов, насчет «пришествия Антихриста». Короче говоря, дело в 1819-м обернулось волнениями. Волнения вскоре переросли в мятеж, причем мелкое черное духовенство играло роль своего рода «православного талибана».

Ситуацией, разумеется, не преминули воспользоваться и «прошлые люди» – от епископов, не получивших возжеленный сан самостийного экзарха, до претендентов на престолы Имерети и Гурии. Однако российские власти среагировали быстро и точно. Правильно осмыслив опыт событий 1804 года в Картли и 1812 года в Кахетии, они, не пренебрегая силовыми методами, в частности – высылкой наиболее оппозиционных лидеров «элиты», пошли навстречу крестьянам, выполнив их основные требования по финансовой части. После чего массовое движение сошло на нет, а «политически сознательные» князья и претенденты, одиноко и бессмысленно попартизанив в горах, ушли туда, откуда и пришли – в Турцию. Единство Грузинской церкви было восстановлено окончательно и бесповоротно.

Всем князьям князь

И наконец, Абхазия, о которой нельзя не отдельно. Там к середине XVIII века вовсю цвела «турецкая» партия – группировка высшей знати, считавшаяся мусульманской и полагавшая, что власти султана, сидящего в далеком Стамбуле, более чем достаточно, а свои князья, в принципе, не очень-то и нужная обуза. В какой-то момент к такому выводу пришли и турки, а придя, устроили своего рода эксперимент: клан Шервашидзе был просто вывезен из края, Абхазия же осталась на попечении «временного правительства» – чисто формального совета «малых князей». Позже, правда, убедившись, что бардака меньше не стало, одного из пленников, княжича Зураба, вернули в Сухум-Кале в качестве как бы гаранта стабильности. Поставив, однако, под контроль «турецкой» партии и турецкого же коменданта. Когда же огорченный таким недоверием Зураб в 1771-м попытался показать характер, выгнав османский гарнизон, ему вскоре пришлось бежать самому, а на престоле Абхазии оказался его племянник Келешбей, по мнению Стамбула, куда более достойный доверия, поскольку, проводя детство при дворе султана, принял ислам и считался едва ли не фанатиком. Хотя на самом деле фанател исключительно на себе. Правда, не без оснований: личность был крупная, с размахом, хваткой и амбициями. Заверяя Стамбул в вечной преданности, он сумел поставить себя очень быстро: сформировав дружину из мелких «дворян», хорошо, вплоть до пушек, ее вооружил и обучил, привел к относительной покорности аристократов, создал сильный флот и вообще в какой-то момент стал – почти как некогда Леван II Дадияни – едва ли не гегемоном Колхиды, ко всему еще и убедив Порту назначить комендантами турецких Поти и Батуми своих родичей. А затем, дождавшись смерти соседа, имеретинского царя Соломона I, связываться с которым было опасно – тот был личностью еще покруче, – активно занялся внешней политикой.

Доставалось всем. Но если осиротевшую Имерети владетель Абхазии просто бил и грабил, доходя аж до Кутаиси, то с Мегрелией он, как я понимаю, решил покончить вовсе. Не видя в ее существовании никакого смысла. Располагая всяческой поддержкой

доверчивых турок, он в 1802 году захватил важный мегрельский порт Анаклия и заставил князя Григола выдать в заложники сына-наследника Левана, фактически превратив Мегрелию в вассала. А вскоре предложил имеретинскому царю Соломону II вообще поделить «наследство Дадияни», на что тот вынужден был согласиться, хотя и вполне понимая, чем все это грозит ему, но сознавая и то, что в противном случае Келешбей заберет всю Мегрелию. Нетрудно понять, в каком ужасе пребывали правители Зугдиди, если – при всей своей местечковой гордыне – обратились к России с просьбой принять «край Мингрельский под покровительство Государя Императора». Просьбу уважили: от форпоста на Черном море, учитывая неизбежность столкновения с Портой, русскому правительству отказываться было бы глупо, и в результате триумфальный марш «абхазского Цезаря» оборвался на самом интересном месте. Для начала скоропостижно скончался послушный, вусмерть запуганный Келешбеем князь Григол Дадияни; по традиции, смерть его считается насильственной (поел отравленной курицы и полечил запор отравленными пилюлями) и приписывается собственной жене, что, вполне вероятно, соответствует истине. Княгиня Нино, будучи намного моложе благоверного, мужа не любила, зато очень любила власть, а также сына, которого хотела любой ценой выволить из Абхазии. Сразу после похорон русские власти потребовали вернуть мальчика, чтобы он мог занять престол. Келешбей, видимо, еще паря на крыльях недавних успехов, ответил в довольно-таки хамском тоне, после чего в марте 1805 года экспедиция генерала Рикхофа разъяснила ему прозу жизни, заодно отняв и Анаклию, – и абхазский суверен, будучи человеком умным, намек понял. Юный князь вернулся в Зугдиди, мама Нино стала регентом, но Анаклия, уже было воссоединенная с Мегрелией, опять отошла к соседям, сам же Келешбей, смекнув, что к чему, завел переговоры с русским командованием, намекая, что турецкий протекторат ему надоел, а вот русский был бы в самый раз. Нельзя сказать, что в искренние симпатии «магараджи», как его именовали в переписке, Петербург так уж верил, но тучи сгущались, дело шло к войне, а потому пренебрегать переговорами смысла не было. К тому же, когда война, наконец, началась, Шервашидзе показал, что может быть и реально полезен, сорвав в июле 1806 года высадку под Сухум-Кале османского десанта.

Братва

С началом в 1806-м русско-турецкой войны крутиться стало сложнее. Основным фронтом для России, конечно, был дунайский, да и вообще, учитывая обстановку в Европе, сил для Кавказа оставалось немного, а потому было принято решение мобилизовать всех вассалов и тех, кто таковым себя называл. В том числе, естественно, и Келешбея. Который, тоже естественно, пытался открутиться и выждать, чья возьмет. После уклонения старого князя от исполнения прямого приказа русского командования атаковать Потти даже граф Гудович, командующий русскими войсками на Кавказе, долго не веривший донесениям агентов, вынужден был прямо запросить владельца Абхазии на предмет его планов, типа, кем его следует считать, врагом или другом. Тот, естественно, ответил, что только другом и никак иначе, но, учитывая обстановку, верить на слово было сложно. Между прочим, не только русским, но и туркам, поскольку исполнять требования Стамбула – «нанести ущерб неверным» – князь, хотя и правоверный, тоже избегал. В общем, сюжет напрягся, – а 2 мая 1808 года завязавшийся узел был разрублен самым простым и грубым способом: князь при крайне странных обстоятельствах погиб в Сухумской крепости. К слову сказать, с этим делом далеко не все ясно по сей день. Традиционно считалось, что к убийству отца приложил руку его старший сын Асланбей, по материнской линии связанный с высшей аристократией княжества, стоявшей на протурецких позициях и недовольной «русским уклоном» старика. Именно такова была официальная версия, сформулированная по свежим следам Гудовичем, и, в общем, похожая на правду, поскольку попытки устранить Келешбея турки предпринимали и раньше. В последнее время, однако, суверенные абхазские историки выдвинули альтернативное мнение. Дескать, всему виной не «турецкая», а, напротив, «русская» партия. А то и вообще «зловещие зарубежные силы», но в лице не турок, а России и ее мегрельских марионеток.

В принципе, смысл этих исторических новаций понятен, останавливаться на их разборе не стоит (хотя тем, кто несет ответственность за выстраивание отношений между РФ и РА,

следовало бы задуматься), однако факт есть факт: со смертью Келешбея, хитрого и увертливого, влияние Стамбула в Абхазии мгновенно выросло. Следовало принимать меры, благо условия имелись: брат наследника, княжич Сефербей, сын Келешбея от женщины простого происхождения, шансов на престол не имел, но был честолюбив; к тому же за него ручалась вынужденно верная России княгиня Нино Мегрельская, выдавшая за него свою дочь. Кто конкретно из братьев устранил папу, понять сложно, – оба, разумеется, как могли, отмазывались (отцеубийцу народ не понял бы), валя вину друг на дружку, – но это уже было и не важно. Главное, что знать Абхазии склонялась на сторону «социально близкого» Асланбея, а не «худородного» претендента, тем паче (что вообще ни в какие ворота не лезло) с мегрельским хвостом (даже присягу на верность России княжич дал в доме тещи и чуть ли не под ее диктовку).

Нашлись, правда, сторонники и у Сефербея (в основном на юге, в мегрельском Самурзакано), однако попытка лихим налетом занять Сухум-Кале в августе 1808 года провалилась. Против «мегрельского вторжения» поднялась вся Абхазия, подбросили подмогу турки, и дружины княгини Нино отступили восвояси. Ясно, что в итоге событий авторитет Асланбея (и, соответственно, «турецкой партии») среди адыгов серьезно вырос. А это, в свою очередь, поставило перед русским командованием вопрос о необходимости прямого вмешательства. 12 августа 1808 года, сразу же после сухумского фиаско, Сефербей, – вернее, уже Георгий (юноша успел креститься, что с его стороны было очень мудро), – подписал «просительные пункты», адресованные Александру I. По мнению современных абхазских историков (в частности, С.Лакоба), документ этот был «недействителен», поскольку, во-первых, «написан на грузинском языке», а во-вторых, подписант сидел в эмиграции. Но с этими аргументами едва ли можно согласиться: грузинский язык в то время был языком официальной переписки, а политическая практика тех лет уравнивала правомочность претендентов на престол до тех пор, пока у них была возможность отстаивать претензии силой. У Сефербея же такая возможность имелаась: 17 февраля 1810 года указом Императора князь Георгий был признан «наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи», а спустя некоторое время получил от русского

распоряжение ехать в Абхазию и вступать в права владения «с соблюдением должных церемоний».

Не горюй

Дальше начинается забавное. По мнению новейших историков Абхазии, Сефербей «проявил трусость». Дескать, вместо того чтобы принимать регалии и немедленно ехать занимать престол, он начал просить предоставить ему русские войска. Иллюстрируется сей тезис отрывком из письма княжича, сообщающего руководству, что «весьма для него опасно принять оные в теперешнее время, когда соперник, брат его, владеет Сухумом и, следовательно, почти всю Абхазией и что он, услышав об утверждении его владельцем, будучи сам утвержден от Порты, непременно нападет на него с турецкими войсками; разорит и выгонит из Абхазии». Все это, мол, просто взбесило русское командование, но оно «было вынуждено» откликнуться на просьбу, поскольку уже был указ Императора, а иначе (это ясно читается между строк) партнеры вполне могли дать задний ход. Откровенно говоря, неубедительно, более чем. Ибо речь идет о дипломатической переписке, где каждое слово имеет далеко идущий смысл. Не мог генерал Тормасов «никак не ожидать» просьбы князя — по той простой причине, что не был идиотом. Война шла уже давно, пребывание в Абхазии турецкого корпуса, гарантирующего власть Асланбея, ни для кого не было секретом, а справиться с регулярными османскими войсками без помощи регулярных русских войск было нереально. В своем письме князь всего лишь разъясняет реальное положение дел, а само письмо, и это вполне очевидно, вовсе не жалоба «труса», а официальная просьба официального лица об официальной помощи суверена вассалу. Юридическое, так сказать, обоснование приказа Тормасова о вводе в Абхазию русских войск с целью изгнания турецкого контингента. То есть, учитывая, что из Поти турок уже вытеснили, о проведении операции по окончательному разгрому последней группировки противника на кавказском фронте. Что и было сделано в ходе двухдневного штурма Сухум-Кале 8—10 июля 1810 года. Турки и их вспомогательные части из местных, кто уцелел, сложили оружие, сам Асланбей, естественно, голову в битве героически складывать не стал, а ушел в горы к родственникам по матери, а вопрос о контроле над побережьем окончательно решился в

пользу России. Что, к слову сказать, вызвало определенный отклик не только в огорченном донельзя Стамбуле, но и на берегах Туманного Альбиона, где хотя и были более всего в тот момент озабочены Наполеоном, однако о недопустимости движения «русских варваров» в Азию не забывали ни на минуту. Хотя термин «Большая Игра» еще никому не был известен, а изобретатель его, Артур Конноли, ходил в школу, не зная о своей грядущей судьбе.

Впрочем, позиция сэров и пэров русское командование волновала менее всего. Куда актуальнее был вопрос о замирении местного населения, случившимся не слишком обрадованного. Насколько можно понять, против русских как таковых многочисленные абхазские кланы особого зла не имели, однако принять новые реалии легко и просто не собирались. Понять их, между прочим, можно. Сефербею, прочно ассоциировавшемуся с мегрелами, а к тому же еще и «худородному», самим фактом восшествия на престол, а тем более стремлением установить в княжестве твердую власть, нарушившему сложную систему сдержек и противовесов, свойственную клановому обществу эпохи «варварства», рассчитывать на популярность не приходилось. К тому же приход русских означал прекращение работоторговли, приносившей абхазской знати немалые доходы, и осложнение отношений с северными адыгами. Да и просто признать свое поражение, пойдя на мировую с позиций слабости, было не в местных традициях. Так что *resistance* в крае, на радость Асланбею и при активной помощи турок всем, что требовалось, развернулся не слабый, – в какие-то моменты власть нового князя была прочна только в Сухум-Кале и ближайшей округе. А время от времени активность «шак» ака, если совсем по справедливости, партизанских отрядов перехлестывала и границы Мегрелии, крайне нервируя княгиню Нино. Впрочем, после окончания войны России с Турцией и заключения Бухарестского мира острота ситуации сгладилась словно по волшебству. Охваченный пожаром край успокоился почти моментально. Асланбей сделал кони в гостеприимный Царьград. Около пяти тысяч самых непримиримых его сторонников, – особо продвинутых «правоверных», знати, не желавшей подчиняться «худородному», а также джигитов, замеченных в совершении военных преступлений, – последовало за ним. Абхазское же княжество мало-

помалу начало цивилизоваться в статусе автономного вассала Империи, пользующегося самой широкой внутренней автономией.

Глава XVII. Бунтари и сатрапы

За нашу и вашу свободу!

Впрочем, вернемся в собственно Грузию. То есть на восток. Как уже говорилось, вскоре после присоединения многочисленные представители династии Багратионов были обеспечены обильным пансионом и высланы в Россию. Иначе, как показала жизнь, было просто нельзя. Интриговали они с воистину византийским вкусом и размахом, да еще и вели активнейшую переписку с враждебным Ираном. Идею похерить Просительную грамоту Георгия XII и опять сесть на престол царевичи не оставляли, в первую очередь, разумеется, старший сын и наследник последнего грузинского царя Давид, некоторое время побывший даже правителем Восточной Грузии, но зарекомендовавший себя не слишком хорошо и в итоге оказавшийся в Петербурге. Он дважды, в 1812-м и 1817-м, подавал Александру I петиции о восстановлении царства на любых условиях, лишь бы во главе территории стоял как бы суверенный царь, а власть передавалась по наследству, как в то время в пределах России еще было заведено в казахской Букеевской Орде. Настойчивому царевичу, естественно, разъяснили, что он, видимо, чего-то не понимает, поскольку в Просительной грамоте речь шла о передаче коронных прерогатив и символики от династии к династии, а все прочие просьбы покойного батюшки были отклонены. Так что статус его лично и всей его родни ныне уже совершенно иной, хотя для очень многих и завидный. На том хождения по инстанциям прекратились, а вскоре наследник умер. Однако прочие царевичи не унялись. Их дома понемногу превращались в модные салоны, где любили проводить время сливки московских и петербургских диаспор, как приехавшие из Грузии, так и жившие в России уже давно, кое-кто еще вполне восточно-феодальный по взглядам, а кое-кто, причем большинство, уже и совершенно европеизированный.

Были, конечно, и хлебосольные, чисто грузинские застолья, но для доверенных лиц, круг которых понемногу расширялся. Пирюшки завершались долгими беседами в приватном кругу на одну и ту же тему: поскольку Иран и Турция после поражения в войнах с Россией уже вроде не так опасны, так неплохо было бы вернуть старые добрые

времена. На Неве конфиденты группировались вокруг царевича Дмитрия, на Москве-реке вокруг царевича Окропира; были это, в основном, потомки самых знатных семей Грузии, из числа тех, кто после присоединения перестали ощущать себя царьками в своих имениях и весьма от этого страдали, хотя не гнали и «простолюдинов», обучавшихся в столичных университетах. Поначалу дальше ностальгии не шло, однако тесные контакты с польскими друзьями, также жившими в обеих столицах и обстоятельно доказывавшими, что против «тирании» необходимо восстать, а дальше Европа нам поможет, свою роль сыграли. Тихое нытье понемногу перешло в конкретику, конфиденты (а по сути, уже почти заговорщики) начали, используя все предлоги и все немалые связи, перебираться в Тбилиси, где довольно быстро налаживали связи с дворянами, обиженными еще и за то, что не пригодились тирании в столицах, а вынуждены прозябать дома.

К 1830 году «тифлисский центр» уже был похож на что-то серьезное, во всяком случае, заговорщиков насчитывалось много десятков, а работу они вели по всем правилам тогдашней конспирации. Правда, согласно духу времени, в несколько опереточных формах (маски, кинжалы, тайные обряды), но (спасибо польским товарищам, кое-чему обучили) довольно эффективно, по крайней мере устав («Акт сознательного действия») был ничем не хуже польских аналогов. Программа, впрочем, тоже была скопирована с черновиков, написанных в Варшаве. Пункт первый (естественно, «Грузия для грузин») возражений не вызывал ни у кого. Дальше начинались разногласия вплоть до дуэлей. Большинство завсегдатаев приходили просто поболтать о высоких материях, помечтать о том, как будет все хорошо «лет через сто, когда созреют условия»; однако устраивать шоу со стрельбой и сами не хотели, и друзей отговаривали, объясняя, что даже если каким-то чудом что-то получится, хотя крайне маловероятно, так ведь соседи тут же съедят, а пока русские в Грузии, не съедят ни в коем случае. Кое-кто шел в мечтаниях дальше, рассуждая, что независимость таки не ко времени, зато восстановить автономию было бы в самый раз, и прикидывая, как бы лучше убедить в идеальности такого варианта Государя и правительство. Были, естественно, и «бешеные», всерьез полагавшие, что следует начинать без рассуждений, а там все само собой пойдет очень хорошо,

в крайнем же случае, Бог поможет. А также, понятно, Англия с Францией (по просьбе поляков). Ну и горцев привлечь планировали, не без того. Ругались и по поводу «что потом?». Царевичи и бывшие «местные цари», естественно, желали, чтобы все было как когда-то, но на их пожелания особого внимания не обращали; малочисленных «республиканцев» (что бы под этим ни подразумевалось) вообще не слушали. Сошлись, как истые «европейцы», на конституционной монархии. Да не простой, а (все как в Англии!) с двухпалатным парламентом – в верхней палате наследственный царь и «владельцы», в нижней – выборные от дворян и (возможно, но не факт) купцы; выбрали даже состав кабинета министров. Разумеется, грядущее царство виделось в границах всей «российской» Грузии, включая Имерети (хотя имеретинских дворян в кружке заговорщиков, кажется, не было ни одного), а если повезет, то и пару-тройку бывших ханств с армянским населением.

В какой-то момент досужие разговоры перешли тот рубеж, за которым хотя действие еще не началось, но что-то обязательно случится, потому что в глазах корешей никак не хочется выглядеть пустоболтом. К концу 1830 года договорились уже и о вещах вполне практических. Согласно плану, «владельцы» и просто князья должны были в условленное время привести в город как можно больше своих крепостных (пойдут ли крестьяне, никого не волновало, само собой подразумевалось, что раз князь прикажет, они и пойдут), окружить казармы полка грузинских гренадер и заставить их перейти на свою сторону. Вслед за тем занять арсенал и крепость, захватить ключевые города, разоружить немногочисленные российские войска и позвать на помощь англичан или французов, а на худой конец, даже персов. Однако полякам, поднявшим таки мятеж в ноябре 1830 года и, судя по сохранившейся переписке, очень на такое развитие событий рассчитывавшим, не обломилось. То ли что-то не срослось, то ли их ссиятельства не слишком верили в своих крестьян и сговорчивость гренадер, но на очередной сходке было решено обождать и посмотреть, куда кривая польских друзей вынесет, а уж если они от царских войск отобьются или (еще лучше) «Антанта» вмешается, тогда уж, конечно, всенепременно восставать.

Увы, полякам, как известно, не свезло, и «тифлисский центр», ничего не отменяя, отложил старт до лучших времен. Которые, как

показалось, настали через год, когда в Дагестане и Чечне объявился первый имам, Гази-Магомед, и «горская война», ранее локальная, полыхнула с невиданной ранее силой. На подавление из Грузии ушли практически все войска, бои с горцами приняли нешуточный характер, и вожди заговора, в какой-то момент решив, что русские будут биты, чуть было не приступили к действиям, но когда уже почти-почти созрели, пришло известие, что Гази-Магомед не только победим, но и смертен, а победители возвращаются в Тифлис. Восставать вновь оказалось не с руки. Однако и терпеть уже было невозможно, люди нервничали, было понятно, что, если медлить и дальше, кто-нибудь непременно сорвется, так что в ноябре 1832 года лидеры заговора привели рядовой состав к присяге плану, названному «Распоряжением первой ночи». Согласно диспозиции намечалось, как и ранее, привести в город побольше крестьян, взять арсенал и занять крепость, разоружив гарнизон. Безусловной новацией, опять же позаимствованной у поляков, был вывод на улицы возможно большего числа горожан крестным ходом (предполагалось, что православные солдатики по иконам и батюшкам стрелять не станут). А также (главное!) предварительный арест ночью с 29 на 30 ноября, на балу у одного из заговорщиков, почетных гостей – фактически всего военного и гражданского руководства Грузии. С тем, разумеется, чтобы принудить их к сотрудничеству «хотя бы и под угрозой смерти», как в Варшаве.

С этого момента понятия «тормоза» уже не существовало. Правда, что-то буксовало, и сильно, поэтому выступление перенесли сперва на 6 декабря, затем еще на две недели, на 20-е. Однако люди все-таки не железные, и до этого срока дотянуть не смогли. 9 декабря один из ведущих активистов заговора, князь Евсей Палавандишвили, явился к властям с повинной. Не из трусости, правда, и не из подлости. Просто, решив дополнительно подстраховаться, будущие министры приказали ему убедить примкнуть к заговору родного брата Николая, занимавшего ключевой пост главы гражданской администрации столицы. А князь Николай, выслушав информацию, вместо пылкового согласия влиться в ряды борцов за независимость сперва начал нести какую-то чушь о чести, присяге, авантюризме и прочих глупостях, а потом принес пистолет и заявил, что, если Иесе сейчас же не пойдет с ним к начальству, он застрелится, – и что скажет мама? Так что

вариантов попросту не оставалось. Начались аресты и допросы, в весьма, впрочем, щадящем режиме, тем паче что подследственные с момента помещения на цугундер пели, как птички (или декабристы), ничего от дознавателей не скрывая. К тому же, как выяснилось, очень многие из почти двух сотен значившихся в списках делали максимум возможного, чтобы никакого мятежа не произошло, кто отговаривая друзей, кто уговаривая обождать, а кто и попросту скрывшись в действующей армии (собственно, именно в связи с этим и переносилось «время X»). Обнаружилось также, что активисты, ответственные за крестный ход, поленились, а из обязавшихся подготовить отряды боевиков на базе своих крепостных сделала, как обещала, едва ли треть.

В конце концов, по домам, ограничившись внушением, отпустили человек 150, под суд же пошли 38 самых буйных, разделенных на 8 разрядов. Почти как «декабристы». Примерно с теми же приговорами: 1-й разряд (9 душ) – смертная казнь, далее разные сроки каторги с лишением дворянства, а последние два разряда – ссылка без лишения. На этом, однако, сходство кончилось. Решением Государя все смертные и каторжные приговоры были отменены, всем сохранялось дворянское звание, а князьям и титулы, а в качестве наказания назначалась ссылка в центральные губернии России на разные сроки, с правом «применять силы и дарования свои на службе государству». Чем страдальцы и не преминули воспользоваться во благо себе и обществу, благо народ был сплошь грамотный и деятельный. Правда, в глубинке засиделись немногие. Уже через год, согласно царскому повелению, началось возвращение изгнанников домой. Кое-кто перед тем удостоился и Высочайшей аудиенции. А через пять лет, кроме двух-трех умерших естественной смертью и еще пятишести, прижившихся на новом месте, в Грузию возвратились все, – и, думаю, есть смысл сказать, что спустя годы и годы мало кто из их сиятельств ушел из жизни в ранге менее чем губернаторском или генерал-лейтенантском.

Под игом

А пока элита грузинского народа вела бескомпромиссную борьбу против беспощадной царской тирании, а не элита обживала города и веши России в качестве офицеров, чиновников и студентов, тирания понемногу обустривала Кавказ. Основное внимание, естественно, было сосредоточено на делах военных, так что местное управление, в основном, доверялось все той же мятежной элите. Но главы уездов все же присылались с севера. Наладить новую жизнь пытались то так, то этак, а окончательно устаканилось к 1841-му, когда весь Кавказ был разделен на две административные единицы – Каспийскую область (горцы, горцы...) и Грузино-Имеретинскую губернию, включавшую в себя всю территорию Грузии плюс Армению, – правда, без Мегрелии, Абхазии и Сванети, числившихся прямыми вассалами Империи. Центром Грузино-Имеретинской губернии (позже, согласно многочисленным просьбам с мест, разделенной на Тифлисскую и Кутаисскую), так же как и всего Кавказа, являлся Тбилиси. То есть сбылась самая смелая мечта грузинских патриотов: восстановление Грузии эпохи Тамар. Правда, под скипетром не грузино-армяно-осетинской династии Багратиони, а русско-немецкого дома Романовых, но это уже даже не второстепенно. Более того, после побед над Ираном и Турцией статус Кавказа был беспрецедентно повышен, – он стал единственным в Империи наместничеством, то есть вице-королевством. Причем наместник (или, как пишут современные грузинские историки, «сатрап»), в отличие от обычных генерал-губернаторов, был наделен «неограниченными правами» и не подчинялся никаким имперским ведомствам, неся ответственность только перед Государем. Иными словами, статус Грузии с некоторыми косметическими различиями вышел на уровень, с которого по глупости слетело Царство Польское и на котором пребывало благоразумное Великое княжество Финляндское.

Первый сатрап, Михаил Воронцов (тот самый, академик и герой, на которого не по делу катил бочку юный хам и лодырь Сашка Пушкин), начал тиранство с шага, которого давно жаждали местные кадры, – резко, без бюрократии решил крайне актуальный для

грузинского общества вопрос о статусе. Дело в том, что в поздней Грузии сословная «лестница», как и в любой европейской стране эпохи гниения феодальной раздробленности, была не просто запутана, но запутана чудовищно. Обилие князей, малых князей, не совсем князей, высших дворян, просто дворян, почти дворян и так далее способно было вогнать в ступор лучших герольдмейстеров.

К тому же еще в очень многих случаях не имелось никаких письменных подтверждений: статус основывался на устно выраженной лет двести назад воле сюзерена. В России такой бардак был давно улажен, и первые назначенцы из Петербурга попытались было решить вопрос по общему образцу, при отсутствии документов устанавливая сословный статус по имущественному.

В результате титул князей сохранили около сотни семей, дворянское достоинство – порядка 5 тысяч, у кого были крепостные, а все прочие претенденты угодили в ранг государственных (свободных) крестьян. Что, конечно, никому не понравилось и крайне обостряло настроения. Неповоротливая российская машина на такой нюанс внимания не обращала, но после учреждения сатрапии Михаил Сергеевич решил безнадежное дело за пару дней: одним росчерком пера 90 % (свыше 30 000 душ) подавших прошения получили, не глядя на состояние, княжеский (не совсем княжеский, но это уже нюансы) титул. Еще около 5000 стали обычными дворянами Российской империи. После чего, как в России, были учреждены дворянские собрания, получившие право формировать органы власти на местах. Продолжая бесчинствовать, сатрап тирана выделил помещение и средства на возрождение грузинского театра, повелел выпускать литературные журналы и газеты на грузинском языке и основал публичную библиотеку, после чего патриотические настроения в обществе почему-то сошли на нет. Причем как в «высшем свете», так и в «низах»: тысячи безработных получили возможность не умирать с голоду, трудясь и зарабатывая на построенных по указанию изверга стекольных, суконных, литейных и шелкоткацких фабриках.

В общем, сложно не согласиться с современными грузинскими историками: в самом деле, «колониальная политика России, проводимая Михаилом Воронцовым, была отнюдь не менее опасной для грузинского народа», чем политика персов и турок. Что в полной мере и подтвердилось во время Крымской войны. К огромному

удивлению компетентных персон из Лондона, Парижа и Стамбула, ни на одно из тайных посланий, адресованных соответствующими структурами и старыми польскими друзьями-эмигрантами грузинской аристократии, ответа не случилось, хотя предлагались вещи более чем привлекательные, в первую очередь, естественно, восстановление независимости под европейской опекой. Напротив, уже в первом пограничном сражении на Кавказе гурийское ополчение, сражаясь плечом к плечу с крохотным русским отрядом, полегло почти поголовно и отступило лишь тогда, когда боеприпасов не осталось вовсе. На поле боя остался и Георгий Гуриели, законный наследник престола незадолго до того упраздненного Гурийского княжества, которому накануне обещали в случае перехода на сторону союзников восстановить его во всех правах. Одновременно отряды ополченцев под командованием генералов Григола Орбелиани и Иванэ Андроникашвили (оба, кстати, были в свое время причастны к «заговору» 1832 года) дали по ушам абрекам Шамиля, на зов «Антанты» откликнувшегося, а затем и на юге, где турки были наголову разбиты сперва при Ахалцихе, а потом и при Карсе. То же повторилось и в 1854-м, только ополченцев под знаменами Империи сражалось уже гораздо больше: пополнения на «неосновной» Кавказский фронт выделялись скудно, так что формировать новые части приходилось на месте, из неопытных добровольцев. Тем не менее турки были опять биты у реки Чолоки, так и не сумев прорваться на соединение с горцами. Даже в тяжелейшем 1855-м, когда все силы Империи сосредоточились на защите Севастополя, и 36-тысячная армия Омара-паши, высадившись в Абхазии, потеснила русские войска в Ингурском сражении, ситуация не сильно изменилась. Абхазия и Мегрелия были оккупированы полностью, Гурия почти на две трети, но и только. Ни гурийцы, на которых турки очень рассчитывали, поскольку лет за десять до того там случился крупный мятеж, ни мегрельская княгиня, которой обещали все, вплоть до царской короны и британской опеки, ни даже большинство крепко исламизированной абхазской знати не сочли возможным нарушить присягу Государю и изменить Империи. После же взятия русскими Карса Омар-паше оставалось только сжечь Зугдиди, разграбить дотла Мегрелию и Абхазию и уплыть восвояси, к возмущению султана и союзников оставив Западную Грузию под игом тирании.

Шантаж с последствиями

Сталкиваясь иногда с оппонентами, утверждающими, что, дескать, «ладно, Восточная Грузия ушла под Империю по закону, по царской просьбе, но уж Западная-то точно была незаконно оккупирована», в недоумении развожу руками. Да, действительно, карликовые княжества Колхиды перешли под протекторат России, заключив с ней (в 1804–1810 годах) полноценные договоры. Вроде тех, которые заключала Англия с княжествами Индии. Полностью и «на вечные времена» уступая Империи контроль за своей внешней политикой, они — тоже полностью — сохраняли внутренний суверенитет и даже, в отличие от тех же раджей Индостана, не обязаны были платить дань. Однако, как известно, договоры должны соблюдаться, а если не соблюдаются, утрачивают силу. Нарушение Соломоном II Элазнаурского трактата и переход его на сторону турок в 1804-м превратило Имерети в одну из воюющих сторон, после чего аннексия царства по праву завоевания стала столь же юридически безупречным актом, что и, скажем, аннексия Пруссией Ганновера или Сицилии Пьемонтом. Аналогично и с Гурией. Переход последнего тамошнего «владельческого» Давида Гуриели на сторону османов во время войны 1828–1829 годов привел к изгнанию из княжества династии, правившей им около трех веков. Но, что важно, не к упразднению самого княжества. Оно по-прежнему оставалось автономным вассалом и по-прежнему не платило налогов, однако рулил теперь не род Гуриели, а Совет Князей во главе с русским офицером, имевшим право окончательного арбитража.

Во внутренние дела Империя по-прежнему не вмешивалась, князьям, внезапно ставшим полными хозяевами края, такая ситуация очень нравилась, так что лет десять в Гурии все было куда лучше и спокойнее, нежели где-нибудь еще. Однако в 1840-м в Петербурге решили, что с ситуацией «ни туда, ни сюда» пора кончать, и объявили о присоединении княжества к Грузино-Имеретинской губернии (вековая мечта имеретинских царей) по праву все того же завоевания. Князей, привыкших к почти полной вседозволенности, такой оборот событий не слишком обрадовал, но в качестве пряника им оставили

право собирать с крестьян традиционные налоги, так что особых протестов «сверху» не последовало. А вот «низы» оказались в положении очень непросто (общеимперские-то налоги никто, разумеется, не отменял), и начали сердиться, в связи с чем заволновались и князья, поскольку местное население было (постоянные ж междоусобицы!) и вооружено неплохо, и навыки к стрельбе имело. Естественно, пошли разъяснения типа мы ж ничего, сколько всегда брали, столько и сейчас берем, а во всем виноваты русские, вот с них и спрашивайте. Под сурдинку активизировалась и агентура Турции, все еще по инерции считающей край своей вотчиной. Поползли умело пущенные слухи, и очередной – о якобы предстоящем наборе гурийцев в армию, чего в реале не было и в помине, – в конце концов сыграл нужную музыку.

В мае 1841 года в селе Асети начался бунт, очень быстро набравший неожиданно крутые обороты. Неплохо вооруженная и все более возрастающая в числе толпа двинулась к турецкой границе, надеясь, что тамошнее начальство поможет выгнать из Гурии русских, а там, глядишь, приедет и князь, и все будет, как раньше. В планы турок это, однако, ни с какой стороны не входило, у них вообще в тот момент были очередные сложности с Египтом, так что мятежникам (уже около 7000 человек) пришлось решать, что делать дальше, по обстоятельствам. Назад пути все равно не было. Всего за три-четыре дня под их контролем оказались практически все городки и села края, кроме стольного града Озургети, где находился единственный на всю Гурию войсковой отряд (то ли 150, то ли 200 штыков) под командованием полковника Брусилова. В августе, сделав попытку навести порядок, полковник вынужден был отступить под напором пятитысячной толпы у деревни Гогорети и занять оборону в столице, тотчас осажденной бунтовщиками. Надо сказать, сперва повстанцы и дворяне выступали как бы единым фронтом, но вскоре законы природы взяли свое: народ начал вводить справедливость на местах, раскулачивая хозяйские амбары, что тут же изменило приподнятое настроение местных дворян на угнетенное. Последовала просьба о помощи к мегрельскому князю, но его дружину, явившуюся крестьян шапками закидывать, бунтовщики, летя на волне успеха, опрокинули и выгнали обратно в Мегрелию пинками. Та же участь постигла и отряд дворянского ополчения из Имерети. Теперь князья уже мечтали только

о том, чтобы вмешалось правительство, но в Тифлисе, неплохо понимая расклад, медлили, давая возможность гурийской элите понять, с чем можно шутить, а с чем не очень. Только в сентябре в Гурию вступил еще один отряд регулярных войск, 211 штыков во главе с капитаном Шавгулидзе, после чего в решающей стычке около Озургети мятежники, наконец, потерпели поражение, потеряв и самого талантливого своего лидера, некоего Абеса Болквадзе. Современные грузинские историки пишут, что он «был убит без суда», но представить себе правильное судопроизводство на поле боя я лично затрудняюсь. На этом все кончилось. Начались разборы полетов. 52 активных бунтаря угодили в Кутаисскую тюрьму, 17 из них были приговорены к повешению, остальные к каторге. Однако Николай I, высказавшись в том смысле, что «не эти бедняги виноваты, не их и наказывать», смертные приговоры не утвердил, заменив и петли, и каторгу ссылкой на «вольное поселение». Гурия вновь присягнула на верность Империи. И что интересно, спустя 13 лет, когда турки вторглись в пределы России, рассчитывая на поддержку обиженного, по их мнению, местного населения, никакой поддержки они не встретили, даже со стороны рода Гуриели, которым, казалось бы, сам Бог велел. Но об этом уже рассказано в предыдущей главе.

Хотим как в Имерети!

В отличие от гурийских родичей мегрельские Дадияни договор соблюдали честно и дотошно, не поддавшись ни на какие соблазны даже в период Крымской войны, когда в Зугдиди стояли турки, а с княгиней Кето вели душевные беседы люди из Лондона. А потому и пользовались полным доверием Петербурга, живя в свое удовольствие. Вся проблема в том, что крестьяне такого удовольствия не испытывали, и чем дальше, тем больше. Не говоря уж о том, что «европейская» жизнь династии, в отличие от старых добрых времен, требовала все большего увеличения податей, быстро становившихся непосильными, последствия войны делали жизнь «низов» вообще не жизнью. Ладно бы только нищета и разорение. Бывает. И увод в плен множества рабочих рук тоже еще ничего. И даже то, что в годину османского нашествия многие дворяне, на фронт не ушедшие, вспомнив старое, наладили бойкую торговлю «живым товаром» (о чем при русских могли только мечтать), тоже можно было списать, как дань традиции. Но после войны дворянство вместо того, чтобы помочь крестьянам хоть как-то встать на ноги, начало с места в карьер возмещать за счет крепостных убытки, нарушая сложившиеся за века адаты. А жаловаться было некому, поскольку княгиня Кето, вдова князя Давида и регентша при малолетнем сыне Николае, проводила большую часть года в городе на Неве, доверив княжество потомственному завхозу, князю Чиковани, редкому жулику. И вот это уже было чревато, поскольку всему есть предел.

Поздней осенью 1856 года в селе Салхино князь Чиковани приказал крестьянам бросить все и идти на строительство разрушенного турками дворца княгини. Ни о какой плате за труд речи не было. Более того, вышедшим на работу не было выделено положенное по традиции питание, и еще более того, с них, вопреки всем адатам, начали брать деньги за помол принесенного с собой зерна. А когда крестьяне забастовали, управитель попытался привести их в покорность силой.

И нарвался. Его нукеры были избиты, сам он чудом спасся от побоев, а то и чего похуже. Наказать крестьян не удалось: сил было

мало, к тому же Чиковани, изрядно гревший руки на махинациях, опасался, что о его воровстве станет известно госпоже. Инцидент был как бы забыт. Однако весной следующего года винт сорвался в селах Лия и Джвари, где княжеские люди, на сей раз по прямому приказу одного из Дадиани, начали сгонять крепостных с земель, определенных под княжеский парк без представления им новых участков для поселения. И вот тут-то грохнуло по всему княжеству. Собравшись за считанные дни, более 20 000 неплохо вооруженных крестьян двинулись на Зугдиди, избрав *«беглербегом»* кузнеца Уту Микава. 12 мая, разбив на подступах к столице дворянское ополчение, крестьяне заняли город, взяли штурмом княжеский дворец и создали собственный орган управления, именуемый *«военным штабом»*.

На какое-то время во власти мятежников оказался весь край, – и последствия понятны. С дворянами не церемонились, хотя обижали не всех, а только самых ненавистных, зато усадьбы громили все подряд, под вполне средневековым лозунгом *«Прочь князей и дворян, все люди братья»* (так и вспоминается Джон Болл с его *«Когда Адам пахал, а Ева пряла...»*). Перепуганная княгиня, до последнего края пытавшаяся не вмешивать во внутренние дела своего удела русских, наконец запросила Кутаиси о помощи, и совершенно ясно, что в такой ситуации государство не могло оставаться в стороне. Однако повстанцы, как ни странно, русских встретили мало что без желания драться, но едва ли не с радостью. 20 мая, приехав на встречу с генералами Гагариным и Колубякиным, возглавлявшим силы правопорядка, Уту Микава изложил им суть претензий и смысл случившегося. *«Год назад османы, – объяснял он, – разорили нашу землю, отняли у нас все. Помочь не мог никто – русская армия отошла, а наши господа вместо защиты стали похищать наших детей, мальчиков и девочек, и продавать их османам, нарушая запрет русских. нечего уж говорить о том, что все плоды наших трудов идут к ним же; крестьянин, по их мнению, ничего не должен иметь, и они вымогают всякое добро его, если не хитростью, то насилием. Мы уже к этому привыкли и терпим, но ведь и души человеческой они в нас не хотят знать. По их убеждению, мы хуже всякого животного. Понравится барину соседний ястреб, и он выменяет птицу на крестьянский дым, на борзую или легавую собаку меняют несколько дымов, животные больше ценятся, чем мы. Хорошие, справедливые порядки в Имерети,*

но не у нас, а русские говорят, что не могут ничего запрещать нашей княгине... Что же нам оставалось делать, как не отражать насилие силой?»

В сущности, лидер бунтарей просил русское командование о защите и помощи. Понятно, что зря. Мятеж генералы, разумеется, подавили, сам Уту погиб в одной из стычек. Но на расправу княгине, вопреки ее требованиям, не выдали ни одного пленного. Судили сами, и судили мягко. Несколько лидеров были высланы в Сибирь «на вольное поселение без привлечения к каторжным работам», несколько десятков – просто в Россию. И в то же время Гагарин и Колубякин направили наместнику князю Барятинскому подробный доклад, где сообщали, что мятеж стал следствием «только злоупотребления властей» и «забвения всяких законных правил». А потому и «единственным выходом из положения станет коренное преобразование правления». Примерно то же самое сообщил наместнику и специально посланный в Зугдиди для изучения ситуации аудитор Дюкруази. После чего наместником и было направлено письмо Государю, где указывалось, что «негодность здешнего управления неисправима и враждебна духу времени». В связи с чем «хотя сохранение того положения княжества, которое есть теперь, ввиду отношений с Портою весьма желательно, однако еще более необходимо действовать сообразно с обстановкой», не считаясь с «просительными пунктами от 1804 года». В ответ последовало дозволение наместнику на полную свободу действий. При условии, однако, «добровольного согласия на то Ее Светлости правящей Княгини». 31 июня 1857 года Барятинский распорядился «предать забвению исследование причин бунта» и подготовить проект «О временном управлении Мингрелией», согласно которому Империя брала княжество «под высочайшую опеку до совершеннолетия Его Светлости князя Николая Давидовича». Сам наследник был определен ко двору, а мать его была отозвана в столицу «ради должного присмотра за сыном». Рескриптом от 26 сентября «временным правителем» Мегрелии был назначен генерал Колубякин. Спустя 10 лет, достигнув совершеннолетия, юный князь Нико Дадзидзе, плебей и европеец до мозга костей, вполне добровольно и за очень недурственную компенсацию официально отказался от прав владетельного князя в пользу Дома Романовых.

Странное восстание

События в Мегрелии были серьезным звоночком. Очень серьезным. Почти сразу огонек перекинулся в Имерети, и вновь помещиков спасли русские, опять не отдавшие крестьян на расправу (16 активистов были высланы в Крым). Затем грохнуло много где. Правда, не так громко, поскольку реформа уже понемногу пошла. Но именно что понемногу: грузинское дворянство, к столь резким переменам не готовое, уговорило Петербург дать хотя бы маленькую отсрочку, так что когда в самой России крепостного права уже не было, на Кавказе его отмены только ожидали. Зато когда льготный период кончился, кампания началась всерьез, даже с перебором. Вскоре докатившись и до последней колхидской «автономии» – Абхазии. Вернее, уже не автономии: еще в апреле 1864 года вассальный статус княжества был отменен, а князь Михаил Шервашидзе в добровольно-принудительном порядке передал свои права Государю и лично провел процедуру сдачи-приемки полномочий, выговорив право дожить свои дни (он сильно болел) в родных краях. Правда, дожил в Воронеже, куда «в высших интересах» был перевезен с курортов Ставрополя, где безуспешно лечился. О причинах упразднения княжества подробно говорить не будем, достаточно сказать, что сей акт был не менее закономерен, нежели ликвидация Лондоном парламентов Шотландии в 1707-м и Ирландии в 1800-м, однако в весьма традиционном обществе (намного патриархальнее, нежели прочая Грузия, кроме разве что совсем уж диких Сванети и Хевсурети) смещение «племенного» князя рядовые общинники встретили очень настороженно. Впрочем, дворяне (профи-воины типа «викинг»), привыкшие подчиняться только вождю клана, тоже. Опять-таки как в горной Шотландии, где новации Лондона, как известно, спровоцировали аж два мятежа. К тому же обида и злость всю разогревались турецкой агентурой, очень мощной и разветвленной. Так что вскоре после получения вестей о смерти на чужбине князя Михаила, 26 июля 1866 года, в бывшем княжестве начался мятеж, позже названный «странным восстанием», поскольку до конца понять его причины представители власти так и не смогли. Хотя, в сущности, ларчик открывался очень

просто. Абхазское общество (повторяю!) было намного традиционнее, нежели российское, грузинское или мегрельское. До развитого феодализма ему было еще расти и расти, в самом разгаре была эпоха «военной демократии», именуемая также «эпохой варварства», – нечто типа Скандинавии в VII–VIII веках. Соответственно, и того, что русские власти считали «крепостным правом», которое необходимо отменить, в крае не было и в помине, а чтобы понять, что же есть, надо было долго изучать вопрос.

В общем, когда на большом сходе в селе Лыхны уполномоченные наместника сообщили огромной и настороженной толпе о грядущем «*освобождении от рабства*», рядовые общинники оскорбились. Еще больше взвело толпу упоминание о «*выплатах за землю*», поскольку земля была как бы «общая», а потому как, кому, что и за что платить, понять было невозможно, зато возникло справедливое подозрение, что теперь часть угодий отнимут, а за то, что оставят, придется платить. Так что в ответ на требования дать информацию о размере участков сход ответил категорическим отказом. Этого можно было ожидать и при минимальном знании местных условий не допустить обострения, но, к сожалению, оба уполномоченных, Измайлов и Черепов, мало того что мыслили реалиями Грузии, где до того служили, но к тому же были хамами, плохо соображавшими, где находятся и с кем говорят. Чуть лучше ориентировался в реалиях полковник Коньяр, начальник Сухумского округа, который лично выехал на место и вступил в переговоры, но было уже поздно. Рвануло по той же схеме, как много позже в Афгане, где школы с совместным обучением мальчиков и девочек и больницы, где в рентгенкабинете следует раздеваться даже дамам, мобилизовали против проклятых шурави тысячи счастья своего не желавших понять правоверных.

Как позже писал свидетель событий, наследный княжич Георгий Михайлович, «надменное отношение вызвало бурю». Началась стрельба, появились убитые, семитысячная толпа, смяв казачью сотню, штурмом взяла княжеский дворец; в схватке погибли оба уполномоченных, полковник, четыре офицера и более полусотни казаков. По тем временам и местам весьма серьезные потери, не в каждом бою с абреками получавшиеся. Спустя несколько часов, когда к событиям подключились муллы и турецкие симпатии, мятеж охватил всю Абхазию, в первую очередь горные, не так уж давно

присоединенные области. На следующий день уже более чем 20-тысячная толпа вошла в Сухуми, оттеснив гарнизон города в цитадель, взять которую, естественно, была не в силах, однако 28 июля отступила в горы, не устояв перед прибывшим из Поти десантом. Вторая попытка занять столицу – уже под лозунгом восстановления княжества и коронации Георгия Шервашидзе, объявленного князем (сам он, впрочем, от такой чести уклонился, спрятавшись от подданных), – провалилась 30 июня. А через пару дней были рассеяны небольшие отряды наиболее упрямых бунтовщиков, отступившие в горы в ожидании прихода турок, которые не пришли и приходить пока не собирались.

На сей раз, поскольку имело место прямое выступление против властей Империи, да еще и убийство официальных лиц, репрессии последовали более жесткие, нежели в Гурии четверть века назад и Мегрелии за 9 лет до того. Но тоже не зверские. Власти, не обращая внимания на «традиции предков», разоружили население, конфисковав даже кинжалы, но под суд отдали всего около сотни бунтовщиков, из которых расстреляли только троих, слишком уж запачканных кровью, а еще 30 отправились в Сибирь, но опять-таки не на каторгу, а на «вольное поселение». Прочих отпустили с миром. Дела рассматривались индивидуально, с указанием свыше учитывать прежние заслуги – например, некий дворянин Кягуа Куджба 100 лет от роду, ранее верно служивший России, распоряжением наместника получил разрешение «с семейством возвратиться на родину в Абхазию», хотя его сыновья были уличены в совершении серьезных правонарушений. В целом, можно было бы говорить об очередной запредельной гуманности имперских властей, если бы не издание распоряжения «О выселении из Абхазии до 1000 семейств абхазцев вовнутрь России». Согласно документу, активистам мятежа, обитающим в наиболее беспокойных, исламизированных районах, предоставлялось право выбора: переселяться либо в Россию, либо в Турцию, власти которой, уже разработавшие первые планы формирования «башибузуков» для поселения на Балканах, согласились принять эмигрантов. Результат оказался слегка неожиданным: хотя изначально количество потенциальных эмигрантов определялось как 5–6 тысячи душ, с апреля по июнь 1867 года Абхазию в организованном порядке, на турецких судах, покинуло около 3,5 тысяч

мусульманских семей (примерно 18 тысяч человек), напуганных, в первую очередь, активно распространявшимися слухами о неизбежной принудительной христианизации края. Впрочем, это уже нюансы. Как бы то ни было, с образованием на месте экс-княжества «Сухумского отдела» феодальная раздробленность, веками терзавшая Сакартвело, была преодолена окончательно.

Глава XVIII. Изобретение нации

Вишневый сад

Эпоха после Великой Реформы 1861 года встряхнула Империю не по-детски. Стройная пирамида распадалась на глазах, и грузинские губернии не были исключением. Буржуазия рвалась к власти, пока еще на местном уровне, не особо выбирая средства. В июне 1865 года «первостепенные» и «почетные» граждане Тифлиса, потребовав права избирать городского голову, на тот момент назначавшегося властями, и получив отказ, спровоцировали в городе кровавый бунт «амкарств» (цехов), недовольных утратой своих средневековых льгот и не понимающих, что сохранить их все равно не удастся. К беспорядкам, разумеется, подключились и люмпены, «генералы песчаных карьеров» с городских окраин, – бывшие крепостные, аккуратно тогда закладывавшие фундамент знаменитого в будущем сословия грузинских «воров в законе». Кончилось все, как положено: чернь уладили, вожаки пошли на каторгу, амкарства под сурдинку свели почти на нет, режиссеры беспорядков откупились, а местное самоуправление, что и требовалось доказать, оказалось-таки под контролем «первостепенных» и «почетных». Куда сложнее пришлось очень-очень многочисленному и в основном небогатому дворянству. До сих пор грузин в Грузии был либо крестьянином, либо священником, либо помещиком, наезжающим в город в основном покутить да купить обновки. Мог, разумеется, идти и на государственную службу, но в основном не шли, предпочитали пользоваться благами Указа о вольности дворянства. Теперь же этим старосветским помещикам пришлось туго.

Дабы не растекаться мысью по древу, излагая общеизвестное, рекомендую всем, кто не очень в теме, перечитать бессмертный чеховский «Вишневый сад» (хотя бы в кратком изложении), – этого вполне достаточно, чтобы понять. На Южном Кавказе процесс шел, пожалуй, намного болезненнее, нежели в центральных губерниях. Настолько болезненнее, что даже правительство, весьма ревностное в этом вопросе, дало «добро» отсрочить начало реформ на несколько лет, однако принципиально это ничего не решало, а все места в городе были уже давно и прочно заняты. Опасаясь кого-то обидеть, не стану

пересказывать своими словами, а приведу в точности цитату из труда «группы Вачнадзе» (опустив лишь одно, трижды повторяющееся слово, а какое, будет понятно из дальнейшего текста): «Новая эпоха, европеизация жизненного уклада вызвали потребность в большом количестве денег. Для большинства грузинского дворянства единственным источником дохода была земля. Наследственные земли дворян постепенно сокращались после ее раздела между членами семьи, соответственно сокращались и доходы, получаемые с этой земли. Грузинская аристократия, оставшись без средств, вынуждена была занимать деньги у (...) предпринимателей. Однако многие дворяне не в состоянии были вернуть долг, поэтому они продавали свои земли и полученные деньги отдавали на покрытие долга. Покупателем земли была все та же (...) буржуазия. Так, постепенно, грузинская земля переходила в руки (...) капиталистов».

Под небом голубым есть город золотой...

Теряющим все вчерашним «лучшим людям» необходимо было осмыслить себя в новой обстановке, найти свое место в жизни. В этом, кстати, заключался специфически грузинский нюанс не оригинальной, в общем, ситуации. В Западной Европе, где «третье сословие» было очень развито, и даже в России, где оно было развито, мягко говоря, не очень, его «рупорами», как известно, становились разночинцы – образованные выходцы из низов, ищущие своего места в жизни и кусок масла на хлеб. В Грузии же, где собственной буржуазии, как мы уже знаем, практически не существовало, эту социальную нишу заняли «пролетарии умственного труда» с красивыми гербами и длиннейшими, аж от Адама родословными. «Грузинское дворянство, – сказано в труде «группы Вачнадзе», – не только всем сердцем сочувствовало и способствовало национальному движению, более того, национальное движение всегда проходило под его началом», и это более чем понятно, – только «родив нацию», разоряющиеся помещики могли найти себе новое применение в роли идеологов и лидеров. В полном соответствии с социальным заказом в это время и появляется кружок интеллектуалов, позже названный «Пирвели даси» («Первая группа»), признанным лидером которой быстро становится князь Илья Чавчавадзе, юрист, литератор и блестящий публицист, ныне канонизированный Грузинской православной церковью. И по заслугам: для грузин он сделал примерно то же, что (по крайней мере, ничуть не меньше) бессмертный Габдулла Тукай для волжских татар, до того живших в качестве «мусульман» или, в лучшем случае, «булгар» и даже не подозревавших о том, что они, если вдуматься, татары. К лагерю «прогрессистов» он никак не относился, по нынешним меркам его, видимо, следовало бы определить как «свидомого исконника», то есть национал-консерватора. Западным веяниям с их социальными теориями, будучи человеком старого закала, тоже не очень доверял, полагая высшей формой общественной организации «нацию». То есть что-то типа большой семьи, существующей изначально и всегда «вещи в себе». Идеального единства, где сословные противоречия даже не второстепенны и легко

разрешимы, а все чада и домочадцы объединены неким высшим «национальным» интересом, ну а раз так, то для решения всех проблем достаточно сплотиться, избавиться от чужаков и зажить своим домом, как «цивилизованные люди».

Естественно, под руководством почтенного главы семейства (в этой роли ему виделась аристократия). Что в этом он (впрочем, не только он) ошибался, ныне понятно. Даже авторы из «группы Вачнадзе» признают, что «противоречия между сословиями обуславливались объективными причинами, устранить которые Чавчавадзе и его единомышленники не могли». Да и не хотели: ближайший соратник Ильи Григорьевича, Дмитрий Кипиани, готовя по поручению правительства проект отмены крепостного права в Грузии, предложил освобождать крестьян вообще без земли, что было на ура встречено братьями по сословию. Ненавистный царизм, правда, к мнению патриота не прислушался и немного земли тем, кто ее обрабатывал, все-таки выделил. На такие мелочи, однако, мало кто из почитателей таланта великого публициста обращал внимание, разве что некоторые друзья Ильи Григорьевича (Нико Николадзе, Георгий Церетели, Сергей Месхи) спорили с идеями «социального мира» и «аристократии как двигателя прогресса», но никто эту «Меоре даси» («Вторую группу») особо не слушал. Не потому, что глупости говорили, ни в коем случае, как раз наоборот. Просто не ко времени пришлось. Перед дворянским сословием стояли вполне конкретные задачи — во-первых, выжить, а во-вторых, вернуть утраченные позиции, и для борьбы за это именно Чавчавадзе, яркий, страстный, талантливый, крайне порядочный и вообще, даже судя по фотографии, очень хороший и привлекательный человек, подходил как нельзя лучше. Поэтому первые «западники» надолго отошли на задний план, изливая обиду в мелких склоках, а рожать нацию (или, если угодно, «объединять все социальные слои, все сословия в защиту попранного чувства национального достоинства грузинского народа») было доверено будущему святому. Который, разумеется, справился. Или, во всяком случае, очень удачно толкнул процесс.

Как закалялась сталь

Естественным продолжением идеи Ильи Григорьевича о «нации-семье» стала, конечно, теория о некоей бывшей когда-то «идеальной Грузии». Этакой кавказской Стране Кокейн, где реки текли молоком и медом, которую нехорошая, варварская, можно сказать, Россия захватила грубой силой. Может, и на благо (о роли Ирана и Турции тогда помнили), но все равно, нарушила все клятвы и превратила в обездоленную колонию, ставя целью уничтожить «грузинское национальное самосознание». Исходя из чего, естественной стратегической целью становился курс на отделение и возвращение к старым добрым временам. Пусть не сейчас, но когда-нибудь обязательно. Так, судя даже по самым ранним произведениям, вроде «Записок путника», видел ситуацию сам Чавчавадзе, так полагали и его близкие единомышленники типа уже поминавшегося Дмитрия Кипиани, одного из участников заговора 1832 года, помилованного, сделавшего неплохую карьеру, но принципами при всем том не поступившегося. Будучи разумными людьми, господа из «Пирвели даси» сознавали, что без широкой, очень широкой поддержки конечной цели достичь не то что им (они на это не рассчитывали), но и потомкам не удастся. А потому первым пунктом плана поставили создание этой самой поддержки и вовлечение в круг своих интересов возможно более широких масс обескураженного новыми реалиями населения.

Именно в эти массы был брошен клич о возвращении к истокам общего, «идеального» единства. «Три святыни мы наследуем от предков: отечество, язык и веру, – писал Илья Григорьевич в первой своей программной статье «Несколько слов о переводе князем Ревазом Шалвовичем Эристави «Безумной Козлова». – Если не защитим их, какой ответ дадим потомкам?» Однако, поскольку вопрос об «Отечестве» на повестку дня ставить было рано, а «вера», такая же православная, как и у «захватчиков», в качестве клина не годилась, основой основ на первом этапе пропаганды стал вопрос о грузинском языке, бывшем в то время в Грузии в основном языком села и уличного общения. «Не знаю, как другие, – уточнял свою мысль Чавчавадзе, –

но мы никому не дадим на поругание грузинский язык — нашу святыню. Язык — это достояние общества, его не должен коснуться грешный человек». Переводя с национально сознательного на общепонятный, всем растерянным и напуганным бросался спасательный круг: кто говорит по-грузински, тот наш, «свой», можно сказать, брат, которому мы всегда окажем посильную помощь и поддержку. Это, разумеется, сработало. Тем более что «Пирвели даси» громкими словами не ограничивалась: поскольку выпускники русских гимназий (а других и не было) на призывы реагировали мало и неохотно, Чавчавадзе со товарищи пошли «в народ»; основанное ими *«Общество по распространению грамотности среди грузин»*, председателем которого вскоре стал, разумеется, еще не святой, но уже очень популярный Илья Григорьевич, наладило выпуск газет на грузинском языке, от мелких однодневок до солидных, выдержавших испытание временем. Затем, при полном непротивлении «оккупационных властей», свет увидели и учебники «дэда эна» («материнской речи»), с восторгом встреченные «низами», русского языка не знавшими и денег на нормальное образование не имевшими, но желавшими видеть отпрысков хоть сколько-то грамотными.

Можно сказать, «языковой вопрос» был для Чавчавадзе первостепенным и самым принципиальным. При первом же намеке на малейшие сомнения по этому поводу он, человек по жизни мягкий и деликатный, в полном смысле слова по-ленински зверел. Например, когда известнейший и очень популярный народник Иванэ Джабадари, активно участвовавший в российском революционном движении, позволил себе высказаться в том смысле, что, дескать, не следовало бы «разводить народы Империи по национальным хижинам», а следовало бы, напротив, объединять их для борьбы за более важные, социальные права, Илья Григорьевич вспыхнул и буквально раздавил нахала серией статей «Такая история». Возможно, не очень аргументированных, но ярких, хлестких и более чем убедительных с точки зрения уже довольно многочисленной национально сознательной тусовки.

Сколько раз ты встретишь его...

Однако для полной эффективности сплочения «зарождающейся нации», естественно, нужен был еще и враг. Причем, не Россия – борьба с Большим Шайтаном оставалась делом отдаленного будущего, – а Шайтан Малый. То мелкое, повседневное, привычное, но абсолютное зло, против которого следует бороться здесь и сейчас. Те мыши в подвале, которые пришли невесть откуда и нагло едят общее семейное сало. Нет, нет и нет, Илья Григорьевич не был шовинистом, напротив, он был исключительно, как говорят нынче, «толерантен», однако найти путь, альтернативный естественному, не под силу даже трижды святому. Правда, евреям, обычно в таких случаях крайним, на сей раз повезло. Они жили в Грузии с глубокой древности и под категорию «чужаки» не подходили (хотя жизнь показывает что когда надо, свидетельства «злокозненной сущности малой нации» всегда найдутся), но главное, традиционно занятая и не покидаемая ими ниша (мелкие ремесленники, торговцы и ростовщики) ни с какой стороны «возрожденцев» не привлекала. Гордые азнауры желали не шить кепки, а блистать, рулить, самовыражаться, а также, естественно, кушать не менее сытно и обильно, нежели отцы-прадеды. Так что элементарная логика выводила на роль Малого Сатаны армян. Которые «нашу землю скупили», «все места расхватили», «нас за людей не считают». Главное же (вечная формула) «везде» и «всегда друг за дружку», так что нормальному человеку и протолкнуться невозможно, и жизни нет. Это, кстати, въелось, и очень глубоко; даже сейчас, излагая тогдашнюю ситуацию, современные грузинские историки в лице той же «группы Вачнадзе» делают упор (помните пропущенное в большой цитате слово?!) именно на этническую принадлежность «скупавших». Провести черту между «нашими» и «вашими» можно и по другим ориентирам: в той же Франции накануне известных событий июля 1789 года самого захудалого дворянчика вполне устраивала ситуация, когда он мог безнаказанно пнуть «миллионщика»-простолюдина, а заниматься чем-то, кроме пьянок и королевской службы, считал зазорным, ибо не царское это дело, зато как только политические права стали соответствовать реальным

возможностям, массы упомянутых шевалье подались кто в запой, кто за кордон, в армии интервентов, кто в леса.

Но этнический критерий, конечно, самый простой. «Свой» автоматически становится невинным страдальцем, а «не свой» – чужаком-кровососом. Или как минимум прихвостнем кровососа. К тому же армяне и сами давали некоторые поводы. Процесс «осмысления себя» имел место и у них, причем обоснования теорий «Великой Армении» строились куда успешнее: уже много веков лишенные возможности играть в «благородные», они успели сформировать не только мощную буржуазию, но и серьезную группу идеологов, обосновывающую «особое значение армянской нации» в истории Южного Кавказа. Спорить с армянскими интеллектуалами, собаку съевшими на краеведении, было непросто. Но Илья Григорьевич вновь оправдал доверие. Его вторая программная статья «Вопиющие камни» даже сегодня читается с интересом, поскольку написана, с какой стороны ни взгляни, хоть в смысле стиля, хоть в смысле содержания, на два порядка убедительнее и элегантнее, нежели аналогичные труды родителей других наций, типа Грушевского или того же Тукая. Не мне судить, насколько изложенные там аргументы реальны, а насколько желательны (читайте и решайте сами), но даже мне сложно поймать автора на передергивании, а уж про «тогда» и говорить нечего: тезис о существовании Грузии и ее роли в регионе был не только декларирован, но и теоретически обоснован.

Враг твой – друг твой

Безусловный успех пропаганды «Пирвели даси» дал Илье Григорьевичу возможность перейти от теории к практике – по схеме, впервые озвученной Михаем Танчичем в Венгрии, а много позже отшлифованной до блеска Степаном Бандерой: «Свой, свое, у своего». В Тбилиси и Кутаиси, как указывает «группа Вачнадзе», были основаны «поземельные дворянские банки. Отныне оставшаяся без средств грузинская аристократия могла заложить свою землю, имение и взять ссуду из Поземельного банка. В случае неуплаты долга имение становилось принадлежностью банка, а не армянской буржуазии. За владельцами залога оставалось право выкупа земли в случае, если они возвращали деньги. Банки в буквальном смысле спасли грузинскую землю от рук иностранных предпринимателей». Откровенно говоря, учитывая, что речь идет о коренных жителях Грузии и таких же подданных Империи, как и владельцы имений, слово «иностранцы» в данном случае звучит довольно странно. Как, впрочем, и оговорка о «возможности возврата», поскольку несостоятельный должник, вдруг разбогатевший и расплатившийся с банком по долгу и процентам, – явление, мягко говоря, не массовое. И тем не менее гений великого публициста сделал свое дело – люди в Поземельный банк шли, невзирая даже на то, что проценты и условия у «своих» были выше, нежели у «чужаков». А поскольку где банк, там и деньги, быть патриотом, особенно если поближе к Властителю Дум, вскоре стало достаточно выгодно, и ряды начали расти куда быстрее.

Тем более, что неоценимую помощь оказало г-ну Чавчавадзе... царское правительство. Обескураженное темпами развития последствий реформы и не соображающее, что делать в новых реалиях, оно попыталось было натянуть вожжи и в центре, и, естественно, на окраинах, однако эффект оказался обратным ожидаемому. Не стану подробно говорить о весьма неприятно выглядевшем «деле Яновского» и совсем уж диком эксцессе с убийством архиерея Чудецкого и анафемой на всю Грузию (обо всем этом будет подробно сказано позже). Однако не ошибусь, сказав, что в какой-то момент к агитации «Пирвели даси» начали прислушиваться и

те образованные слои тбилисского бомонда, которые дотоле считали ее деятельность «суетой вокруг дивана». В какой-то момент Илья Григорьевич стал морально почти всемогущ. Примерно как академик Сахаров в свой краткий звездный час, на самом взлете перестройки. Чего он не мог сделать, так это остановить время, с каждым годом делавшее его взгляды все более несоответствующими реальному положению вещей и в связи с тем вытеснявшее великого публициста с престола полного и безусловного Отца «идеальной нации-семьи» в ряды просто очень уважаемых политических лидеров. Все, что он писал и говорил, по-прежнему было очень красиво, его по-прежнему слушали охотно и аплодировали громко, но рожать в домашних условиях крайне непросто, а кандидатов в акушеры уже почти показавшего головку детища было уже очень много, — и все с дипломами.

Глава XIX. Сделай сам

Холодные лета

Два десятилетия после Реформы были золотым временем для всех говорунов России, не призывавших к кровопролитию во всеуслышание. Бомбистов и мятежников, правда, вешали, но и только, не мешая либеральной общественности оплакивать «героев и страдальцев». Более того, на эту самую общественность власть, как известно, еще и старалась опираться везде, где только можно, искренне недоумевая, почему ее все равно не любят. Баловала судьба в это время и «родителей нации», активно работавших в Грузии. Конкретно о Государе они плохого предусмотрительно не писали, Империю грязью не мазали, в связи с чем считались хотя и чудаками, но вполне благонадежными, к тому же социально близкими, а потому на их статьи и просветительскую деятельность особого внимания не обращали. Более того, к мнению Ильи Григорьевича и его друзей, уважая мнение либералов вообще, прислушивались. Когда после «странного восстания» 1866 года в Абхазии, а особенно после Турецкой войны 1877–1878 годов встал вопрос об освоении тучных земель, освобожденных эмигрировавшими адыгами, круги, близкие к «Пирвели даси» и Кутаисскому отделению Поземельного банка, начали обрабатывать власти в том смысле, что свободные земли следовало бы заселять канонистами из Мегрелии и Восточной Грузии. Настоятельно следовало бы, и ежели правительство согласится, то прогрессивная общественность воспримет это очень-очень благосклонно.

Намек восприняли, предложения изучили и приняли к сведению. Первый Поземельный получил вкусные преференции. В общем, ладили. Все изменилось после убийства Царя-Освободителя, когда стало ясно, что надо бы что-то делать, и наследник, Александр III, начал «подмораживать» Империю, стремясь исправить батюшкины перегибы и перекосы. Досталось всем, даже лояльнейшей и послушнейшей Финляндии, не говоря уж о Польше. Свою порцию получил и Кавказ. В 1882-м уже казавшаяся вечной должность наместника была упразднена вместе с привилегированным статусом, восстановлена должность главноуправляющего, в обе губернии

назначены генерал-губернаторы с расширенными полномочиями. Да и вся новая элита была укомплектована «варягами», хотя и великолепными специалистами, но не знающими Кавказа и не уважающими традиций. Скажем, одним из первых действий нового главноуправляющего, князя Дондукова-Корсакова, стало прекращение «особых отношений» с Первым поземельным, до того активно участвовавшим в реализации «свободных земель» в Абхазии, после чего антиправительственные настроения лидеров «рождающейся нации» резко возросли. Чувствуя за своей спиной поддержку если и не всей общественности, то, по крайней мере, тбилисского и кутаисского «бомонда», Илья Чавчавадзе и его соратники перешли в наступление, избрав целью пробного удара нового попечителя Кавказского учебного округа. Благо повод бить в колокола был реальный, и дала его сама власть.

Мовне питання

В 1881-м, согласно указанию из столицы Империи, в школах всех типов обеих губерний было введено начальное обучение на русском языке (грузинский допускался в качестве факультатива). При этом никаких подготовительных этапов для школьников, русского не понимавших, предусмотрено не было. Мера была жесткой и едва ли разумной, хотя специально «антигрузинского» характера не имела. Логика правительства была проста и вполне укладывалась в концепцию «подморозки». Обучение всем предметам на русском языке с первого же класса предполагало обязательные занятия с репетитором с самого раннего возраста, таким образом отсекая от образования детвору из малоимущих семей (в образованных, но неприкаянных «нигилистах» правительство Александра III видело корень всех зол). В общем, примерно, вернее, даже не примерно, а точь-в-точь те же цели преследовал и вскоре появившийся «закон о кухаркиных детях», ударивший уже вовсе не по Грузии, а по всему населению Империи. Причем ударивший куда более тяжело, чем по закавказским губерниям. Если в Грузии ценз вводился только имущественный (есть деньги на репетитора – ребенок будет учиться, нет денег – не будет), то в губерниях российских существовала еще и сословная мерка, перепрыгнуть которую дети даже очень состоятельных «кухарок» не могли. Однако на чужую беду всегда плевать, а вот своя болит. Вне зависимости от высочайших соображений, новелла очевидно ущемляла интересы широких масс населения, желавших видеть своих детей грамотными. Понятно, что «Пирвели даси» и ее вождь, для которого вопрос о языке был пунктиком, не могла остаться в стороне от столь близких ей вопросов, раскрывающих к тому же широчайшие перспективы в плане пиара. Эта тема на несколько месяцев стала центральной в издаваемой Ильей Чавчавадзе газете «Дроэба». Попечителя били и пинали лучшие перья Грузии. Но аккуратно. Делая вид, что именно он и только он виноват во всем, а Санкт-Петербург и, конечно, Государь к такому нехорошему явлению, как общеимперские учебные планы, никакого отношения не имеет. Охота была легкая (трудно оспаривать трюизмы типа «без родной речи невозможно

развивать мышление учащегося» или «школа не должна быть средством угнетения, отупения, помрачения мышления») и добычливая – популярность кружка Ильи Чавчавадзе росла как на дрожжах как раз в тех слоях населения, где позарез надо было. Заодно, разумеется, рекламировались и учебники (кстати, очень хорошие), составленные одним из столпов «Пирвели даси» талантливым педагогом Якобом Гогебашвили.

Но самой главной, главное даже роста популярности, целью кампании был лично статский советник Кирилл Яновский, позволивший себе, с точки зрения Ильи Григорьевича, наихудшее из всего возможного: проявлять интерес к мегрельской и сванской культуре. Дело в том, что Кирилл Петрович, будучи человеком предельно ответственным, немедленно после назначения на Кавказ всерьез взялся за изучение «туземных наречий» и очень скоро выяснил, что для жителей мегрельской глубинки, в сущности, нет разницы между «картули» (литературным грузинским) и русским. Поскольку они все равно говорят на «маргали», который «картули», конечно, отдаленная родня, но не более того, совсем не возражали бы против обучения на родном языке и очень огорчено отсутствие учебников на оном. Изучив вопрос, попечитель своей властью (полномочий у него хватало) принял решение ввести во всех школах в регионах, населенных мегрелами и сванами, наряду с русским, начальное обучение на «маргали» (а также сванском, который я не знаю, как правильно назвать). «Картули» был сохранен лишь в церковно-приходских школах, да и то в качестве факультатива, а коллектив авторов принялся за написание первого в истории учебника мегрельского языка. В рекордные сроки была разработана грамматика, под личным контролем неплохо разбиравшегося в лингвистике Кирилла Петровича появился алфавит на основе кириллицы. С дозволения Синода, начали переводить на «маргали» и церковные книги.

Стерпеть подобное было решительно невозможно. «Зарвавшегося чиновника» атаковала вся пресса, находившаяся под контролем «Пирвели даси». В конечном счете Яновский написал большую статью, вполне убедительно разъяснив свои действия, однако «ответом на ответ» стали лишь изысканные издевательства (Илья Григорьевич, напомним, был публицистом от Бога). На этом дискуссия об учебных

планах и внедрении «маргали» в жизнь иссякла, ибо отменять указания министерства попечитель все равно права не имел, а от идеи стать «мингрельским Кириллом и Мефодием», как шутил он, отказался сам, узнав о шквале жалоб в столицу на предмет своего якобы аморального поведения. Правда, специальная следственная комиссия выяснила, что Кирилл Петрович кристально порядочен, и дело закончилось премией за беспокойство. Однако человеку стало ясно, что связываться с «отцами нации», имевшими ко всему прочему мощные связи в городе на Неве, себе дороже, сами же «отцы» в процессе борьбы отшлифовали принципиально новое, очень мощное оружие, каковое с того времени и применяли по полной программе.

Геть московского попа!

Вторым серьезным, можно даже сказать, этапным раундом, после десятка пристрелочных залпов в виде газетной полемики с московскими и петербургскими коллегами по любому поводу, хоть как-то затрагивающими Грузию, а иногда и вовсе без повода, стала шумная кампания, связанная с делом об убийстве протоиерея Павла Чудецкого, ректора Тифлисской духовной семинарии. Яркий педагог и талантливый администратор, выбившийся «в люди» из самых низов, он был человеком непростым, имел тяжелый характер и хамские манеры, свирепыми методами налаживал вконец разболтавшуюся за «вольные годы» дисциплину и, что хуже всего, очень мягко говоря, не уважал культуру и традиции Грузии. На фоне всего этого, хотя материальное обеспечение учащихся и качество преподавания при нем выросли очень серьезно, святого отца не то что не любили, а попросту ненавидели. Были эксцессы. В 1885-м семинарист Сильвестр Джигладзе избил ректора и едва не выбросил с балкона. Но не успел. Был повязан, а затем, естественно, сам вылетел из семинарии, став среди бывших однокашников легендой. И уже в следующем, 1886-м, Павла Ивановича зарезал другой храбрый юноша, Иосиф Лагиашвили, по мнению «группы Вачнадзе», «несправедливо исключенный» (хотя чтения «Отечественных записок» и «нигилизм», согласно постановлению Синода, были достаточными основаниями для вылета из семинарии, а отец Павел, повторяю, был человеком жестким).

Убивал пастыря несостоявшийся священник, надо сказать, страшно: не просто пырнул в приступе амока, а гнался по улице и резал, резал, резал – в пах!.. в живот!.. в шею! – не обращая внимания на мольбы о пощаде. Не сомневаюсь, что убитый был хамом и не уважал грузин, но все-таки, по-моему, перебор. Нет, может быть, с точки зрения прогрессивной общественности, оплакивавшей повешенных бомбистов, губивших народ, в том числе и случайных прохожих, почем зря, Лагиашвили и был «бедным юношей, которого хотят жестоко покарать за любовь к правде и Отечеству», но на взгляд нормального человека это все же не совсем так. И когда на панихиде преосвященный Павел, экзарх Грузии, публично предал проклятию

«круг и среду, породившую разбойника Лагиева», было абсолютно понятно, что проклятие адресовано именно тем «нигилистам», для которых что чужая, что своя жизнь не дар Божий, а понюшка табака, даже меньше. Тем не менее, принимая во внимание, что прогрессивная общественность осуждала как раз убитого, а убийцу вовсю пыталась отмазать, власти на всякий случай велели сделать купюру в речи экзарха, напечатанной в газете «Кавказ». И зря. Поскольку сразу после выхода номера в свет тбилисский «бомонд», – хотя, разумеется, на панихиде присутствовал и все слышал своими ушами, – устроил возмущенное многоголосье.

«Общественность, – формулирует «группа Вачнадзе», – совершенно верно признала, что под словами «круг» и «среда» экзарх Павел подразумевал Грузию и грузинский народ. Защиту чести и достоинства грузинского народа взял на себя Дмитрий Кипиани. Он обратился к экзарху с письмом-протестом, в котором писал: «Ваше преосвященство, явите милость и простите мне великое прегрешение мое, если я, увлеченный страшными слухами, грешу перед Вами. Но говорят, что вы проклинали страну, куда вы призваны пастором и которая поэтому вправе ждать от Вас лишь любви и милости... Если все это правда, Ваше достоинство может спасти лишь изгнание проклявшего из проклятой им страны». Экзарх, чтобы оправдать себя, отрицал факт своего преступления перед грузинским народом». Мне печально это констатировать, но высокообразованный, хорошо информированный, блестяще знавший русский язык Дмитрий Иванович, тоже, как и Илья Григорьевич, будущий святой, передергивал, как обычный шулер. Ну согласитесь, дорогие мои грузинские друзья, подменять понятия «круг и среда (общения)» понятием «страна» все-таки нехорошо. Особенно если до истины легко докопаться. А в этом случае было более чем легко. В полном соответствии с просьбой предводителя дворянства, из редакции «Кавказа» затребовали первоначальный текст речи, после чего выяснилось, что там таки написано «круг и среда», а все прочее, в лучшем случае, плод воспаленного воображения. Хотя на лучший случай уповать не приходилось. Кипиани был официально обвинен в клевете (извиниться он даже не подумал, видимо, свято веруя в собственную выдумку), потерял пост предводителя дворянства и был отправлен в ссылку в Ставрополь. По мнению «группы Вачнадзе», Дондуков-Корсаков «не упустил удобного случая» для устранения

патриота, однако на самом деле, согласно законам Империи, где клевета, как ни странно, считалась и уголовным преступлением, и преступлением против дворянской чести, уличенный клеветник, как обесчещенный, просто не мог отделаться легче.

Ганьба!!!

Мимоходом, за соучастие, была закрыта и уже известная нам газета «Дрозба», активно отстаивавшая версию «оскорбления страны и народа», однако Илья Григорьевич, широко распространив информацию об очередных гонениях, почти сразу получил разрешение переделать свой ежемесячный журнал «Иверия» в ежедневное издание. Естественно, занявшееся тем же, чем и покойная «Дрозба», ставшая отныне еще одним свидетельством «чудовищной русской тирании». Главный же герой событий, Дмитрий Кипиани, в 1887-м был убит в Ставрополе двумя грабителями-рецидивистами (обоих взяли на месте преступления), после чего по Тбилиси, вы не поверите, «распространились слухи», что это был не простой гоп-стоп, а политическое убийство, заказанное «главноуправляющим Дондуковым-Корсаковым и экзархом Павлом». Что доказательств не было ни малейших, никого не волновало, «бомонд» придумывал подробности сам, сам в них тут же верил и передавал дальше, как святую истину; беднягу экзарха чуть ли не в лицо называли убийцей. В такой обстановке правительство сочло за благо отозвать Павла из Грузии, уважительно, с повышением и награждением от Государя бриллиантовым перстнем. Правда, по мнению «группы Вачнадзе», «чтобы это не выглядело как наказание». Ну а грузинская общественность «выразила протест против злодейского убийства тем, что тело большого национального деятеля было перевезено в Тбилиси и предано грузинской земле в пантеоне на горе Мтацминда».

Глава XX. Минное поле

Осень патриарха

В начале предпоследнего десятилетия XIX века «рождение идеальной нации» можно было считать свершившимся фактом. «Нация», правда, была небольшая, всего паратройка тысяч абсолютно просветленных рыцарей идеи, но их деятельность опиралась на полную поддержку если и не масс, которые мало что решают во все времена, то, во всяком случае, «чистой публики», так сказать, «бомонда». Возникла мода рассуждать о себе, любимых, как «маленьком осколке цивилизованной Европы», злой волей судьбы брошенном на съедение «диким русским варварам». Против такой несправедливости протестовал сам Илья Чавчавадзе, которого сложно было заподозрить в излишках симпатий к Империи, но даже его мнение, выраженное, скажем, в статье «Сто лет спустя», – редчайший, небывалый случай, – прошло мимо внимания обожателей. Да и обожатели были не совсем те, что раньше. Группа поддержки Ильи Григорьевича ползла по швам. От классических «националов» откололись национал-демократы и национал-социалисты; они по-прежнему именовали себя учениками Чавчавадзе, но идеи «нации-семьи» их уже не совсем устраивали. И занималась эта молодежь в основном разборками на тему, кто лучше понимает идеи Отца. Самого Илью Григорьевича, еще вполне живого и полного сил, никто особенно не слушал даже среди этого, довольно узкого круга. Тем паче не заглядывало в рот великому человеку племя молодое, незнакомое, уехавшее учиться в Большую Россию. Им, имевшим доступ к обширному кругу литературы, увлеченно дискутировавшим в десятках подпольных и наполовину подпольных групп самой разной ориентации, проповеди лидеров старшего поколения вообще казались чем-то неизмеримо устаревшим, годным разве что для музея. Вопрос «Что делать?» они предпочитали решать в своем узком кругу, расширявшемся по переписке.

В 1892-м, съехавшись в Кутаиси и, наконец, познакомившись, ребята учредили организацию, пышно названную «Лигой свободы Грузии». Спустя год, съехавшись повторно, утвердили программу, решив свергать самодержавие в союзе с братскими поляками и

финнами, а также кем угодно, кто захочет, после чего разъехались по местам учебы. Где и были арестованы все до одного. Однако вскоре все как один оказались на свободе, – с болтливыми птенцами суровая, но не жестокая Империя всерьез не воевала. Птенцы, однако, выросли, становились на крыло и все больше интересовались вошедшим в моду марксизмом. Возникла первая настоящая социал-демократическая организация «Месаме даси» («Третья группа»), после долгих дискуссий отвергнувшая программу радикала Муха Цхакая (интернационализм и революция) и утвердившая альтернативный проект Ноя Жордания (автономия и реформы). А в 1903-м в Тбилиси прошел I съезд социал-демократических организаций Закавказья, на котором был создан Кавказский Союз РСДРП, после чего чисто грузинская «Месаме даси» перестала существовать. Но даже когда на II съезде РСДРП развалилась надвое, оба крыла социал-демократии – не только большевики, возглавленные совсем еще «зеленым» Иосифом Джугашвили (оно и понятно), но и меньшевики, руководимые тем же Жордания, – не желали идти ни на какие компромиссы с националами. Как, впрочем, и вскоре появившиеся социалисты-федералисты, нечто подобное российским эсерам, но с некоторым национальным уклоном. На Илью Чавчавадзе, всяческих новомодных «-измов» не одобрявшего, эти молодые да ранние не оглядывались вовсе.

Тайфуны с ласковыми именами

А в общем, в двух губерниях было горячо. И в 1905-м, когда полыхнуло по всей Империи, на Кавказе отдалось втройне, согласно темпераменту. В городах бунтовали рабочие, на селе волновались крестьяне, в Гурии и Мегрелии дело дошло даже до настоящего восстания с захватом власти. Что интересно, под лозунгами, очень похожими на те, под которыми бунтовали за 40 лет до того: «Если царь не спасает нас от господ, значит, мы обойдемся без царя». Власти, видя такое дело, кровавых бань не устраивали, шли на уступки, но это окончательно выводило из себя «прогрессивную общественность» из числа поклонников Чавчавадзе, мечтавшую, конечно, о «нации-семье», но лишь при условии, что младшие будут послушны. Виновным опять-таки оказывалось правительство. Дворянство все чаще выступало с требованиями автономии, подчас превосходя радикализмом профессиональных политиков-партийцев. Против автономии выступали только большевики, но они с такой страстью кинулись стрелять в казаков и швырять бомбы, что быстро вылетели в маргиналы. Меньшевики, тоже на автономии не настаивавшие, вели себя куда умнее, они понемногу проникали и в рабочие районы, и на село, ведя аккуратную пропаганду в том смысле, что немного автономии, конечно, хорошо, но социальные проблемы важнее.

Позже, на выборах, это принесло людям Жордания прямой профит. В 1906-м из восьми грузинских депутатов I Думы пятеро оказались меньшевиками, через год успех оказался еще внушительнее – меньшевики завоевали все восемь мандатов, хотя и ненадолго (III Дума, была, как известно, вскоре распущена). Но легальная политика легальной политикой, а беспартийные и сочувствующие массы тем временем стреляли друг в дружку почем зря, сводя старые и новые счета. Идеи Ильи Григорьевича на глазах приобретали такой практический вид, что сам Отец и Пророк, ужаснувшись, в паре статей попытался одернуть своих обезумевших поклонников. Разумеется, безуспешно. Тем паче что ненависть к русским (уже не к Империи, а именно к русским) вовсю подогревалась грузинским духовенством,

увидевшим в Смуте возможность восстановить утраченный почти век назад Католикосат.

За что?

В принципе, детально излагать историю революции 1905–1907 годов на территории Южного Кавказа нет смысла. На эту тему есть масса литературы, и любой желающий сам сможет узнать подробности, но накал обстановки, думается, очень ярко отражен в судьбе экзарха Никона (Софийского). Один из самых уважаемых иерархов РПЦ, он был командирован в южные губернии, чтобы «увещательным словом и пастырским примером смирить страсти», однако немедленно по приезде наткнулся на бойкот. Собственно, «возбуждать в грузинских газетах против него грузинскую нацию путем сообщения небывалых фактов, дабы расстроить и вывести его из равновесия», не говоря уж о письмах с угрозами, начали еще до приезда. Когда же владыка, «подчинив себя воле Божией», все же прибыл в Тифлис, единственный встречавший нового пастыря иерарх-грузин, епископ Петр Горийский, в официальной приветственной речи вместо положенных добрых слов сообщил, что «кроме браунингов и кинжалов есть в Тифлисе река Кура, куда бросали даже митрополитов». В ответ на что Никон очень спокойно сказал, что «все в руках Божьих, а я готов к мученичеству», и разъяснил, что «в деле спасения все состоит в соблюдении заповедей Божиих, а не в церковной независимости того или другого христианского народа». После чего предложил совместно, без «браунингов и кинжалов», разработать предложения для предстоящего Собора, который только и вправе решать такие вопросы.

Короче говоря, владыка Никон оказался очень хорошим пастырем и квалифицированным управленцем: он решил практически все наболевшие материально-технические вопросы, «пробил» в Синоде лет пятнадцать лежавшее там без движения разрешение преподавать богословие на «картули», но самое главное, подготовил «Начальный проект» – программу частичного возвращения грузинским епархиям автокефалии. В итоге новый экзарх удостоился скупой, но все-таки похвалы самого Ильи Чавчавадзе, после чего слегка смягчилось и духовенство, принявшее решение частично снять «служебный бойкот». Однако чем более позитивной становилась роль экзарха, тем

сильнее ненавидел его «бомонд». «О себе и не знаю, что сказать, – писал владыка сестре, – живу как жил, работаю как работал. Нет помогающих мне, а все ждут ошибок и промахов. Поэтому всегда в напряженном состоянии духа». А после того как экзарх изыскал деньги на издание давно не переиздававшихся богослужебных книг на абхазском и осетинском языках, письма с угрозами стали явлением повседневным, такого рода призывы зазвучали и в прессе. «Может статься, что и убьют меня, – признавался Никон землякам во время последнего своего приезда в столицу в 1907-м, – но смерти я не боюсь. Умирать ведь надо и в тихих епархиях, и в мирное время. Так лучше умереть в борьбе за правое дело, за истину святую, на посту воина среди яростных врагов. Это смерть почетная! А что величественного умереть в келии, защищенной даже и от сквозного ветра. Но за что, однако же, грузинам убивать меня?» Видимо, экзарх не понял, за что, и 28 мая 1908 года, когда во время приема посетителей был расстрелян в упор несколькими террористами, тотчас скрывшимися с места преступления, а на следующий день объявленными прессой «героями и защитниками нации».

За все хорошее

К счастью для себя, Илья Чавчавадзе, к владыке относившийся с уважением, этого уже не увидел. За девять месяцев до того, в начале сентября 1907 года, он тоже был убит, так же подло, как и преосвященный, но куда более жестоко. Кто и как убивал, известно хорошо: шестеро киллеров, устроивших засаду на сельской дороге, были вычислены, арестованы, отданы под суд и приговорены к смерти. Не знаю, правда, повесили ли подонков, но, учитывая, что времена были столыпинские, очень надеюсь, что да. Насчет заказчиков же ничего наверняка по сей день неизвестно. В советскую эпоху, когда Отец Нации был в умеренной чести, вину за покушение, понятное дело, валили на самодержавие и охранку. Однако властям это нужно было в последнюю очередь. Очень пожилой, усталый, крепко напуганный крестьянскими волнениями Илья Григорьевич к тому времени уже не представлял для них никакой угрозы. Он, напротив, серьезно смягчил свои позиции и ни о чем большем, нежели умеренная автономия, не проповедовал. Более того, успешно работал в Государственном совете, членом которого был назначен в 1906-м, охлаждая пыл самых безумных юнцов из числа молившихся на него националистов. По здравом размышлении, не слишком верится и в заговор большевиков, которых стало модным обвинять в последние лет двадцать, особенно на грузинских форумах (хотя, судя по всему, в Грузии и раньше, при СССР, втихомолку так полагали). В самом деле, зоны, так сказать, ловли душ большевиков и будущего святого не пересекались абсолютно, в связи с чем он их почти не критиковал. Да и организовать ликвидацию, будь к ней причастна РСДРП(б), логично было бы в 1905—1906-м, когда вопрос о расширении влияния стоял более чем остро, а не после угасания революции, когда разгромленная партия ушла если не в тюрьму или эмиграцию, то в подполье. И кроме того, серьезные сомнения вызывают нюансы покушения. Шестеро убийц, пять револьверов, винтовка, почти тридцать выстрелов в упор — и только один из них в цель, и то не насмерть, так что добивать пришлось прикладом, ногами, кинжалами и рукоятями револьверов. К тому же еще и вместе с женой. Как угодно, но не большевистский

почерк. Люди Кобы и Камо, слава Богу, с оружием обращаться умели, специально тренировались, получали опыт в реальной обстановке, и едва ли могли опуститься до столь вопиющего дилетантизма. А вот дата убийства – 30 августа (12 сентября по старому стилю) 1907 года, – заставляет задуматься. В самом деле, представьте ситуацию. Совсем недавно распущена II Дума, в самом разгаре агитация на предмет выборов в Третью, назначенных на октябрь. Из всех революционных партий в кампании участвуют только меньшевики. И вот им-то Илья Григорьевич как раз конкурент, поскольку в мероприятии намерена впервые принять участие выпестованная им партия – не партия, но что-то типа того. Естественно, тоже революционная, но без всякого намека на социализм. А электораты пересекаются безжалостно, а имя Чавчавадзе для человека с улицы, тем более из села, все еще равно имени Божьему, а опыт подсказывает, что максимум возможного – два, ну пусть даже три мандата, и эти мандаты вполне могут уйти из рук.

Нет, я не позволю себе напрямую указать на меньшевиков, как на вероятнейших заказчиков «мокрухи», но с точки зрения «*Qui prodest?*» более убедительного ответа не вижу. А почему такой вариант не приходил в голову на протяжении всего XX века – как недавно выяснилось – антисоветски настроенной грузинской интеллигенции, понятно и ребенку. Трудно обожествлять «Отцов Первой Республики», подозревая их в пролитии крови обожествленного Отца Нации.

Вершки и корешки

Как бы то ни было, после спада волнений в 1907 году самой влиятельной силой в губерниях из всех «революционных» остались меньшевики. Под их контроль перешли все хоть сколько-то серьезные социал-демократические организации, их агитация успешно шла на селе и среди недавних крестьян, тяжело привыкающих жить в городе, к ним прислушивались рабочие. Так что даже в самые сложные годы два-три их представителя ухитрялись прорываться в Государственную думу, распихивая локтями плотный строй «общеимперских» кадетов, октябристов и так далее. Номером два, хотя и с сильным отрывом, шли социал-федералисты. Влияние большевиков, поставивших в 1905-м на карту все и проигравших, опустилось если и не до нуля, то близко к тому. Как, впрочем, и влияние националов, после смерти Ильи Григорьевича не имеющих даже знамени, вокруг которого можно было бы сплотиться (последние из могижан типа Якоба Гогебашвили в счет не шли). В большинстве своем эти говорливые ребята, нудной организационной работы не любившие, в итоге подались в эмиграции, где развили исключительно бурную деятельность. В 1907-м на конференцию в Гааге, посвященную проблемам разоружения, был представлен целый «Меморандум грузинского народа» с просьбой посодействовать получению Грузией хотя бы автономии в составе России. Державы, получив сей документ, естественно пожали плечами и пренебрегли, хотя и в по-европейски вежливой форме. После чего, сообразив, что для начала следует хотя бы объяснить Европе, что такое Грузия, националы создали «Союз защиты прав грузинского народа» и принялись писать во все соглашавшиеся их печатать газеты статьи о нарушении злыми русскими Георгиевского трактата. С точки зрения науки эти труды выглядели крайне причудливо, но основная цель авторов заключалась вовсе не в просвещении властей предрежащих Старого Континента, а в поиске заинтересованных кругов. Кто будет спонсором, решительно никакой роли не играло.

Так что в 1914-м, сразу после начала Великой Войны, организация, громко именовавшая себя «Комитет независимости Грузии», переехала из Женевы, где влачила весьма жалкое

существование, в Берлин и радостно встала на довольствие к кайзеру и его Генеральному штабу. Наконец-то найденным покровителям было твердо обещано организовать в скорейшие сроки массовое восстание на Южном Кавказе. Ничего, разумеется, не получилось. Правда, в 1915-м эмиссар «комитета» Георгий Мачабели сумел побывать в Тбилиси. Но меньшевики, выслушав предложение «восстать, а за кайзером не заржавеет», выгнали берлинского батони едва ли не в шею, пояснив, что, во-первых, без твердых гарантий настоящие мужчины не восстают, а во-вторых, кайзер – это, конечно, хорошо, но султан ближе, а турки для немцев куда важнее, чем какая-то Грузия. В Берлине огорчились, но все же с довольствия «комитетчиков» не сняли: стоили те недорого, а в случае победы могли пригодиться, пока же годились и для агитации. Так, в 1916-м, на III конгрессе Наций в Лозанне, представитель националов зачитал доклад «Права грузинского народа» с просьбой ко всему прогрессивному человечеству иметь в виду, что Россия – тиран и агрессор. В самой же Империи разговоры такого рода были вовсе не популярны; меньшевики в «военном вопросе» вполне поддерживали правительство, а по всем прочим, как правило, были солидарны с кадетами, кусавшими власть по любому поводу. Одновременно, разумеется, потоком шли заявления о необходимости после победы предоставления Грузии самоуправления, лучше всего, в составе «Закавказской автономии», на что кадеты, эсеры и прочие коллеги-парламентарии благожелательно кивали.

Глава XXI. Splendeurs et misères des courtisanes

Которые тут временные...

Февраль 1917 года изменил Россию, и закавказские губернии не были исключением. Как и везде, с разрешения Временного правительства, вместо наместничества – чей наместник, если нет царя? – на основе местных депутатов общероссийских партий был сформирован временный же орган власти – Особый Закавказский комитет (ОЗАККОМ). Параллельно «национальный актив» сформировал Национальный Интерпартийный Совет Грузии, включивший в себя практически весь спектр грузинских партийцев, кроме большевиков, которым, после выхода из подполья, приходилось восстанавливать влияние буквально с нуля. Легитимности у этого междусобойчика не было ровным счетом никакой, так что в реальные дела управления они не вмешивались, зато активно вели подготовку к созыву Национального съезда Грузии, не скрывая, что собираются претендовать на власть в губерниях и требовать «самой широкой автономии края». Жизнь, однако, распорядилась иначе. После октябрьского переворота ОЗАККОМ, назначенный павшим Временным правительством, естественно, прекратил существование, и 15 ноября, в обстановке полного хаоса, на основе Интерпартийного Совета, а также представителей армянских и «татарских» партий, был создан «Закавказский комиссариат», вскоре взявший на себя «всю полноту правительственной власти в пределах Закавказского края». Об отделении от России речи, собственно, не было, напротив, в первой декларации Комиссариата категорически подчеркивалось, что «власть эта сконструирована временно, лишь до созыва Всероссийского Учредительного собрания», невозможным – в первую очередь для меньшевиков, которые определяли политику, – считалось лишь сотрудничество с большевиками. «Мы еще надеялись, – вспоминал в эмиграции Ной Жордания, ставший в те дни и председателем Исполкома Комиссариата, и, после проведения Национального съезда, главой «Национального совета», – что в России смогут положить конец большевизму, сумеют создать нормальное правительство».

К чести «комиссаров», кое-какой порядок навести им удалось. Жизнь сколько-то наладилась. Появилось даже некое подобие

вооруженных сил. Правда, единому центру они не подчинялись. Сильные и очень боеспособные армянские части ориентировались на указания дашнаков, ополчения азербайджанских ханов прислушивались к мнению «Мусават», в Грузии же силовые структуры (Национальная Гвардия) формировались по принципу российской Красной Гвардии, как добровольческие партийные отряды. В декабре по приказу Комиссариата («Ввиду того, что воинские части, уходящие в Россию, забирают с собой оружие... принять меры к отобранию оружия у отходящих частей») были разоружены части тифлисского гарнизона, захвачены огромные склады и арсеналы Кавказской армии. По солдатам, не желающим разоружаться, стреляли без предупреждений, подчинившихся, разоружив, выгоняли куда глаза глядят, не выделив, однако, припасов на дорогу. Что, в общем, было свинством, но, в конце концов, забота о российских военнослужащих не входила в число приоритетов Комиссариата, зато появилась возможность поставить заслоны на пути десятков тысяч дезертиров.

Битва в пути

Российские ура-публицисты, порой изображающие этот сюжет как «предательское нападение на бедных солдатиков», крепко преувеличивают. «Бедные солдатик» ангелочками не были. Совсем. Огромная, вконец разложившаяся масса людей с ружьями сметала и съедала все на своем пути, грабила, ввязывалась в конфликты с местным населением. «Местами войска уходили с фронта боевым порядком, громя все из орудий и пулеметов, – вспоминал позже Борис Байков, один из лидеров бакинских кадетов. – В результате было действительно разгромлено много цветущих аулов, поселков и местечек». Правда, в христианских местах такого себе дезертиры не позволяли, но все равно, действия «национальных гвардейцев», вплоть до пулеметного огня, были мерой разумной и логичной. Население осознало, что власть есть, а беглым солдатикам дали понять, что изменять присяге нехорошо и наказуемо. К сожалению, в обстановке массового психоза власть на местах оказалась в руках «идеальных патриотов», выросших на публицистике Ильи Чавчавадзе и теперь, когда стало можно, не упускавших случая поизмываться над «русскими варварами». В связи с чем гораздо чаще, чем хотелось бы, случались инциденты. А порой и трагедии. «Уходящие с фронта русские войска, – указывает досконально изучивший сюжет по материалам грузинской следственной комиссии В.П. Булдаков, – оставляли часть оружия армянам, вынужденным более других думать об опасности турецкого вторжения. Это нервировало азербайджанцев. 9 января (по новому стилю) 1918 года у станции Шамхор один из эшелонов, двигавшийся мирно, без осложнений, был остановлен грузинским заградительным отрядом с бронепоездом, начальник которого проявил излишнее рвение. За двое суток переговоров к станции съехались, с одной стороны, тысячи азербайджанских крестьян, рассчитывающих на свою долю оружия, с другой – еще три воинских эшелона. Началась стрельба. Фронтвики, без сомнения, расчистили бы себе путь артиллерийским огнем, но один из снарядов угодил в огромный резервуар с нефтью. Горящая нефть хлынула в низину, где расположились со своими подводами азербайджанцы,

взорвалось еще несколько емкостей, после чего пламя охватило и часть вагонов, в том числе во встречном пассажирском поезде, следовавшем в Тифлис. Количество убитых и заживо сгоревших с той и другой стороны так и не удалось подсчитать, жертвы исчислялись тысячами. Сгорел и виновник, начальник бронепоезда, так что призвать к ответу было некого».

Печально и страшно. Но, честно скажу, вызывает сильное недоумение трактовка этих событий современной грузинской историографией. Согласно оценкам «группы Вачнадзе», дезертиры «покинули фронт под предлогом возвращения домой и по указанию большевиков двинулись на Тбилиси, а затем оккупировать Грузию и все Закавказье, но (...) маневр этот был разгадан и попытка оккупации Грузии провалилась», а одной из «ярких побед молодой грузинской армии» именуется как раз описанный выше эксцесс, названный почему-то «сражением при Шамхори». Комментировать не стану, но все же обидно за коллег, изменяющих истории в угоду пропаганде. А также за г-на Жордания со товарищи, похваленных за то, чего не было, но не удостоившихся доброго слова за вполне реальное спасение губерний от разнузданной гопоты.

Одни, совсем одни

В январе 1918 года, когда стало известно, что в Петрограде «Караул устал», и понятно, что большевики власть каким-то народным представителям не отдадут, Комиссариат принял решение созвать «малую учредилку», и 10 февраля в Тифлисе состоялось открытие Закавказского Сейма – съезда депутатов, избранных в Учредительное собрание от грузинских, армянских и «татарских» губерний. Возглавил заседание Николай Чхеидзе, один из ведущих лидеров российских меньшевиков, экс-председатель Петросовета и глава Президиума ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. Сейм выразил глубочайшую озабоченность случившимся в столице, но если вы думаете, что заявил о независимости, то напрасно. Этот вопрос на повестку дня даже не поставили. «Мы не знаем, в какую форму будут облечены наши отношения с Россией, – отмечал в докладе Ной Жордания. – Вы знаете, что судьба наша не в наших руках... Мы всегда стремились к России, но, к сожалению, эта Россия все дальше и дальше от нас отдаляется, мы не знаем, как ее догнать, как ей подать руку». Главным же итогом работы стало утверждение Сеймом себя, как правомочного, до прояснения обстановки, краевого органа законодательной власти, не отрицающего принадлежность губерний России, но не желающего иметь ничего общего с узурпаторами. Для меньшевиков такое решение было колоссальным успехом: в «птицетройке» по имени Закавказский комиссариат, отныне максимально, учитывая ситуацию, легитимной, их главенство не оспаривал никто; дашнаки и мусаватисты, формально равноправные, по умолчанию ушли в тень, уступив грузинам все мало-мальски серьезные портфели.

По сути дела, сбылась давняя, еще времен IV Думы мечта Жордания о превращении Грузии в регионального гегемона. Ложку дегтя в бочку меда добавила разве что позиция Баку, сообщившего, что никакого Тифлиса знать не желает и никакого контроля за нефтепромыслами грузинам не видать, но даже здесь был некий плюс, поскольку мощный бакинский пролетариат, голосовавший за большевиков, эсеров и дашнаков, мог испортить картину сложившегося благолепия. Долго радоваться жизни, однако, не

получилось. 3 марта большевики заключили Брестский мир с Германией и ее союзниками, в частности, уступив султану Батумскую, Карсскую и Арадаганскую области, в связи с чем у Комиссариата возникли реальные сложности. Поскольку отдавать такие большие и богатые территории, естественно, не хотелось, Закавказский Сейм отказался признать Брестский мир, тем самым окончательно разорвав уже вполне иллюзорные отношения с большевистским Петроградом, и послал в Трапезунд делегацию для переговоров с Турцией от своего имени. Протестовать и настаивать.

Даешь Стамбул!

К чести турок, выслушав делегацию, потребовавшую ни много, ни мало вернуть войска на «линию 1914 года» и «предоставить автономию Внутренней Армении», они никого не расстреляли, не выпороли и даже не выгнали пинками. Они просто поинтересовались, с кем, собственно, имеют честь говорить. Потому что ежели Закавказье по-прежнему считает себя частью России, то повода для разговоров нет, а если Закавказье уже объявило себя независимым, то где, шайтан побери, официальное уведомление? Не было такого? Значит, и говорить не о чем, правительство Его Величества переговоров с посланцами самозванцев не ведет. А земли, будьте любезны, отдавайте, тем паче что мы их уже начали занимать и, не сомневайтесь, свое возьмем, но хотелось бы обойтись без эксцессов. Сейм, получив телеграмму с отчетом, возмутился не на шутку. Закавказская делегация была отозвана из Трапезунда. «В настоящую минуту, – завершая короткие дебаты на эту тему, заявил один из лидеров меньшевиков Гегечкори, – у правительства не может быть иного решения, как война с Турцией». Под бурные аплодисменты депутатов Сейм решил продолжать войну «силами закавказской демократии». О том, что эти силы существуют только в их собственном воображении, ни один из тифлисских политиков в тот момент, видимо не помнил. А зря. Очень быстро стало ясно, что ввязаться – не вывязаться. Турки неторопливо шли вперед, занимая уезд за уездом, а по ходу дела с обидной для национальной гордости грома и гоня наспех сформированные закавказские отряды, пышно именовавшие себя армией. Сколько-то серьезное сопротивление оказывали разве что еще не изгнанные части бывшей российской армии, согласившиеся заступиться за православных братьев. Да еще армянские ополчения, готовые грызть турок зубами без вариантов, но и тех и других было мало, а партийные отряды, они и в Африке партийные отряды.

1 апреля 1918 года, аккурат в тот день, когда восторженный Жордания под очередные аплодисменты объявил с трибуны: «Мы вступаем официально на военную арену! Вперед, к проливам!», турецкая армия, уже занявшая Карс, вступила в Батум, затем, уже

совсем без остановок, в Ахалцих, Озугети, Ардаган, и в середине апреля остановилась на берегу реки Чолоки, готовясь идти на Тифлис и Кутаиси. Теперь уже даже самым восторженным лидерам «идеальной нации» было ясно, что необходимо хоть тушкой, хоть чучелом проситься на переговоры. А поскольку с людьми без статуса турки говорить не желали, оставалось только официально объявлять независимость. Что очень не нравилось армянским депутатам Сейма, но они находились в меньшинстве, а мусаватисты, аскеров султана ничуть не боявшиеся, меньшевиков охотно поддерживали. 9 апреля, забив дашнаков числом, Сейм провозгласил рождение нового, совершенно независимого государства – Закавказской Федеративной Демократической Республики, возглавленной, естественно, все теми же грузинскими меньшевиками. Получив известие о столь судьбоносном событии, власти Турции немедленно велели военным отдохнуть, признали нового соседа и, наконец, согласились сесть за стол переговоров.

Кое-что задаром

6 мая 1918 года Батумская конференция возобновилась. Присутствовали и представители кайзера. Это радовало. «Германия в Батуме означала намордник для Турции, а это было главное», – вспоминал участник переговоров Авалов. Однако немцы молчали, изображая стороннего арбитра. Турки же резвились вовсю. Теперь они желали получить от Грузии Ахалцихе и Ахалкалаки, от Армении две трети ее территории с Александрополем, а кроме того, требовали перехода Азербайджана под протекторат Стамбула (против чего, к слову сказать, «татарские» члены делегации не особо возражали, полагая, что аскеры султана помогут им вернуть Баку). Серьезным аргументом в пользу такого рода аппетитов стало успешное продвижение турецких войск в направлении Эривани. По большому счету, пришел песец. Особенно для армян. Насчет этого не обольщался никто, а сил хоть как-то брыкаться не было. «...В нашем довольно-таки плачевном положении, – отмечал Авалов, – единственным оружием оставались меморандумы и ноты». И вот тут-то подали голос немцы. Глава их миссии, генерал-майор фон Лоссов, «ввиду безуспешности сношений между оттоманскими и закавказскими представителями», предложил свои услуги в качестве посредника. Естественно, не по собственной инициативе. Просто наконец-то заработал «кавказский проект» германского Генштаба, до блеска отшлифованный руководителем «восточного отдела» разведки Рейха графом Шуленбургом, куратором «Комитета независимости Грузии» (помните такой?) и созданных при нем Грузинского и Аджарского легионов. Тем самым Шуленбургом, к слову сказать, которому суждено будет впоследствии вручить Молотову ноту об объявлении войны, а затем пойти на гильотину за участие в «заговоре 20 августа». В данный момент, впрочем, он был всего лишь «майором Шульцем», одним из адъютантов генерала. Так вот, при всем хорошем отношении к союзникам-туркам, немцы вовсе не собирались отдавать им пресловутую «трубу». На начало ее, Баку, не замахивались (хотелось бы, конечно, но слишком уж далеко), но уж выход, Батуми и Поты, считали нужным прибрать к рукам. Фельдмаршал Эрих Людендорф

откровенно признавался, что превращение Грузии в «chütztstaat» («охраняемое государство») даст Рейху возможность «добраться до кавказского сырья (нефти) и приобрести влияние на эксплуатацию железной дороги, идущей через Тифлис». В предвидении вероятности столь важного проекта была заблаговременно проведена и работа с общественностью – с подачи правительства крупнейшие газеты Германии и видные депутаты рейхстага чуть ли не ежедневно выступали на предмет «необходимости прекратить насилия турецких войск против беззащитных грузин, единственных христиан Кавказа». Насчет армян, от заветной «трубы» далеких и для стамбульских союзников принципиальных, гуманная пресса Рейха почти не упоминала, вернее, не вспоминала вообще.

Дружба – Freundschaft

Как бы то ни было, для христианской части ЗФДР предложение фон Лоссова было спасательным кругом. Однако от встреч с армянскими представителями Сейма генерал уклонился сам, предложив грузинским делегатам говорить только за себя и приватно. Не знаю, насколько это было красиво, но отказа не последовало. 14 мая немцы получили секретный меморандум Грузинского национального совета, выражавший «желание и просьбу, чтобы Германия всемерно способствовала как можно безболезненному разрешению международного и политико-государственного вопросов Грузии». Спустя пару дней в Батум тайно прибыл сам Жордания, – и все пошло как по маслу. Согласие Берлина предоставить Грузии «покровительство» было получено мгновенно, за подписями рейхсканцлера графа фон Гертлинга и фельдмаршала Людендорфа (д-р Симонс, шеф восточного направления германского МИД, даже рекомендовал фон Лоссову изучить вопрос о «возможности вступления Грузии, несмотря на географическую удаленность, в состав Рейха»). Дело оставалось за малым. Немецкая сторона требовала провозгласить независимость Грузии как можно скорее, поскольку только это может «предотвратить дальнейшее продвижение турецких войск». 22 мая Жордания помчался в Тифлис согласовывать вопрос. Тем временем, судя по всему, что-то, несмотря на жесточайшую конспирацию, просочилось. «Вечером 23 мая, – вспоминает один из технических секретарей миссии Кутателадзе, – нас посетил Саакаянц. Успокоить его не удалось, он, безусловно, что-то знал. Было больно видеть слезы на лице этого сильного, мужественного человека, он даже встал на колени, умоляя не оставлять Армению один на один с османами. Шалва поклялся ему именем Богородицы, что никаких тайных сделок нет и быть не может. Он, тем не менее, отказывался верить. Пришлось в строгом тоне объяснить, что не в нашей власти влиять на мнение немцев, однако спасение Грузии важнее всего. К тому же Армения, видимо, обречена, но в отчаянии нет никакой нужды, – ведь мы, грузины, охотно возьмем под покровительство всех, кто пожелает». Занервничали и турки.

Вечером 26 мая глава их делегации, Халилбей, выдвинул ультиматум, оставив на принятие решения 72 часа; в противном случае было обещано генеральное наступление на Тифлис. Однако было уже поздно. Поздним вечером того же дня делегаты получили долгожданную телеграмму: – «Сегодня в пять часов пополудни Национальный Совет провозгласил Грузию независимой республикой... Закавказский Сейм признал себя упраздненным, и единство Закавказья прекратилось», – и мгновенно уведомили турецкую миссию о вступлении в силу «Акта о независимости Грузии», в связи с чем «ультиматум, адресованный правительству Закавказской Федеративной Демократической Республики, не может быть вручен в виду распада последней». Далее колесо закрутилось с бешеной скоростью. Уже утром 28 мая на борту немецкого крейсера, стоящего в потийском порту, было подписано временное соглашение о признании Германией независимой Грузинской Демократической Республики и установлении предварительных взаимоотношений; Грузия признавала Брестский мир и уступила Рейху свои железные дороги, а генерал фон Лоссов передал грузинскому премьеру секретное письмо с официальными гарантиями «всемерной и полной поддержки суверенного союзника». Параллельно полным ходом шла высадка в Поты подразделений рейхсвера и выдвижение их в глубь Грузии, в том числе и в направлении позиций, занятых дорогами союзниками. Турецкому правительству оставалось только, прокляв Шайтана, вплотную заняться ненавистными армянами и нефтеносным Баку.

Глава XXII. Das ist fantastisch!

Под сенью дружеских штыков

Немцы – это закон. Немцы – это порядок. Немцы – это солидно и надежно. 15 июня, когда части рейхсвера (сперва 5000 штыков, но это были только первые ласточки) под музыку вошли в Тифлис, заняли также (уже без музыки) Кутаиси, Гори, Сигнахи, Самтредиа, Очамчири и прочие сколько-то значительные города, правительство Ноя Жордания наконец-то смогло вздохнуть спокойно. Безусловно, за все надо платить, на халяву не помогут даже немцы. Чиновники, присланные кайзером, взяли под контроль почту, телеграф, банки, железные дороги, финансовые ведомства. Согласно договору, подписанному 12 июля, Рейх «право полной и безоговорочной эксплуатации» Чиатурских марганцевых рудников на 30 лет, порт Поты – на 60 лет, все железные дороги – на 40 лет. О продовольствии и прочих позарез необходимых нюансах и речи нет. В виде платы «за помощь в организации государства» уже за три летних месяца немцы вывезли из «шущтата» на 30 млн марок меди, табака, хлеба, чая, фруктов, вина, мяса и другой продукции, в том числе 31 тонну марганца, 360 тонн шерсти, 40 350 штук овечьих шкур. Крестьяне стонали. Правда, агитация меньшевиков («Товарищи, надо потерпеть, мы же братья») свою роль играла: восстаний не было. Соответственно, в отличие от Украины, не было и карательных экспедиций. Появилось время заняться «державостроением». Прежде всего, покончили с уже ненужными глупостями вроде «коалиции». Правительство стало на 100 % меньшевистским. Затем, разумеется, пошло развитие силовых структур. Добровольцев было немало, офицерский корпус (в российской армии было очень много грузин) весьма неплох, так что под руководством немецких фельдфебелей рыхлая масса, именуемая «армией», но в первую очередь Народная Гвардия, которую меньшевики пестовали в первую очередь, вскоре дошла до вполне пригодных к употреблению кондиций.

Параллельно занялись всем-всем-всем. Флагом, гимном, языком («В республике Грузия государственным языком является грузинский язык»), университетом, музеями, красивыми, в очень национальном духе выполненными бонами и так далее. Опасались касаться только

вопроса о земле. Понимали, конечно, что абсолютное большинство крестьян, отдавших им голоса, спит и видит аграрную реформу, но, хотя и социал-демократы, не хотели трогать дворян, поскольку и сами были дворянами. Нет, о том, что вот-вот начнется, говорили постоянно. Но воз стоял. Не спешили решать судьбу даже бывших царских имений, поскольку некоторые уважаемые люди очень надеялись под сурдинку, в удобный момент прибрать к рукам и этот фонд. Зато с огромным увлечением занялись самым-самым интересным и занимательным – национальным вопросом. Не везде, где хотелось бы, конечно: в Батуме, Карсе, Ардагане и Джавахети прочно сидели турки, успевшие даже провести референдум и отныне ссылаться на волю народа. «Группа Вачнадзе», правда, уверена, что «референдум прошел в условиях нарушения международных норм – устрашения, шантажа и усиленной антигрузинской агитации», но это едва ли так – мусульмане, безусловно, голосовали за единоверцев, а христиан после великой резни и великого исхода 1915–1916 годов в тех местах оставалось немного. Но, как бы то ни было, поле для деятельности оставалось обширное.

Канатоходцы

Вполне сознаю деликатность темы, а потому начну с пояснений. Грузинские социал-демократы (в отличие, скажем, от украинских) были в самом деле социал-демократами, взгляды на «национальные проблемы» имели более чем цивилизованные и законы на эту тему принимали вполне европейские. Они на полном серьезе гарантировали «равенство всех граждан в гражданских и политических правах независимо от национальности, вероисповедания, социального положения и пола» и собирались «предоставить полную возможность свободного развития всем народам, живущим на ее территории». Однако есть вещи, логике не подвластные. Преодолеть некоторые догмы, намертво вбитые в подсознание «бомонда» гениальной пропагандой Ильи Чавчавадзе, грузинские политики, даже не считающие себя продолжателями дела Ильи Григорьевича, были попросту не в силах. Собственно, не в силах и по сей день. Та же «группа Вачнадзе», стоит лишь завести речь на эту тему, впадает в форменную истерику. Этнические меньшинства, заявлявшие мнение, отличное от мнения Тбилиси, для уважаемых коллег исключительно «изменники» и «сепаратисты», причем «посягающие на историческую территорию Грузии» и даже не по своей воле (в наличии собственного разума «тузикам» отказано по определению), а под влиянием неких внешних сил. Все просто-просто и ясно-ясно. «За спиной осетинских сепаратистов в Шида Картли стояла Россия, в Самцхе-Саатабаго и в Абхазии сепаратизм разжигала Турция, в Саингило-Эрети подстрекали сепаратистов Иран и (опять-таки) Турция, в Абхазии – (снова) Турция и, конечно, Россия». Само собой разумеется, что темные силы «пытались придать сепаратистскому движению этнический, религиозный или аграрный характер. В действительности их цель состояла в разъединении исторической территории Грузии, которое должно было воспрепятствовать стремлению грузинского народа к независимости».

Завидую, честно говоря, тбилиским студентам. Зазубри четыре строчки, отбарабань их без ошибок, – и пятерка в зачетке обеспечена. А на самом деле все совсем иначе. Никто на территориальную

целостность Грузии «посягать» не стремился, тем паче что и существовала-то эта целостность только в воображении поколения интеллигенции, выросшей на идеях Ильи Григорьевича и видевшей во снах некую «идеальную Грузию». Хотя бы как при Тамар, «от Никопсы до Дарабанда», хотя, конечно, если больше, то лучше, населенную «идеальной нацией», милостиво опекающей мелкие, невесть откуда явившиеся (но раз уж явились, пускай себе живут) этносы. А ее не было. Имелись только две губернии, Тифлисская и Кутаисская, плюс огромное желание «вернуть утраченное величие». А также, естественно, заведомые ненависть и заведомое презрение ко всем, сомневающимся в символе веры грузинской политической элиты. Ratio тут не было ни капли. Зато эмоции кипели. Будь иначе, Жордания и его соратники, марксисты как-никак, поняли бы, что происходит, а сообразив, многое сделали бы не так, как было сделано. Потому что в самом разгаре была эпоха «пробуждения наций», и даже самые малые этносы (да что там, и субэтносы тоже!) заявляли, что право имеют, не оглядываясь ни на чьи-то «исторические права», ни, тем паче, административные границы. На карте возникали самые причудливые, даже, пожалуй, противоестественные, но вполне реальные государства типа Донецко-Криворожской Республики и Области Войска Донского. Да, безусловно, Шида Картли была естественной частью ТифлиССкой губернии, а до того владением царей Картли. Ну и что? С точки зрения Национального Совета Южной Осетии, возникшего в 1917 году, это не имело ровным счетом никакого значения. Кто-то из тамошних активистов с образованием мечтал о «республике всех горцев», кто-то о «Великой Осетии», были и такие, что ничего не имел против Грузии, и абсолютное большинство, нищие, безземельные крестьяне, хотели земли, которую прямо сейчас гарантировали только большевики. Вот за большевиками и шли. Объяви о раздаче земли Тифлис, пошли бы под его знамена. Этих людей уговаривать подождать, ссылаясь на «нацию-семью», было невозможно. Им «исторические права Грузии» были до лампочки, и «величие Грузии» им следовало доказывать силой оружия. Ибо в таких вопросах и в такие моменты прав только победитель. Так что жестокая, но на первый раз еще не очень кровавая экспедиция Народной Гвардии в Шида Картли, восставшую против Тифлиса в марте 1918 года, была эксцессом хоть и печальным, но вполне

естественным. Вот только не стоит post factum подкреплять ее штампованными мантрами о «справедливой борьбе» с «сепаратистами», а тем паче «изменниками». Потому что глупо.

Хата с краю

И совсем уж особым вопросом была Абхазия. Если совсем вкратце, получается так. Это бывшее княжество, к Тбилиси никакого отношения не имевшее уже четыре с половиной века, из-под крыши Зугдиди ушедшее за 250 лет до того, а Кутаиси не подчинявшееся никогда, да и присоединенное Империей совсем недавно, когда все остальные земли Сакартвело уже пребывали в составе, было отрезанным ломтем. Тем более что идеи «нации-семьи» и «заветного грузинского языка» там, как и в «осетинских» регионах, популярности не снискали. Однозначно симпатизировали Тифлису, разделяли взгляды меньшевиков и, в общем, ничего не имели против аншлюса только мегрелы, обитающие в городах и на юге, в Самурзакано (ныне Гальский район), однако они погоды не делали. С апсуа же было куда сложнее. Продвинутая часть их аристократии против контактов с грузинами не возражала, но с очень, очень серьезными оговорками. Аристократия консервативная ни о чем подобном вообще слышать не желала, полагая себя «горцами». А основная часть сельской глубинки и горных районов, опять-таки союза с Грузией не желая, достаточно сложно относилась и к собственным князьям: со времен «Странного восстания» прошло немало времени, крестьяне набрались новых веяний и хотели земли, в связи с чем на селе (да и в развитых областях побережья), опять же совсем как в «осетинских районах», росло влияние большевиков. В общем, когда в марте 1917 года элита Сухумского округа сформировала местный орган власти – Комитет общественной безопасности, Тифлису он не подчинялся, ориентируясь сперва прямо на Петроград, а когда временные слезли, – на «Союз объединенных горцев Кавказа». К январю 1918 года Абхазский Народный Совет (бывший КОБ) считался местным органом Союза горцев, а с Грузией, которой, кстати, еще и не существовало юридически, соглашался иметь «лишь добрососедские отношения как с равным соседом». 9 февраля 1918 года договорились «по вопросу об установлении взаимоотношений между Грузией и Абхазией». Суть соглашения сводилась к тому, что «форма будущего политического устройства единой Абхазии должна быть выработана с принципом

национального самоопределения на Учредительном собрании Абхазии». В случае «если Абхазия и Грузия захотят вступить с другими национальными государствами в политические отношения, то взаимно обязываются предварительно иметь между собой по этому поводу переговоры». В современной грузинской историографии считается безусловным, что это соглашение означало «признание Абхазией вхождения в состав Грузии на основе широкой автономии», но – увы – в тексте ничего подобного нет, да и самой Грузии на тот момент не существовало. Просто договорились об основах дальнейших контактов.

Однако через неделю в Абхазии началось восстание большевиков на предмет установления советской власти. Правда, первую вспышку удалось подавить, 21 февраля Сухуми вернулся под контроль АНС, но весь край наводнили красные партизаны, и 8 апреля над Сухуми опять взвился красный флаг. На сей раз ополчение АНС само справиться не могло, пришлось просить помощи у Тифлиса, и тот помог очень охотно. Отряды Народной Гвардии во главе с Валико Джугели к 17 мая одолели красных и вновь выгнали большевиков из столицы. Однако, формально вернув власть АНС (уже обновленному за счет введения в его состав сторонников ухода под крышу Тифлиса), грузины уже не ушли. Остались, заявив, что должны почистить край «от анархии, внесенной большевиками». Начались репрессии. До расстрелов, правда, не дошло, но и только. В Абхазии, позже вспоминал один из партизанских лидеров Нестор Лакоба, «царили анархия, разбой, воровство, насилие, грабежи, самоуправства». Это же подтверждали и меньшевики из «нового АНС». Сохранилась, например, жалоба на некоего «поручика Кулуния, бывшего пристава города Поты», который «избил целый сход в селении Ацы». Причем избил с выдумкой: «пулеметным огнем заставил собравшихся лечь на землю и прошелся затем по их спинам, нанося удары шашкой плашмя, после чего приказал участникам схода сбиться в кучу и верхом во весь карьер врезался в толпу, нанося побои кнутом». Такие эксцессы, понятно, были на руку ушедшим в подполье и в горы большевикам.

Под шашлычок

Совершенно не обрадовали новые реалии и сторонников «горской ориентации», заявивших, что «новый АНС – назначенцы иностранцев». Единственной властью в Абхазии они считали только «старый АНС», то есть себя. Доходило до полного анекдота. В середине мая делегация «старого АНС» объявилась в Батуми жаловаться на беспредел, заявляя, что «Абхазия не желает входить в группу закавказских народов, а относит себя к Северо-Кавказскому объединению» и, соответственно, «является частью союзной Горской республики», уже успевшей отделиться от РСФСР, объявив самостийность. После чего сразу же возникла и делегация «нового АНС» с объявлением о том, что, дескать, «Абхазия причисляет себя к группе закавказских народов». К туркам взывали и те и другие, и даже грузинские меньшевики. «Тифлис, – писал как раз тогда в своем известном очерке Осип Мандельштам, – как паяц, дергается на ниточке из Константинополя». Однако и «новый АНС» по вопросу о статусе не был един. Терять посты и портфели не хотели даже самые «ягузины». 2 июня «новый АНС» озвучил свою позицию. Понять что-то в этом документе сложно и поныне. С одной стороны, речь там идет явно о двух разных государствах. С другой – заявлено о «необходимости пребывания в Абхазии отрядов Грузинской Красной Гвардии». Но в то же время и о недопустимости «исполнения гвардейцами указов правительства Грузии на территории Абхазии, что может обострить отношения между двумя народами в ущерб интересам и Грузии и Абхазии», поскольку «посягательство на суверенные права народа со стороны соседей недопустимо». Шизофрения реяла стягом. И вот на базе такого, скажем так, дискурса произошло то, что «группа Вачнадзе» называет «заключением договора, согласно которому функция автономного управления Абхазией возлагалась на Народный Совет Абхазии». Собственно, делегация поехала из Сухума в Тифлис, имея указание стоять на том, что «Абхазия и ее народ совершенно самостоятельны», все сообщать в столицу, но никаких соглашений без дозволения не заключать. Делегация, однако, была сформирована в основном из

«протифлисцев». Чем хозяева, естественно, воспользовались, в промежутках между (не знаю наверняка, но глубоко убежден) цинандали, шашлыками и девочками мягко уговаривая дорогих гостей «хотя бы словесно» согласиться на подготовленные «лучшими юристами Грузии» предложения, «развитии и дополнении соглашения от 9 февраля».

В конце концов, руководитель делегации, некто Какуба, по телефону сообщил в Сухум, что «если Народный Совет боится взять на себя какую-нибудь ответственность за заключение предлагаемого нам соглашения, то делегация эту ответственность примет на себя», — и 8 июня подмахнул предложенный грузинами текст, фактически упраздняющий какой-либо статус Абхазии вообще. Никакой силы эта филькина грамота, разумеется, не имела, реальный, совершенно другой текст был прислан из Сухума только 10 июня, однако меньшевики сперва заявили, что их вполне устраивает и то, что есть, а потом, 11 июня, все же подписали и присланный вариант, не отменив при этом и предыдущий. Ситуация, в общем, сложилась идиотская. Даже сегодня, рассуждая о тех временах, грузинские историки не очень понимают, на какой из текстов ссылаться, а уж на тот момент и подавно. Самые убежденные сторонники союза с Грузией, вплоть до ее прямых ставленников типа Варлама Шервашидзе, главы «нового АНС», в переписке ссылались исключительно на пункты «договора» именно от 11 июня, зафиксировавшего, что «заключаемый договор пересматривается Национальным Собранием Абхазии, которое окончательно определяет политическое устройство Абхазии, а также взаимоотношения между Грузией и Абхазией». То есть даже в крайне «грузинском» варианте соглашение было временным, а окончательное решение вопросов политического статуса и отношений с Грузией откладывалось до созыва — в «по возможности скором будущем» — Национального Собрания. Что 19 июня подтвердил и полпред ГДР в Сухуме, старейший грузинский социал-демократ Исидор Рамишвили, заявивший, что только правомочный съезд народа «решит дальнейшую политику Абхазии: примкнет ли она к Грузии, России или Турции или объявит самостоятельность».

Комбат-батяня, батяня-комбат

Ждать, однако, в Тифлисе не хотели. Что бы ни значилось в документах, документы читались только в том смысле, что отныне Абхазия уже и юридически (насчет фактически и раньше сомнений не было) составная часть Грузии, а все, кто считал иначе, автоматом улетали в разряд, говоря словами «группы Вачнадзе», «сепаратистов, вознамерившихся добиваться полной независимости Абхазии». Соответственно, «мирное решение абхазской проблемы оказалось невозможным». Тем паче что в обоих договорах значилось, что «новый АНС» хотел бы получить военную помощь «для наведения порядка». Ясно, что подразумевалась защита от большевиков, однако в тот момент большевики особой угрозы не представляли. И тем не менее, спустя неделю после подписания в Абхазии нежданно-негаданно высадились крупные силы во главе с лучшим, еще царской закалки генералом республики Георгием Мазнишвили. «В распоряжение АНС», как полагалось бы, раз уж пришли, они поступать даже не пытались, а просто заняли все ключевые пункты страны, после чего Георгий Иванович предъявил мандат за подписью военного министра Грузии, назначившего его генерал-губернатором, а 23 июня приказом № 1 объявил Абхазию генерал-губернаторством ГДР, а себя просто губернатором, облеченным всей полнотой и военной, и политической власти. Тут уж встал на дыбы и «новый АНС», причем в полном составе. Ощутив себя уже почти без любимого кресла, возмутился даже его глава Варлам Шервашидзе, правоверный меньшевик и очевидная марионетка, всегда выступавший в том духе, что «Совет стоит на одной платформе с Грузинским правительством и изменять ему не собирается...». Впрочем, его успокоили, сообщив, что при всех вариантах кто-кто, а он без портфеля не останется. Зато народ волновался. По всему краю пошли сходы, требовавшие, чтобы «Абхазия была самостоятельна, а не была бы провинцией, и если это невозможно, то они готовы приступить к японскому способу харакири, чтобы только умереть свободными на своей земле». Протестовать начали и соседи. Скажем, «Горская республика», государство на тот момент не менее легитимное, нежели Грузия, засыпало нотами графа

Шуленбурга, уже снявшего маску «майора Шульца» и процветавшего в Тифлисе в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла. Немцы, однако, молчали, а коль скоро они молчали, Жордания не обращал на все это никакого внимания, как и на многочисленные жалобы своих абхазских товарищей по партии, бомбивших Тифлис письмами насчет «карательных экспедиций и поджогов, из-за которых в абхазской массе сложилось представление о грузинах, как о поработителях».

Лишние люди

В такой обстановке взрыв был неизбежен, но грянуло не там, откуда можно было ждать. Момент сочли удобным активисты полузабытого и никем в расчет не принимавшегося «старого АНС» во главе с князем Александром Шервашидзе, тем самым, который заключил 9 февраля 1918 года первое «соглашение о добрососедстве» с тогда еще не существовавшей Грузией. Они, собственно, ни на секунду не отказывались от «горской» ориентации, постоянно критикуя «коллорабационистов» из «нового АНС», но теперь решили, что пришло время переходить от слов к делу, и встретили полное понимание у всех, кроме, естественно, грузин. «Князь Шервашидзе, – обиженно вспоминал в мемуарах Жордания, – недовольный нами, бежал на Северный Кавказ и на одном митинге преподнес ему всю Абхазию. Вместо того чтобы спросить его, по какому праву или по чьему полномочию он говорит, там сразу приняли этот подарок и предъявили нам претензию: «Абхазия наша, уходите оттуда!» Вот какие соседи были у нас». Правда, горцы, связанные по рукам и ногам войной всех со всеми, ничем, кроме деклараций, помочь «старому АНС» не могли, но были и другие силы, которым происходящее совсем не нравилось. В ночь на 27 июня в имении князя Шервашидзе высадился десант этнических абхазов из Турции, в основном военнослужащие регулярной армии, официально ушедшие в отставку и действовавшие в качестве «экспедиционного корпуса Горской республики». В ответ на панический запрос из Тифлиса султанское правительство кокетливо ответило, что знать ничего не знает и даже не хочет. Начались стычки, причем, несмотря на то что крестьянство в основном «горскую партию» не поддерживало и «заморским братьям» не помогало, Мазниашвили воспользовался удобной ситуацией для «вразумления» всех сел, где было выражено недовольство грузинским присутствием. В методах не стеснялись. Когда же в ночь с 14 на 15 августа около Моквского монастыря основные силы десанта были разбиты, по приказу из Тифлиса был «реорганизован» «новый АНС», позволивший себе 8 августа, в разгар боевых действий, совершенно возмутительную выходку – воспользовавшись отсутствием

председателя (батона Варлам хворал), создать комиссию по подготовке выборов в Учредительное собрание. То самое, которому, согласно обоим договорам, надлежало «окончательно определить политическое устройство Абхазии, а также взаимоотношения между Грузией и Абхазией». Особых разъяснений не было: просто сообщили, что раз председатель Совета остается на посту, значит, никто никого не разгоняет, а просто идет зачистка «туркофилов», чьи имена, дескать, стали известны контрразведке от пленных. Батона Варлам, бесконечно счастливый, естественно, все подтвердил, а на освободившиеся в «не разогнанном» Совете места были кооптированы надежные люди по списку, утвержденному в Тифлисе. На этом, как тогда казалось, вопрос с «сепаратизмом» был закрыт окончательно и бесповоротно. Можно было приступать к новым, поистине великим свершениям.

Глава XXIII. Великий поход на север

Быть может, за хребтом Кавказа...

Жизнь удавалась по полной. Жизнь текла молоком и медом. Ну, может, и не совсем: основные запасы и того и другого, а также прочих вкусных вещей вывозили немцы, но, как уже говорилось, за все надо платить, а за общую победу, после которой добрый кайзер воздаст за лишения сторицей, и сам Бог велел. В связи с некоторым затишьем на хуторе (соседи или забрали, что хотели, и успокоились, или резали друг друга, забыв о Грузии, большевики сидели тихо, а мятежные регионы вроде бы все поняли и встали по стойке «смирно») в тифлисском политикуме начали рождаться шальные идеи. Например, а почему бы что-нибудь не завоевать? Например, Россию. Можно не всю, но хотя бы частично. В конце концов, Грузия ничем не хуже той же Турции, а поскольку много «исторически неотъемлемых» грузинских территорий, отвоеванных у османов Россией, теперь к османам же и вернулись, за Россией, как ни крути, получался должок. К тому же уж больно момент был подходящий: Кубано-Черноморская республика, лежащая севернее Абхазии, под ударами деникинцев и казаков ослабела вконец, ее уже, можно сказать, почти не было, а следовательно, риск получался минимальный. Да и предлог имелся великолепный: добить большевиков, которых никто не любил, в их логове. А заодно и взять под контроль железную дорогу, чтобы получать продовольствие с Кубани без всяких осложнений.

Короче говоря, вопрос был решен. Идея «Южной республики» в Закубанье завладела умами, хлесткий призыв тифлисского публициста Ираклия Джорджадзе «Исторический долг грузина – принести, наконец, свет цивилизации в варварскую Россию!» стал крылатым. Правда, всем было ясно, что такие дела с бухты-барахты не начинают. Следовало посоветоваться со старшими, а также (формальность, но все-таки) согласовать с Абхазией. Но за этим дело не стало. Туркам было все равно, Абхазский Народный Совет после «реорганизации» был заранее согласен с любыми инициативами руководства, а что до немцев, так они, незадолго до того создав плацдарм на Тамани, не то что не возражали, а даже приветствовали. Самим вмешиваться в дела России, согласно Брестскому миру, было никак нельзя, но ежели

руками «шущштата», так отчего бы и нет? Это сняло последние сомнения. «Согласие и поддержка немцев, – отмечал позже Деникин, – послужили той гарантией, без которой грузины едва ли решились бы начать наступление». Некоторая сложность заключалась в том, что генерал фон Кресс, германский протектор Грузии, ссылаясь все на тот же Брестский мир, выразил пожелание получить обоснование справедливости предстоящей кампании. Он, как и граф фон Шуленбург, идеолог мероприятия, был активно «за», но (о, эта прусская щепетильность!) «для Рейха неприемлемо закрывать глаза на неудобства агрессивного занятия чужих территорий».

Тени забытых предков

Впрочем, уж что-что, а такие пустяки последователи великого Ильи Чавчавадзе щелкали, как орешки. Знаменитого Ивана Джавахишвили, профессора петербургской выучки, энциклопедиста и ректора Национального университета, полагавшего, что «северо-западной границей Грузии была и сейчас есть Абхазия», не стали даже тревожить. Сформулировать «честную, объективную и непредвзятую историю вопроса», только побыстрее, попросили молодых, незашоренных специалистов. И уже спустя пару недель (вопрос с Абхазией еще решался), на научно-практической конференции по проблемам Кавказа, прошедшей в Стамбуле под эгидой Его Величества султана, молодой литератор, сотрудник Патриархата и по совместительству этнограф-любитель Павел Ингороква (между прочим, будущий советский академик) зачитал турецким, армянским, азербайджанским и «горским» ученым эпохальный доклад «О территориальном разделе государств Кавказа». Отныне можно было считать доказанным и неопровержимым фактом, что «вся полоса побережья до устья Кубани в XI–XIII веках принадлежала Грузии», а «границы грузинской Абхазии в древности доходили до Анапы». Из чего само собой следовало, что Сочи «исконно грузинский город». Возражения уважаемого коллеги, некоего Али Катажукова, насчет как же быть с тем, что земли от Анапы до Гагры еще 60 лет назад населяли адыги и убыхи, частью погибшие, а частью уехавшие, а первые грузины переселились в Сочинский округ из Кутаисской губернии в 1881 году, в рамках заселения опустевшего края, докладчик отмел просто и элегантно: да, конечно, были адыги, и убыхи тоже, но они просто пришли на побережье с диких гор в тяжелые для Грузии времена то ли монгольского, то ли Тамерланова нашествия. Доклад был опубликован в рекордные сроки. Теперь, имея на руках целую монографию, причем увидевшую свет не в Тифлисе, а на благословенном Западе, в Стамбуле, в престижном издательстве «Харисчирашвили и сыновья», Ной Жордания мог смело смотреть в глаза хоть батони фон Крессу, хоть кайзеру, хоть, будь он жив, самому Илье Григорьевичу.

Drang nach Norden

Великий поход на север начался 26 июня. Блистая новенькой формой и безупречной выправкой (немецкие фельдфебели дело знали и работали ударно), войска победным маршем двигались вдоль моря, почти не встречая сопротивления. Даже наоборот: поскольку заранее был пущен слух, что идут немцы, а грузинские части – всего лишь авангард, население измученного войной и бандитизмом края их появлению было радо. От немцев ждали порядка и покоя. К тому же грузины, следует отметить, вели себя прилично, соблюдая дисциплину и никому не чиня обид. Правда, как отмечал в докладе по инстанциям граф фон Шуленбург, «проявляли по отношению к местному населению крайнюю надменность и презрение, свойственное британским офицерам в Индии», а также (это уже из воспоминаний кубанского дипломата Николая Воробьева) «не скрывали желания огрузинить города, назначали туда привезенных комиссаров, а также и чиновников, даже мельчайших». Но на первых порах на это особого внимания никто не обращал. Попытки властей Кубано-Черноморской Советской Республики хотя бы выяснить, что происходит, игнорировались, ее официальных представителей, учитывая, что никакой военной силы за ними не было, отказывались принимать. 3 июля почти без боя пали Гагры и Адлер. Спустя три дня, сбив слабенькие заслоны красных на реке Кудепста, «восстановители исторической справедливости» вошли в Сочи, а 27 июля, после 10 дней не очень тяжелых стычек, – и в Туапсе. Было взято много пленных, трофеи (4 пушки, 12 пулеметов, боеприпасы, корабли, 5 паровозов). О «Южной республике» в Тифлисе уже прочно забыли. Территория Сочинского и Туапсинского округов, как вспоминает Георгий Мазнишвили, «на основе просьб и мольб живущих в Сочи грузин» была объявлена «законной и неотъемлемой частью Грузии». А когда, выдвинувшись еще на шесть километров, грузинские части (4000 штыков) потеснили основную группировку красных (4000 штыков), захватив даже бронепоезд «Борец за свободу № 2», в тифлисских газетах начали появляться намеки насчет Новороссийска. Который, если по исторической-то справедливости, тоже того...

И вот тут-то, на самом гребне чистого, ничем не замутненного счастья, пришел огромный, на 30 000 штыков с артиллерией, и очень злой северный пушной зверь. Остатки десятков вдребезги разбитых красных частей, слившись в единую Таманскую армию, пробивались на юг, к Армавиру, сметая все на своем пути. Отступать красным было некуда, на плечах висел огромный обоз с семьями и тысячами беженцев, не ждущих от деникинцев и казаков ничего хорошего, – и вот как раз на пути этой отчаявшейся массы вооруженных оборванцев лежал «исконно и навечно грузинский» Туапсе. Дальнейшее понятно: не помогли ни выучка фельдфебелей, ни изобилие боеприпасов, ни хорошо укрепленные позиции. 1 сентября грузин из Туапсе просто вымели, захватив 16 орудий, 10 пулеметов и много-много позарез нужных таманцам боеприпасов. Восстановители же исторической справедливости выяснили, что их никто не преследует, только вечером 2 сентября, после чего и закрепились там, где оказались, – на берегу реки Шахе.

Варвары

Красные, впрочем, спустя несколько дней покинули город, двинувшись дальше, но вновь занять Туапсе, несмотря на приказ из Тифлиса, генерал Мазниашвили не сумел: к городу подходили добровольцы, а, как докладывал командующий начальству, «мои войска, пережив потрясение, нуждались в отдыхе и, главным образом, длительном восстановлении бодрости и подъема духа». В итоге 8 сентября Туапсе вновь стал российским, и возмущенный Тифлис направил в ставку Деникина протест с требованием «прекратить агрессию против Грузии и уйти с исторических грузинских территорий за исторические границы». Первый ответ на первый демарш сохранился в мемуарах генерала Лукомского, но воспроизводить его, хотя он и предельно краток, я по разным причинам не считаю возможным. Далее, впрочем, командование Добрармии, поддавшись уговорам кубанских краевых властей, которых Жордания уговорил быть посредниками, в более дипломатических выражениях дало согласие обсудить имеющиеся разногласия, и 25–26 сентября в Екатеринодаре, кубанской столице, состоялась встреча, кончившаяся, как многие заранее и предполагали, впустую. Собственно, сюжет был очень похож на нынешние переговоры Израиля с лидерами Палестинской Автономии. Генерал Алексеев поинтересовался, на каком основании грузины вообще оказались севернее реки Бзыбь, заняв территорию, «на которую у Грузии нет никаких прав». Евгений Гегечкори, глава делегации меньшевиков, мгновенно парировал, преподнеся визави экземпляр брошюры Ингореква с нотариально заверенным переводом, после чего, по словам того же Лукомского, «тон разговора стал несколько повышенным». Слегка успокоившись, попытались продолжать.

Грузины (опять Лукомский: «их правительство должно было действовать по указке немцев») твердо стояли на том, что Сочинский округ – неотъемлемая территория Грузии, поскольку «живущие в Сочи грузины нуждаются в защите от большевиков». Представители белых резонно отвечали, что никаких большевиков уже месяц как нет. После чего Гегечкори вновь предложил изучить и обсудить «исторические

права Грузии» на основе монографии Ингорквa, в ответ на вопрос присутствовавшего на переговорах Василия Шульгина – типа, а вообще есть ли у Грузии границы и говорилось ли что-то об этом в Брестском договоре? – сообщив, что «в Бресте данный вопрос не рассматривался, но границы устанавливаются временем». В общем, решение командования Добрармии прервать «переговорный процесс» трудно признать нелогичным. Миссию Гегечкори уведомили, что не смеют дольше задерживать, а белые отряды двинулись на юг и без боя заняли Лазаревскую, ныне часть северного Большого Сочи. На том временно и утихли: белым предстояли куда более важные дела, а грузинское правительство, как вспоминает Жордания, «по совету союзников приняло решение приостановить вопрос вплоть до исхода событий на Западном фронте». В конце концов, достигнуто было многое, а на Туапсе жизнь не кончается, да и сколько его, того Туапсе.

Укрощение строптивой

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Завершение «Русской кампании», как это официально называлось в Тифлисе, дало меньшевикам возможность довести, наконец, до ума зависшую абхазскую проблему. Формально-то в генерал-губернаторстве все шло очень даже хорошо: «обновленный новый АНС» после «реорганизации» 15 августа был идеально послушен, став, по сути, ширмой для военных властей. Он утверждал все, вплоть до указов о конфискации продовольствия и репрессиях в отношении не совсем довольных. Однако была у медали и обратная сторона. Население, и без того не очень довольное реальностью, зверело. Бессменного главу «обновленного нового АНС», Варлама Шервашидзе, ненавидели все. Правда, выступать с критикой люди боялись, но были, как выяснилось, и буйные. Вскоре после завершения переговоров в Екатеринодаре, 9 октября, на бурном, перешедшем в потасовку заседании АНС несколько по недосмотру «недовычищенных» депутатов поставили вопрос о виновниках и соучастниках, как они выразились, «разгона 15 августа» и потребовали «восстановить в правах насильственно распущенный Народный Совет». Вечером случилось вообще непредсказуемое: батони Варлам, более чем уверенный в себе, потребовал вотум доверия, – и вопреки всем ожиданиям проиграл. Как только подсчет голосов закончился и результаты прозвучали, здание Совета оцепили грузинские гвардейцы, а на следующий день, 10 октября, из Тифлиса пришла телеграмма, суть которой заключалась в том, что ежели кому-то непонятна разница между «реорганизацией» и «разгоном», то, пожалуйста, будет вам, товарищи, и разгон. Дом Совета опечатали, всех крикунов с мандатами арестовали и отправили в Тифлис, где заключили в Метехскую тюрьму по обвинению в «измене и заговоре против Грузинской Демократической Республики». Вслед за ними туда же поехали организаторы митингов протеста, всего 17 наиболее популярных лидеров, находившихся в оппозиции батони Варламу. Генерал-губернаторство было объявлено на военном положении, действие договора от 11 июня «заморожено на некоторый срок», должность министра центрального правительства по делам

Абхазии упразднена, а его функции переданы министру внутренних дел ГДР. Про «широкие автономные права» уже не вспоминали. Верховная власть осуществлялась даже не военными, а приехавшим из Тифлиса «чрезвычайным комиссаром с неограниченными полномочиями» Чхиквишвили и комиссарами уездов, рекрутированными, по свидетельству Деникина, из «местных грузин – пришлого элемента, издавна устроившегося на Черноморском побережье в качестве рабочих, торговцев, подрядчиков, духанщиков и т. д.».

Пришла беда

Формально все это объяснялось необходимостью борьбы с большевиками, анархией, криминалом, а также «туркофилами» и, натурально, «русскими шовинистами». Однако заявление одного из арестованных депутатов, некоего Ашхацава, – «Разговор о туркофильстве – вздор и обман; если дальше так будет продолжаться, то действительно народ примет какую угодно ориентацию, не только турецкую, даже дьявольскую, лишь бы избавиться от захватчиков...», к сведению все же приняли. Как признал позже и сам Ной Жордания, это «имело под собой основание». Осознав, что в сложившейся ситуации «рост влияния поднявших голову большевиков делается явлением естественным» и опасаясь «сформирования широкого протестного фронта», меньшевики приняли решение взять курс на отмену «чрезвычайки» и проведение «безотлагательных выборов на подлинно демократических началах». При этом, однако, председателем избирательной комиссии назначили все того же многократно скомпрометированного, одиозного и предельно непопулярного Варлама Шервашидзе, что уже само по себе свидетельствовало о полном отсутствии «местного» кадрового резерва. Как бы то ни было, 17 декабря, выступая в парламенте с докладом «О положении в Абхазии и проекте выборов Абхазского Народного Совета», министр внутренних дел Ной Рамишвили публично признал, что «с политикой обнаженного меча следует покончить» и призвал депутатов срочно вернуть Абхазии самоуправление. Что после недолгих дебатов и было сделано 27 декабря. Скорость, учитывая свойственную всем парламентам, где каждому хочется поговорить, удивительная. Но объяснимая: Великая Война уже почти два месяца как завершилась, кайзер, в которого Тифлис так верил, уже сидел в эмиграции, а перед Грузией, не просто утратившей надежного защитника, но и оказавшейся в стане побежденных, которым, как известно, горе, встало множество серьезных проблем, и наращивать их количество никому не хотелось.

Глава XXIV. Rule, Britannia!

Мир наизнанку

Подробно излагать нюансы изменения ситуации на Южном Кавказе после капитуляции центральных держав нужды нет. Достаточно сказать: изменилось все. Для всех. И сильно. В Ереване, например, имели все основания пить шампанское. Армения с самого начала своей независимости была верной союзницей Антанты. Она вела тяжелые бои в Карабахе и Нахичеване против турок и их азербайджанских вассалов, она в октябре 1918 года рискнула даже открыть третий фронт против немцев и «шущтата» Georgien, отбив у них важные позиции в Лорийском районе. В общем, она честно проливали кровь за общее дело и вполне могла рассчитывать на самое лучшее отношение. И, понятно, на солидную компенсацию. Зато в Тифлисе царил траур. Судя по воспоминаниям Жордания и его министров, несколько дней никто просто не знал, что делать и как быть. Оставалось только стреляться или писать письма. Выбрали второе. Не напрямую, конечно, – с Лондоном, в отличие от Берлина, никаких серьезных контактов не было, – а через американцев, в регионе тоже заинтересованных, но удаленных, а потому и согласившихся на роль посредника. Сочинять покаяния засели лучшие перья Грузии. Эта переписка, – кстати, в Великобритании давно уже опубликованная, насчет России не знаю, а в Грузии уверен, что нет, – поражает воображение. Полностью сознавая степень своей вины перед всем прогрессивным человечеством, грузинское правительство выражало готовность нести ответственность в полной мере, вплоть до расстрела, прося только выслушать не оправдания, но чистую правду. Далее подробно рассказывалось о неисчислимых бедствиях и обидах. О злобных турках, отнявших «исторически грузинские земли». О подлых немцах, шантажом заставивших небольшую миролюбивую страну принять их протекторат в унижительной форме «шущтата». О форменном разграблении тевтонскими варварами национальных богатств, включая марганец, козьи шкуры и продовольствие. Об унижительных кабальных соглашениях. И о многом другом, пережитом беззащитным «островком демократии» за страшные полгода «оккупации нашей страны ордами кайзера». Естественно, подробно

излагалась история изгнания меньшевиками эмиссаров «Комитета независимости Грузии» в 1915-м (подтекст: сами видите, мы всегда, еще при царском режиме, были за Антанту). И – в заключение – крик души: «Восточному варварству мы предпочитаем западный империализм».

Шероховатости

Параллельно сочинению писем подчищали завалы, прибирая все, что могло бы прийти не по нраву «знаменосцам демократии». 2 декабря, например, на свет появилось «Обращение Сочинской городской думы, земского комитета, профсоюзов рабочих и крестьянского съезда Сочинского округа к властям Грузинской республики». Теперь уже не мифические августовские «грузины, живущие в Сочи», о «просьбах и мольбах» которых вспоминает Георгий Мазнишвили, а вполне реальные люди, разных национальностей, облеченные доверием населения, просили Тифлис «о временном присоединении Сочинского округа к Грузии, желательно на правах самоуправления». Каким образом оккупационным властям удалось добиться принятия этого документа, мне неизвестно. Нашли, видимо, убедительные доводы. А может, и не искали, а сами сочинцы такое решение приняли. Всякое бывает. Однако известно, что трогательную картину единодушия испортили лидеры армянской общины края, категорически отказавшиеся подписывать «Обращение». Хуже того, позволившие себе написать в Ереван и – еще страшнее – в Константинополь какие-то измышления о «возмутительном давлении на депутатов Думы». Излишне говорить, что клеветникам предложили подать в отставку. Поскольку о вмешательстве грузинских военных властей данных у меня опять-таки нет, рискну предположить, что инициативу проявили возмущенные коллеги армян по сеянию разумного, доброго, вечного на ниве бескорыстной общественной деятельности. Свободная же от цензуры и комплексов тифлисская пресса с полным основанием писала об «ударе в спину», «невероятной подлости», делая естественный вывод – «правильно о них говорил великий Илья», что, естественно, отражалось на отношении широких масс населения к армянской общине. А это, в свою очередь, сердило Ереван, и без того уже с ноября чуть ли не ежедневно бомбивший Тифлис нотами протеста на предмет открытия перекрытой при немцах железной дороги. Типа, все понимаем, раньше не от вас зависело, но уж теперь-то открывайте, сами ж понимаете, мы уже полгода сидим почти в блокаде. Это была чистая правда, для Армении вопрос стоял о

жизни и смерти, так что, по логике, конечно, открыть движение следовало бы. Однако меньшевики не спешили, обуславливая согласие целым рядом условий. В первую очередь, разумеется, по вопросу о спорных территориях.

Идеалы и интересы

Проблема, между прочим, серьезная. Как и в наше время, коса права наций на самоопределение (идея, в то время зашкаливающая модная) нашла на камень принципа нерушимости границ. Вернее, поскольку в регионе, где государства только-только вылупились, а внятных границ, в общем, не существовало, как тогда говорилось, «исторических прав». Единственным согласованным документом на сей счет для Южного Кавказа на тот момент было решение «межпартийной грузинской группы», принятое меньшевиками при участии тогда еще братских дашнаков и мусаватистов еще 16 апреля далекого уже 1917 года. То есть когда еще даже о Закавказской Федерации речи не шло, а обсуждалось, как кроить административные границы будущей «автономии в составе демократической России». На том заседании, кстати, по инициативе меньшевиков, был принят «тезис о бесспорных и спорных территориях Грузии». «Бесспорными» постановили считать территории, где грузин жило не менее половины населения, «спорными» – окраинные районы, где грузины не составляли большинства. Вопрос о будущем устройстве этих территорий предстояло решать совместно, путем опросов местного населения и референдумов по итогам. Вот только государственные мужи конца 1918 года были уже не теми ни за что не отвечающими идеалистами апреля 1917-го.

«Нельзя было, – писал в эмиграции Гегечкори, – закрыть глаза на то, что во многих уездах инородное большинство составляют гости и пришельцы, тогда как грузинское население, хоть и превратившись в меньшинство, все же хозяева этой земли». Это была чистая правда. Грузины, конечно, любили, да и сейчас любят, прихвастнуть насчет «исконных прав» (примером чему хотя бы тот же Ингороква), но факт есть факт: из века в век в Грузию въезжали волны переселенцев, искавших кто лучшей жизни, кто элементарного спасения от гибели. А кто и просто не собственной волей, а по указанию шахов, желавших укрепить свое влияние надежными правоверными кадрами. Вот и пойми, как решать: по фактическому составу населения или историческим картам? Правительство Араратской Республики,

сформированное дашнаками-радикалами, полагая, что первый вариант лучше, претендовало на Борчалинский и Ахалкалакский уезды, из которых как раз уходили турки и немцы, а также район Лоре, где когда-то давным-давно существовало маленькое Лоре-Таширское армянское царство, осколок былой Большой Армении. Причем били меньшевиков их же решением почти двухлетней давности насчет определения границ «по принципу реального расселения той или иной национальности».

Горе пополам

На самом деле, в том, что случилось дальше, виноваты или все, или никто. Просто все сошлось одно к одному. И обиды старые, расчесанные в эпоху полемики Чавчавадзе с его армянскими оппонентами. И обиды новые: армяне не могли простить Грузии развала Федерации, когда их, если уж совсем честно, бросили на съедение туркам, а грузины не могли простить соседям, что они их этим попрекают, не желая понять, что Грузия – вечная ценность, а Армения всего лишь «исторический казус». И обоюдная уверенность в своей непобедимости: армянская армия, вопреки всему, остановила-таки турок у Сардарапата, после чего успешно вела войну на два фронта, грузины же, уже успев забыть о неприятном, свято верили в то, что их армия «закалена в победоносных войнах с Турцией и Россией», поскольку турки так и не взяли Тифлис, а над Сочи, что ни говори, реял грузинский флаг. Плюс пресса, одинаково оголтелая и безответственная и на Куре, где газеты взахлеб рассуждали о «полной несостоятельности Армении, способной выжить только в качестве грузинского протектората», и на Раздане, где излюбленной темой модных колумнистов стали рассуждения о том, что Тифлис тоже, если вдуматься, армянский город. Плюс «особая роль» армянских генералов, второй, а по факту и первой, решающей политической силы в стране, где армией реально стал весь народ. И опять – маслом на хлеб – «синдром победителя» у дашнаков. И снова – сыром на масло – «сочинский эксцесс» («Наших бьют!» – это всегда работает). И снова, и опять – икоркой на сыр – проблема блокады, которую, если хочешь выжить, надо снять. Любой ценой. Нет, наверное, разногласия можно было если и не уладить вовсе, то хотя бы смягчить за столом переговоров. Но для этого говорить должны были Дизраэли с Бисмарками. А Жордания был всего лишь Жордания и Ованес Качазнуни был всего лишь Качазнуни. Обоим самым важным казалось сохранить лицо. А потому 5 декабря грузинские войска, ни с кем не консультируясь, заняли эвакуированный турками Ахалкалакский уезд, в ответ на что в ночь на 7-е армянская конница рванула на Ахалцихе, а

два полка пехоты во главе с легендарным генералом Дро вошли в Борчалу.

На бобах

Спустя неделю спорные районы были полностью заняты дашнаками. Пал ключевой город Санаин. Но армянский марш не прекращался: лозунг «Даешь Гори! Даешь Тифлис!» у пресс-пустомель отняли уже и политики, правда, не из респектабельных. Остановить противника грузинским войскам и Народной Гвардии удалось, лишь перебросив с сочинского участка две трети тамошней группировки и командировав на фронт все того же Георгия Мазнишвили, но, хотя успешные сражения под Шулавери и Елизаветфельдом позволили слегка передохнуть, а кое-где и продвинуться вперед, особого повода для радости не было: Грузия билась на пределе сил, а дашнаки только-только разогрелись. И тут, надо полагать, в дело вмешалась то ли сама Богородица Иверская, покровительница Сакартвело, то ли кто-то из слуг Сына Ее. 12 декабря в Тифлисе появилась надежда в виде английской миссии на предмет поговорить. Поговорили. Уже 15 декабря британские части высадились в Поти, а 25-го под восторженное «Gamajoba!» маршировали по Тифлису. Их было намного меньше, чем полгода назад вояк кайзера, но они и пришли не воевать, а распоряжаться. По праву победителя. Причем власти Араратской Республики, обрадовавшиеся куда больше грузин, очень скоро поняли: все отнюдь не так розово и пушисто, как думалось. Фаворитом Ереван не стал. Дашнаков, конечно, похвалили за верность и пообещали в перспективе щедро вознаградить. Но за счет Турции.

В сущности, подтвердилось то, во что раньше, когда родные союзники запрещали занимать Карабах и велели «сбалансировать» активность в Нахичеване, пытались не верить: дружба дружбой, но нефть главнее. Грузия с ее портами и «трубой» в этом смысле была ничем не хуже Азербайджана, к тому же и пусть совсем маленькой, но гирькой висела на ногах у Добрармии, чрезмерного усиления которой в Лондоне не хотели. Поэтому Еревану в приказном тоне велели замереть. Точно так же, как и Деникину, под сурдинку занявшему север Сочинского округа, под прямой угрозой войны запретили двигаться дальше без позволения британского главкома генерала Уокера (Сочинский округ был объявлен «нейтральным», но оставлен

под грузинским контролем). В общем же, не столь уж редкие споры армян (полагающих, что они чуть не взяли Тифлис) и грузин (уверенных, что они почти взяли Ереван) на тему, у кого конкретно «украли победу» подлые англичане, неконструктивны. Глупая была война, и проиграли оба. Полтысячи грузинских парней и больше трех сотен армянских пошли на фарш, а в итоге спорные районы поделили пополам. Чуть-чуть в пользу Армении, но при этом улетел удобнейший, более никогда не повторявшийся момент для «освоения» Нахичевана. Зато самый вкусный кусок, с Алавердскими медными копиями, худо-бедно отбитый грузинами, превратился, ясное дело, в «нейтральную зону», прямо подчиненную английскому генерал-губернатору.

Книга джунглей

Сколько мемуаров ни читал, везде одно и то же. Немцев бранят, немцев несут по кочкам, но в итоге все равно поминают хорошо. Про англичан плохо не пишут, но вспоминают как бы нехотя, с явной гримасой. Потому что очень уж разные люди. У суровых тевтонов *Ja ist Ja, Nein ist Nein*, а если уж *Schießen*, то безусловно *Schießen*, даже в ущерб себе. В устах же сэров и пэров только *No* всегда *No*, а вот *Yes* следует понимать исключительно как *May be*, – и всегда в их пользу. Для меньшевиков исключения не сделали. Ограничились прощением и разрешением съездить в Париж на мирную конференцию, себя показать и претензии озвучить. Но, хотя специально для такого судьбоносного случая подготовленная, очень красивая карта границ Великой Грузии эпохи Тамар, доказывающая права Тифлиса на все «исторически принадлежащее», вершителям судеб пришлось по душе, не меньше понравилась им и другая карта, привезенная представителями давно не существующей «Горской республики», где Абхазия была окрашена в совсем другие цвета. Не говоря уж о карте армянской: там, правда, Абхазии не было, зато было много другого, совсем неправильного. Так что первый выход в свет обернулся конфузом.

Во всем же остальном новые покровители оказались до боли себе на уме. Аджарию с сочным Батумом, забрав у турок, законному хозяину не вернули, а сели там сами. Завели какие-то странные контакты с какими-то абхазскими представителями. Не вмешались даже, когда на юге, в Самцхе, какие-то самозванцы-мусульмане объявили себя Республикой Юго-Западного Кавказа, выгнав из Ахалциха и Ахалкалаки грузинские войска; как ни просил Тифлис помочь, ответ был в том смысле, что, дескать, поживем – увидим. Разве что Деникина одернули в декабре. И то, как вскоре выяснилось, без толку. Добровольцы союзников уважали, но играть роль «Чего изволите?» не умели и не собирались. В январе 1919-го, когда отношение военных властей к сочинским армянам ужесточилось до предела, началась стрельба. Восставшие села грузины, жалея живую силу, давили орудийным огнем. Армяне молили о помощи всех, кто

мог услышать. Бритты ограничивались «It's not good» и выражением сочувствия. Зато Деникин, вопреки английскому запрету и сложностям на Дону, двинул войска – спасать. 6 февраля две роты Добрармии, восторженно поддержанные армянами, вошли в Сочи. При этом командующий группой войск, генерал Александр Кониашвили, на тот момент уже пятый день гулявший на чьей-то свадьбе, был взят в плен тепленьким, пытаясь куда-то – то ли на передовую, то ли в тыл – прорваться на автомобиле. 8 февраля его заместитель, начштаба полковник Церетели подписал капитуляцию.

В общей сложности, в Сочи и Адлере добровольцам сдались в плен 714 грузинских солдат и 48 офицеров, погибло же за три дня боев 7 белогвардейцев и 12 воинов Грузии (позже всех, кроме записавшихся в Добрармию, вернули домой). Затем пали Гагры (1 убитый деникинец, ни одного павшего грузина). А вот дальше сэры-пэры вмешались всерьез. Деникину пригрозили разрывом отношений, прекращением военных поставок и даже войной. В частности, обстрелом кавказского побережья России из крупных корабельных калибров. В то время такое «Фэ» от островитян мгновенно вразумляло кого угодно. Однако добровольцы, даром что в малом числе (основные силы дрались с красными), угрозами пренебрегли, двинувшись на Сухуми. Совершенно сбитым с толку столь непривычным неуважением англичанам Деникин пояснил, что вот так, сразу, присоединять и возвращать в лоно «единой и неделимой» никого не намерен, но у него уже набрался полный сейф жалоб из Абхазии. Причем, извольте видеть, помочь «сбросить с себя нависшее над ними насилие чужой нации» просят решительно все, от бывшего вождя «горцев» князя Александра Шервашидзе до правоверных меньшевиков негрузинского происхождения. В общем, ежели вы, my dear friends, прекратить беспредел не желаете, на то, конечно, ваше право, но кто-то же должен.

Кто виноват

Взывать к совести островитян было, разумеется, пустой тратой времени, но выгоду свою они чуяли за три версты. Появилось дополнение к ультиматуму: если все так, то Сочинский округ следует «нейтрализовать», разместив там английские войска. Или война. Деникин, которому совсем уж переть на рожон было не с руки, такой компромисс принял и приказал двум лихо наступающим ротам притормозить на реке Бзыбь. Но британский выпад парировал красиво. Пользуясь тем, что англичане теперь считали русских отморозками, от которых можно ждать всего, он, ссылаясь на все те же нагромождения официальных прошений из Абхазии, выдал встречное условие: объявить нейтральным и Сухумский округ, «населенный, главным образом, абхазским народом и на владение коим Грузия не имела никаких прав». Естественно, заменив грузинские войска английскими и «возложив поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные». Излишне говорить, что волшебное слово «neutralization» людям Его Величества Георга V пришлось более чем по вкусу. А вот Жордания и его министры занервничали не по-детски. Увести войска и доверить проведение выборов туземцам, еще и под непонятно чьим присмотром, с высочайшей степенью вероятности означало потерять все, нажитое непосильным трудом. Реагировать следовало быстро-быстро. Англичанам было стремглав доложено, что их сведения уже устарели, поскольку «возвращение Абхазии широкой автономии уже намечено и подготовка к этому осуществляется», а в Грузии, до тех пор толерантной по отношению ко всем своим обитателям, кроме разве что армян и чуть-чуть осетин, грянула агрессивная антирусская кампания.

Что пресса начала накачивать «мыслящее общество», понятно. Она и раньше не стеснялась. Однако теперь «многоминутку ненависти» открыто поддерживала дотоле старавшаяся держаться в тени власть. 24 февраля 1919 года вышло постановление о конфискации земли у «подозрительных иностранцев, эксплуатирующих трудящихся земледельцев» (читай, у тех же «трудящихся земледельцев», только русских, поскольку, скажем,

немцы или эстонцы под категорию «подозрительные» не попадали). Затем пошли аресты. В тюрьме оказались активисты Русского национального совета в Тифлисе, тишайшие адвокаты, врачи и даже музыкант, были вычищены из армии почти все русские офицеры, в том числе и отличившиеся на поле боя. А под Пасху, в Великий четверг, правительство приказало опечатать и отобрать у русских прихожан их кафедральный собор, что уже вообще ни под какие «соображения государственной безопасности» не попадало. Не думаю, кстати, что просто удовольствия ради. Наверняка назло Антону Ивановичу. Чтобы знал.

Глава XXV. Хочу всё!

Открытое общество

Хотело того правительство, не хотело ли, а возвращение Абхазии «самой широкой автономии» в этот момент стало вопросом номер один. По счастью, демократия, которая есть процедура, уже тогда предоставляла заинтересованным лицам самый широкий спектр красивых возможностей. Так что закон о выборах не просто соответствовал всем мыслимым нормам, но и зашкаливал. При том, что в остальной Грузии существовали «лишенцы», в «генерал-губернаторстве» право избирать и быть избранными получили все взрослые лица, вне зависимости от пола, национальности, исповедуемой религии и стажа проживания. К участию в выборах были допущены все партии, кроме совсем уж нелегальных большевиков. Никаких ограничений на агитацию не налагалось. За ход подготовки и соблюдение строжайшей законности отвечал сам Чхиквишвили, «чрезвычайный комиссар с неограниченными полномочиями». Правда, реально агитировали только меньшевики, но вины властей в этом не было: оппозиционные депутаты и видные не депутаты, как мы уже знаем, сидели в Метехском замке по обвинению в работе на враждебную Турцию. Более того, незадолго до выборов они были освобождены, кстати, вопреки законодательству Грузии, под прямым нажимом командующего союзными войсками английского генерала Томсона, 5 декабря 1918 года сообщившего Жордания, что правительство Его Величества требует либо предъявить сидельцам обвинения, либо выпустить их. Или же «не сможет признать законность выборов, состоявшихся без реального участия оппозиции». Это, конечно, было актом неприкрытого вмешательства во внутренние дела суверенного государства, но меньшевикам пришлось смириться, видимо, с тихой грустью поминая немцев, которые себе такого не позволяли.

В итоге после выборов, прошедших в идеальном порядке в конце февраля, выяснилось, что из 40 депутатов «третьего» Абхазского Народного Совета (во избежание нежелательных ассоциаций немедленно, едва ли не первым голосованием переименованного в Народный Совет Абхазии) 27 народных избранников полностью

разделяют точку зрения Тифлиса. Причем некоторые из них из Тифлиса совсем недавно и переехали, прельщенные, скорее всего, прелестными видами и здоровым климатом райского уголка. Ну и, конечно, влекомые стремлением развивать демократию. Только им одним и ничем больше. Злые же языки, нашептывающие, что, дескать, главой Совета станет «марионетка Тифлиса» Варлам Шервашидзе, были посрамлены. Он даже не выставил свою кандидатуру. Председателем стал его бывший заместитель и близкий друг Арзакан Эмухвари (если верить воспоминаниям современников, «известный меньшевик, безвольный, бездарный и трусливый»). Правда, как выяснилось, настолько не соответствовавший должности, что вскоре подал в отставку по собственному желанию, уступив место новому, более достойному и опытному избраннику – да-да! – батону Варламу Шервашидзе, а сам пересев в кресло комиссара (премьер-министра). Ошиблись и те, кто пророчил, что, дескать, на первом заседании большинство станет замалчивать «неудобные» вопросы. Совсем наоборот. Исидор Рамишвили, старейший социал-демократ Грузии, человек, в Тифлисе невероятно уважаемый, открывая заседание, так прямо и сказал: «Мы знаем стремления реакционных групп народа к «независимости». Но для этого маленький народ еще не готов, и его могут взять в руки и в рабство поработители, и из этой петли сам народ не сможет освободиться. Мы не похожи на завоевателей, земля здешняя нам не нужна. Мы ищем соратников в борьбе, с которыми мы пойдем вместе к славному великому будущему – социализму». Правда, на следующий день газета «Наше слово», орган меньшевиков, не желая будоражить политически несознательные массы, слегка отредактировала текст, убрав совершенно лишнее слово «реакционных» и вставив «Когда же Абхазия почувствует силу к самостоятельному существованию, тогда наша помощь к осуществлению этого шага за ней обеспечена». Но все равно получилось очень солидно и прогрессивно.

Тем не менее не обошлось без провокаций. Некто Чанба, забывшись, позволил себе заявить, что «интернационализм грузин есть забота только о нуждах грузинского народа, поэтому грузины стараются раздвинуть, расширить границы своей страны. И маленькая Абхазия для этого лакомый кусочек. Мы не против самоуправления грузин и их республики, больше того, мы это приветствуем. А вместе с

тем мы также уважаем себя. Какие бы сладкозвучные слова они ни произносили, сквозь них просвечивает их замысел – держать Абхазию под прицелом». Да, именно так он сказал – и не был ни арестован, ни даже выведен из зала. Потому что «чрезвычайка» кончилась, а свобода слова священна.

Плоды демократии

20 марта 1919 года НСА абсолютным большинством голосов принял долгожданный «Акт об автономии» – коротенький, всего из двух пунктов: «Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузия, как ее автономная единица» и «Для подготовки проекта конституции создать комиссию из депутатов НСА и Учредительного собрания Грузии в равном числе». После чего депутаты опять-таки абсолютным большинством приняли обращения к парламенту Грузии, англичанам и Добрармии насчет того, что «законно избранные власти Абхазии вступили в свои права», – и первая сессия была закрыта. В Тифлисе новость встретили аплодисментами, в британской миссии и ставке Деникина, пожав плечами, приняли к сведению. Как бы то ни было, политес был соблюден. По крайней мере, в бумажном варианте. Жизнь, конечно, вела себя сложнее. Заигравшись в процедурные кошки-мышки, меньшевики не учли очень важные социальные нюансы и в итоге проглядели нехорошую тенденцию: через Абхазию, где до тех пор много веков люди жили бок о бок, то мирясь, то враждуя, но никогда не обращая особого внимания на этнические нюансы, пролегла трещина. Коренные обитатели края, хотя уже и не те, что полвека назад, были слишком традиционным народом, воспринимавшим присущие демократии фокусы как оскорбление всей общности, нанесенное другой общностью. А потому сразу после выборов начался бойкот этническими апсуа мероприятий власти, которую они считали «фиговым листком, сделанным, чтобы показать, что автономия все же существует». Все, хоть как-то от бойкота уклонявшиеся, то есть мегрелы, автоматически заносились в списки врагов или прислужников врага. Попытки же меньшевиков смягчить напряжение и привлечь влиятельных аборигенов к управлению проваливались: так, несмотря на просьбы и даже угрозы, некто Чочуа, авторитетный в народе учитель, категорически отказался выдвинуть свою кандидатуру в депутаты Учредительного собрания Грузии. Помимо всего прочего, резко выросло влияние сидящих в подполье, но весьма активно ведущих работу большевиков. В итоге даже в Тифлисе, даже в парламенте и даже в рядах правящей фракции возникло

мнение, что «реальные интересы грузин и абхазцев требуют немедленной смены односторонней и крайней политики нашего правительства в Абхазии, которая неприемлема для большинства абхазского населения». Правительство, однако, на эти здравые голоса не реагировало. Полагая главным, что претензии со стороны бриттов и деникинцев исчерпаны, оно занималось другими, более, как казалось Жордания, важными и неотложными делами.

Мировая закулиса

Самым-самым главным считалась внешняя политика. В чем-то Ноя Николаевича можно понять: самые солидные международные партнеры, Турция, Германия и Австро-Венгрия, за которыми можно было чувствовать себя, как за Великой Китайской стеной, рухнули ниже нуля, их признание в новой обстановке ничего не стоило, как и признание соседей вроде Армении или Азербайджана. Англичане от признания уклонялись, ни партнерами, ни союзниками, что бы ни писала тифлисская пресса, не были, а были, называя вещи своими именами, оккупантами на территории вассала побежденного врага. Они, правда, обещали когда-нибудь признать, поддержать и посодействовать, но лишь в случае хорошего поведения, а что это такое, решали сами, никому критериев не сообщая. В поисках хоть какой-то альтернативы делегация меньшевиков бродила по кабинетам Версаля, обивая пороги второстепенных клерков, безуспешно просясь на прием к кому-то пусть относительно, но влиятельному, и подавала прошение за прошением о признании Грузии субъектом международного права. Тщетно. Венгрию признали, Польшу признали, Чехословакию признали одной из первых, Финляндию тоже, не отказали и какой-то мутной Албании, а гордые суверенные демократии Кавказа просили подождать до выяснения. Дело было даже не в том, что британцы негласно не рекомендовали спешить, хотя и в этом, конечно, тоже. Главное, всем было интересно, чем кончится в России, и все ждали развязки, понимая, что согласовывать вопросы далеких экзотических уголков придется с победителем схватки титанов, а мнение самих экзотов, в данном случае, роли не играет. Обиднее всего, как писал Гегечкори, было видеть, что «место в планах вершителей судеб нашлось и Армении, но не нам», хотя, если вдуматься, как раз тут ничего странного нет: Армения, в отличие от Грузии, не заявляла о своем нейтралитете и не скрывала готовности и желания принять на себя любую роль в задуманном державами разделе Турции. Как бы то ни было, к марту 1919 года стало ясно: когда Грузия понадобится, ее вызовут, а до тех пор следует делать вид, что Лондон

все-таки не то, что есть, а друг, партнер и союзник, и быть очень-очень послушными.

В этом фарватере и поплыли, что было англичанами отмечено и поощрено. В конце марта, аккуратно после того как глубоко несчастные дипломаты вернулись из недоброго Парижа, меньшевикам было, наконец, дозволено съесть маленькую, мусульманскую, но, как ни странно, очень демократическую Южно-Кавказскую республику со столицей в Карсе, отобравшую у могущественной – в сравнении с собой – соседки изрядные куски «исторических земель» на юге. В Лондоне, подумав, решили, что раз мусульмане, значит, как ни корми, будут смотреть на Стамбул. Правоверные, конечно, сопротивлялись, но против генерала Квинитадзе, вояки царского еще чекана, тем паче, без надежды на англичан, поделаться ничего не могли. Появились подвижки и в смысле Аджарии. Уходить оттуда сэры и пэры пока что не планировали, но намекнули, что после ухода, который когда-нибудь состоится, аппетитный порт будет передан Тифлису. В подтверждение намека князькам из клана Абашидзе – Мемед-бегу, Аслан-бегу, Зиа-бегу и другим бегам, желавшим не уходить под Турцию, где воли не будет, а рулить краем, как отцы и деды, – было позволено выйти из тени и легально агитировать грузин-мусульман за «воссоединение с Матерью-Родиной». Разумеется, «на правах самой широкой автономии». Позже, в конце августа, в Батуме с позволения англичан даже прошел съезд, принявший соответствующее постановление. Такие расклады давали Ною Николаевичу право верить в лучшее, а пока оно не наступило, вплотную заниматься и куда более скучными, но перезревшими внутренними проблемами. Накопилось же их за время независимости, что называется, не приведи Бог никому.

Вопрос вопросов

Социал-демократическая модель, конечно, дело хорошее, но не в кризис, когда инвестиций нет и просить не у кого, к тому же тогда она только обкатывалась. Да и были грузинские лидеры марксистами скорее от ума, всеми прочими деталями организма оставаясь дворянами. В связи с чем к позарез необходимой аграрной реформе решились приступить только теперь, поняв, что еще чуть-чуть, и пропаганда большевистского подполья наберет популярность и во «внутренних» губерниях. Было трудно. Даже имперский закон 1912 года о передаче земли временнообязанным в Грузии еще не был проведен в жизнь. Но трогать частные усадьбы, принадлежащие «бомонду», меньшевикам (сами плоть от плоти «бомонда») было свыше сил. Для начала в ведение «поземельных комитетов» передали казенные угодья и национализированные поместья Дома Романовых, на базе которых предполагалось развивать фермерские хозяйства, способные, как опять же предполагалось, «сделать Грузию любимым курортом, модным духаном и лучшим винным погребом Европы».

Не будучи экономистом, не берусь судить, насколько перспективны были такие планы. Возможно, вполне. Проблема, однако, заключалась в том, что земли было куда меньше, чем желающих ее получить, а распределялась она не только с бюрократическими проволочками (как всегда бывает) и не только с серьезными злоупотреблениями (как везде в таких случаях), но и, что хуже всего, в соответствии с партийными интересами. Грубо говоря, в лояльных, хорошо голосующих за меньшевиков уездах больше, быстрее и в первую очередь, в менее «своих» – не так быстро и не всем, а только наиболее «сочувствующим». А уж в районах «ненадежных», в первую очередь на национальных окраинах, процесс даже не пошел, – притом, что именно там проблема безземелья стояла наиболее остро. Народ, сравнивая, злился. Очень к месту появлялись листовки большевиков, затем их вездесущие агитаторы, – особенно, конечно, там, где Грузия граничила с РСФСР и бурлящим Северным Кавказом. Так что ничего удивительного нет в том, что осенью 1919 года вторично полыхнуло в Горийском и Душетском уездах, ныне

называемых (где как) Южной Осетией или Цхинвальским регионом. Это еще не было «большевистским мятежом», хотя, в отличие от весны 1918-го, большевики активно в нем участвовали. Это не было и «бунтом горных дикарей против культурного государства», хотя некий этнический элемент, конечно, угадывается. Это было в основном обычное, стихийное и заранее обреченное восстание крестьян, увидевших, что кому-то землю дают, а их обходят. Вот только люди, стоявшие у власти, были уже не светлоглазыми романтиками образца первых послереволюционных месяцев, и подавили выступления куда жестче, чем полтора годами ранее. Хотя без особой, специальной жестокости, с довольно умеренным количеством жертв, главным образом, убитыми в стычках. Кое-кто из очевидцев даже извлек уроки. «Уверен, – писал в Тифлис сразу после событий Чермен Кокоев, горийский осетин, правоверный меньшевик и член уездного поземельного комитета, – что необходимо безотлагательно выделить до сотни наделов и предоставить их местным жителям. Это успокоит остальных и поможет нам в создании местной милиции, которая могла бы обеспечить порядок, не раздражая массы населения, сегодня предубежденные против правительства». Докладная дошла по назначению, видимо, была прочитана и осела в архиве без резолюции. Партийный принцип «сначала – своим» сработал четко и беспощадно. Схема распределения земли не изменилась, а соответственно не разрядилась и обстановка.

Ва-банк

Однако главной головной болью меньшевиков, куда большей, чем «осетинские» регионы, пожалуй, даже большей, нежели Абхазия, где все было очень не в порядке, оставался Сочинский округ, «незаконно аннексированный» деникинцами. Земли Закубанья меньшевикам очень нравились, они за короткое время обладания успели к ним привыкнуть, – и было обидно. Хотелось реванша. Тем паче, что Добрармия как раз разворачивалась на Москву и на берегах «демаркационной» Бзыби оставалась лишь пара белых рот неполного состава и не самого лучшего качества, а побережье кишмя-кишело мелкими бандами самых разных цветов, от «зеленых» и «красных» до «черных» и вообще непонятно каких, но воюющих против добровольцев и казаков. Правда, округ был «нейтрализован» англичанами, но те, судя по дальнейшим событиям, тоже не прочь были щелкнуть по носу не в меру нахального русского генерала, параллельно отхватив побольше земли на случай, если он все же победит. Во всяком случае, версия о том, что 12 апреля 1919 года грузинская армия отняла у добровольцев Гагры, «обойдя английские посты на Бзыби», на мой взгляд, звучит не слишком убедительно: без кивка генерала Томсона меньшевики вряд ли рискнули бы пальцем шевельнуть. Но так или этак, а после тяжелого боя с четырьмя внезапно ударившими по городу батальонами (до тысячи штыков) гагринский гарнизон, потеряв убитыми 29 человек (четверть личного состава), отошел на север, преследуемый торжествующими победителями и примыкающими к ним разноцветными партизанами. «Второй Северный поход» успешно развивался полторы недели, до тех пор, пока на реке Мехадыр грузинские войска не столкнулись нос к носу с отрядом добровольцев, посланным разрулить ситуацию. Дальнейшее темно и непонятно. Исследователи, занимавшиеся этим вопросом, называют разное число сражений и стычек, но все сходятся в том, что «потерь при отступлении экспедиционный корпус народной Гвардии не понес», а наступление деникинцев было остановлено «после резкого демарша англичан, вновь пригрозивших белым бомбардировкой с моря». Трактовать эти данные всякий волен, как

душа пожелает, но то, что после британского вмешательства «окончательная демаркационная линия была установлена чуть севернее Гагр, по реке Псоу, примерно там же, где сейчас граница», – бесспорный факт.

Блеф

Есть, однако, еще один нюанс. Признаюсь, я не слишком восторженного мнения об умственных качествах лидеров «Первой Республики». Глядя на события с почти вековой дистанции, когда многое известно и складывается в единую картину, оценивать их иначе, чем на «посредственно с минусом», собственно, невозможно. И тем не менее, и Ной Николаевич, и Евгений Петрович, и другие «отцы независимости» были искушенными в интригах профессиональными политиками, людьми, в основном, с образованием выше гимназического. Логику, во всяком случае, изучали. Логика же в сложившейся ситуации подсказывала только одно: после облома со «Вторым Северным» засесть за проведенной бриттами чертой и сидеть там тихо, как мышки, решая внутренние вопросы и выжидая, чем завершатся события на севере. В конце концов, даже победы Деникин полностью и окончательно, никто бы не развернулся брать Тифлис и вешать меньшевиков за что-нибудь. Ибо власть в России оказалась бы не в твердых генеральских руках, а у массы разнообразных политиков, путешествовавших в обозах многочисленных белых армий. Иного варианта не допустила бы Антанта. А соответственно, и судьба «Единой и Неделимой», и судьбы мелких окраинных новообразований решались бы путем парламентских дебатов, с непременно привлечением западных экспертов, юристов, заслушивания доводов и аргументов, в рамках кулуарных консультаций, закрытых переговоров и международных конференций. У Грузии, да и не только у нее, таким образом, был шанс, и шанс вовсе не иллюзорный. Случись же наоборот и опрокинь красные Добрармию, в этом, по крайней мере, не было бы вины Тифлиса. А уповать все равно оставалось бы только на англичан.

В любом случае естественнее всего было не отсвечивать. Однако отказаться от заветного проекта «Грузия по Ингороква» тифлисские мечтатели были решительно неспособны. Устраивать «Третий Северный», правда, поостереглись, но в прямом вмешательстве нужды не было: летом на всем побережье от Анапы до Адлера развернулась «лесная война» против деникинцев, и в эту-то мутную водичку

меньшевики даже не влезли, а нырнули с головой, благо контакты с «лесовиками» установились еще в апреле. Стараясь избежать лишнего шума, Грузия сделала все, чтобы организовать рыхлую массу партизан, сгладить «идейные» противоречия и сформировать некую единую – или, по крайней мере, координирующую свои действия – «красно-зеленую» силу. Постановив рассматривать повстанцев, как «борцов за дело социализма и против контрреволюции», Тифлис по закрытым каналам выделял повстанцам значительные суммы денег, наладил поставки оружия и боеприпасов. В Гаграх расположился «центральный штаб народного сопротивления» и «лагеря беженцев», где партизаны могли, ежели что, пересидеть. С лидерами «лесовиков» общались официальные лица, пусть и не очень высокого уровня, обещая походатайствовать перед Великобританией, которую якобы представляли, насчет все той же, казалось бы, прочно забытой «Южной республики». Разумеется, под протекторатом Тифлиса, но, как всегда, «на правах самой широкой автономии». При этом, по секрету от тех, кого приручили, официальные лица рангом повыше время от времени закидывали удочки Деникину, предлагая «прекратить вынужденные контакты с бандитами» и выдать их вожakov в обмен на признание «законных прав Грузии» на часть побережья. Можно даже без Туапсе, но обязательно включая Сочи.

Смена вех

Игра была острая, на грани. Англичане, естественно, бывшие в курсе, какое-то время наблюдали за развитием сюжета с интересом, но после провала Московского похода велели меньшевикам тормозить. Те, как положено, подчинились. Однако было поздно: неудача деникинцев способствовала росту партизанского влияния, осенью 1919 года повстанцы, нарастившие силы до 15 тысяч бойцов, захватили большую часть побережья от Псоу до Новороссийска и перерезали основные коммуникации, что в итоге предопределило окончательный крах Добрармии. Параллельно, еще до «новороссийской трагедии», начались попытки большевиков, ранее Тифлис вообще не замечавших, выйти на контакт. Сперва, примерно с конца октября, на личном уровне, благо кавказские революционеры, независимо от политической ориентации, знали друг друга много лет, а затем и вполне официально. 24 декабря 1919 года Совнарком РСФСР направил меньшевикам формальное предложение признать Грузию, если она окажет «действенную помощь в борьбе с контрреволюцией».

Это был цугцванг. С одной стороны, меньшевики большевиков боялись и не хотели бы иметь с ними никаких дел. С другой – после парижских унижений, вспоминать о которых было все еще больно, предложение звучало заманчиво: Россия, Советская или нет, оставалась великой державой, во всяком случае, по сравнению с Грузией, а ее официальное признание могло бы, как прикидывали тифлисские министры, снять многие проблемы. Как минимум, насчет большевиков в Абхазии, Гори и Душети, – против приказа из Кремля те не пикнули бы. Конечно, признание Лондона было бы куда предпочтительнее. Но Лондон не собирался спешить. А когда позиция кабинета Его Величества как-то прояснилась, то не в лучшем виде. «С точки зрения правительства, – доложил 24 декабря палате общин министр иностранных дел лорд Керзон, – необходимо продолжать воздерживаться от признания независимости Грузии и Азербайджана до тех пор, пока не определится окончательно положение генерала Деникина». Окончательная ясность пришла очень скоро. В январе уже было понятно, что Москва приняла решение всерьез заняться

Кавказом и имеет для этого все возможности (не в последнюю очередь, благодаря грузинам), а палата общин, наоборот, требует свертывать затянувшуюся, не сулящую перспектив и утратившую популярность операцию и, несомненно, добьется своего. Ясно стало и что никакого «красно-зеленого» буфера на севере не будет: кто бы из взрослых ни победил, шпану съедят, а вот рикошет по спонсорам может оказаться болезненным. Чего хочется, а чего нет лидерам меньшевиков, значило в таких условиях немного. Уже в марте, отвечая на запрос Ленина и Троцкого, не выступят ли грузины в поддержку мусаватистов, Сталин, курировавший в Политбюро кавказское направление, уверенно ответил: «Грузины не опасны, если твердо обещаем нейтралитет». Несколько дней спустя начались переговоры.

Глава XXVI. По всей строгости

Девушка с приданым

Последний год второго десятилетия XX века начинался достаточно нервно, но не тревожно. Главной целью грузинской дипломатии, ввиду начавшихся пока еще совсем «теневых» контактов с Москвой, было во что бы то ни стало найти хоть какого-то надежного спонсора и покровителя в Европе или за океаном (впрочем, на японцев в этом плане тоже выходили, предлагая стать «форпостом микадо на Черном море»). Кое-что получалось. 12 января 1920 года Верховный Совет Парижской мирной конференции принял решение признать, что Грузия все-таки есть, и нанести ее очертания на карту, а также «поставить в повестку дня вопрос об изучении вопроса о рекомендациях по вопросу признания ходатайствующей стороны *de facto*». Это, как полагает «группа Вачнадзе», «был большой успех международного значения». Спорить не рискну. В Лигу Наций, правда, не приняли, требуя сперва уладить территориальные споры с Арменией, в том числе и насчет батумского порта (Ереван требовал сделать там СЭЗ, англичане сие всемерно поддерживали, но грузинам такой вариант совершенно не нравился – делиться, да еще и под лондонским контролем, было жалко).

Но тут не было бы счастья, да несчастье помогло. О Лиге, конечно, на время пришлось забыть, однако болезненный «батумский» вопрос решился на диво удачно. Аджарский клан Абашидзе, уже успевший переубедить всех тамошних оппонентов, твердо стоял на позициях «возвращения в лоно». Естественно, на условиях получения твердых гарантий. «Утерянную Родину» глава клана Мемед-бег, конечно, любил, но не забывал и о грешной земле. При османах Абашидзе по традиции были «султанчиками», но кемалисты старые правила ломали до основания, так что Турция патриотического бега не устраивала. Не устраивало и продление британского присутствия: сэры и пэры видели в местной знати еле-еле экзотику, уважительно пожимали руки, но к рулю и, главное, доходам от порта не подпускали. Лучше всего, конечно, была бы независимость, но о такой роскоши не приходилось и мечтать. А коль скоро так, оставалось только как бы подчиниться Тифлису. При полном, конечно, непротивлении сторон.

После того как 14 января меньшевики официально подтвердили, что «мусульманская Грузия получит самую широкую автономию», дело можно было считать сделанным. 19 марта 1920 года, собрав в Батуми огромный митинг, Мемед-бег Абашидзе открыто заявил державам, что «мусульманская Грузия примет все меры для защиты своего права быть автономной в составе Родины». И не просто примет, но и «найдет в этом деле могучих союзников». Намек на кемалистов был так прозрачен, что Лондон отказался от идеи «свободной зоны»: сами сэры и пэры воевать не хотели, а чужими руками на сей раз никак не получалось, – за пять лет устали все. Вопрос о «свободной зоне» сняли с повестки дня, решив, что лучше уж ломать руки культурным грузинам, чем рисковать. Тем не менее ключевым – ибо близким и жизненно важным – направлением политики Тифлиса оставались переговоры с Россией. По сути, в идеале их стоило бы вести вечно, ничего при этом не подписывая, но Кремль на такие уловки сам был горазд. Мир с Грузией ему в этот момент был нужен, и в аргументах стесняться никто «за стеной» не собирался. Тем паче что аргументы были весомые. В первую очередь, конечно, «осетинский».

Искусство спора

Среди народов Кавказа осетины, что не секрет, исключение. Так есть нынче, так было и тогда. Они ни разу за все время гражданской войны не поднимали вопроса о независимости и не ударялись в рассуждения о «проклятой русне». Даже не по соображениям высокой морали – учитывая специфику окружения, без России они бы просто не выжили. Правда, в боевом 18-м и не менее боевом 19-м их формирования сражались, в основном, на стороне белых. Но после победы большевиков им по вполне понятным причинам оставалось только покраснеть. В «грузинской» же Осетии в это время «большевик» означало, в первую очередь, «враг меньшевиков», что автоматически означало «враг Тифлиса». А таковых, как мы уже знаем, среди осетин было абсолютное большинство. Дожимая грузинские власти до кондиции, Кремль этим пользовался без всяких сантиментов, и с точки зрения политического прагматизма был абсолютно в своем праве. «Группа Вачнадзе», правда, предпочитает говорить о «стремлении России расчленить Грузию», но уважаемые коллеги, к сожалению, склонны видеть такие «стремления» решительно во всем, то ли не понимая, то ли делая вид, что не понимают элементарных вещей.

Во-первых, РСФСР ни разу не озвучивала никаких территориальных претензий и, как государство, не несла формальной ответственности за чьи-то безответственные выступления. Во-вторых, Москва не имела перед Тифлисом никаких обязательств, более того, они были врагами, а на войне все средства хороши (та же Германия в годы Великой Войны держала на пайке «Комитет спасения Грузии»). И, наконец, коллеге Вачнадзе со товарищи, все же историкам, да еще со степенями, не худо было бы чуть лучше понимать специфику времени и рамки допустимого: скажем, «европейская» Польша аккурат в 1920-м творила с «европейской» же Литвой примерно то же, что «русские варвары» с грузинами, – при полном непротивлении Большой Европы. Короче, в конце января 1920 года внезапно – конечно, во Владикавказе, – заявил о себе Юго-Осетинский Окружком РКП(б), а спустя два месяца Кавказский Краевой комитет РКП(б) принял

решение об организации Юго-Осетинского ревкома, – и переговоры пошли куда быстрее. Правда, в самом начале мая грузины слегка заартачились (им – и я их понимаю – не хотелось легализовать у себя большевиков, на чем категорически настаивал Кремль), но на всякое действие есть противодействие. 6 мая Юго-Осетинский ревком принял решение: «...подчиняясь приказу Кавказского краевого комитета, признаем необходимым объявить Советскую власть, пока в Рокском районе, закрыть ущелье... присоединиться к РСФСР... о чем известить Москву и демократическую Грузию», после чего Жордания приказал немедленно подписывать все, что скажут, и утром 7 мая договор, наконец, был подписан. Россия признала Грузию, причем, что было очень важно для Тифлиса, согласившись считать Абхазию ее частью, и обязалась не вмешиваться во внутренние дела соседа. Грузия, со своей стороны, признав РСФСР, обязалась вывести со своей территории английские войска (обычная формальность, все понимали, что не от нее это зависит) и – главное – все же выпустить «своих» большевиков из подполья.

Пацаны

В сущности, на этом «осетинский гамбит» можно было сворачивать, тем паче что Баку мимоходом уже советизировали, а на западных и южных границах Советской России назревали серьезные неприятности: обострилась обстановка на польской границе, пришло второе дыхание к вдохновленным Врангелем добровольцам. В таком раскладе Грузия в планы, во всяком случае первоочередные, не входила. Насколько можно судить, Кремль, избытком «буржуазной морали» неотягощенный, но «революционную целесообразность» уважавший, попытался приостановить развитие событий до лучших времен. Но втиснуть шампанское обратно в бутылку не под силу даже верным ленинцам. Практически все лидеры почти стартовавшего мятежа были большевиками «свеженькими», к партийной дисциплине не привыкшими (а то и вовсе записаны в большевики посмертно, – недаром же сведений о них нет даже у всезнающего Гугля). Их сторонники, в основном малограмотные крестьяне, тем более считали себя вольными людьми. Особенно в Рокском ущелье, где потихоньку постреливали еще с марта 1918-го и власть Тифлиса была, скорее, номинальной. Добавляли масла в огонь и беженцы, ушедшие на север после прошлогоднего мятежа, которых «кровные братья» из-за хребта, грезя «единой Советской Осетией», изо всех сил подгоняли и воодушевляли, обещая подсобить. 28 мая в Москву полетел «Меморандум трудовой Южной Осетии», озвучивший стремление Южной Осетии войти «в состав Советской России на общем основании НЕПОСРЕДСТВЕННО», – и после этого, не ожидая никаких разрешений, из Владикавказа на юг выступила бригада добровольцев (около 1000 штыков), сформированная в основном из тех самых беженцев. Во главе с атаманом Гагловым, – кстати, дедушкой милой девочки, когда-то бывшей пресс-секретарем нынешнего президента Грузии.

6 июня не очень крупные (хватало только на повстанцев) части меньшевиков были разбиты около Джавы, еще два дня спустя, заняв Цхинвали, южноосетинский ревком провозгласил советскую власть «от Они до Душета». То есть на всей «осетинской» территории Шида

Картли. Дальнейшие события «группа Вачнадзе» излагает весьма лаконично: «части регулярной грузинской армии и Грузинской народной гвардии подавили вооруженное восстание осетинских сепаратистов. В проведении успешных военных операций отличился начальник главного штаба Народной гвардии Валико Джугели». Коротко и ясно. Однако в данном случае простота хуже воровства. Все было куда сложнее. Сразу после падения Цхинвали грузинское правительство запросило Москву, как все это следует понимать, а получив естественный ответ типа «А мы-то тут при чем? Ваши внутренние дела...», начало решать проблему. Восставших официально объявили «врагами всего грузинского народа и виновниками всех бед Грузии», и в ночь на 12 июня в бунтующие уезды вошла карательная экспедиция во главе с начштаба Народной гвардии Валико Джугели, позже подкрепленная армейскими частями полковника Чхеидзе.

Страстная неделя

На сей раз, в отличие от марта 1918 и октября 1919 годов, грузины шли не усмирять, а карать. Между прочим, в чем-то понять их можно: повстанцы, как и всякие взбунтовавшиеся крестьяне, гуманизмом по отношению к грузинам, особенно замеченным в подавлении предыдущих мятежей, не отличались (хотя до смертоубийств дело доходило редко). Ответ, однако, получился, как ныне модно говорить, непропорциональный, главным свидетелем чего, как ни странно, стал сам Валико Джугели, в том же году опубликовавший мемуар «Тяжелый крест. Записки народногвардейца», отрывки из которого были мгновенно и с удовольствием расхватаны на цитаты большевиками (например, Троцким в труде «Между империализмом и революцией»), да и сейчас считающиеся тяжелой артиллерией в осетино-грузинских дискуссиях. «Враг всюду в беспорядке бежит, почти не сопротивляясь. Этих изменников надо жестоко наказать», – пишет талантливый журналист, волей судьбы ставший alter ego другого знаменитого социал-демократа, Густава Носке, «кровавой собаки» германской революции. В тот же день – новая запись: «Рано утром Цхинвал взят нашими... У нас почти нет потерь. Но среди гвардейцев страшное раздражение против неусыпных наших врагов, и потому уже сгорело несколько домов. Теперь ночь. Всюду видны огни. Это горят дома повстанцев. Но я уже привык и смотрю на это почти спокойно». Назавтра: «Всюду вокруг нас горят осетинские деревни... В интересах борющегося рабочего класса, в интересах грядущего социализма мы будем жестоки. Да, будем. Я со спокойной душой и чистой совестью смотрю на пепелище и клубы дыма... Я совершенно спокоен. Да, спокоен». Следующим утром: «Горят огни... Дома горят... С огнем и мечом...». Ближе к ночи: «А огни горят, горят, горят...». Ночью: «Теперь всюду огни... Горят и горят... Какая-то страшная, жестокая и феерическая красота... И, озираясь на эти ночные яркие огни, один старый товарищ печально сказал мне: «Я начинаю понимать Нерона и великий пожар Рима». На все про все карателям понадобилось менее десяти дней. 20 июня поставили к стенке 13 арестованных вожаков мятежа, «правительство Советской

Южной Осетии» в почти полном составе. Но война, в конце концов, везде и всегда война. Главная беда заключалась в том, что, хотя власти в выражениях не стеснялись, все их приказы и декларации относились только к «мятежникам, стремящимся силой оружия» и так далее. Прогрессивная же тифлисская общественность, привычно взвинчиваемая свободной прессой, требовала совсем иного. Как минимум, по выражению ведущего политического обозревателя влиятельной газеты «Эртоба» (20 июня), «полной и окончательной расправы с изменниками, ядовитыми змеями с их детенышами, которые должны быть поголовно уничтожены».

Особенно усердствовали те, кому не нравился сам факт заключения договора с большевиками. А таких было немало, и что бы ни имел в виду сам Жордания, он, как лидер демократического, дорожающего симпатиями электората правительства, не мог не идти в заданном «бомондом» фарватере. Поголовно, правда, не получилось. Но практически все села региона были сожжены, очень много (по разным источникам, от 3 до 5 тысяч людей, в том числе детей и женщин), тысячные толпы беженцев хлынули через перевалы. В понимании «группы Вачнадзе» это называется «Россия была вынуждена временно отступить». Согласно трактовкам «идейных» осетинских историков случился «геноцид». Так вот, геноцида, безусловно, не было. Ни Жордания в столице, ни Джугели на месте событий не ставили целью уничтожить осетин, как этнос. Однако осетинам от этого легче не было. Можно, конечно, не принимать в расчет мнение Филиппа Махарадзе: «Кара обрушилась не только на джавских осетин, поднявших восстание, но и на все осетинское население Грузии. Вообще все осетины объявлены вне закона, признаны врагами грузинского народа, над ними производятся всевозможные насилия, побои, оскорбления, избиения, вплоть до насильственного изгнания». В конце концов, Филипп Иессеевич, один из лидеров грузинских большевиков, может быть и субъективен. Но вот в объективности Григория Свирского, никак ни той, ни другой стороне не сочувствующего, а всего лишь изумленного увиденным, сомневаться не приходится. Его рассказ, 40 лет спустя записанный Бенедиктом Сарновым, – всего лишь беглая, без всякого намека на политику путевая зарисовка постороннего человека, – свидетельствует

о такой ненависти осетин к грузинам, что читать даже несколько жутковато.

В кольцо врагов

Насколько можно судить (мне, во всяком случае, представляется так), именно с этого момента, а вовсе не изначально, как пытаются изображать некоторые российские исследователи, режим «Первой Республики» превращается из классической, хотя и не лишенной флера милой экзотики социал-демократии в нечто, очень похожее на еще неизвестный миру национал-социализм. Схватка лондонских бородачей с бородачом из Тифлиса завершилась нокаутом в пользу Ильи Григорьевича. Все неурядицы, все ошибки и неудачи с этого момента начали приписываться проискам врагов, которые везде и озабочены исключительно тем, как лучше навредить «миролюбивой и демократической Грузии». Русские (белые) были виноваты в том, что не согласились отдать «исторически грузинские» Сочи и Туапсе, и русские же (красные) в том, что осетины бунтуют и требуют каких-то особых прав. Осетины в том, что вынудили подписать договор с русскими. Немцы, доннерветтер, просрали войну. Англичане не хотят признавать. Турки отняли «исторически грузинские» земли, а теперь это святое наследство за так досталось азербайджанцам, которые, ясное дело, тоже виноваты. На армянах вообще столько грехов, что перечислять придется годы и годы. Про «диких апсуйцев» и говорить не приходится, тут всем все ясно.

Короче говоря, дает метастазы заложенная за полвека до того и усугубленная непомерными амбициями болезнь. Та, которую Ричард Беховер, тогда же выпустивший в Лондоне книгу «В деникинской России» (где, к слову сказать, не щадит никого, а если кому-то и симпатизирует, то именно меньшевикам), определяет, как «классический пример превосходящего всякие пределы шовинизма малой нации». При этом специально поясняя, что диагноз относится «и к захватам территории вне своих пределов, и к бюрократической тирании внутри государства». Раньше, в 1918—1919-м, этого хотя бы официально стеснялись, в середине 1920 года такая идеология стала фактически официальной; власти начали руководствоваться ею, не сознавая, что тем самым расшатывают под собой и без того не слишком прочный табурет. Даже слово «автономия» становится

сродни ругательству, и при этом под раздачу попадают не только «тайные враги» и «агентура тайных врагов», но уже даже свои в доску.

После 8 июля, когда англичане наконец-то эвакуируют Аджарию и грузинские войска занимают Батум, Тифлис напрочь забывает о гарантиях «самой широкой автономии грузинским мусульманам» и категорически отказывается вспоминать, игнорируя изумление Мемедбега. Типа, вам, правоверные, посещать мечеть никто не запрещает, так какие вопросы? А вопросы были. «После восстановления в Аджарии юрисдикции Грузии, – аккуратно описывает ситуацию «группа Вачнадзе», – из-за ошибок, допущенных центральной властью, силы прогрузинской ориентации продолжали работать в неблагоприятных условиях». То есть до воссоединения стремились воссоединиться, а как только воссоединились, настроения резко изменились: все, что было наработано кланом Абашидзе – в результате очевидного обмана со стороны Тифлиса, – сошло на нет, а общественные симпатии качнулись в сторону Турции. Между прочим, опасно усиливающейся Турции Кемаля, а не умирающего султаната.

Восстание ликанов

Насчет Абхазии и говорить нечего. Угробив массу сил на превращение «самой широкой автономии» в ширму и таки многого добившись, Ной Николаевич вместо того, чтобы как можно скорее оформить достигнутое юридически, начал тормозить процесс, уничтожая собственные достижения. Три проекта «автономной» конституции, один другого краше и удобнее, зависли без рассмотрения. Если в Сухуми кто-то позволял себе заговаривать на эту тему, из столицы приезжали суровые люди и объясняли унтерменшам, с какого дуба они слезли. Объясняли столь конкретно, что под конец обиделся даже на все заранее согласный, совсем ручной Варлам Шервашидзе, жалобно заявивший на одном из заседаний Совета, что «отношения между Грузией и Абхазией до сих пор не оформлены, а следовательно, юридически не обязательны для обеих сторон и что около трех лет народ Абхазии ждет Конституции». На бедолагу даже не соизволили цыкнуть. Зато развернули программу «патриотической национализации» региона, интенсивно внедряя грузинский язык в школах, больницах и административных органах сверху донизу, разъяснив, что «граждане Грузии все грузины и должны общаться на государственном языке». Для несогласных – сперва без ведома Совета, а затем и вопреки его категорическому протесту, – прямым распоряжением из Тифлиса учредили «военно-чрезвычайный суд», действовавший на основании «особого порядка» и всего за полгода приговоривший к разным видам наказания 129 горлопанов. В том числе 20 – к расстрелу. Собственно, режим был круче, чем во времена «генерал-губернаторства». Тогда, по крайней мере, не отрицалось, что «самая широкая автономия» когда-нибудь, после окончательного сокрушения всех врагов, все-таки будет. Теперь не было и этого. Когда в ноябре делегация Народного Совета прибыла в Тифлис, надеясь, как предполагалось по закону, «на паритетных с делегатами Учредительного собрания началах» приступить к разработке конституции Абхазии, правительство Грузии наотрез отказало абхазам (дрессированным и лояльным по самое не могу) в их совершенно естественном праве. Правда, объяснив, что в Тифлисе достаточно

квалифицированных юристов, которые уже почти подготовили окончательный вариант «Положения об автономном управлении Абхазией», а доверять такое важное дело невесть кому никак не возможно. После чего взбесились даже самые дрессированные, ручные, прикормленные и послушные, включая даже большинство приезжих «тифлисцев», 4 января 1921 года заслушавших и утвердивших вариант конституции, проигнорированный боссами. Между прочим, инициировал обсуждение батона Варлама (!!!), и добавить к этому нечего.

Дары волков

На люди сор из сакли, однако, хватало ума не выносить. Напротив, проявив чудеса ума и политеса, в середине года сумели заполучить в гости (посмотреть на «единственный в мире уголок окончательно победившего демократического социализма») солидную делегацию крайне авторитетных и влиятельных европейских социал-демократов уровня Карла Каутского, «тени Энгельса», и Рамсея Макдональда, идола всемогущих британских тред-юнионов. В грязь лицом, естественно, не ударили, в проблемные уезды, разумеется, не возили, и результат оказался таким, какого ждали. Вернувшись из Тифлиса в полном восторге, господа демократы нажали на все имеющиеся рычаги. А рычагов было немало. В Лигу Наций, как ни старались, пробиться все же не удалось – из-за сложностей с Лондоном 16 декабря, при голосовании, «за» высказалось 10 из 24 участников при необходимом минимуме две трети. Тем не менее к концу года, кроме РСФСР, независимость Грузии в той или иной форме признали многие. Франция, Италия, Великобритания, веймарская Германия, кемалистская Турция, Япония, Бельгия, Австрия, Чехословакия, Польша, Аргентина и, разумеется, Никарагуа. А 27 января на заседании глав правительств государств Антанты Грузия была признана и *de jure*, – при особом мнении сэров и пэров, решивших «отложить решение на определенный срок», и янки, от обсуждения вопроса вообще уклонившихся. В отличие от кумиров евросоциализма Лондон и Вашингтон, как всегда, считали не на два хода вперед.

Глава XXVII. Всадники апокалипсиса

По Иордану, было так: когда в Великую Готию вторглись гунны, перед решающей схваткой вожди, дабы не лить лишнюю кровь, договорились решить дело поединком. Ежели победит кениг Винитар, значит, восточные люди пройдут сквозь Готию мирно, а если Тэнгри дарует победу шаньюю Баламберу, западные люди уйдут искать удачи на закате, оставив причерноморские степи новым хозяевам. Справедливо, да. И выехал гот, спешился и встал спиной к строю. Щит, секира за плечом, меч в руке, шлем с перьями, все, короче, как положено. И выехал гунн. Но спешиваться не стал. А выпустил быструю стрелу в глаз готу – и вернулся обратно под бунчук. И даже через три века после того, и даже в визиготской Испании пели готские девы печальные песни про храброго Винитара, подло убитого не знающим чести диким азиатом. Фишка, однако, в том, что гуннских песен мы не знаем, а своими историками они не успели обзавестись. Иначе, несомненно, была бы у нас и альтернативная версия – про отважного и меткого Баламбера, по всем правилам степного поединка одолевшего идиота-варвара, не только зачем-то спешившегося, но и даже не пытавшегося уклониться от стрелы, чем, как всем известно, с детства учат любого мальчишку. На чему с гуннами и готами покончим, а мораль сей поучительной были в том, что если игроки, вступая в игру, играют каждый по своим правилам, то этого нельзя не учитывать, анализируя причины удара канделябром по голове. Вполне может статься, что ударивший вовсе не виноват, а даже предупреждал и возможности такой комбинации заранее. Из чего и будем исходить...

Диссида

Вопрос вопросов, о который ломаются копья в многочисленных дискуссиях на тему событий 1921 года, звучит так: что это было – *гражданская война*, в ходе которой одна из сторон обратилась за помощью к сопредельной державе, или *захват, оккупация и аннексия* Грузии этой сопредельной державой? Мнение грузинских историков, политиков, да и большинства населения вполне конкретно: безусловно, захват и оккупация. Однако далеко не все так просто. Сводя воедино все формулировки, объясняющие понятие «гражданская война», на выходе получаем «вооруженный конфликт между организованными группами внутри одного государства либо между одной или несколькими нациями, входящими в состав данного государства. Целью сторон, как правило, является захват власти в стране или в отдельном регионе, достижение независимости региона или изменение политики правительства, в том числе и путем его замены на другое. Обязательными признаками гражданской войны, в отличие от антиколониального движения, является участие в нем с обеих сторон полноправных граждан данного государства, в отличие от верхушечного переворота, участие широких масс населения, а также, во всех случаях, – наличие элементов государственной военно-политической машины у обеих воюющих сторон и общенациональный размах событий».

Думаю, даже самые яростные патриоты Сакартвело не станут отрицать: как минимум, один из этих обязательных признаков в 1921-м, безусловно, присутствовал. Гражданами Грузии, согласно «Акту о независимости», являлись все лица, проживавшие на ее территории к моменту провозглашения независимости, без различия этноса, религии и пола. Независимо даже от того, считали ли они себя таковыми. Особенно в Абхазии. Были, правда, и категории «лишенцев», но это означает лишь появление еще одного мотива гражданского противостояния. И, мягко говоря, далеко не все граждане были довольны правительством. Напротив, недовольство уже к середине 1920 года наблюдалось во всех регионах Грузии, кроме «безусловных». Там, впрочем, тоже было не совсем хорошо, но все-таки за грань не

зашкаливало. Кое-где, как в Абхазии и «осетинских» регионах, партизанское движение, хотя и слегка приглушенное репрессиями, не затихало ни на день, кое-где, как в Борчалу/Лорети, партизан не было, но раздражение армян (а после начала отчуждения земель у «подозрительных» – и русских фермеров) политикой меньшевиков нарастало опять-таки не по дням, а по часам. В рекордные сроки завоевал крайнюю непопулярность Тифлис и в Батуме с округой, где все гарантии «широкой автономии» были похерены, а местная элита оттеснена от реальной политической власти. «Положение в самой Грузии, – докладывал Кремлю тов. Орджоникидзе 12 декабря 1920 года, уговаривая старших «не миндальничать», – таково, что без особого труда мы с ней покончим: восстания в Борчалинском уезде, Абхазии, Аджарии, Душетском уезде будут проведены». Иными словами, практически на всех «этнических» окраинах ГДР (примерно треть территории) имелись все признаки «холодной» гражданской войны. А также и предпосылки для ее перерастания в «горячую» стадию. Плюс ко всему, уже к середине 1920 года все эти «протестные точки» в основном контролировались большевиками (где-то полностью, где-то, как в Абхазии и даже Аджарии, на основе сближения, хотя и в разных формах, с иными, ранее ведущими, но ослабевшими оппозиционными силами). А что большевики при этом находились в глубоком подполье (или в лесах), особой – вернее, никакой – роли не играло. Скорее, шло им на пользу. Как непримиримым противникам режима.

Близнецы

Что касается известного (и, пожалуй, самого ударного) тезиса противников версии «гражданская война», сводящегося к тому, что, дескать, РСДРП(б) была «партией иностранной», а следовательно, «подрывная деятельность большевиков была всего лишь иностранным вмешательством, игрой на второстепенных противоречиях и искусственным разжиганием конфликтов», то здесь самое время вспомнить о гуннах и готах. Игра шла по разным правилам. Меньшевики, в сущности, выступали запоздалыми наследниками французских революционеров, ломавших и *jus*, и *tradition* феодального мира в интересах «нации, которая должна стать всем» и желательно везде. Большевики же, отнюдь того не скрывая, более того, говоря о том во всеуслышание, заявляли, что намерены ломать *jus* и *tradition* «национальных государств» в интересах «государств нового типа», основанных на приоритете интересов «класса». Или, – как вариант и на первом этапе, – «угнетенных масс». Это не оправдание. Это всего лишь констатация. Но констатация, исключая рассуждения о каких-либо «нарушениях международного права», поскольку, повторяю, подходы были принципиально, гунно-готски, различны. Тем паче что и «уничтожение» чьей бы то ни было «национальной государственности» в программе большевиков вовсе не значилось. Напротив, они готовы были территорию бывшей Империи, единством которой не дорожили, ущемляя при этом интересы русского народа, которого побаивались, дробить до бесконечности, – при единственном условии, что возникающие «национальные государства» будут «советизированы». То есть тоже станут «государствами нового типа». А уж войдут ли они непосредственно в РСФСР или в союз с ней, опять-таки было не суть важно, – РСДРП(б), как партия интернациональная, стояла выше таких даже не второстепенных с ее точки зрения частных.

Зато приходится отметить, что речь идет о противостоянии не «демократии и диктатуры», а двух диктатур, одной (меньшевики) старого типа и другой (большевики) нового. Методы при этом были примерно одинаковы. Большевики, как известно, стартовали в

реальную власть, расстреляв январские демонстрации рабочих в Петрограде, а позже «огнем и мечом» искореняли все, что считали контрреволюцией и «буржуазным национализмом», не останавливаясь перед вторжением в самопровозглашенные «национальные государства». Меншевики сделали то же самое месяцем позже, в первый же день работы Закавказского Сейма, когда «Чхеидзе держал речь под аккомпанемент ружей и пулеметов, трещавших тут же недалеко от дворца», а затем, вполне в стиле Ильича, давили «реакционный национализм» на окраинах, опять-таки не упуская случая попытаться куда-нибудь «принести демократию». Собственно говоря, печальные рассуждения современных грузинских историков, хотя бы той же «группы Вачнадзе», об «убийстве большевиками грузинской демократии» вдребезги разбиваются при минимальном экскурсе в историю хоть сколько-то сходных с Грузией в социально-экономическом плане европейских регионов того времени (Португалия, Испания, Албания, Болгария, Италия и т. д.). Где «демократизация», в каких бы формах она ни шла, рано или поздно оборачивалась — опять же в разных формах — естественным установлением жестко авторитарных, а то и вообще тоталитарных (фашистских) режимов.

Шайка-лейка

Более того, «чистой политикой» дело не ограничивалось. Позиционируя себя как «классических социал-демократов европейского типа», меньшевики таковыми ни на копейку не являлись, что бы при этом сами о себе не думали. Просто потому, что для установления «классической социал-демократии» в тогдашней Грузии не имелось ни малейшей опоры. Ни продвинутого рабочего класса, то есть мощных тред-юнионов, ни развитого среднего сословия, ни хотя бы серьезного фермерства не существовало. Была лишь огромная масса взбаламученного социальными катаклизмами традиционного населения (крохотный рабочий класс, в общем, не в счет) – и оседлавший волну интеллигентский «бомонд», подстегивавший массы красивыми, но совершенно фантастическими лозунгами, однако решительно неспособный (вспомним хотя бы, как буксовала земельная реформа) претворить их в жизнь. Недаром же с момента возникновения власть меньшевиков, как мы уже видели, неуклонно дрейфовала от «классической социал-демократии» к странному симбиозу идей Маркса, которого Жордания считал учителем, и Чавчавадзе, которого учителем не считали, но на статьях которого, тем не менее, росли.

То есть, о чем уже говорилось, к «национал-социализму».

К тому самому. Пусть и в зародыше, но все-таки.

Зато большевики, общаясь с упомянутой массой (алчущими земли крестьянами, только-только врастающими в город фабричными «пред-пролетариями», люмпенами, «пробуждающимися малыми нациями»), чувствовали себя, как рыба в воде. Влияния в «безусловной» Грузии они, в сущности, не имели лишь потому, что прочно, начиная с весны 1918 года, сидели в подполье. Выход на свет автоматически означал начало «большого пути» в народ. Что, кстати, прекрасно понимали и в Москве, где ничуть не сомневались в том, что яблочко очень скоро упадет к ним в руки само, и в Тифлисе, где легализованных «идеокузенов» практически мгновенно начали сажать. Между прочим, вполне по делу, поскольку заняться легальной парламентской борьбой, отказавшись от курса на вооруженное восстание, большевики не

могли. Да и не собирались – превращаться в еще одних меньшевиков, только второй свежести, не имеющих никаких шансов на власть, в их планы вовсе не входило. Еще и в силу специфики, так сказать, партийного строительства в местных условиях, где круг «этих революционеров» был невероятно узок.

В сущности, это были люди одной тусовки, где (ах, эта провинция!) все всех знали в лицо, а идеологическое размежевание определялось, в основном, не идейными разногласиями, а личностными соображениями. Костяк меньшевиков формировался в основном из «чистой» публики, из «просвещенной общественности» с княжескими титулами, а нередко и с имениями, и тифлисского «бомонда», разбуженного в свое время великим Ильей Григорьевичем. Группа лидеров кристаллизовалась по принципу «да, он человек нашего круга», людям попроще и провинциалам типа Цхакая, а позже Джугашвили, и тем паче «не совсем своим», вроде «этого кинто» Тер-Петросяна (Камо), предлагались вторые, а то и третьи роли. На что они были категорически не согласны, предпочитая уходить к Ленину, у которого свободных мест было полно, а сословных предрассудков не было вовсе. Впрочем, и сам «бомонд» дробился и делился по тому же признаку: если в одном семействе старший брат или кузен делал карьеру под крылышком Жордания, остальным кузенам гордость не позволяла быть у него на подхвате. В итоге сплошь и рядом случались казусы а la семья Гегечкори, где батони Евгений быстро вышел в лидеры меньшевизма, а затем и в министры иностранных дел, зато батони Александр («Саша»), начав карьеру там же, после ссоры с кузеном нашел себя в кругу Сосо Джугашвили. Позже, между прочим, выдав их общую племянницу, сиротку Нино, замуж за молодого, нищего, социально чуждого, но идейно своего в доску большевика Лаврентия Берия.

Тоска по Родине

Минимальное понимание и ситуации, и характеров, и схемы отношений не оставляет сомнений в том, что ни отсиживаться в эмиграции, ни прозябать в подполье, ни, тем паче, идти на «легальную» подтанцовку к более удачливым братьям, кузенам и друзьям детства эти люди не могли, не хотели и не собирались. В их понимании, гражданская война в Грузии, начавшись тотчас после крушения Империи, не прекращалась с того момента ни на миг, а политику Кремля на Южном Кавказе определяли именно они. Встречая в своем радикализме непонимание «классических марксистов» типа Чичерина и самого Ленина, зато имея полное понимание и всемерную поддержку со стороны идеологов «скорейшей всемирной революции» типа Троцкого и Зиновьева. Не говоря уж о «национальных кадрах» с других окраин Империи, вроде Дзержинского, испытывавших примерно те же чувства. А поскольку строжайшая партийная дисциплина в те времена уравнивалась скверным качеством связи и быстрым изменением обстановки на местах, заставляющей Центр мириться с повышенной самостоятельностью «первопроходцев» на ключевых участках, живая жизнь вновь и вновь побеждала сухую догму. Сразу после советизации позарез необходимого Кремлю (нефть, нефть, нефть!) Баку Серго и Киров начали буквально насиловать Москву требованиями «ускорить и углубить». 4 мая, утром: «С Грузией никаких разговоров не ведите». В тот же день, вечером: «Не позже 12-го надеемся быть в Тифлисе. Пройдет блестяще». После категорического отказа, уже ночью, форменная истерика: «Меня поражает, каким образом вы верите лживым заявлениям Гегечкори... Мы все считаем спасение погибающего Грузинского меньшевистского правительства непоправимой ошибкой, но нечего говорить, что все ваши распоряжения будут выполняться нами очень точно», – и тут же требование, если уж Грузию нельзя, то дать «добро» хотя бы на Армению, иначе, дескать, мусульмане не поймут.

Видимо, Серго был на таком взводе, что его пришлось успокаивать всерьез. «Сейчас торопиться с Грузией (...) мы не

должны, – писал в шифрограмме Сталин, – все равно через несколько месяцев, если коммунисты будут легализованы, она и так станет советской». Типа, не дергайся, дорогой, все уже на мази. Однако не дергаться было выше сил холерика Орджоникидзе. Даже после того, как полпредом в Тифлисе стал его друг и полный единомышленник Киров, немедленно начавший организовывать легализованных большевиков, он бомбил Москву телеграммами, а получая отказы, устраивал пограничные провокации с помощью полностью послушных властей Советского Азербайджана. Все это доводило до белого каления даже спокойного, уравновешенного Чичерина. Но все попытки вразумить психа («Тов. Орджоникидзе. Наша политика не ограничивается одним Кавказом (...) Вы абсолютно игнорируете наши мировые интересы (...) Вы можете страшно повредить нашим мировым отношениям» – 11 мая) уходили в пустоту. Глава МИД ябедничал в Политбюро, упирая на то, что «наш мир с Грузией будет иметь в Англии величайший эффект, затрудняя политику группы Черчилля, это повысит наш престиж во всем мире. Поэтому вы должны во что бы то ни стало удерживать товарищей от авантур, могущих нам страшно повредить», Политбюро криком кричало, пытаясь докричаться («Следует безусловно воздерживаться от попыток вызывать восстание против правительства Грузии, Армении, Турции (...) по общеполитическим соображениям ввиду как мировой конъюнктуры, так и нашего военного положения» – 7 июля), но никому не нужные авантюры продолжались. Причем когда Чичерин, наконец, согласился насчет Армении («для установления более тесной связи с турецкими революционными массами»), выяснилось, что Армения, оказывается, для Серго второстепенна, а первостепенна именно Грузия, которую «необходимо советизировать по разным соображениям» (телеграмма от 3 августа), после чего «Армения сама сдаст власть нашим товарищам». И так далее, и тому подобное.

Пробить стенку

Документов очень много, а места, увы, мало. Но схема одна: Кавбюро просит, предлагает, требует атаковать Грузию, Кремль объясняет, доказывает, приказывает наконец уняться, но кавказский товарищ слышать ничего не хочет, а слабые попытки Тифлиса хоть как-то унять всюю пошедших в массы и, что еще хуже, находящихся там понимание большевиков только подливают масла в огонь, подводя под шизофрению Орджоникидзе некую фактическую базу. К тому же в Грузии оседают политические эмигранты из уже советизированных регионов, пытающиеся продолжать борьбу с ее территории, что, понятно, никуда не годится. В итоге 15 декабря случился скандал: устав убеждать «деликатничающего» Ильича, Серго ака Кавбюро самовольно приказал 11-й армии перейти границу Грузии. Развернуть колесо вспять удалось лишь с огромным трудом, чуть ли не угрозой исключения из партии «за анархизм». Но и только. Нажим продолжался, только теперь идефик Орджоникидзе оформлялась в виде коллективных писем от местных товарищей. 6 февраля по распоряжению Кавбюро приказом командующего Кавфронтом сформирована мощная группа войск Тифлисского направления. Пехота, кавалерия, бронетехника. И в тот же день на имя Ленина, Троцкого и Сталина уходит новая телеграмма, уже в совершенно апокалипсическом духе: «Грузия окончательно превратилась в штаб мировой контрреволюции на Ближнем Востоке. Здесь орудут французы, здесь орудут англичане, здесь орудет Казим-бей – представитель Ангорского правительства. В горы бросаются миллионы золота, создаются в пограничной полосе с нами грабительские банды, нападающие на наши пограничные посты... Считаю необходимым еще раз подчеркнуть надвигающуюся на Бакинский район смертельную опасность, предупредить которую можно лишь немедленным сосредоточением достаточных сил для советизации Грузии».

Некая правда тут, конечно, есть. В Тифлисе в самом деле функционируют всевозможные миссии, а следовательно, и резидентуры. Англичане в самом деле играют в привычные игры.

Беглые мусаватисты, тем более дашнаки, плетут интриги. В горах, где и власти-то нет, гуляют банды самых разных цветов, то и дело переходящие границы Советской России. К тому же упоминание о «бакинской нефти» сродни заклинанию. Ленин, правда, по-прежнему требует «вести переговоры, предъявляя силу, но ни в коем случае не используя ее», но Троцкий и Сталин, поддерживаемый Дзержинским, уже пришли к знаменателю. Да у них и не было принципиальных возражений. Было всего одно условие: никаких спектаклей, восстание должно быть настоящим, массовым, а до того Красная Армия не должна двигаться с места, – и счастливый Серго, уже не ожидая ни решения Политбюро, ни даже реакции Ленина, дает долгожданную отмашку.

Глава XXVIII. Быстро, быстро, быстро

День простоять да ночь продержаться

Началось поздним вечером 11 февраля в русских и армянских селах Борчалу/ Лорети/Лори и Ахалкалаки. Одновременно, конечно, ожили и осетинские *quemllos*. К полудню следующего дня под контролем большевиков оказались Гори, Душети и весь Борчалинский уезд. Расквартированные в регионах подразделения Народной Гвардии были разоружены практически без боя и без посторонней помощи. Призыв к «лесным людям» атаковать издал и сформированный в тот же день Сухумский окружком КПГ(б). Это, конечно, была еще не полноценная гражданская война, но уже что-то, в чем при желании можно было увидеть ее признаки. А желание имелось. После многочасовых бесед с Чичериным, получив от наркома подтверждение, что каких-то осложнений можно ждать только от Франции, но Франция без Великобритании не в счет, а Лондон настроен выжидать, вечером 14 февраля до сих пор «миндальничавший» Ильич направил в РВС Кавказского фронта телеграмму: «Цека склонно разрешить 11 армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС 11 после серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех». Это, по сути, было последним предложением подумать и дать задний ход: Ленин предупреждал кавказских товарищей о неизбежной, личной и одной на всех ответственности в случае неудачи.

Тех, однако, уже несло, и – получив наутро подтверждение за всеми подписями, – председатель Совнаркома отдает приказ, который так долго избегал отдавать: «Мы ожидаем от РВС 11 энергичных и быстрых действий, не останавливающихся перед взятием Тифлиса, если это по военным соображениям необходимо». Как обычно, Ильич угадывает момент: если чуть-чуть раньше могло быть рано, то сейчас малейшее промедление смерти подобно – в мятежные регионы, где еще нет частей РККА (может быть, и есть, но в малом, ничего не решающем количестве), правительство Грузии направило дополнительные силы, не слишком большие, но вполне достаточные, чтобы разгромить повстанцев. Однако было поздно. Тотчас по

получении телеграммы из Кремля, в ночь на 16 февраля, подразделения 11-й армии перешли по Красному мосту пограничную реку Храми и практически без потерь с обеих сторон выбили с занимаемых позиций крупное войсковое соединение полковника Стефана Ахметели. 300 гвардейцев (плюс 23 офицера и 4 пулемета) сдались в плен. Еще 700 бойцов, не продолжая боя, форсированным маршем ушли в направлении столицы. Спустя пару часов, на рассвете, из большого, стратегически важного села Шулаверы – того самого, около которого два с лишним года назад захлебнулось наступление армянских войск Дро, – Филипп Махарадзе, объявив о создании Ревкома, обратился к Москве, прося поддержать «восставший трудовой народ Грузии». Ближе к вечеру на абхазском фронте части 9-й армии, обрастая по пути спускающимися с гор партизанами популярного курбаши тов. Акиртава, заняли Гагры – от имени Ревкома Абхазии. «Тифлисская операция», о которой так долго мечтал товарищ Серго и прочие стосковавшиеся по Родине товарищи, началась.

Мальчиши

Не люблю описывать в деталях подробности военных операций. Тем паче что и нужды нет, все давно описано, любому желающему доступно. Потому ограничусь самым простым, без чего уж совсем никак. Во-первых, силы сторон были, в принципе, сопоставимы: полный списочный состав 11-й армии – 36 тысяч штыков и сабель, полный списочный состав грузинских вооруженных сил, включая постоянные части Народной Гвардии, – 21 тысяча. Естественно, при очень солидном перевесе интервентов в артиллерии и броневом подвижном составе (относительный паритет наблюдался разве что в бронепоездах). Понятно, однако, что численность полевой, действующей армии всегда ниже цифры списочного состава, так что количество реально наступающих на Тифлис войск вряд ли будет ошибкой оценить примерно тысяч в двадцать. К тому же атака шла по двум направлениям, через Красный (юго-запад) и Пойлинский (юг) мосты, и на юге грузинским военным удалось реализовать замыслы командующего, Георгия Квинитадзе: стратегически архиважный железнодорожный мост (в отличие от Красного, где саперы Ахметели с задачей не справились) успели взорвать. В результате крупная войсковая группировка (включая основную часть советской бронетехники) прочно застряла, увязнув в позиционных боях на реке Алгети. По прикидкам грузинского командования, на починку сложного сооружения должно было уйти не менее месяца, а за это время многое могло измениться.

Таким образом, на Тифлис вело наступление где-то 13–15 тысяч штыков и сабель, почти без бронетехники, но, конечно, с хорошим парком артиллерии. С другой стороны, «полного списочного», конечно, не было и у обороняющихся. Сколько-то войск (видимо, около 3 тысяч) были заняты на второстепенном, абхазском направлении, но еще интереснее, что – как явствует из мемуаров Квинитидзе, – разгром, казалось бы, небольшой группировки Ахметели имел для дальнейшего хода военных действий едва ли не определяющее значение. «Судьба Тбилиси, – пишет он, – была решена уже в боях у Красного моста и на Храми. Если бы 16 февраля

противник даже одной кавалерией продолжил бы наступление, он бы смог ночью войти в Тбилиси». Иными словами, войск, способных защищать столицу, практически не было. Как ни странно, ни 18 (21 минус западная группа), ни даже десяти тысяч, о которых пишут грузинские исследователи, не наблюдается. Точно можно говорить о 700 «отступивших от Храми» и еще о 510 юнкерах и кадетях полковника Чхеидзе (если помните, того самого, который в 1920-м усмирлял мятежных осетин), занявших оборону на подступах к столице у села Табахмела. Вот тут, к слову сказать, все предельно четко документировано и подтверждено: юноши и подростки, почти дети, дрались с удивительной отвагой, выдержав сперва двухдневный (19–20 февраля) бой с авангардом 11-й армии и, в конце концов, вынудив противника обойти превратившуюся в крепость деревушку, а затем отражая атаки подходивших вслед авангарду подразделений аж до ночи на 25 февраля, когда в строю оставалось уже менее 90 человек, причем практически все многократно раненные.

Никаких иных точных сведений нет. Тем не менее возьмем за основу тезис грузинских исследователей, полагающих, что «главнокомандующий быстрыми и энергичными действиями сумел организовать оборону». Примем на веру даже инфу про «1600 пленных красноармейцев». В любом случае бои на дальних подступах к городу продолжались более трех дней, до полудня 23 февраля, приняв, по описанию авторов, совершенно эпические масштабы. Возможно, впрочем, благодаря не только доблести грузинских воинов, но и мужеству дашнаков, начавших 18 февраля восстание в тылу 11-й армии, всего за сутки обернувшееся полномасштабной войной, ликвидировавшей советскую власть на всей территории республики. Не смею ничего утверждать, но допускаю, что именно этот непредвиденный нюанс, вынудив командарма Гиттиса перебросить часть войск на армянское направление, подарил Тифлису один-два лишних дня, дав возможность парламенту Грузии принять 21 февраля Конституцию. Разумеется, одну из самых демократичных в мире. Если не самую.

Расклады и подставы

Было ли дело меньшевиков проиграно изначально? Видимо, все-таки нет. По крайней мере, у них имелись основания так считать. К 21 февраля, то есть к моменту начала перелома в боях за Тифлис, многое обнадеживало. Все еще не функционировал Пойлинский мост, и поступление подкреплений штурмующей группировке было крайне затруднено, тем паче что восстание в Армении разрасталось. Более того, Армения, перестав быть Советской, начинала угрожать Азербайджану. Криком кричала социал-демократическая пресса европейских столиц, призывая свои правительства вмешаться, – и французская миссия в Риге, где шли переговоры РСФСР с Польшей, готовила резкий демарш. Определенные надежды возникали и в связи с Турцией: кемалисты, конечно, ценили добрые отношения с Москвой, но возвращение территорий, утраченных по Севрскому миру, считали задачей номер один. Поэтому, когда утром 23 февраля молодой талантливый генерал Кязым Карабекир, командующий западной группировкой турецких войск, предъявил Грузии ультиматум, требуя оставить города Артвин и Ардаган, Жордания немедленно уступил. Территорий было, безусловно, жаль, но жертва окупалась с лихвой: турки, войдя в Грузию, заняли еще и ни с какой стороны не положенный им Ахалцих и оказались в непосредственной близости к Батуму, который тоже считали своим. А поскольку к городу стремились и части 11-й армии, возникала реальная возможность столкнуть лбами двух врагов. Обнадеживали и вести из Петрограда, где как раз в это время начались массовые забастовки рабочих, «золотого фонда» большевиков, и опасно бурлил Кронштадт.

Главное же, насколько можно судить по выступлениям грузинских министров и тифлисской прессы тех трех-четырех судьбоносных дней, правительство надеялось повторить на Куре прошлогоднее «Чудо на Висле». Для чего призвало на защиту Отечества «всех, способных держать оружие», в первую очередь, резерв Народной Гвардии и местные военизированные ополчения, два года тренировавшиеся именно на такой, совсем уж пиковый случай, – не сомневаясь, что грузины встанут по призыву с тем же воодушевлением, что и поляки.

В общем, ситуация для красных теоретически не была радужной. Но теория теорией, а жизнь жизнью. Все, на что надеялись, требовало времени. А времени катастрофически не хватало. Тактической, но роковой ошибкой стал расчет времени, необходимого красным для ввода в строй, казалось бы, совсем убитого Пойлинского моста. На завершение работ саперам 11-й армии понадобился не месяц, а неделя. В ночь на 23 февраля главные части советской бронетехники, перейдя наконец Алгети, двинулись на Тифлис с юга, уничтожая бронетехнику грузин. После суточной «дуэли бронепоездов» под станцией Караджалар сколько-то организованная оборона рухнула. 24 февраля атака последних двух красных танков, еще бывших на ходу, почти без боя разогнала южную группу (в плен сдались 160 бойцов с тремя пулеметами), после чего генерал Квинитадзе уведомил правительство о невозможности защищать город. Было принято решение о переезде столицы в Кутаиси и создании новой линии обороны в районе Мцхета, и в ночь на 25 февраля исход начался. А спустя сутки в город, без боя заняв последнюю защищаемую точку – Тифлисский вокзал, вошли части 11-й Красной армии. Филипп Махарадзе от имени Ревкома, с утра преобразованного в Совнарком Грузинской ССР, объявил о том, что советизация Грузии завершена окончательно и бесповоротно.

Спринтеры

Разумеется, отход объяснили убедительно: «во избежание жертв среди мирного населения». Про «заранее подготовленные позиции» тоже не забыли. Но боевой дух грузинских подразделений резко упал. Началось дезертирство, и за Мхцету, на что рассчитывал Георгий Иванович, зацепиться не удалось. Линию обороны решено было строить под Кутаиси, объявленным «временной столицей республики». Там, как представлялось, можно было передохнуть (перевалы в это время года считались непроходимыми), туда и призвали стекаться «всех, кому свободная демократическая Грузия дороже жизни». Таковых, однако, оказалось мало. Собственно, не оказалось вообще. Добровольцы не появлялись. О территориальных отрядах Народной Гвардии, которые, по идее, обязаны были подтянуться к «временной столице», тоже, как грустно вспоминает Жордания, «никаких обнадеживающих новостей не поступало». Зато не обнадеживающих было куда больше, чем хотелось бы. Красные, в «этнических» уездах при поддержке повстанческих отрядов, а в «безусловных» вполне справляясь и без нее, занимали город за городом, не встречая никакого сопротивления. «Второй Польши» не получалось, и было ясно, что уже и не получится. Население предпочитало смотреть и выжидать, тем паче что советские части вели себя вполне корректно. Хуже того, кое-кто, в основном крестьянские парни из глубинки, начали записываться в Грузинскую Красную армию, созданную решением Ревкома. Чуть более успешно шли дела на западе. Тамошняя группировка, от победы абхазских партизан ничего хорошего не ожидая, воевала упорно, но Абхазский фронт ничего, по сути, не решал. К тому же и там, после разгрома основных грузинских сил 3 марта под Новым Афоном, в сданном без боя Сухуми «взял на себя всю полноту власти» Ревком, тут же объявивший себя Совнаркомом суверенной Абхазской ССР. Не по дням, а по часам иссякала и надежда на помощь извне. Правда, на переговорах в Риге англичане (сдержанно) и французы (крайне резко) потребовали от РСФСР «разъяснений сложившегося недопустимого положения», однако хитрый Чичерин парировал демарш, официально заявив, что

«никаких территориальных претензий к Грузии советская сторона не предъявляет, ни о каких аннексиях речи нет», и предложив «изучить ситуацию с учетом положения в Срединной Литве, как прецедента».

Аргумент был убойный: менее чем за год до того Пилсудский нахально вмешался в дела суверенной Литвы, полноправного члена Лиги Наций, создав там, как говорится, «очаг сепаратизма» и фактически (а позже и юридически) аннексировав солидный кусок территории вместе с крупнейшим городом Вильно, намечавшимся под столицу. Обсуждать ситуацию на Южном Кавказе, создавая сложности своему любимому детищу (Каунас, ясен пень, подключился бы к «изучению» немедленно и с визгом), в планы держав никак не входило, и вопрос был исчерпан. Разве что пылкие галлы из соображений чисто *parole d'honneur* 28 февраля постреляли с моря по Гаграм, дав возможности грузинским частям на несколько часов вернуть себе контроль над городом. Вот и все. В такой ситуации, насколько я могу судить, у Ноя Николаевича и его кабинета поехала крыша. Поскольку война в Армении шла по нарастающей, в Дагестане начался нехилый мятеж, а главное – уже вовсю гремел Кронштадт, архиосторожный Ильич потребовал от кавказских товарищей «идти на самый серьезный компромисс». Понимая, что вождь, как всегда, видит дальше, 7 марта «СНК ГрузССР» направил в Кутаиси предложение «создать коалиционное правительство на основе привлечения всех социалистических сил». Что интересно, народным избранникам от эсеров и социал-федералистов идея понравилась.

Но решали не они. «Председатель правительства, – вспоминал некто Готуа, – объяснил, что количество мандатов, доверенных нам народом, не позволяет нам проявлять инициативу. Позиция же социал-демократов оставалась неизменной. Они были уверены, что Финляндия в самом скором времени поддержит восставших в России социалистов, а признание Грузии, притом в такой сложной обстановке, эмиром Бухары следует считать завуалированным намеком англичан на возможность скорого изменения их позиции. Кроме того, по его словам, было бы весьма безответственно принимать первое же предложение большевиков (...) Погода давала нам не менее трех недель на переговоры, потому что в такое время через перевалы не удавалось пройти даже Тамерлану». Возможно, Ной Николаевич и был прав. Не знаю. Но, в любом случае, Тамерлан не состоял в рядах

РСДРП(б). Большевики же, получив отказ, вновь развернули наступление, преодолев не покорившийся Железному Хромцу Мамисонский перевал и оказавшись в опасной близости от «временной столицы». Оборонять город было некому. 10 марта, всего двое суток спустя после отклонения «коалиционных предложений», части 11-й армии, как уже повелось, без боя заняли покинутый правительством и остатками грузинских вооруженных сил Кутаиси.

Пьеса «Батум»

Называя вещи своими именами, в это время правительство Жордания уже было не столько субъектом, сколько объектом политики. Непонятно чем при небольшом (то ли полторы тысячи, то ли две с половиной, но это вряд ли) вооруженном эскорте во главе с огромным количеством генералов. Однако оно пока еще имело Большую Круглую Печать и находилось на своей земле. Хотя «своей» землей Батум, куда прибыли покинувшие Кутаиси погорельцы, мог считаться уже с серьезной долей условности. Дав еще 7 марта, в день получения «компромиссного предложения», устное согласие Карабекиру на занятие субтропического порта, Жордания планировал обострить опасно хорошие отношения между большевиками и кемалистами. И, надо сказать, кое-чего добился. Введя 8 марта в город первые, так сказать про forma, части, азартный Карабекир уже к 11 марта подтянул куда более реальные силы, заняв прочные оборонительные позиции на подступах. De jure «вся полнота гражданской власти» принадлежала правительству, но всерьез этот нюанс уже никто не воспринимал. Реально город был под турками, считавшимися только с местным меджлисом, располагавшим довольно сильной милицией. Молодой генерал, огорченный тем, что Анкара вынудила его уйти из Ахалциха, явно вел дело к аннексии, чего РСФСР, разумеется, потерпеть не могла. Чичерин передал турецкому полпреду в Москве крайне жесткую ноту протеста, тот запросил Анкару и, уточнив, что позитивный исход как раз в это время идущих переговоров для Кемаля очень важен, ответил двумя нотами. Сообщив, что ни о каких аннексиях речи нет, но турецкая армия не может бросить на произвол судьбы местное мусульманское население, опасющееся уличных боев. В ответе был резон: 18-я кавдивизия Жлобы уже шла к Батуму через перевалы, а излишне травмировать турок было недопустимо – реконкиста мятежной Армении только-только началась и лишних сил не было.

Объяснения Чичерин принял. Турки, однако, лукавили. Они ценили поступающие из Москвы деньги и оружие, и землю ценили тоже. Тем более что батумский порт был лакомством очень вкусным. В

связи с этим официальная миссия из Анкары встретила с Мемед-бегом Абашидзе, предложив ему, как главе местного самоуправления, от имени меджлиса и на основе статей Брестского мира обратиться к великому национальному собранию Турции с просьбой о присоединении. По мнению членов миссии, это вариант был лучше, чем оказаться под властью «безбожников». Коллизия сложилась уникальная. Как указано в мемуарах Карабекира, основная часть местных бегов, особенно из горных районов, ничуть не возражали, а совсем даже наоборот, так что при нормальном голосовании вопрос решился бы однозначно. Иную позицию занимали приморцы, народ просвещенный и знающий цену понятию «портовые сборы». В первую очередь, могущественный клан Абашидзе. Именно они в 1919-м пробили идею «воссоединения с утраченной Родиной» на условиях «самой широкой автономии», и именно их, по сути, кинули в 1920 м меньшевики, все пообещавшие, но ничего так и не давшие. Турки вождественную автономию даже не обещали. В самом деле, зачем обычным туркам, пусть и грузинского происхождения, какая-то автономия? Вполне достаточно, что будут своими среди своих. Мемед-бега такой вариант не устраивал абсолютно. Ни с экономической точки зрения, ни с политической (клан за столетия привык стоять у руля), ни с национальной (религия религией, но идеи Чавчавадзе были не чужды и ему). А вот красных он не опасался совершенно. Много лет хорошо зная самого Сосо Джугашвили (в 1905-м младший брат Мемед-бега, известный аджарский абрек, с Кобой был даже близко дружен), глава клана Абашидзе по своим каналам имел устные гарантии старого знакомого, что уж за кем-кем, а за большевиками автономия не заржавеет. Посему Мемед-бег тянул время как мог, стараясь не очень раздражать пылкого Кязыма-пашу. В итоге даже собрал заседание меджлиса. Но в прениях почему-то приняли участие только представители клана, в том числе все братья и племянники председателя. 15 марта, по итогам дебатов турок уведомили, что для решения столь важного вопроса следует созывать как минимум Совет Края. Более всего это походило на издевательство, чем, в сущности, и являлось. Но красные были уже совсем-совсем на подходе, так что Мемед-бег мог себе позволить толику юмора.

Две равно уважаемых семьи

Судя по всему, что мы о нем знаем, Кязым-паша был очень не из тех, кто тихо утирает плевки. Совершенно точно уловив смысл комбинации Мемед-бега, он рано утром сделал заявление о том, что большинство меджлиса считает Аджарию естественной частью Матери-Турции, так что всех депутатов просят собраться для подтверждения этого всем понятного факта. Клан Абашидзе для него отныне был нерукопожатным. На сидящее здесь же как бы официальное правительство Грузии никакого внимания вообще обращено не было. Время, однако, было уже упущено: тем же утром в Москве был, наконец, подписан договор о дружбе между Советской Россией и Великим национальным собранием Турции. Большевики признавали возвращение под власть «правительства революционной Турции городов Ардагана и Артвина, захваченных империалистами», туркам же, в свою очередь, пришлось поступиться Аджарией. Однако Кязым-паша уже сделал свою ставку. Все прекрасно понимая, он понимал и то, что, ежели ему все же удастся собрать меджлис в полном составе и получить (в полном составе это было более чем реально) официальную просьбу о переходе под крыло Анкары, Анкара скажет только спасибо. В противном случае за самоуправство можно было и пострадать, тем паче что некоторые черты характера юного Кязыма не нравились великому Кемалю еще со времен прошлогодней войны с армянами. Короче говоря, турецкие войска взяли под контроль город, после чего были атакованы боевиками из дружин клана Абашидзе, задачей которых было даже не победить (никто не обольщался), но ни в коем случае не позволить меджлису собраться.

И вот тут-то меньшевики, о присутствии которых в городе все в последние нервные дни как-то успели подзабыть, напомнили о себе. Надежды на чудо уже не было вообще – в день подписания договора с турками РСФСР подписала и торговое соглашение с Великобританией, согласно которому Лондон обязался воздерживаться от любой антисоветской деятельности на всей территории бывшей Империи. И тем не менее, вечером 17 марта Жордания по телеграфу установил контакт с Ревкомом, а около полуночи генерал Мазнишвили отдал

приказ остаткам своих войск включиться в боевые действия против турок. Разброс мнения на предмет, зачем и почему, весьма велик. Кто-то говорит «из патриотических соображений», чтобы сохранить город и край за Грузией, пусть и Советской. Кто-то полагает, что «из чувства обиды на турок». Было, видимо, и то и другое. Но главным образом, думаю, ввиду уже неизбежной (это было понятно всем) эмиграции, правительство сочло за благо провести последние дни на родной земле в качестве законной власти, сражающейся с оккупантами. Такой статус давал – по крайней мере, на это была какая-то надежда – какие-то, пусть невысокие, козыри для попытки дипломатического реванша. Короче говоря, 17–18 марта в городе дрались все со всеми. А пока дрались, в Кутаиси Григол Лордкипанидзе, министр обороны Грузии, и Абель Енукидзе, полномочный представитель Ревкома, заключили официальное перемирие, а затем и соглашение, от имени «правительства Грузинской Демократической республики» позволяющее Грузинской Красной армии занять Батуми.

Это не было актом капитуляции, таких полномочий Жордания, к моменту подписания уже уплывший со всеми министрами на итальянском судне и под конвоем французских боевых кораблей, переговорщику не давал. Это был акт сдачи-приемки власти *de facto*. Большевики – сражающаяся власть – передавали Грузию в управление большевикам, сохраняя за собой право предъявлять претензии. Бои же в городе продолжались до утра 19 марта, причем порт и центр вместе со зданием меджлиса оставались в руках грузин, как пришлых, так и местных, с большим трудом, но все же отбивавших попытки турок взять Батум под контроль. Немедленно по появлении авангарда красных Георгий Иванович Мазниашвили объявил о сдаче полномочий Ревкому. То же самое – от имени меджлиса – сделал и Мемед-бег. После чего Кязыму-паше (не судят только победителей) пришлось приступить к эвакуации. Первая социалистическая война, планировавшаяся как легкая, на пять-шесть дней, прогулка, но – благодаря армянским братьям и кронштадтским братишкам – затянувшаяся на целых 32 дня и стоившая в общей сумме около 7–8 тысяч жизней, завершилась крахом классических марксистов и победой марксистов нового типа.

Глава XXIX. Великий мыльный пузырь

Отзвуки и шорохи

Обожаю отточенные формулировки. Особенно в многоголосом исполнении «группы Вачнадзе». «Грузинский народ, – чеканят тбилисские коллеги, – не примирился с потерей государственности. Уже в 1921 году в Грузии началось национальное движение, направленное против оккупационного режима Советской России. Летом 1921 года восстание охватило всю Сванети». Верно, горцам перемены не пришлись по душе. Меншевики к ним, в общем, не очень лезли, довольствуясь лояльностью, а новые власти прислали каких-то ревкомовцев, ставящих себя выше родимых старейшин, поставили какую-то милицию, начавшую что-то запрещать, да еще и несли очевидную пургу насчет земли (проблема которая пастухов не волновала) и воли (которую у викингов высокогорья было в избытке). В общем, да, восстали. Ревкомовцев выгнали, милицию туда же, выставили стражу на тропинках. Кое-кто из меньшевиков, ушедших к сванам после поражения, даже накатал и послал в Тбилиси красивую бумагу с требованием «вывести оккупационные войска и провести свободные выборы», – на радость сформированному Ноем Николаевичем в далекой Франции «правительству в изгнании». Нечто похожее происходило и на востоке. В горах Кахети гулял с отрядом в 60–70 сабель бывший блестящий ротмистр и орденоносец царской армии Константин Иосифович Чолокаев, он же совсем недавно полковник грузинской армии Кайхосро Чолокашвили, а ныне просто «Какуца». В совсем уж поднебесной картлийской Хевсурети собрал дружинку молодежи, всегда охочей до набега, еще один экс-кавалерист Михаил Лашкарашвили. Амбары горели. Иногда, но намного реже, горели и сельсоветы. Летом 1922 года храбрые парни решили даже «объединившись, освободить Грузию от оккупантов». Разработали и план: Какуце, собрав побольше народу, надлежало атаковать город Душети, а когда из Тбилиси на перехват двинулись бы каратели, хевсуры ударили бы им в спину, а когда враг был бы таким макарон уничтожен, победителям уже никакого труда не составило бы взять столицу. После чего, вне всяких сомнений, восстала бы вся Сакартвело. У блестящего плана имелся всего один, но серьезный

недостаток: два стратега не учли, что по ним тоже будут стрелять. В итоге «объединенная народная армия» была растерта по зеленой траве, по хевсурским селам прошла красная конница, а сам «главнокомандующий», потеряв несколько десятков отчаянных парней, с колоссальным трудом оторвался от погони и спрятался в родных кахетинских горах.

События эти, однако, имели далеко идущие следствия. Тоскующий по утраченным позициям «бомонд» – меньшевики, националы и прочие эсеры – встрепелся. Собственно, «бывших», решивших рискнуть и остаться дома, а не уплывать неведомо куда, большевики не трогали. Не запрещалось им ни плакать на кухнях, ни даже устраивать «политические» демарши. Порой достаточно причудливые. Например, группа молодых интеллектуалов, «не принявших Советы» – молодой литератор Константин Гамсахурдиа (будущий классик, лауреат Сталинских премий и отец незабвенного Звиади), еще один молодой литератор и грядущий классик, Александр Абашели, и еще один молодой, но уже известный литератор Павел Ингоровква (тот самый, будущий академик), – организовали «кружок карачокели». Одевшись в траурные черные чохи, они бродили по Тифлису, рассказывая каждому встречному и поперечному, что, дескать, не просто чуют, но «оплакивают погибшую Родину». Власти благодушно посмеивались, но никаких мер не принимали. Однако теперь, после рейда Какуцы, «бомонд» пришел к выводу, что игрушечное подполье пора превращать в настоящее, поскольку «народ ко всенародному восстанию готов». А что первый блин вышел комом, так это, разумеется, исключительно из-за отсутствия «правильного политического руководства». В общем, сказано – сделано. Договориться, правда, было нелегко (все обвиняли всех, в первую очередь, конечно, меньшевиков), но объединяться было надо. Так что примерно в середине 1922 года на свет появились организации. Сперва «Военный центр» (бывшие офицеры), а затем и межпартийный «Комитет независимости Грузии» aka «Паритетный комитет», где были поровну представлены все подпольные партии.

Барин из Парижа

Естественно, «правительство в изгнании», имеющее каналы связи с покинутой Родиной, не могло оставаться в стороне. Рассчитывать на англичан, уже всю торговавших с большевиками, не приходилось, но Островом мир не ограничивается. Скажем, *la belle France* сочувствовала. Меншевикам надо было только доказать, что они все-таки не пустое место, и можно было надеяться на сколько-то серьезный разговор. Хотя бы имея в виду отдаленную перспективу. Неудивительно, что уже в ноябре 1922 года из Парижа прибыл Ной Хомерики, член ЦК меньшевиков, бывший министр земледелия, один из ближайших сотрудников Жордания и вообще человек очень решительный. Дело пошло быстрее. Для ускорения темпов конкретной работы создали «Военную комиссию». Из-за рубежа непрерывным потоком шли инструкции. «Конечно, восстание, – втолковывал подпольщикам далекий Ной Николаевич, – не может осуществиться вооруженной борьбой только грузин. Выступление же в закавказском масштабе обязательно приведет к победе, если это выступление будет производиться общими силами. Русские цари только с Дагестаном вели борьбу более 30 лет. А сколько лет понадобится большевикам, чтобы вести борьбу не с одним Дагестаном, а с целым Закавказьем, легко представить. Перенос военной базы на Кавказский хребет и укрепление там всеми нашими вооруженными силами – залог нашей победы. Только в этом случае Европа обратит на вас серьезное внимание и окажет помощь». Не ограничиваясь «советами постороннего», присылали и деньги. Немало. Деньги же всегда внушают доверие. «Бения Чхиквишвили, – показывал на следствии лидер национал-демократов Михаил Ишхнели, – привез нам оттуда, помимо средств на расходы, конкретные сведения: члены французского правительства в личной беседе с Церетели обещали нам помощь... Заграничное бюро сообщало: если Франция помогает Румынии и Польше, она поможет и нам».

Это воодушевляло. Увы, все эти рассказы, как выяснилось гораздо позже, были, как тогда говорили, «бутафорией». Не враньем даже, а очередной собственной выдумкой, в которую верили. Верили

настолько, что уже не боялись даже арестов. Которые понемногу начинались. В начале 1923 года был арестован, а 20 мая расстрелян весь состав «Военного центра», – 15 весьма авторитетных офицеров и генералов. Причем в основном националов. То есть, в отличие от партийных балаболок, людей серьезных и решительных. Тогда же в тюрьме, хотя и не у стенки, оказался Николоз Карцивадзе, энергичный председатель «Комитета». Спустя несколько месяцев, в ноябре, пришла очередь самого Ноя Хомерики. Еще какое-то время спустя, когда определилась даже дата выступления, за несколько дней до того в компанию к предшественнику отправился преемник – Гогита Пагава. В дополнение ко всему, параллельно ЧК разгромила подпольную сеть дашнаков, с которыми «паритетчики» вели переговоры и на склады оружия которых очень надеялись. Пришлось залечь на дно всерьез. Лишь в июне, после появления нового «эмиссара Центра», – уже хорошо известного нам Валико Джугели (помните такого?), – процесс пошел опять. «Днем X» определили 17 августа, однако 6 августа чекисты взяли и «героя 1920 года».

По коням!

Откровенно говоря, при анализе событий тех дней складывается ощущение, что все очень серьезно, но в то же время и чуть-чуть понарошку. Словно огромная кошка шалит с маленькой, но много о себе понимающей мышкой. Не могу сказать наверняка, в самом ли деле это был гигантский блеф, из разряда знаменитых артузовских «Трестов» и «Синдикатов». Но слишком, чересчур похоже, что ЧК таки «вела» подпольщиков постоянно. То подталкивая к решительным действиям, то, время от времени, во избежание осложнений, выдергивая ключевые, становящиеся опасными фигуры, но сохраняя на развод крикливую мелочь. А порой и – как в известном из воспоминаний Серго Берия казусе «случайной встречи на улице двух друзей, Лаврентия и Валико», – провоцируя ведомых на заранее известные телодвижения. Ничем иным невозможно внятно объяснить тот факт, что в Тифлисе, городе, где тайну сохранить невозможно, да еще имея под рукой таких знавших все птичек, как Хомерики, Пагава и прочие, ведомство Могилевского-Берия позволяло «паритетчикам» что-то готовить. Возможно, на это и намекал товарищ Серго, докладывая *post factum*, что «эти господа, эти «герои восстания», дали нам возможность немного прочистить свои ружья». Ничего утверждать нельзя. И отметить тоже. Как бы то ни было, попав куда следует, Джугели быстро убедился: хозяева знают очень многое, если не все. После чего, с помощью чекистов, передал подпольщикам несколько писем, уговаривая тех отказаться от выступления. Одно из писем было опубликовано в газетах. «Я испытал на себе, – писал Джугели, – страшное влияние воздуха Чека, и я понял, что вся сила этого воздуха состоит в том, что именно здесь ближе знакомишься с обратной стороной нашей работы, со всеми теневыми ее сторонами». Затем, разумеется, следуют мантры насчет того, что «не малодушие и не трусость привели меня к отказу от борьбы, а безнадежность задуманного предприятия», но верится в это, честно говоря, не очень. Пить чай в кабинете следователя ОГПУ – это все-таки не любоваться «горящими осетинскими селами». Во всяком случае, версия о том, что

в обмен на отмену мятежа эмиссару из Парижа обещали жизнь, не только существует, но и никем не опровергнута.

Однако еще остающиеся на свободе лидеры «Комитета» письмам не поверили. Возможно, как водится, списали на «жуткие пытки», может быть, решили доказать самим себе, что не твари дрожащие, а право имеют, но, как бы то ни было, восстание было не отменено, а только в который уже раз перенесено, теперь на ночь 28 августа. На самом последнем заседании, прежде чем уйти в леса, будущие вожди прикинули ресурсы. По всему получалось: начинать можно. По сведениям последнего главы «Комитета», князя Коте Андроникашвили, только в Западной Грузии и Мегрелии приказа выступить ждали «3000 хорошо обученных солдат». Твердо обещал выставить «не менее 600 всадников» и неуловимый Какуца. Примерно с такими же силами всего три с лишним года назад дашнаки взяли Ереван, а затем развернули тяжелейшую для красных, долго не утихавшую войну. Как истинные грузины, руководители «Комитета» пришли к выводу, что если уж у армян получилось, то им сам Бог велит, — а дальше видно будет.

Неуловимые мстители

По мнению «группы Вачнадзе», многие дальнейшие неприятности объясняются несогласованностью выступления. «Назначенное на 29 августа, – указано в монографии, – восстание началось за день раньше, – 28 августа в Чиатуре, о чем никто из руководителей восстания не знал. Не знали и в «Паритетном комитете» Однако, как ни печально, приходится признать, что уважаемые коллеги, видимо, плохо знакомы с фактами. Во всяком случае, их мнение противоречит данным из куда более осведомленных источников. Как вспоминал позже Михаил Бочоришвили, один из членов «Комитета независимости», «Последнее заседание «Паритетного комитета» состоялось 18 августа, когда и было назначено время восстания – 2 часа ночи 28 августа, для чего князь Церетели получил все необходимые полномочия». Как бы то ни было, на рассвете 28 августа «истинно народное восстание – восстание за национальную свободу и государственную независимость» началось. Более двух десятков инсургентов во главе с вышеупомянутым князем Георгием Церетели захватили шахтерский город Чиатуры, центр марганцевых приисков, разогнали милицию и, поддержанные примерно сотней активистов подполья, объявили о создании «Временного правительства Грузии». Примерно в то же время на востоке в крупное село Приют ворвались всадники Какуцы (правда, не «600 отважных людей», как обещал он, а вдесятеро меньше). Они открыли стрельбу, ранили несколько человек, разграбили местный цейхгауз и продуктовый магазин, однако ни сельсовет, ни милицейский участок взять не смогли, а к вечеру, потеряв несколько джигитов убитыми и 18 пленными, отступили в горы. Утром 29 августа, узнав о приближении к Чиатурам усиленного отряда милиции (67 человек), сочло за благо, не принимая бой, уйти в спасительные горы и «временное правительство» вместе с «диктатором» Церетели. К слову сказать, и Чолокашвили, и Церетели, первыми обжегшись и первыми же сообразив, что к чему, через пару дней оказались за кордоном и, в отличие от основной массы лидеров, окончили свои дни в пусть голодной, но безопасной эмиграции.

Набат

Восстание, тем временем, вспыхивало в разных точках республики. Однако утверждать вслед за некоторыми энтузиастами, что «власть большевиков держалась только в городах», означало бы сильно преувеличивать. Скорее наоборот: маленькие, от 3 до 12 душ, группы, как правило, натыкались на непонимание, а то и активное отторжение со стороны крестьян. После чего рассыпались кто куда. А вот что «это всеобщее, подлинно народное восстание оказалось лишенным единого руководства», – тут не поспоришь. «29 августа мы не получили никаких известий, – пишет тот же Михаил Бочоришвили, – 30-го тоже ничего. 31-го до нас дошла весть, что, по слухам, восстание охватило всю Западную Грузию и наши взяли Кутаиси. 1 сентября мы не получили вестей. 2 сентября – то же самое». Короче говоря, высшее руководство сидело в схроне и кормилось слухами. Совсем дыма без огня, конечно, не было. В Мегрелии, в Сенакском уезде, мятежников собралось пускай не «3000 солдат», на которых «твердо рассчитывал» Котэ Андроникашвили, но все же несколько сотен (для любителей точной цифири – 387). Так что около суток события были даже похожи на что-то серьезное. Под контролем «всенародной гвардии» оказались городки Сенаки, Абаша и десяток сел. В храмах зазвучали молебны о «даровании победы». Возникло и нечто вроде органов власти («триумвират» и «генеральный штаб»). Однако объявленные ими реформы (реституция «незаконно национализированных зданий и земель») привели к тому, что уже на следующий день крестьяне начали стрелять в «реституторов», а утром 30 августа, с приходом войск (132 штыка), все закончилось. Причем и «триумвирату», и «штабу» повезло куда меньше, чем «диктатору» Церетели и храброму экс-ротмистру Какуце, – они тоже пытались сбежать, но не получилось.

Народная воля

Короче говоря, как печально констатирует «группа Вачнадзе», «восставшие не смогли осуществить намеченного наступления на Тбилиси». Правда, вывод этот, как всегда, обрамлен весьма затейливыми узорами. Почему-то указывается, что «карательные отряды наводнили всю Грузию», хотя общая численность «карателей» составляла около 500 штыков и лишь в двух случаях превышала взвод, причем отряды милиции и курсантов (армия почти не была задействована) даже в «безусловно грузинских уездах» обрастали крестьянами-ополченцами, не увлеченными идеями «реформ» типа объявленных в Сенаки. «Этнические» же регионы вообще встали на дыбы. При первых же выстрелах близ Душети безо всякого призыва властей взялись за оружие осетины, вспышки в Мегрелии начали гасить абхазские крестьяне. В Ахалцихском уезде к начальнику местной милиции явились около тысячи добровольцев, а в Аджарии 1500 ополченцев по собственной инициативе, за несколько часов до объявления властями чрезвычайного положения, перекрыли турецкую границу. Трудно понять также, какие и с какой стати «карательные отряды действовали с особой жестокостью в Батуми и Тбилиси», если в этих ключевых городах весь актив подполья был арестован задолго до событий, а уцелевшие, согласно свидетельству Михаила Бочоришвили, ушли в леса еще 18 августа, сразу после финального заседания «Комитета». Впрочем, учитывая, что задачей «группы Вачнадзе» менее всего является изложение исторических фактов, предъявлять ей претензии не станем. В любом случае факт есть факт: к утру 31 августа, через 72 часа после начала событий, Колхида успокоилась. И только два дня спустя началось, наконец, движение на востоке, близ Мцхеты, где располагался штаб восстания. В полдень 3 сентября основные силы повстанцев, во главе с Лашкарашвили, обещавшим за неделю до того «взять Гори и Ахалкалаки», разгромив вышедший на них отряд милиции (9 штыков), на плечах отступающих ворвались в городок Душет и опять-таки начали объявлять независимость. Однако утром 4 сентября были выбиты из города

отрядом курсантов Тифлисской окружной школы ГПУ (38 штыков), оставив на поле боя 2 убитых и 4 раненых.

Ах, как славно мы умрем!

В тот же день к вечеру, согласно формулировке современных грузинских исследователей, «после ожесточенного сражения в районе Шио-Мгвинского монастыря» было взято в плен руководство «Комитета», – председатель Константин Андроникашвили, секретарь Ясон Джавахишвили, Михаил Ишхнели и уже известный нам Михаил Бочоришвили, благодаря которому нам известны детали той великой битвы. «Ночью, в 10 часов, – рассказывает он, – мы решили перепрятаться. Несколько раз перекочевывали туда-сюда. В это время красноармейцы открыли по нам стрельбу. Мы бежали вместе с охраной. Я скрылся в кустах. Вдруг в темноте на меня наткнулся Ясон Джавахишвили и принялся уверять меня, что он ранен в спину. Я осмотрел его: раны не было. Тогда он заявил, что ранен в ногу. Я осмотрел и ногу, но и там раны не оказалось. До утра мы меняли места. К вечеру Ясона одолела жажда. Пристал ко мне с просьбой спуститься вместе к ручью. Я просил его потерпеть еще один день, но ему было невозможно. Мы пошли к монастырскому ручью, где и были арестованы». На следующий же день, 5 сентября, в газетах появилось заявление, подписанное всеми четверьмя лидерами. «Наша надежда не оправдалась, – заявляли они, – в результате чего мы понесли поражение. Массовое организованное выступление, которого мы ожидали, не состоялось; широкие народные массы нас не поддержали»; далее отмечалось, что «продолжение авантюры против Советской власти является совершенно лишенным всякой перспективы и гибелью для грузинской нации», а под конец шли заявления о самороспуске и просьба ко всем повстанцам сложить оружие. Быстро, однако. Впоследствии, правда, выживший и отсидевший свое князь Андроникашвили доказывал, что «воззвание было извлечено жесточайшими пытками», но, учитывая, что взяли лидеров глубокой ночью, а газеты, как известно, выходят ранним утром, приходится признать, что либо все герои 1924 года дико боялись боли, либо никаких пыток. Разве что по ушам надавали. Ну и, конечно, угрожали. Тут сомнений нет.

Большой террор

В общем, авторов обращения понять можно. Старые товарищи с мятежниками не шутили. Уже 31 августа 1924 года ЧК Грузинской ССР объявила о расстреле 44 активистов заговора, в том числе 17 князей и 18 боевиков Какуцы, взятых в плен около Приюта. В сообщении прямо указывалось, что только «самая суровая расправа со стороны органов пролетарской власти с преступниками, ввергающими трудовые массы в кровавую авантюру, способна предотвратить страну от повторения этих безумных попыток». В числе расстрелянных оказались арестованные ранее руководители «Комитета спасения», а также эмиссары «правительства в изгнании» Ной Хомерики и Валико Джугели – поскольку восстание, несмотря на его уговоры, все-таки состоялось, обещание, данное властями бывшему карателю-романтику, утратило силу. Не слишком церемонились и на местах. Однако сразу после публикации «заявления паритетчиков» репрессии практически сошли на нет. Хотя леденящие душу рассказы из года в год наливались красками. Уже в 1925 году немецкий профессор Эрих Обст, побывавший в Советской Грузии, напечатал геополитический очерк «Сакартвело», поведав Европе, что «когда мы прибыли в Тбилиси, там царил глубокий траур. Много женщин ходило в черных одеждах, и их лица выражали глубокую скорбь. Среди мужчин тоже попадались носящие траурные метки. Но они старались делать это осторожно, чтобы их не заподозрили». Честно говоря, плохо представляю себе, как можно «осторожно носить» черную чоху. Если же вспомнить, что такие чохи «скорбящий бомонд» достал из гардероба сразу после советизации Грузии и фрондировал в них уже года три, а черные одеяния женщин вообще в тех краях приняты и по сей день, все становится на свои места. Бедного профессора, привыкшего к тому, что если уж черное, значит, в доме траур, остается только пожалеть. Он, в конце концов, честно транслирует то, что рассказывали ему «в интеллигентных семьях, где меня принимали, как дорогого гостя». А рассказывали с душой. Что, например, «официальная статистика сообщает, что по решению военного суда было расстреляно несколько сотен человек, но кого интересуют эти цифры... Настоящие жертвы

исчисляются тысячами. Их расстреляли без суда, часто даже в том случае, если знали, что никакого участия в восстании они не принимали». Понятно, что именно это «исчисляются тысячами», изреченное хоть и невесть с чьих слов, но все же посторонним человеком, было взято за основу «правительством в изгнании». И на все лады повторялось вплоть до 1956 года, когда – в самый разгар «холодной войны» – конгресс США устроил специальные слушания по этому поводу, пригласив в качестве свидетелей эмигрантов – не только очевидцев, но и всех желающих дать показания под присягой.

Удивительное – рядом

Охотников присягнуть и высказаться набралось немало. Прозвучавшие цифры («от 7 до 10 тысяч») и подробности («уничтожали целыми семьями», «закапывали живьем»), воспроизводимые сегодня грузинскими историками (в частности, Нестан-Элисабед Киртадзе в монографии «Восстание 1924 года в Грузии», изданной в 1996-м), конечно, впечатляют. Однако можно ли в это верить, если честно, не знаю. Впрочем, некоторые исследователи «новой волны» идут и дальше. Например, Георгий Безиргани, ссылаясь на некие «документы бывшего КГБ Грузинской ССР», предлагает убедительно некруглую цифру «12 578 человек», отмечая, что «перед жестокостью, с которой было подавлено восстание, бледнеют даже набеги Тамерлана и Шах-Аббаса». Однако реальности в очерке уважаемого коллеги, к сожалению, соответствуют только фамилии лидеров «Паритетного комитета». Все остальное основано исключительно на материалах тех же слушаний 1956 года в конгрессе США.

Проблема лишь в том, что реальные цифры все-таки известны. В Мегрелии (районы Сенаки и Абаша!), где активных участников было зафиксировано 387 человек, погиб 451, в связи с чем спустя месяц Орджоникидзе был вынужден давать объяснения в Москве, упирая на то, что сюда входят и «бандиты, погибшие в боевых действиях», и каясь при этом, что, мол, «по части расстрелов мы в сам период восстания немного переборщили, но с этим уже ничего не поделаешь». Примерно та же картина и по второму центру восстания – Чиатурам, где, согласно очерку некоего Арсенидзе в эмигрантском журнале «Кавказиони» за 1964 год, «хватали всех, кто попадется под руку, даже тех, кто не участвовал в восстании, загрузили в эшелон, как будто для отправки в Тбилиси, но у станции Квирила расстреляли из пулеметов запертых в вагонах людей; никто из них не смог выжить». Звучит солидно, но противоречит не только официально отмеченному количеству арестованных (127 человек), но и свидетельству эмигранта Чубинидзе, одного из пассажиров того самого эшелона, в своих двухтомных воспоминаниях не только сообщающего реальную цифру,

но и поименно перечисляющего всех «95 товарищей, казненных на перегоне». То есть жертвы-то, конечно, были. Десятки и сотни. Большевики с повстанцами не церемонились нигде и никогда, ни в Туркестане, ни в Кронштадте, ни в Эривани, ни на Тамбовщине. Делать исключение для Грузии никаких резонов у них не было. Но и содеянного отнюдь не стеснялись. Напротив. Публиковали вовсю. А потому, ни на чем не настаивая, хочу все же порекомендовать сторонникам версии о «чудовищных репрессиях» ограничиться оценкой князя Котэ Андроникашвили – «оккупационная власть расстреляла много людей, по нашим данным, 4000 человек». Хотя какие могли быть данные у лидера «Комитета», даже о ходе возглавляемого им самим восстания знавшего «по слухам», а потом сразу оказавшегося на цугундере, – тоже вопрос дискуссионный.

Герои и мученики

Какое-то время в горах еще постреливали. В индивидуальном порядке. Стрелявших ловили, не желающих складывать оружие уничтожали на месте, не прибегая к особым мерам воздействия. После распространения призыва к мирной жизни, сулившего всем, кто «порвет связь с авантюристами и не запятнал себя кровью, предать забвению их невольные прегрешения», люди начали понемногу выходить из лесов. Сперва их задерживали для проверки, но после появления «Указа об амнистии» от 10 октября все рядовые участники выступления, приходившие с повинной и сдававшие добровольно оружие, не подвергались никакому наказанию, даже если в ходе событий вели себя активно. «Я убеждаюсь теперь, – признавал в дневнике Котэ Андроникашвили, – что мы потерпели поражение не потому, что нас не поддержала пассивная Восточная Грузия, не потому, что Тифлис молчал, а потому, что имели крайне преувеличенное представление о своих силах и, главное, о душевном настроении народа. Оно было не в нашу пользу».

Он был прав. По большому счету, народу и раньше было не до «борьбы за святую свободу», а уж теперь так и вовсе. В самом разгаре был НЭП, жизнь наливалась красками, большевики дали землю, – и зачем, скажите на милость, было воевать? А коль скоро так, то и властям не было нужды скалить зубы. Спустя год, в 1925 году, Верховный Суд уже ЗСФСР рассмотрел дело о «Паритетном комитете». Сорока семи подсудимым предъявили обвинения в подготовке контрреволюционного мятежа, в руководстве им, в создании политических и вооруженных банд, терроризме и шпионаже. Процесс, насколько можно судить по его материалам, был открытым и честным, без всякой режиссуры. Всем обвиняемым дали возможность озвучить свою точку зрения. Вплоть до заявлений о «высокой моральной победе» (Андроникашвили) и ярких речей, обвиняющих большевиков в «оккупации Грузии» (Джавахишвили, – тот самый, у которого не было ран на спине и ноге). Смертных приговоров, как бы того кому-то из читающих ни хотелось бы, не прозвучало: все обвиняемые получили различные сроки ссылки в «Сибирь и другие

отдаленные районы СССР». Откуда позже некоторые из них неведомыми мне путями оказались и в эмиграции. Что же до партии меньшевиков, то она с этого момента, что бы себе ни думали Ной Николаевич и его команда, почил в бозе. И по ней, насколько можно понять, никто не плакал. Кроме, конечно, тифлисского «бомонда», параллельно рыданиям делавшего, впрочем, неплохие советские карьеры по всем возможным направлениям.

Глава XXX. Блудные сыновья

Скучное

Вновь не обойтись без скучной теории. Оценка современной грузинской историографией событий февраля – марта 1921 года однозначна: Советская Россия «оккупировала демократическую Грузию». На уровне символа веры это, возможно, верно, однако реальности не соответствует. Судите сами. *Ossuratio* есть «временное занятие войсками какого-либо государства территории другого государства, характеризующееся установлением на занятых землях временной военной администрации, но не влекущее за собой насильственного отчуждения в свою пользу всей территории другого государства или ее части». В данном случае возможность применения термина «оккупация» исключена аргументом фактом наличия в Грузии на момент вступления на ее территорию Ревкома (вопрос о его марионеточном характере, раз уж речь идет о сухих юридических нормах, выводим за скобки), являвшегося высшим органом власти, сформированным одной из сторон внутреннего противостояния. А также возникновением по ходу конфликта его собственных вооруженных сил, Красной Армии Грузии. Поскольку речь идет не о преследовании напавшей стороной каких-либо собственных целей, едва ли допустимо говорить и об *agressio*.

Наиболее подходящим определением в данном случае (вмешательство извне в гражданскую войну в пользу одной из сторон), скорее всего, является *interventio*, то есть «военное вмешательство государства во внутренние дела другого государства, нарушающее его суверенитет». Бесспорно, с вопиющим нарушением существующего между двумя государствами договора, включающего в себя и статью, прямо запрещающую обеим сторонам подобные действия. Ни в коем случае не хочу кого-то оправдывать, однако следует отметить, что анализировать ситуацию с точки зрения современного международного права, основанного на Уставе ООН, едва ли допустимо. Ситуация развивалась в конкретном историческом моменте, когда взгляды «цивилизованного человечества» на эти вопросы были куда более либеральны, а споры, в конечном счете, решались силой. Во всяком случае, ведомство Чичерина, отклоняя

претензии держав, и тогда, и позже, в Генуе, апеллировало к недавним прецедентам, ссылаясь, в частности, на факт одобренной державами интервенции румынских войск в революционную Венгрию, а также на не осужденную ими же аннексию Польшей значительной части Литвы, – и эти возражения были приняты. Уместно, думается, добавить, что даже сейчас, когда Устав ООН, казалось бы, расставил все по полочкам, интервенции проходят по-прежнему широко, в том числе и лидерами «цивилизованного мира» (вторжения США на Гренаду, в Панаму и в Ирак, а также вторжение НАТО в Афганистан и Косово).

Столь же безосновательны и утверждения «группы Вачнадзе» о «юридической несостоятельности» Ревкома. С точки зрения грузинских историков, поскольку «правительство эмигрировало согласно постановлению высшего органа законодательной власти, не капитулировав и не сложив с себя полномочий», а «Ревком не имел опоры ни в одном из социальных слоев населения», следовательно, он был «нелегитимен». На самом деле, во-первых, опора у новой власти, как мы уже знаем, была. Как минимум, в «этнических» регионах, населенных, как ни крути, полноправными гражданами Грузии, недовольными политикой меньшевиков. Учитывая же пассивность поведения «социальных слоев» и в регионах непосредственно грузинских, население которых ни в какой степени не отозвалось на призыв Жордания к «всенародному сопротивлению», следует признать, что «опора» Ревкома была не менее прочна, нежели «опора» правительства ГДР. Относительно же «легитимности» в целом, следует всего лишь вспомнить о документе, подписанном 18 марта 1921 года в Кутаиси полномочными представителями правительства (министр обороны Лордкипанидзе) и Ревкома (Авель Енукидзе). Согласно этому акту, меньшевики, формально не капитулируя, *de facto* вполне официально передали управление еще контролируемые ими территориями, а следовательно, и ответственность за них новым властям. С этого момента Ревком стал вполне легитимным. Хотя, разумеется, на временной основе, до выборов. Иными словами, заявление о том, что решение Ревкома «о роспуске Учредительного Собрания Грузии, за которым последовал такой же незаконный декрет о присвоении себе функций законодательной, исполнительной и

контролирующей власти в стране» было «незаконным» истине ни с какой стороны не соответствует.

Еще более странно выглядят рассуждения по поводу «незаконности установления Советской власти», поскольку, дескать, «в Грузии не существовало Советов». Действительно, не существовало. Однако сами же авторы тезиса двумя строками ниже указывают: не существовало в связи с тем, что «Советы были упразднены меньшевиками», — добавим, насильственными методами, в том числе путем расстрела рабочих демонстраций протеста. Иными словами, Ревком не навязывал Грузии нежеланную для нее форму государственного устройства, а всего лишь восстанавливал то, что было уничтожено грубой силой и волевым путем, без всяких предварительных консультаций с массами. И, наконец, вызывает огорчение сообщение о «жесточайшем терроре и преследованиях, в условиях которых населению пришлось принять участие в выборах Советов». Если я ошибаюсь, пусть меня поправят, но ни в одном источнике, даже меньшевистском, мне не удалось найти никаких указаний на то, что избирателей загоняли на участки силой. Напротив, судя по всему, первые выборы в Советы прошли в республике с реально небывалым подъемом.

Еще скучнее

Еще один пункт катехизиса правоверного патриота «новой волны», исчерпывающе излагаемый «группой Вачнадзе»: «Советской Россией по Карсскому договору были отданы Турции исторически грузинские земли Тао-Кларджети», после чего «Москва приступила к осуществлению своего вероломного плана – разделению Грузии на автономные единицы», а «абхазские и осетинские сепаратисты не замедлили воспользоваться антигрузинской политикой России». Первый тезис, откровенно говоря, обстоятельного анализа не заслуживает, заставляя только пожать плечами. Тот факт, что области Артвин и Ардаган были переданы туркам еще меньшевиками, насколько мне известно, не оспаривается никем даже в Грузии. Как и то, что юридически эта уступка была подтверждена в Карсе никак не миссией РСФСР, а делегацией Грузинской ССР, как равноправного участника переговоров. Иными словами, Советскую Россию упрекают в том, что она не попыталась вмешаться в сугубо внутренние грузинские дела, никак ее не касающиеся, и исправить, мягко говоря, ошибки правительства Жордания. При этом еще и обострив отношения со стратегически важным, едва ли не единственным на тот момент союзником. Логика, безусловно, своеобразная, комментариев не требующая. А вот с автономиями интереснее. Как тупое нежелание меньшевиков учитывать пожелания «этнических» регионов в этом принципиальном вопросе, помноженное на постоянные обманы и насилие, повлекло за собой возникновение движения «независимцев» в Абхазии и чуть не выбросило Аджарию в «лоно Матери-Турции», речь уже шла. Зато большевики, еще даже не укрепившись, начали исполнять гарантии, данные, но нарушенные Жордания.

Проще всего решился вопрос с Батумским округом, тем паче что тема волновала и Анкару: функции краевого Ревкома там сразу же было доверено исполнять меджлису, где местная элита полюбовно разделила кресла с кооптированными большевиками. Нашлось, разумеется, солидное кресло и для Мемед-бега Абашидзе. А в июне, после принятия соответствующего декрета, Советская Аджария стала автономией Грузинской ССР. Ничего больше никто и не хотел. С

Абхазией, понятно, было куда сложнее. Собственно говоря, обоснованием пребывания ее в составе Грузии на тот момент была только убежденность тифлисского «бомонда» в том, что иначе и быть не может, воспоминания о временах Тамар, «исторические карты» пока еще не академика Ингороква да еще факт проживания в городах и на юге края какого-то количества мегрелов. Плюс, естественно, решения «третьего Совета», которые в самой Абхазии никто всерьез не воспринимал, и – до какого-то момента – штыки Народной Гвардии. В новой обстановке Абхазия требовала независимости и только независимости, и в конце марта Закбюро пришло к выводу, что требование это имеет под собой основания, после чего Ревком Грузии признал Абхазскую Советскую Социалистическую Республику как суверенное государство. По мнению «группы Вачнадзе», естественно, «объявление Абхазии Советской Социалистической Республикой было абсолютно неправомерным», однако обоснование этого тезиса базируется исключительно на принципе «потому что потому», подкрепленном императивом «для защиты интересов абхазского народа достаточно было существование Абхазской автономной республики в составе Грузии». Без всякой оглядки на то, что думал на сей счет сам «абхазский народ». Насколько можно судить, сходную позицию занимали и грузинские большевики. Почему так, обсудим чуть позже, а пока отметим, что уже очень скоро, под прямым и очень жестким давлением Тифлиса, позиция Москвы по «абхазскому вопросу» начала меняться. Уже 5 июля 1921 года на заседании пленума Кавбюро (с участием Сталина) было решено «вести партийную работу в направлении объединения Абхазии и Грузии в форме автономной республики в составе ССР Грузии». Что, в конце концов, уже в декабре, завершилось подписанием договора между АбхССР и ГрузССР, согласно которому Абхазия стала «договорной республикой». То есть, в отличие от Аджарии и Южной Осетии, не «автономией в составе Грузии» (в чем свято убеждена «группа Вачнадзе»), а одним из двух равноправных субъектов абхазско-грузинской федерации. Что и было зафиксировано в Конституции Грузинской ССР 1922 года и еще раз подтверждено ст. 2 Конституции 1927 года.

И вовсе уж непросто оказалось разруливать сложности в «осетинских» регионах. Тут, похоже, в экстазе взаимопонимания

слились и «бомонд», и взвинченные меньшевистской прессой «широкие массы», и даже новые, уже большевистские начальники. В терминологии «группы Вачнадзе», «Советская Россия стала покровительствовать и осетинским сепаратистам, что крайне накалило политическую ситуацию в Грузии», поскольку создание осетинской автономии «на территории Грузии было незаконным и противоестественным». В этом смысле, кажется, не очень твердо чувствовали себя даже такие интернационально воспитанные товарищи, как Коба и Серго. Но принцип «права наций на автономию» никуда не денешь. К тому же большевики были в долгу перед осетинами, а долги следует платить. В сентябре 1921 года претензии Ревкома Южной Осетии были, наконец, сформулированы окончательно: образовать Советскую Социалистическую Республику на всех территориях, населенных осетинами, и сделать ее столицей город Цхинвали; на этих условиях будущая республика – по примеру Абхазии – соглашалась войти в состав «грузинской федерации». В Москве (опять-таки под давлением Тифлиса, а возможно, и исходя из симпатий Сталина) требования слегка урезали. О статусе «республики» лидерам будущей автономии предложили забыть, взамен удовольствовавшись «областью» (после чего сам собой отпал вопрос о «равноправном вхождении в федерацию»); границы будущей АО предложили определить Ревкомам Грузии и Южной Осетии по согласованию. В итоге получилось забавно. Вопреки изначальному плану осетинской стороны «от Они до Душети» (то есть все «осетинские» уезды плюс грузино-осетинский Цхинвали), вне состава будущей ЮОАО оказались многие регионы, сплошь населенные осетинами, зато в границах ее вошло 40 чисто грузинских сел, на которые «сепаратисты» даже не претендовали. Можно сколько угодно сетовать в унисон «группе Вачнадзе» насчет «ущемления интересов грузинского населения» (что, кстати, правда, – власть над грузинскими селами предлагалось «оставить в руках районного ревкома», то есть в грузинском Гори, «вплоть до перелома в настроениях населения»). Можно. Но если вдуматься, такой вариант был выгоден именно грузинской стороне, ибо в итоге такого размежевания значительная часть осетин выпадала из-под юрисдикции автономии вообще, а на территории самой ЮОАО осетины оказывались в меньшинстве и, следовательно, под контролем. Что было бы неплохо понимать

коллегам из Тбилиси. Но самое печальное, что все это были только вершки.

Ай-ай-ай, товарищи!

5 июля 1921 года Сталин, совмещавший тогда посты наркома по делам национальностей и наркома рабоче-крестьянской инспекции, прервав отдых в Нальчике, выступил на расширенном собрании тифлисской парторганизации. Начал хорошо и по-доброму. Порадовал собравшихся свежей информацией о предоставлении Советской Россией трем закавказским республикам займа на сумму свыше 6 миллионов золотых рублей, доложил о скором начале безвозмездных поставок в Грузию нефтепродуктов из братского Азербайджана. Затем, однако, к огорчению президиума и удивлению аудитории, в речи зазвучали другие нотки. «Я помню годы 1905–1917, – говорил Иосиф Виссарионович, – когда среди трудящихся национальностей Закавказья наблюдалась полная братская солидарность. Теперь, по приезде в Тифлис, я был поражен отсутствием былой солидарности. Развился национализм, усилилось чувство недоверия к своим инонациональным товарищам: антиармянского, антитатарского, антигрузинского, антирусского и всякого другого национализма хоть отбавляй... Очевидно, три года существования националистических правительств не прошли даром. Я уже не говорю о вооруженных столкновениях, как естественных результатах националистической политики. Национализм является величайшей помехой делу объединения хозяйственных усилий закавказских... республик. Ну а без такого объединения немыслимо хозяйственное преуспевание особенно Грузии. Итак, необходимо ликвидировать националистические пережитки, вытравить их каленым железом и создать атмосферу взаимного доверия среди национальностей Закавказья. Поэтому очередной задачей коммунистов Грузии является беспощадная борьба с национализмом». Казалось бы, прописные истины. Однако в те говорильные годы искусством понимать намеки и угадывать подтексты владели многие, а в рядах партийцев в первую очередь. Так что все поняли и все угадали. Да и напрягаться было не нужно. Слово «национализм» по меркам времени звучало приговором, а если еще и с приставкой «буржуазный», так и вообще расстрельным. Но в том-то и фишка, что в данном случае высокий гость говорил не о неких

отвлеченных буржуинах, а о ком-то классово близком, на его взгляд, нуждающемся в товарищеском предупреждении. И кому надо, это понимали.

При всем уважении к «группе Вачнадзе», тезис о том, что после советизации «в оккупированной Грузии, как и в России, сложилась тоталитарная система управления», неверен. Не возвращаясь к уже рассмотренному пунктику тбилисских коллег насчет «оккупации», напомним лишь, что сравнивать ситуацию на «национальных окраинах» с положением непосредственно в России едва ли можно. «Старую Россию» большевики, что не секрет, считали главным врагом Мировой Революции, в связи с чем ломали ее через колено, не обращая внимания на крик. Зато «угнетенные массы окраин» рассматривались, как естественные союзники, которых следует только чуточку подучить полиграмоте, так сказать, подрессировать, и дело будет сделано. Членами соответствующих краевых организаций РКП(б), да что там, членами Ревкомов, крайкомов и прочих комитетов, комбригами и комдивами, руководителями Советов легчайше становились бывшие муллы, временно сложившие оружие курбаши и «батьки» и прочие «воспитуемые элементы». Обширный спектр поблажек получали «освобожденные массы» дехкан, абреков и так далее.

В Грузии же дело обстояло очень по-своему. Как ни крути, «грузинская когорта», вставшая у руля в 1921-м, в отличие от прочих краев и республик, состояла не из неофитов, только-только обзаведшихся партбилетами, не из революционных матросиков и парней от сохи, а из старых, с солидным, лет по 15–20 (а то и 25, как Цхакая) стажем товарищей. Надежных, проверенных, лично известных самому Ильичу. Им веры было куда больше, чем кому-либо. К их оценкам прислушивались. А они, при всей идейной убежденности, Грузию жалели. Да и как не жалеть, если «бывшие» – кузены, старые друзья, а то и родственники, с которыми судьба развела не по идейным, а скорее по карьерным соображениям. Так что, получив от вождя разрешение поступать «дома» по своему разумению, не применяя «русского шаблона» и проявляя сколько угодно «уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно к крестьянству», новые лидеры – Буду (Поликарп) Мдивани, Михаил Окуджава, Филипп Махарадзе и другие, рангом пониже, – не

просто с явным удовольствием приняли это руководство к действию, но и, как позже скажет Сталин, «сделали фетиш из тактики уступок». Тем паче, что НЭП создавал условия. Разумеется, тифлисский «бомонд» ворчал и демонстративно бродил по улицам в траурных чохах, но ситуацию оценивал правильно и на службу к «ненавистным оккупантам» валил косяком, сверху донизу. «Наше ЦК уничтожило меньшевистское ЦК, – скажет позже видный большевик Михаил Кахиани. – Сейчас они либо в холодной земле, либо в составе нашего ЦК», – и это будет чистой правдой. Но в описываемое время о «холодной земле» не шло и речи. В первый год «большевистской тирании» репрессий в Грузии не было вообще. Всерьез ГрузЧК, возглавляемая старым большевиком Котэ Цинцадзе, боролась только с «лесными людьми». Но даже с бандитами, попавшими в плен, обращались куда мягче, нежели где-то. А уж «чистая публика», игравшая в подполье, вообще считалась неприкасаемой: первые – «выборочные» – расстрелы случились только в мае 1923 года, когда тов. Цинцадзе уже сменил тов. Могилевский, а подготовка подпольщиками вооруженного мятежа по заказу извне приняла уж вовсе откровенный характер.

На таран!

Естественно, Сталину все это было хорошо известно. По крайней мере, прояснилось, когда стало невозможным не замечать, активное затягивание тифлисскими товарищами решения вопроса с автономиями, завершившееся в итоге уступками Москвы. Но, кроме того, сам грузин и один из первых грузинских большевиков, знавший большинство оппонентов с юности, он лучше кого-либо понимал, что членский билет РСДРП(б) – не панацея от идей Чавчавадзе. Что, как сам он писал, «грузинский национал-уклонизм вырос не столько из тенденции борьбы против русского великодержавного национализма, сколько из тенденции грузинского агрессивного национализма, направленного против негрузинских национальностей Закавказья». Очевидная опасность появления «национал-коммунизма» ему, в отличие от многих, стала ясна в первые же месяцы после советизации Грузии, как ясно стало и то, что «Лассаль был прав, говоря, что партия укрепляется тем, что очищает себя от скверны». Нет-нет, не насилием, только товарищеским увещанием, максимум выговором! В этом смысле выступление 5 июля 1921 года было еще не громом, всего лишь первой ласточкой, попыткой остановить только-только зарождающиеся процессы.

Попыткой своевременной, но, естественно, обреченной. Раскол был, и раскол стал виден невооруженным глазом спустя несколько месяцев, когда основной темой дня стал вопрос о создании федерации советских республик Закавказья. Идея, принятая Политбюро ЦК РКП(б) 29 ноября, была выдвинута Лениным, практически доведена до ума Сталиным и еще раз отредактирована Ильичом. Если совсем коротко, предлагалось создать Федеративную Республику Закавказья, своего рода прототип уже формировавшегося СССР. Стратегическая цель проекта (по Ленину) заключалась в «укреплении единства революционного пролетариата», тактическая (это уже от Сталина) в «удобстве налаживания хозяйственных связей, уменьшении числа ненужных бюрократических структур и восстановлении нормальных отношений между народами, обострившихся в период власти

националистов». Насчет стратегии говорить воздержусь, а что до тактики, так все, по-моему, разумно и правильно.

Казалось бы, первыми и «на ура» инициативу подхватить должны были именно лидеры Грузинской ССР – в конце концов, даже меньшевики мечтали о Федерации, еще заседа в царской Думе, и если позже отказались от уже воплощенной мечты, так только под прямым давлением турок. Однако Мдивани и компания выступили категорически против «федерализма», требуя принять республику в будущий Союз «в отдельном порядке». Отбрасывая в сторону трескучую пропаганду тех лет, трудно даже сразу понять, почему. Единственно сколько-то логичное объяснение, на мой взгляд, заключается в том, что в «демократическом Закавказье», с властью, организованной по партийному принципу, у руля автоматически оказывались бы люди из Тифлиса, лучше организованные, теоретически подкованные и говорливые, а вот в «Закавказье советском» центром власти силой вещей оказывался бы Баку с его мощным рабочим классом. Не говоря уж о «двойном» контроле сверху. На случай же, если уклониться от, как говорили они, «федерирования», не получится, выставлялись требования оставить в ведении властей Грузии такие вопросы, как заключение концессий, контакты с зарубежными банками и таможенное законодательство. При этом взимание пошлины с Азербайджана за прогон бакинской нефти и с Армении за провоз грузов через свою территорию отменять не хотели, а вот на бесплатных поставках из Баку настаивали.

Сомнительность таких требований была настолько очевидна, что от группы начали понемногу откалываться видные деятели типа Орахелашвили и Элиава, но «костяк» твердо стоял на заявленных позициях. По сути дела, уже совершенно меньшевистских. То есть, конечно, они искренне считали себя большевиками, они ими и были, старыми и убежденными, но в то же время «ситуативными», выходцами из интеллигенции и дворянства, умом сверявшими свои действия по Марксу, но сердцем – по блестящей публицистке Чавчавадзе. От ярлыка «попутчик» их прикрывали, по сути, только огромный стаж и былые заслуги. Они же, однако, не позволяли Мдивани, Окуджаве и прочим остановиться. В 1922-м «уклонисты» вообще пошли вразнос. Некоторые декреты, подписанные партайгеноссе Махарадзе и названные обычно сдержанным Сталиным

«дикиими», поражают воображение. Например: «31 марта 1922 г. От сего числа границы республики Грузии объявляются закрытыми, и дальнейший пропуск беженцев на территорию ССР Грузии прекращен». Или: «§ 1. Лица, получающие разрешения на право въезда в пределы Грузии своих родственников, платят за выдаваемые им разрешения 50 000 руб». И еще: «§ 5. Лица, после 13 августа 1917 г. прибывшие в пределы Грузии и желающие получить право на постоянное жительство, в случае удовлетворения просьбы, платят за выдаваемые разрешения 1 млн рублей...» И наконец: «Гражданство Грузии теряет грузинская гражданка в том случае, если она выйдет замуж за иностранца». Что в категорию «иностранец» входят граждане РСФСР, УССР и других советских республик, думаю, пояснять не надо. Параллельно начинают твориться какие-то мутные дела с концессиями, подписываются несанкционированные Политбюро договоренности с зарубежными финансовыми структурами, денежные потоки теряют прозрачность совершенно, зато всю оживляется деятельность меньшевистского подполья. А ЧК по-прежнему не ловит мышей. Что, в общем, неудивительно: Котэ Цинцадзе – человек из ближнего круга Мдивани. Короче говоря, с точки зрения Орджоникидзе и Сталина, да, в общем, и любого нормального партийца, республика и ее руководство балансируют на грани выхода из-под контроля, и тут уже шутки шутить не приходится. Точкой же невозврата, на мой взгляд, становится вечер 14 июля 1922 года, когда на Верийском спуске Тифлиса трагически погибает один из не самого высокого ранга служащих республиканского Наркомата финансов по имени Симон Тер-Петросян. Более известный от Тифлиса до Баку как Камо.

Глава XXXI. Только погибший ответит

Со многими неизвестными

Общеизвестно: знаменитейший боевик не бедной на лихой люд РСДРП(б), катаясь на велосипеде, человек, сумевший обмануть не только смерть (пустяки, дело житейское), но и германскую психиатрию, нелепо погиб в результате несчастного случая, попав под грузовик, – причем якобы единственный в Тифлисе и якобы же принадлежавший местной ЧК. В принципе, такое возможно, а значит, не исключено. Было очень поздно и очень темно, никакого освещения на довольно-таки крутом спуске не имелось, так, оправдания водителя на первом (он же единственный) допросе – дескать, просто не заметил в темноте одинокого велосипедиста, можно считать приемлемыми. Бывает. С другой стороны, настораживают некоторые детали. Например, по сей день неизвестно, двигался ли грузовик вниз или вверх, то есть было ли столкновение лоб в лоб или Симона Аршаковича ударили в спину. Непонятно также, куда вскоре делся водитель, которого после первого допроса отпустили, потом искали, но так и не смогли найти. В связи с этим пошла в массы «антисталинская» версия. Типа, человека-легенду убрали его друзья, Коба и Серго. Опасаясь неких разоблачений. Учитывая, что автором версии является не кто иной, как Абдуррахман Авторханов («Загадка смерти Сталина»), всерьез ее можно было бы и не принимать (скажет ли Новодворская доброе слово о Путине?). Но, поскольку она, как и все пикантное, оказалась живучей, есть, думается, смысл сказать пару слов. «В этой истории по сей день много неясного, – пишет, например, историк Ф. Волков («Взлет и падение Сталина»). – Возможно, что Сталин не хотел иметь свидетеля, хорошо знавшего его уголовное прошлое. Камо слишком тесно в своей политической работе в большевистской партии соприкасался с Иосифом Джугашвили. Он знал очень хорошо мало кому известные темные страницы его жизни и деятельности... Смерть легендарного Камо вызвала в стране глубокую скорбь. Но Сталин мстил Камо и после смерти – памятник ему в Тбилиси был снесен, его сестру арестовали».

Что тут скажешь? Возможно, конечно, все. Вот только возникает множество вопросов. Определенные нюансы, связанные с нарушением

запрета, введенного ЦК РСДРП(б) на «экссы» в 1907-м, были (об этом писал еще Юлий Мартов в далеком 1918-м). Но на обвинения «Мартушки» и тогда не обратили внимания, а уж в 1922-м это уже не имело никакого значения. Напротив, считалось делом доблести и геройства. Коль скоро это ни разу не вменялось в вину самому Камо, организатору и исполнителю акций, у Сталина, осуществлявшего общее идейное руководство, проблем тем более быть не могло. К тому же живы и при власти были все авторы «запрета-1907», и – опять-таки – никто никому никаких претензий не предъявлял. Более того, эта гипотеза никак не объясняет, почему Сталин не тронул еще одного ключевого участника «экссов» – Котэ Цинцадзе. Того самого, о котором речь уже заходила, первого начальника ГрузЧК. Один из главных «уклонистов», а затем активный сторонник Троцкого пережил Камо на девять лет и умер только в 1931-м, в ссылке. Но не в простой. А в Крыму, в одном из лучших санаториев страны, куда был «сослан» в связи с тяжелейшим туберкулезом. Газеты, издаваемые Троцким, тогда, кстати, очень шумели по поводу «очередного убийства» – «Бюллетень оппозиции» вообще криком кричал, что, дескать, «спасти жизнь товарища Цинцадзе мог только немедленный переезд в Сухум», – но это уже просто смешно: насколько влажный климат Сухуми полезнее для туберкулезника в последней стадии сухого крымского, оставляю судить всем желающим. Даже не имеющим медицинского образования.

И уж вовсе умиляет обвинение в «посмертной мести Кобы». Памятник, что спорить, в самом деле снесли. Но только вот беда, снос случился спустя 16 лет, в июле 1938 года, в рамках перепланировки старого Тифлиса, а при этом одновременно были «снесены» и монументы другим «павшим героям». Разве что памятник Камо, в отличие от прочих, не стали переносить на другое место. Видимо, решив, что двух оставшихся изваяний вполне достаточно. Что же касается «арестованной (кстати, тоже через много лет, в 1937-м) сестры», то Джаваир Аркадьевна (Аршаковна) Хухулашвили, в девичестве Тер-Петросян, была уже достаточно взрослой девочкой, чтобы сама за себя отвечать. Все-таки старый, со стажем больше, чем у брата, большевик, замминистра здравоохранения Советской Грузии, жена и единомышленница Михаила («Володи») Хухулашвили, близкого соратника Мдивани, активного «уклониста», а затем одного

из лидеров троцкистской оппозиции. Она — действительно — была арестована. Вместе с мужем. Вот только, в отличие от супруга, пошла не в расстрельный подвал, а (это в 37-м, да с такими отягчающими обстоятельствами) в психоневрологический санаторий ЦК Компартии Грузии. Где и прожила 16 лет, параллельно работая педиатром. И скончалась аж в 1961-м, будучи, по всем отзывам, убежденной сторонницей уже мертвого и вышедшего из моды Сталина, выражавшей свои взгляды столь откровенно, что «хрущевские» власти ее откровенно боялись и третировали, не позволив даже открыть музей легендарного брата. Она, правда, все-таки открыла его, но в порядке личной инициативы, в собственной небольшой квартирке, — и только после ее смерти власти взяли музей под свое крыло. В общем, «антисталинская» версия ползет по швам, с какой стороны ни потяни. Тем паче что и писал г-н Волков свой труд в 1990–1991 годах, когда пнуть покойного вождя было модно и выгодно.

Зато вырисовывается кое-что другое, очень интересное. Еще немного общеизвестного: Камо, дико тосковавший после гражданской войны без активного дела, из Академии Генштаба был отчислен по состоянию здоровья. С назначением в иноотдел ВЧК не срослось (опять же, здоровье). Получил небольшой пост, фактически синекуру в системе Внешторга. Где опять же тосковал аж до весны 1922 года, когда «по просьбе товарищей из Закбюро» был переведен «в порядке укрепления кадров» в... отдел контроля Наркомата финансов Грузии. Опять-таки на небольшую должность, связанную с таможенными делами. Учитывая, что «товарищи из Закбюро» — это Серго, Серго — это Коба, а Коба для Камо — это указывается везде — непререкаемо мудрый старший брат и даже больше того (выше для великого боевика был только Ленин), получается, извините, картина маслом. Мало того, что «око Сталина» аккурат в момент взлета активности «уклонистов» появляется на ключевом месте. Куда важнее другое. Вне зависимости от поста и должности, Камо в Тифлисе — это Камо. Для традиционного грузинского «бомонда» он — армянин, плебей и «уголовник» — чужой. Даже больше, чем «выскачка» Сталин. Сам он платит «бомонду» взаимностью. Но его появление в столице автоматом выбивает из рук Мдивани и компании контроль над ГрузЧК, поскольку для товарища Цинцадзе слово старого друга и командира боевой ячейки означает примерно то же, что для самого Симона Аршаковича слово Иосифа

Виссарионовича. Но и в, так сказать, «теновом мире» Грузии погоняло «Камо» звучит авторитетнее некуда. Как минимум, в смысле сбора информации о любого рода «серых сделках». Понимая все это, историю с ДТП на Верийском спуске в самом деле можно считать, как говорит Ф. Волков, «крайне загадочной». Но совершенно с обратным знаком. Доказать, впрочем, ничего невозможно. Гремят залпы, гроб с телом опускается в могилу, и все возвращается на свои места. В том числе и Котэ Цинцадзе, вновь душой и телом преданный товарищу Мдивани.

Идея и жизнь

Для Сталина это удар. Тяжелый. И личный (такого он никому и никогда не забывал), и политический. Теперь ему остается только действовать прямо, имея на руках факты, которые, возможно, успел сообщить ему за недолгий срок пребывания в Тифлисе странно погибший соратник. Плюс аргументы, лежащие на поверхности. Плюс логика, на которую главная надежда. «Тов. Ленин! – пишет он 22 сентября. – Мы пришли к такому положению, когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т. е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нестерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т. н. единое федеративное народное хозяйство, тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе. Одно из двух: либо действительная независимость и тогда – невмешательство центра, свой НКВД, свой Внешторг, свой Концессионный комитет, свои железные дороги, причем вопросы общие решаются в порядке переговоров равного с равным, а постановления ВЦИК, СНК и СТО РСФСР не обязательны для независимых республик; либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик, т. е. замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, вудел, земледелия и прочее...». На всякий случай, он разъясняет свою мысль: «Сейчас речь идет о том, как бы не «обидеть» националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо «национальная» стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе. Один из многих примеров: недавно грузинский ЦК, оказывается, решился без ведома Цка РКП разрешить оттоманскому банку (англо-французский капитал) открыть свое отделение в Тифлисе, что несомненно повело бы к финансовому подчинению Закавказья Константинополю (уже теперь в Батуми и Тифлисе турецкая лира вытесняет с рынка

грузинские и русские деньги), причем решительное запрещение со стороны ЦК (...), вызвало, оказывается, бурю возмущения среди грузинских национал-коммунистов...». И еще раз, теперь уже прямее некуда: «За четыре года гражданской войны мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы». Точки расставлены. Все понятно. Все названо своими именами. Со стороны вождя возражений, судя по всему, нет. Молчание, с учетом его характера, — знак согласия.

23 сентября сталинский план «автономизации» — то есть включения Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации непосредственно в РСФСР на правах автономных республик с подчинением республик высшим государственным органам Советской России, — был поставлен на рассмотрение комиссии ЦК РКП(б) под председательством В.М. Молотова и на следующий день, 24 сентября, одобрен единогласно. Воздержался, чего и следовало ожидать, представитель Грузии — Буду Мдивани. На следующий день Сталин, как положено, направляет свой — уже утвержденный — проект, протоколы заседаний и резолюцию комиссии Ленину, после чего, не сомневаясь в положительном ответе, Секретариат рассылает резолюцию комиссии всем членам ЦК в порядке подготовки к Пленуму, назначенному на 5–6 октября. Однако Ленин, как выясняется, все-таки против. Он просто выжидал. 26 сентября, после длинной беседы со Сталиным, он пишет письмо Каменеву, отмечая, пока еще без особой агрессии, даже, пожалуй, благодушно, что «Сталин немного имеет устремление торопиться». Впрочем, добавляет Ильич, «он уже согласился на одну уступку: в резолюции не будет говориться о «вступлении» остальных республик в РСФСР (то есть об их автономизации), а для выражения равноправия с Российской Федерацией пойдет речь об их формальном объединении с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». Иными словами, продолжает Владимир Ильич, «очень важно не давать пищи «независимцам», не уничтожать их независимости, а, наоборот, создать новый этаж, федерацию равноправных республик». Если вдуматься, косой на камень сталкиваются два принципиально разных

подхода. Ленин, марксист до мозга костей и гениальный тактик, как никто владеющий искусством угадывать, что необходимо делать в конкретной ситуации, в смысле стратегии все же догматик, абсолютизирующий классовый принцип. Все прочее для него лишние, второстепенные детали. Он еще не написал знаменитую статью «Об «автономизации»», но уже стоит на том, в чем свято убежден. По его мнению, надо «отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой». И не просто отличать, а исходить как из аксиомы из того, что «всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия и оскорблений». Из этого прямо следует вывод: для достижения конечной цели – подлинной пролетарской солидарности – необходимо добиться максимального доверия со стороны «инородцев», «возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцам то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесла им правящая великодержавная нация». Чего можно достигнуть лишь хорошим – вплоть до самоуничтожения и заискивания – отношением, компенсирующим недоверие и обиды, которые им были (реально или по их мнению) нанесены. Точка.

Все очень хорошо и очень, очень красиво. Вот только оперируя понятиями уровня «классы» и «массы», Ильич совершенно упускает из виду тот факт, что и массы, и классы состоят не из марионеток, а из нормальных, обычных людей, имеющих, помимо железной убежденности в правоте классиков марксизма, еще и свои личные вкусы, интересы и пристрастия, зачастую въевшиеся с детства. Иное дело Иосиф Виссарионович. Он тоже марксист до мозга костей, но знает жизнь не только по газетам и редким выступлениям перед ревущими толпами. Он терся в самых ее глубинах, и ему понятно, что значат даже для самого идейного борца соображения типа «я боролся и я заслужил», «свои все-таки свои, а чужие все-таки чужие», а главное, «хорошему нет пределов» и «пусть на деревне, но первым парнем». В любом случае бросается в глаза, что умирающий вождь упрямо и азартно отстаивает некие отвлеченные идеи, а «чудесный грузин» столь же упрямо, но без всякого азарта из раза в раз возвращается к скучным темам «интересов хозяйственных связей» и «опасности

национальных раздоров». Кто был прав, а кто нет, предстояло рассудить времени. Но пока что авторитеты Ленина и Сталина были несопоставимы, что признавал и сам генсек. Он мог высказать свое мнение, не более того. Последнее слово при всех раскладах оставалось за вождем.

Глава XXXII. Последний аккорд

Коса на камень

Отдадим должное Каменеву: ленинские мысли Лев Борисович умел понимать хоть с полуслова, хоть с полувздоха. Оформлять тоже. Получив письмо, он через несколько часов высылает Ильичу ответ с с приложенной схемой «Развернутая форма Союза Советских Республик». В текст, вопреки нравящейся ему самому идее Сталина о создании по сути дела социалистического унитарного государства, предлагается ввести и пункт «о праве одностороннего выхода из Союза». О чем у Ленина речи нет, но что ему не может не прийти по душе. Сталин же 27 сентября честно рассылает письмо вождя вместе с собственным письмом коллегам. Он явно обижен упреком в «торопливости». Обижен настолько, что позволяет себе тень эмоций: «товарищ Ленин сам немного поторопился», пишет он, предлагая слияние некоторых существующих наркоматов с общесоюзными комиссариатами: «Едва ли можно сомневаться в том, что эта «торопливость» «даст пищу независимцам» в ущерб национальному либерализму товарища Ленина». Тем не менее он «солдат партии». В уступку Ленину письмо крепко переработано. Уважение Кобы к вождю слишком велико. Однако трудно избавиться от мысли, что генсек очень сильно, на уровне абсолюта уверен в своей правоте.

На заседании 28 сентября, по ходу обсуждения изменений в резолюции на Политбюро, он продолжает настаивать на ненужности, даже пагубности наличия в будущем двух ВЦИКов, российского и союзного. Даже получив от Каменева предупреждение («Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок. Звонила Мария Ильинична»), Сталин сперва не уступает («Нужна, по моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействуют на грузинских коммунистов, а последние на Ильича — при чем тут «независимость»?»). И лишь после повторного увещевания многомудрого Льва Борисовича («Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться») соглашается, явно ломая себя через колено: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению». Короче говоря, я знаю, как лучше, я в этом уверен, но

умываю руки. 6 октября Пленум ЦК РКП(б), как и следовало ожидать, заслушав доклад Сталина, принимает проект с поправками Ильича, дав «добро» на создание Союза, каждая республика которого будет иметь право на выход, – чего не было в сталинском проекте. С точки зрения Тифлиса, это была победа, открывавшая изумительные перспективы.

«Сначала (без Ленина), – ликовал Мдивани, – нас били подержимордовски, высмеивая нас, а затем, когда вмешался Ленин после нашего с ним свидания и подробной информации, дело повернулось в сторону коммунистического разума... Принят добровольный союз на началах равноправия, и в результате всего этого удушающая атмосфера против нас рассеялась...» Короче говоря, как скажет позже еще не родившийся Эдуард Амвросиевич, «Солнце Грузии восходит на севере». Но аппетит приходит во время еды. Добившись многого, тифлисские большевики хотели еще больших уступок. Для чего необходимо было еще глубже вбить клин между Лениным и Сталиным. И кое-чего, играя на больной для Ильича теме, они достигли. По крайней мере, судя по жесткой записке вождя: «Т.Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами». Это уже сплошная асса. Воодушевленные кавказские товарищи, вернувшись домой 20 октября, вновь потребовали «непосредственного вступления Грузии в состав СССР». То есть, просто плюнули на уже имеющееся решение октябрьского пленума. А получив в ответ крайне жесткую и вполне понятную отповедь Серго («Верхушка ЦК КП(б) Грузии является шовинистической гнилью, которую надо немедленно отбросить»), сразу же, ночью, по прямому проводу диктуют для передачи Ленину (но «только через Бухарина или Каменева, ни в коем случае не через Сталина») резкую жалобу на «зарвавшегося сатрапа». Единственное, не учтенное жалобщиками обстоятельство: Коба не менее византиец, нежели они. Реагирует наркомнац мгновенно. «Мы намерены покончить со склокой в Грузии и основательно наказать Грузинский ЦК, – телеграфирует он Серго 22 октября, узнав от играющего на все стороны Каменева о тифлисской «телеге». – Сообщи, кого мы должны еще перебросить из Грузии, кроме отозванных четырех. По моему мнению, надо взять решительную линию, изгнав из ЦК все и всякие

пережитки национализма. Получил ли телеграмму Ленина, он взбешен и крайне недоволен грузинскими националами». Тут, конечно, Сталин лукавит, но в Тифлисе об этом не знают, а для Орджоникидзе такая информация, как крылья.

Он злой, он дерется!

Вот только цена вопроса была весьма высока. Теперь, когда «удушающая атмосфера рассеялась», можно, наконец, заняться главным, тем, без чего и власть не власть. Команда Мдивани уже не просто нарушает монополию внешней торговли, затеявая всякие сомнительные сделки. Этого им уже мало. Благо, Камо уже нет на свете. Без консультаций с центром Тифлис сдает в аренду «Standart Oil» нефтяные терминалы Батума. А это уже совсем чересчур. «Резервуары в Батуми, – тотчас напоминает негоциантам Сталин, – являются собственностью всей федерации, и никакие коммунхозы не имеют права сдавать их в аренду, да еще таким врагам нашей нефтяной промышленности, как «Стандарт-Ойл». И это чистая правда. А потому необходимо немедленно идти в контратаку, и чем жестче, тем лучше. На очередном заседании, где, естественно, вновь обсуждалось, быть ли Грузии в Федерации или не быть, один из них, некто Кобахидзе, публично обвиняет Серго в коррупции (тот принял от каких-то аксакалов коня), намекает на «взаимные одолжения» и добавляет пару крепких слов. Поскольку нрав Орджоникидзе товарищи из Тифлиса хорошо знали, можно предположить, что его провоцировали на скандал. Получилось даже с перебором. Серго дал хаму в челюсть. Пообещав «всех шовинистов разогнать и заменить молодежью». Видимо, очень довольный, ЦК КП Грузии тут же почти в полном составе подал в отставку и направил в ЦК РКП(б) жалобу на Орджоникидзе. Причем, кроме понятного обвинения в «держимордовстве», почему-то цитировали Орджоникидзе, вслед за Сталиным пообещавшего «каленным железом выжигать остатки национализма». Как по мне, так позиция, естественная, скажем, для меньшевиков, но весьма странная для людей, много лет состоящих в рядах принципиально интернационалистической партии.

В конце ноября Политбюро приняло решение направить в Грузию комиссию во главе с Дзержинским. 12 декабря глава ВЧК представил Ленину доклад, согласно которому линия Закбюро и лично Серго «отвечала директивам ЦК РКП и была вполне правильной». Что Железный Феликс ни лгать, ни выгораживать кого-либо органически

не способен, знали все. Но Ильич был человек специфический. Все, что не соответствовало его видению, и в лучшие-то годы трактовалось как «пристрастное и одностороннее», а тут еще и болезнь брала свое. Возмущенный тем, что комиссия «не поняла той политической несправедливости, которая была допущена в этом деле по отношению к грузинским коммунистам и большинству ЦК КП Грузии», он начинает чувствовать себя плохо. Это в значительной степени демонстрация, рассчитанная на товарищей, которым должно стать стыдно. Помимо столь безошибочного тактического шага, вождь пишет свою знаменитую статью, буквально распиная Серго за рукоприкладство. «Орджоникидзе, – писал Ленин, – не имел права на ту раздражимость, на которую он и Дзержинский ссылались. Орджоникидзе, напротив, обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин, а тем более обвиняемый в «политическом» преступлении». Далее шло пояснение на предмет того, что «озлобление против пресловутого «социал-шовинизма»» ничего не оправдывает и требование «примерно наказать Орджоникидзе». Плюс, разумеется, «доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского, а политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию» сделать Сталина и Дзержинского. Иными словами, Ильича мало интересовало, кто прав, а кто виноват. Он, как всегда, не допускал и мысли, что может ошибаться.

Суд Божий

Политбюро, однако, соглашается с выводами Дзержинского. В конце концов, он был в Тифлисе не один. Мануильский и Мацкявичус-Капсускас – люди тоже крайне уважаемые, тем паче никак со Сталиным не связанные. В низовые организации уходит соответствующее письмо. Узнав об этом, Ленин, как всегда, когда ему не уступали, впадает в боевой амок. Теперь, кроме теоретических рассуждений, защитить право «уклонистов» на развал страны для него становится делом принципа. 14 февраля 1923 года вождь, уже не особо выбирая слова, диктует Фотиевой: «...Намекнуть Сольцу, что он на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне. 3 момента: 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким. Знал ли Сталин? Почему не реагировал?». То есть на Сольца, «совесть партии», собираются попросту давить. В этом же ключе выдержано письмо Мдивани от 5 марта: «Дорогие товарищи, всей душой слежу за Вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записку и речь», копию которой – формально в плане *«Почитай, что ли...»*, а фактически как руководство к действию получает Каменев, отправляющийся в Тифлис для окончательного арбитража. Сообщая об этом Зиновьеву, умница Лев Борисович добавляет, что намерен сделать все, чтобы «добиться прочного мира», но, по его мнению, «это уже не удовлетворит Старика, который, видимо, хочет не только мира на Кавказе, но и определенных организационных выводов наверху». Судя по всему, подразумевается устранение Сталина с поста генсека на предстоящем съезде партии. На всякий случай, накануне отъезда Каменев делится своими прогнозами со Сталиным, а затем – совсем уж на всякий случай – и с Троцким. Тот вполне согласен. У него (правда, Каменеву он об этом не говорит) уже тоже лежит записка Ильича, датированная тем же 5 марта, – вождь «очень просит» Троцкого «взять на себя защиту грузинского дела на съезде партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского. Я не могу положиться на их беспристрастие.

Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным».

Короче говоря, обстановка накаляется. О возможной отставке Сталина с поста генсека в Политбюро говорят уже почти вслух. Однако природа берет свое. Ильичу стало хуже. Потом грянул второй инсульт, о чем ленинский эмиссар узнает уже в пути, почти под Тифлисом. После чего, разумеется, выходит из вагона уже сталинским эмиссаром, убежденным противником всякого «социал-шовинизма». Мдивани и прочие проигрывают дискуссию по всем статьям. Теперь их надежда только на Троцкого. Но осторожничает и Троцкий. Опасаясь конкуренции Зиновьева и Каменева больше, чем «серого» Кобы, он не спешит буром переть в защиту «грузинского дела». Наоборот, стремясь, по его словам, «не поднимать на съезде борьбу ради каких-либо организационных перестроек» и «сохранить status quo», отказывается от основного доклада и ограничивается поправками к тезисам Сталина, сводящимися к тому, что, мол, все они там хороши. Сталин же принимает единственное, в сложившейся ситуации идеально точное решение – рассказать съезду все, как есть. Или, во всяком случае, почти все. «Конечно, антирусский национализм, – говорит он, – есть оборонительная форма, некоторая уродливая форма обороны против национализма великорусского... Если бы этот национализм был только оборонительный... Но беда в том, что в некоторых республиках этот оборонительный национализм превращается в наступательный. Возьмем Грузию. Там имеется более 30 % негрузинского населения. Среди них: армяне, абхазцы, аджарцы, осетины, татары. Во главе стоят грузины. Среди части грузин... родилась и развивается идея – не очень считаться с этими мелкими национальностями: они менее культурны, менее, мол, развиты, а посему можно и не считаться с ними. Это есть шовинизм – шовинизм вредный и опасный, ибо он может превратить маленькую Грузинскую республику в арену склоки. Впрочем, он уже превратил ее в арену склоки. Я думаю, что у некоторых товарищей, работающих на некотором куске... территории, называемом Грузией, там, в верхнем этаже, по-видимому, не все в порядке». Он говорит правду, практически ничего не смягчая. И правда спасает ситуацию. Зал не Горки. В зале сидят здоровые люди. К тому же не эгоцентрики. А доводы генсека убийственно логичны. В итоге, согласно итогам

голосования, оглашение ленинских записок по национальному вопросу происходит в узких рамках отдельных делегаций, «для сведения», что не влияет на общие решения съезда.

Лекарство от бешенства

«Уклонисты» еще пытались сопротивляться. 20 февраля 1923 года они направили в ЦК заявление, требуя «с учетом специфики Грузии» дать возможность «реализовать себя в легальной деятельности» меньшевикам. Не уверен, но, кажется, даже и национал-демократам. Ничего страшного в этом как бы и не было. Но нарушение устава партии имелось безусловно. Трудно понять, отчего Мдивани, Окуджаву, Кавтарадзе и других так понесло. Возможно, они надеялись привлечь симпатии «широких масс», по их мнению, – вернее, по утверждению «бомонда», мнение которого они уже считали своим, – симпатизировавших меньшевикам. Но, пытаясь добиться отстранения существующего в Грузии «режима» и возвращения к рулю, они шаг за шагом сами выводили себя из рядов партии. А тем самым и из политики. И, понятно, допрыгались. Нет, наказывать их не стали, Коба для этого был пока еще слишком сентиментален и крови не хотел. Их просто удалили с Кавказа, устроив на высокие посты в других регионах. И никаких проблем не возникло. «Бомонд», с которым «уклонисты» так пытались ладить, даже не подумал возвышать голос, напротив, злорадно шушукался. «Неформальные» меньшевики, убедившись, что покровители окончательно вылетели в кювет, перестали фрондировать и 25–30 августа провели в Тифлисе «съезд побежденных». Делегаты, представлявшие 11 235 членов партии (абсолютное ее большинство), объявили о признании платформы III Интернационала и ликвидации СДП(м)Г. «Сопоставив поведение меньшевистского правительства в Грузии, – говорилось в заявлении, – с поведением сменившего его Советского правительства, мы убедились, что первое загоняло пролетариат под ярмо буржуазии, а второе выводит его на широкую дорогу к социализму. Поэтому, и только поэтому, мы решили покинуть ряды меньшевистской партии». В октябре по примеру старших товарищей самораспустились «молодые марксисты» (нечто вроде комсомола при меньшевиках), немного раньше то же самое сделали и национал-демократы, идейные наследники Ильи Чавчавадзе. Естественно, большинство «прозревших» немедленно подало заявления о вступлении в ряды

КП(б)Г и, столь же естественно, почти все желающие были приняты, получив доступ к госслужбе и карьере. Большевикам нужны были деятельные, образованные кадры из числа местного населения. Кто-то, реально что-то потерявший, конечно, остался и в подполье, а через год устроил опереточное «восстание», но таких оказалось очень, очень мало, а поддержали их на всю Грузию менее тысячи душ.

Смертельно обиженные уже решительно на все и на всех, павшие вожди, а ныне просто партийные начальники среднего уровня, в полном составе ушли к Троцкому, став едва ли не самым верным из, как он говорил, «боевых отрядов революции». Ни о какой идейной близости речи не шло: «уклонисты» были в этом смысле как раз противниками Льва Давидовича, скорее уж более близкими к Бухарину, даже еще правее. Но идеология, похоже, уже никого не волновала. Троцкий боролся со Сталиным, в случае победы реставрация Мдивани и его команды в Тифлисе стала бы реальностью, а потому глупостями типа нюансов трактовки марксизма никто себе голову не морочил. Вместе с Троцким и проиграли. После чего, как водится, пошли на поклон к Кобе. Который мстить опять не стал. Хотя, разумеется, не отказал себе в удовольствии вывалить бедолаг в дегте на потеху всей партии. «Никаких разногласий по национальному вопросу с партией или с Лениным у меня никогда не было, – заявил он. – Тов. Ленин упрекал меня в том, что я веду слишком строгую организационную политику в отношении грузинских полунационалистов, полукommunistов типа Мдивани, что я «преследую» их. Однако дальнейшее показало, что так называемые «уклонисты», лица типа Мдивани, заслуживали куда более строгого отношения к себе, чем это я делал. Последующие события показали, что «уклонисты» являются разлагающейся фракцией самого откровенного оппортунизма... Ленин не знал и не мог знать этих фактов, так как болел, лежал в постели и не имел возможности следить за событиями». Однако, попинав, простил и опять трудоустроил. «В 1929-м, после окончательного разгрома «левых», – писал уже в 1937-м, похоже, с толикой злорадной обиды Лев Давидович, – Буду Мдивани, в числе других сломленных и усталых стариков, отошел от оппозиции... От оппозиции отошел и Окуджава.

Им удалось включиться в сталинский аппарат. Они скоро снова заняли ответственные посты. Мдивани, например, вплоть до ареста

был наркомом и зампредсовнаркома Грузии. Его портреты появлялись не только в тифлиссских, но и московских газетах. Забыв о своих прошлых оппозиционных «грехах», они старались не думать и о грехах Сталина. Но, приспособившись к сталинщине, старые соратники вероятно, жаловались друг другу, высказывали недовольство, поругивали режим. Возможно даже, обдумывали, как вернуться к власти». Бывший Лев Революции, обитающий то ли еще в Норвегии, то ли уже в Мексике, как видим, серьезно возмущен. Уж при нем-то, следует читать, такого бы не произошло. Ни за что.

Впрочем, справедливости ради, отметим: те, кто не «жаловался», не «поругивал» и вообще не интриговал или хотя бы интриговал в меру, дожили свои дни в покое, довольстве и почете. Трудясь на ответственных постах. А затем – как Филипп Махарадзе и Серго Кавтарадзе, – получив статус почетных пенсионеров всесоюзного значения. Что же касается памятливого Иосифа Виссарионовича, то он, надо полагать, сделал из этой истории определенные выводы.